

590

ДАВИД
РИКАРДО

ПАМФЛЕТЫ

37/116/405

московский рабочий

37416/15

33
Р50

**ДАВИД
РИКАРДО**

ПОЗВАННО

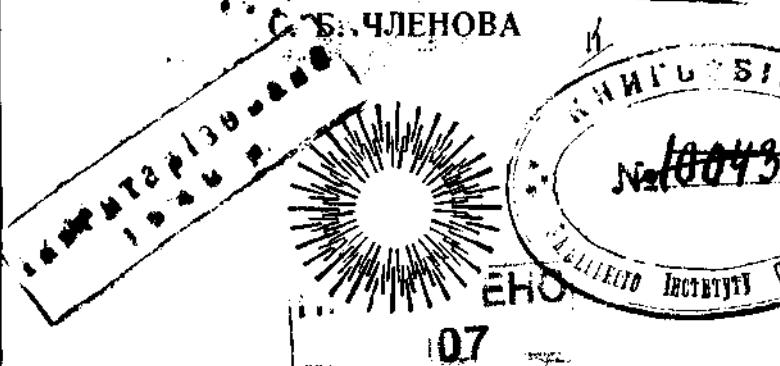
3—1 1969 год

**ЭКОНОМИЧЕСКИЕ
ПАМФЛЕТЫ**

ПЕРЕВОД С АНГЛИЙСКОГО
ПОД РЕДАКЦИЕЮ
И С ПРЕДИСЛОВИЕМ
С. В. ЧЛЕНОВА

ПЕРЕВОД
С. В. ЧЛЕНОВА

**МОСКОВСКИЙ
РАЗОЧАЙ**

107

СИАКО

ДАВИД
РИКАРДО

О Г Л А В Л Е Н И Е

	<i>Стр.</i>
Предисловие редактора	7
Опыт о влиянии низких хлебных цен на прибыль с капитала	
Введение	15
Опыт о влиянии	17

О покровительстве земледелию

Введение	47
Гл. I. О достаточной цене	49
Гл. II. О влиянии повышения заработной платы на цену хлеба .	51
Гл. III. О влиянии обложения, падающего на какой-нибудь отдельный товар	55
Гл. IV. О влиянии обильного урожая на цену хлеба	57
Гл. V. Билль Пия о восстановлении прежней денежной единицы и его влияние на цену хлеба	59
Гл. VI. О влиянии низкой ценности хлеба на норму прибыли .	69
Гл. VII. При системе покровительственных пошлии, установленных с целью создания монополии на внутреннем рынке для отечественного производителя хлеба, цены на него не могут не колебаться	74
Гл. VIII. О проекте денежной ссуды хлеботорговцам из низкого процента	84
Гл. IX. Можно ли нынешнее бедственное состояние земледелия привлечь системе обложения	86
Заключение	90
Приложение	94

Высокая цена слитков есть доказательство обесценения банкнот

Высокая цена слитков	103
Приложение	138

Ответ на практические замечания мистера Бозанкета по поводу доклада Комитета о слитках

Гл. I. Предварительные замечания. Сущность возражений Бозанкета против заключения Комитета о слитках	163
Гл. II. Рассмотрение данных, приведенных Бозанкетом и взятых им из истории состояния вексельных курсов	165
Гл. III. Рассмотрение выдвинутых Бозанкетом данных, соответствующих опровергнуть заключение Комитета о том, что возрастание рыночной цены золота в слитках выше монетной цены доказывает обесценение обращающихся денег	184

14-я

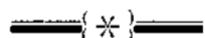
Типография «Мосполиграф»
Москва, Варгунихина гора, 8
Мосгублит 15.112 Тираж 3000

1 9 2 8 г.

Гл. IV. Рассмотрение возражений Бозанкета на утверждение Комитета о слитках о том, что платежный баланс Великобритании был положительным	198
Гл. V. Рассмотрение доводов Бозанкета в доказательство того, что английский банк не имеет возможности принудительно вводить банкноты в обращение	205
Гл. VI. Замечания о руководящих началах для взимания платы за чеканку	211
Гл. VII. Рассмотрение возражений Бозанкета против утверждения, что эмиссия английского банка регулирует эмиссию провинциальных банков	215
Гл. VIII. Разбор утверждения Бозанкета, что единственной причиной роста цен были неурожай и высокие налоги, а не излишек денег	222
Гл. IX. Оценка утверждения Бозанкета, что возобновление платежей звонкой monetой вызывает дурные последствия	228
Приложение	230

Предложения по вопросу об экономном и устойчивом денежном обращении

Введение	241
Гл. I. Вопрос об устойчивости орудия обращения есть в то же время и вопрос об его доброкачественности	245
Гл. II. Употребление какого-либо товара в качестве мерила ценности; рассмотрение выдвигаемых против этого возражений .	248
Гл. III. Денежная единица. Ее недостатки	252
Гл. IV. Способ возможно более усовершенствовать английское денежное обращение	254
Гл. V. Обычай, вызывающий массу неудобств для торговли, и средства к его устраниению	261
Гл. VI. Меры против чрезмерной оплаты государством услуг английского банка	263
Гл. VII. Прибыль и накопление банка. Их ненадлежащее использование и меры против этого	278
Приложения	293

ПРЕДИСЛОВИЕ

Экономические памфлеты или—дословно—«опыты» Давида Рикардо, русский перевод которых мы предлагаем ныне читателю, принадлежат к числу замечательнейших произведений мировой экономической литературы.

Интерес, который они представляют, выходит далеко за пределы той почтительной любознательности, которую проявляют специалисты к полузабытым шедеврам великих мастеров прошлого.

«Классики—это те, которых все уважают, но никто не читает», сказал как-то Ницше. Английские классики политической экономии, среди которых Рикардо является едва ли не самым выдающимся, в наше время испытывают на себе правильность определения Ницше. Увы, медленно, но неуклонно даже Маркс становится «классиком».

Но значение учения Рикардо вообще, и идей, которые он свою судьбу».

Влияние творений Маркса в нашу эпоху не измеряется и не ограничивается количеством, людей, которые прочли «Капитал».

«Памфлеты» Рикардо, хотя их и мало читают, были и остаются одним из величайших произведений экономической мысли.

Дополняя «Начала политической экономии», «Памфлеты» являются, как и «Начала», шедевром экономического анализа. Это поистине—классическое (без кавычек) произведение, по которому еще долго будут учиться искусству вскрывать основные закономерности, управляющие пестрым многообразием экономической действительности.

Но значение учения Рикардо, вообще и идей, которые он с такой силой и неумолимой логикой развивает в «Памфлетах», в частности, выходит далеко за пределы теории политической экономии.

«Памфлеты» посвящены, главным образом, двум циклам экономических проблем, имевшим во времена Рикардо и снова имеющим в наше время громадное практическое значение: это проблемы денежного обращения и проблемы проекционизма и свободной торговли.

Нельзя расценить достаточно высоко влияние взглядов и построений Рикардо, содержащихся в трех памфлетах о деньгах и банкнотах, и на развитие теории денежного обращения и на практическую организацию денежных систем.

К. Маркс уже в «Критике некоторых положений политической экономии» (гл. II) выяснил значение учения Рикардо о деньгах, как шага в сторону создания научной теории денег, опирающейся на теорию трудовой ценности.

Несмотря на прорывающуюся местами у Рикардо тенденцию смешивать законы, регулирующие ценность полноценных металлических денег, с одной стороны, и неразменных бумажных денег, с другой, Рикардо в общем отлично понимал природу тех и других и управляющие денежным обращением законы.

Отдельные места из «Памфлетов» в частности—знаменитая аналогия между открытием нового рудника благородных металлов и образованием эмиссионного банка, позволяют причислить Рикардо к сторонникам так называемой количественной теории денег.

Это вряд ли целиком справедливо. Рикардо отлично понимал и неустанно повторял в своих «Памфлетах», что если ценность бумажных денег зависит от их количества, то, вместе с тем, она определяется количеством металлических денег, необходимым для обращения. А количество металлических денег, необходимое для обращения, зависит от трех элементов, в числе коих фигурирует на первом месте их ценность. Формула Маркса о металлических деньгах—«не ценность денег зависит от их количества, а их количество от их ценности»—почти дословно содержится в памфлете Рикардо против Бозанкета и в «Началах политической экономии» (см. Комментарий Диля, т. II, гл. 5).

Историк экономической мысли должен будет с грустью отметить, какой шаг назад в области теории денег сделали некоторые современные эпигоны марксизма не только в сравнении с Марксом, но и в сравнении с Рикардо.

Известно, например, что Рудольф Гильфердинг в своем «Финансовом капитале» предпринял попытку исправить марксову теорию денег.

Уже Каутский вскрыл в свое время теоретическую несостоятельность построений Гильфердинга в этом вопросе.

Мы хотели бы только отметить, что учение Рикардо о ценности денег стоит теоретически гораздо выше, чем тот довольно примитивный вариант количественной теории денег, который Гильфердинг выдает за усовершенствованную теорию Маркса.

В частности, Рикардо были отлично известны случаи, когда при закрытой чеканке монета стоит дороже, чем содержащийся в ней благородный металл плюс расходы по че-

канке. Рикардо дал этим случаям ясное и укладывающееся в общие рамки теории денег об'яснение. Между тем, Гильфердинг, исходя из смелого предположения, что Марксу эти случаи были еще неизвестны, сломал ради их об'яснения всю теорию денег, заменив действительно научные построения Рикардо — Маркса совершенно бессодержательной теорией «минимума обращения».

Это один из примеров того, что изучение Рикардо в наше время может быть полезно и не только студентам.

Профессор Карл Дильт, один из лучших знатоков Рикардо, в своей книге «Золото и валюта» проследил громадное влияние идей Рикардо на современное учение о деньгах:

Мы отсылаем читателей к этой в высшей степени интересной книге Диля.

Дилю удалось показать, что громадная литература о деньгах, появившаяся в Германии в период послевоенной инфляции, почти целиком вертится в кругу проблем, поставленных сто слишком лет назад в полемике между Рикардо и его противниками.

Так называемые металлисты повторяют в наше время аргументы Рикардо, но, увы, менее талантливо, чем их гениальный предшественник.

А так называемые номиналисты (Бендиксен, К. Эльстэр и др.) воспроизводят только в весьма запутанной форме взгляды современников Рикардо, отрицающих самостоятельную ценность денег, признававших за ними только счетное значение и утверждавших, что денег можно выпустить сколько угодно, если только они покрыты коммерческими векселями. Впрочем, прочтите сами у Диля всю эту в высокой степени поучительную историю. Сопоставляя ссылки Диля с текстом «Памфлетов», вы увидите, что уже Рикардо выдвинул решающие аргументы против современных номиналистов и инфляционистов. Что касается влияния «Памфлетов» на организацию денежного обращения в Англии, то этот вопрос был уже очень давно освещен в известной книге Адольфа Вагнера «Денежная и кредитная теория банковых актов Роберта Пиля».

В этой книге Вагнер стремится показать, что акты Роберта Пиля 1819 и 1844 гг. проводили в жизнь так называемую «currency-theorie», а эта последняя прямо основывалась на учении о деньгах, развитом в «Памфлетах» Рикардо и принятом «Комитетом о слитках».

Мы не имеем здесь никакой возможности вдаваться в существо этих вопросов. Считаем, однако, своим долгом отметить, что простое сопоставление текста «Памфлетов» с их критическим изложением у А. Вагнера приводит к следующему заключению, которое можно обосновать десятками выдержек из обоих произведений:

Вагнер, правда, признавал, что ряд утверждений *currency-theorie* не вытекает из теории Рикардо и является результатом неправильного понимания учения Рикардо, но и сам Вагнер непозволительно упрощает и явно вульгаризирует учение Рикардо, облегчая, тем самым, свою задачу его критического сокрушения!.

Так, например, А. Вагнер утверждает, что Рикардо всегда об'яснял повышение цен инфляцией, игнорируя все факторы, лежащие на стороне товаров.

Это совершенно неверно, и Рикардо несколько раз говорит прямо противоположное.

Или, например, Вагнер обвиняет Рикардо в том, что Рикардо, якобы, игнорирует значение быстроты оборотов денег, «как фактора, замещающего их количество».

Между тем, Рикардо несколько раз возвращается в «Памфлетах» к этому моменту и с исчерпывающей ясностью выясняет его теоретическое и практическое значение.

Наше глубокое уважение к научным заслугам Адольфа Вагнера не может помешать нам отметить, что его критика учения Рикардо о деньгах мало убедительна и свидетельствует о том, что когда Вагнер писал свою книгу об актах Роберта Пиля, он судил о трудах Рикардо достаточно поверхностно и достаточно несправедливо.

Гораздо более об'ективно и убедительно эти проблемы освещены в «Комментарии» Диля (т. II, гл. 5).

Тем не менее, совершенно бесспорно, что идеи Рикардо восторжествовали сначала в Комитете о слитках, а потом в законодательстве Пиля и Оверстона, и это есть один из нагляднейших примеров влияния экономической теории на экономическую практику.

Система Пиля в общем, простояла до мировой войны, являясь основой денежного обращения в Англии, влияя на денежные системы других стран, оказывая воздействие на мировой денежный рынок, сердцем которого до войны был Лондон и его Английский банк.

После войны наступил период инфляции и валютного хаоса на европейском континенте.

Англия, вернувшись ценой больших усилий к банкнотам с золотым паритетом, однако, не восстановила их размена на звонкую монету. Она ввела у себя ту систему, которую Рикардо предлагал сто лет назад в памфлете «об экономном и устойчивом денежном обращении». Есть отличия в деталях, но торжество принципов Рикардо—несомненно. Германская золотая марка тоже является банкнотой с золотым паритетом и золотым покрытием, но без размена на золотую монету. Правда, в принципе этот обмен обязательен и считается только временно приостановленным (см. об этом в книге д-ра Шахта «Стабилизация марки», стр. 133, 137).

Памфлеты Рикардо о земледелии и пошлинах на хлеб тесно связаны с его учениями о ренте, прибыли, заработной плате и налогах.

Мы совершенно не имеем возможности даже коснуться всего этого цикла сложнейших проблем политической экономии.

Несомненно одно: Рикардо выковал то теоретическое оружие, с которым ринулась в бой и одержала победу знаменитая «Лига борьбы против хлебных законов». И не только английская денежная система, но и отмена хлебных пошлин и переход Англии к системе свободной торговли в значительной степени—торжество идей Рикардо (см. об учении Рикардо о свободе торговли «Комментарий» К. Диля, гл. 6, II тома), и не следует думать, что в нашу эпоху империализма, таможенных барьеров и таможенных войн, словом, торжества жесточайшего протекционизма, фритредерские идеи Рикардо навсегда отошли в область прошлого.

Нет, именно, после мировой войны, показавшей безысходность того тутика, в который попал империалистический капитализм, теории торговой и промышленной свободы опять начинают пользоваться успехом:

Например, официозный экономист Лиги Наций, проф. Густав Кассель, в своих работах, начиная с известного меморандума о мировой денежной проблеме и кончая докладом против монополий на Женевской экономической конференции 1927 года, неустанно проповедует фритредерские идеи.

Правда, экономический либерализм проф. Касселя гораздо больше похож на учения тех экономистов, которых Маркс назвал «вульгарными фритредерами», чем на классическое фритредерство Рикардо.

Рикардо никогда не согласился бы с той беззастенчивой защитой интересов капитала за счет рабочего класса, которой посвящен, главным образом, последний доклад профессора Касселя в Женеве.

Удивляться этому не приходится. Маркс и в предисловии к I тому «Капитала» и в замечательном отрывке о классической и вульгарной политической экономии во II томе «Теории прибавочной ценности» показал неизбежность регрессивной эволюции либеральной полит. экономии от Смита и Рикардо к Бастиа... и Касселю.

В заключение несколько слов о русском переводе «Памфлетов».

Он выполнен под нашей общей редакцией тт. Губерманом, Павловым, Солнцевым и Сухотиным.

Перевод сделан с последнего английского издания профессора Гоннера.

В свою очередь, текст Гоннера воспроизводит дословно издания, вышедшие еще при жизни Рикардо, годы которых

указаны в заголовках соответствующих памфлетов. Хронология первых изданий памфлетов, вошедших в настоящую книгу, такова:

1. Высокая цена слитков	1809 г.
2. Ответ Бозанкету	1811 г.
3. Опыт о влиянии низких хлебных цен	1815 г.
4. Предложения об экономном и устойчивом денежном обращении	1816 г.
5. О покровительстве земледелию	1822 г.

Памфлеты эти уже были изданы на русском языке Н. И. Зибером (в 1882 году в издании Пантелеева). Это издание давно исчезло с книжного рынка. В частности, нам, к сожалению, не удалось достать его в Париже и воспользоваться им при редактировании настоящего перевода.

После перевода Зибера, насколько нам известно, по-русски появился только «Опыт о влиянии низких хлебных цен» (В сборнике «Трактаты Мальтуса и Рикардо о ренте» под редакц. профес. Миклашевского, 1908 г.).

Редактор заранее просит критику и читателей отнестись снисходительно к дефектам настоящего перевода.

И у переводчиков и у редактора было большое желание перевести Рикардо возможно лучше.

С другой стороны, издательству «Московский рабочий» хотелось иметь перевод поскорее и выпустить книгу, по возможности, быстро. И его желание нельзя не признать законным.

Часто приходится стоять перед дилеммой: или давать публике классиков научной мысли только в идеально точных и тщательнейшим образом проредактированных академических переводах, заставляя читателя годами ждать этих переводов, или давать переводы не столь высокого качества, но зато в сроки, более соответствующие быстроте темпа нашей советской жизни.

Мы выбрали последнее, считая, что из положения, при котором советский читатель, и в частности наша учащаяся молодежь, лишиены возможности читать Рикардо, нужно было найти выход.

С. Членов, Париж, 14 апреля 1928 г.

— { * } —

**ОПЫТ О ВЛИЯНИИ
НИЗКИХ ХЛЕБНЫХ ЦЕН
НА ПРИБЫЛЬ С КАПИТАЛА,
ДОКАЗЫВАЮЩИЙ НЕДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ
ОГРАНИЧЕНИЙ ВВОЗА**

ПЕРЕВОД СО ВТОРОГО ИЗДАНИЯ

1 8 1 5 г.

В В Е Д Е Н И Е

При рассмотрении вопроса о прибыли с капитала необходимо иметь в виду те экономические законы, которые регулируют повышение и понижение ренты, так как рента и прибыль, как это ясно будет из дальнейшего, теснейшим образом между собою связаны. Законы, регулирующие ренту, вкратце изложены на следующих страницах, отличаясь лишь в самой слабой степени от тех, которые столь обстоятельно и искусно развиты были г. Мальтусом в его последнем блестящем сочинении, которому я весьма многим обязан. Исследование как этих законов, так и тех, которые регулируют прибыль с капитала, убедило меня в необходимости не стеснять ввоза хлеба никакими законодательными ограничениями. Я уверен, что, с той общей точки зрения, которую во всех своих сочинениях развивает сам г. Мальтус, и он придерживается одинакового со мною взгляда, поскольку дело идет о прибыли и богатстве; но считая весьма опасным оказаться в зависимости от иностранцев в отношении получения значительной части потребных нам продовольственных продуктов, он, в конце концов, приходит к выводу о целесообразности ограничений ввоза. Не разделяя этих его опасений и, быть может, выше чем он расценивая выгоды от дешевых цен на хлеб, я пришел к иному выводу. Я пытаюсь опровергнуть некоторые из возражений, выдвинутых им в его последнем сочинении—«Обоснования взгляда...¹⁾; возвра-

¹⁾ Полное название этого сочинения Мальтуса: «Обоснования взгляда на политику ограничения ввоза иностранного хлеба». Прим. ред.

жения эти кажутся мне не находящимися в связи с тою политическою опасностью, которой страшится г. Мальтус, и несовместимыми с тем общим учением о преимуществах свободной торговли, установлению которого он сам своими сочинениями столь много способствовал.

— { * } —

6
6
6
6

✓ 6· f2
CN

*}

{*}

{*}

ОПЫТ О ВЛИЯНИИ НИЗКИХ ХЛЕБНЫХ ЦЕН НА ПРИБЫЛЬ С КАПИТАЛА

§ 1. Г. Мальтус вполне правильно определяет «земельную ренту, как ту долю ценности всего продукта, которая остается собственнику земли после покрытия всех издержек по обработке земли, какого бы рода они ни были, включая прибыль на затраченный капитал, каковая прибыль вычисляется сообразно обычному среднему, в данное время, уровню прибыли с сельскохозяйственного капитала».

Таким образом, нет места ренте в тех случаях, когда обычная средняя прибыль с сельскохозяйственного капитала и все издержки по обработке земли, взятые вместе, равняются ценности всего продукта.

В тех же случаях, когда ценность всего продукта равна одним только необходимым для обработки издержкам,—не будет ни ренты, ни прибыли.

При первоначальном заселении страны, богатой плодородною землею, когда каждому представляется возможность выбирать себе любой земельный участок, весь продукт, за вычетом издержек на обработку, является прибылью на капитал и принадлежит капиталисту, не оставляя никакого излишка, могущего образовать ренту.

Так, если капитал, затраченный отдельным лицом на такого рода земельный участок, оценивается в 200 квартеров пшеницы, причем половина его состоит из основного капитала—построек, орудий и т. п., а другая половина из оборотного капитала, и если по восстановлении основного и оборотного капитала останется продукт, равный 100 квартерам пшеницы или равноценный 100 квартерам пшеницы,—в таком случае чистая прибыль капиталиста будет равна 50%, иначе говоря, получится 100 единиц прибыли на 200 единиц капитала.

В течение довольно продолжительного периода времени прибыль с сельскохозяйственного капитала может держаться прежнего уровня, благодаря обилию одинаково плодородной и одинаково удобно расположенной земли. Случаю, в силу этого, по мере увеличения капитала первоначальных

и последующих поселенцев, подвергаться обработке на тех же самых выгодных условиях, как и прежде.

Прибыль может даже возрасти: произойдет это в том случае, если более быстрый, по сравнению с увеличением капитала, рост численности населения приведет к снижению заработной платы, благодаря чему ценность необходимого оборотного капитала со 100 квартирек пшеницы опустится до 90, что повысит прибыль на весь затраченный капитал с 50 до 57%.

Прибыль может также возрасти, если произведены будут улучшения в системе земледелия или усовершенствования в сельскохозяйственных орудиях, благодаря чему увеличится количество продукта без увеличения издержек производства.

Если же заработка плата поднимется или же ухудшится применяемая в земледелии система, то прибыль, напротив, понизится.

Таковы условия, действующие более или менее всегда, которые либо задерживают, либо ускоряют наступление естественных последствий возрастания богатства, повышая или понижая прибыль, увеличивая или уменьшая то количество продовольственных продуктов, которое получается от приложения к земле одинакового по своему размеру капитала¹⁾.

Мы, однако, будем исходить из предположения, что никаких усовершенствований в земледелии не происходит, и что капитал и народонаселение возрастают в одинаковой

¹⁾ Г. Мальтус полагает, что излишек продукта, получаемый вследствие понижения заработка платы или вследствие усовершенствований в земледелии, является одной из причин возрастания ренты. Мне же кажется, что в данном случае повышается только прибыль.

«Накопление капитала, при отсутствии возможности приложить его к земле наибольшего естественного плодородия и наиболее удобно расположенной, по необходимости понижает прибыль; с другой стороны, тенденция населения растет более быстро, чем растут средства существования, приводит в конечном счете к понижению уровня заработной платы.

«Издержки производства в силу этого уменьшаются, но ценность продукта,—т.е. количество как труда, так и остальных продуктов труда, кроме хлеба, которое можно за него купить,—вместо того, чтобы уменьшиться, наоборот—увеличивается.

«В результате все большее и большее количество людей нуждается в средствах существования и готово предлагать свои услуги всюду, где в них может встретиться надобность. Это вызывает увеличение меновой ценности продовольственных продуктов, так что она начинает превышать стоимость производства, включая в нее всю прибыль с приложенного к земле капитала, определяемую сообразно существующему в данное время уровню прибыли. Это-то превышение и составляет ренту». («Исследование о природе и возрастании ренты», стр. 18).

На стр. 19, где автор говорит о Польше, одной из причин ренты опять-таки обявляется дешевизна труда. На стр. 22 сказано, что понижение заработной платы и вызванное усовершенствованиями в земледелии сокращение количества рабочих, необходимого для производства данного продукта,—увеличивают ренту.

пропорции и что, таким образом, реальная заработка плата продолжает оставаться одинаковой; благодаря этому мы сумеем выяснить, какое специальное действие оказывают увеличение капитала, рост населения и распространение обработки на более отдаленные и менее плодородные земли.

При том положении общества, при котором прибыль с сельскохозяйственного капитала, согласно нашему предположению, равна 50%, прибыль со всякого другого капитала, вложенного либо в промышленность в той примитивной ее форме, которая существует на данной ступени общественного развития, либо во внешнюю торговлю, дающую возможность в юбмен на сырье получать нужные товары, будет также равняться 50%¹⁾.

Если бы прибыль с капитала, вложенного в торговлю, оказалась выше 50%, капитал из сельского хозяйства стал бы перемещаться в торговлю. Если бы она, наоборот, понизилась, капитал был бы из торговли переброшен в земледелие.

§ 2. После того как вся плодородная земля, находящаяся в непосредственном соседстве с первоначальными поселениями, подвергнута будет обработке, потребуется, при условии возрастания капитала и народонаселения, большее количество продовольственных продуктов, каковое можно будет добыть лишь путем использования земельных участков, менее выгодно расположенных. Если даже мы допустим предположение, что эти новые земельные участки одинаковы по плодородию со старыми участками, все же необходимость употреблять большее количество рабочих, лошадей и проч. на перевозку продуктов с места их произрастания на место их потребления потребует для получения одинакового количества продукта большей постоянной затраты капитала, и это даже в том случае, если заработка плата не претерпит изменений. Предположим, что добавочно затраченный капитал равен по ценности 10 квартерам пшеницы, в таком случае весь вложенный в новый земельный участок капитал, необходимый для получения продукта в том же количестве, как со старого участка, равен будет 210, а сле-

1) Это не значит, что уровень прибыли в сельском хозяйстве и в промышленности обязательно вполне совпадает, а значит лишь то, что между ними должно установиться определенное соотношение. Адам Смит обяснил, почему уровень прибыли колеблется в зависимости от того, в какие отрасли вложен капитал, соответственно степени риска, уважения, связанного с занятием данной профессией, и т. п.

Каково это соотношение, не является существенным для моей аргументации, так как я стремлюсь доказать лишь то, что прибыль с сельскохозяйственного капитала не может существенно измениться, не вызвав аналогичного изменения прибыли с капитала, вложенного в промышленность и в торговлю.

довательно, прибыль с капитала упадет с 50% до 43%, так как получено будет всего лишь 90 единиц прибыли на 210 единиц капитала¹⁾.

На первом подвергшемся обработке участке прибыль будет та же, что и раньше, т.-е. 50%, или 100 квартеров пшеницы; но так как прибыль с капитала, вообще, регулируется прибылью, получаемою от наименее выгодной затраты капитала в сельском хозяйстве,—эти 100 квартеров пшеницы распределяются следующим образом: 43% на капитал, или 86 квартеров, составят прибыль с капитала, а 7%, или 14 квартеров, пойдут на образование ренты. А что такого рода распределение должно произойти, явствует из того соображения, что собственник капитала ценностью в 210 квартеров пшеницы получит ту же самую прибыль, все равно, будет ли он обрабатывать более отдаленный земельный участок, или же уплачивать 14 квартеров первому поселенцу в виде ренты.

При таком положении вещей прибыль на всякий капитал, вложенный в промышленность и торговлю, упадет до 43%.

Если при дальнейшем возрастании народонаселения и богатства потребуется обработка еще одного земельного участка, то для получения с него продукта в том же количестве, как со старых, окажется необходимым затратить,—благодаря ли большей его отдаленности или же худшему качеству земли,—капитал ценностью в 220 квартеров пшеницы; тогда прибыль с капитала упадет до 36%, т.-е. до 80 единиц с 220, рента с первого участка поднимется до 28 квартеров, а на втором подвергшемся обработке земельном участке рента впервые возникнет, достигнув размера в 14 квартеров.

Прибыль со всякого вложенного в промышленность и торговлю капитала упадет, равным образом, до 36%.

Итак, при последовательном переходе к обработке земли худшего качества или же менее выгодно расположенной возрастает рента на землю, перед тем подвергшуюся обработке, и как раз в такой же степени, в какой понижается прибыль; и если бы незначительность прибыли не препятствовала дальнейшему накоплению, едва ли можно бы

1) Прибыль с капитала падает потому, что не хватает одинаковой плодородию земли; дело в том, что в течение всего общественного развития прибыль регулируется трудностью или легкостью добывания продовольственных продуктов. Закону этому, первостепенному по своему значению, почти вовсе не удалено внимания в писаниях экономистов, которые, повидимому, думают, что прибыль с капитала может увеличиваться вследствие причин коммерческого порядка, независимо от условий снабжения продовольственными продуктами.

бывало найти предел возрастанию ренты и понижению прибыли.

Если вместо затраты капитала на новый, отдаленно расположенный земельный участок, будет затрачен добавочный капитал ценностью в 210 квартеров пшеницы на тот участок, который уже раньше был подвергнут обработке, и выручка от подобной затраты также выразится в 43%, иначе говоря—в 90 единицах с 210,—в таком случае выручка от первой затраты капитала, равная 50%, распределится тем же порядком, как и раньше, а именно: 43%, или 86 квартеров, составят прибыль, а 14 квартеров пойдут на образование ренты.

Если же добавочно затрачено будет еще 220 квартеров и с теми же результатами как прежде, то первая затрата капитала принесет 28 квартеров ренты, вторая затрата—14 квартеров, а прибыль со всего затраченного капитала в 630 квартеров будет одна и та же, достигая 36%.

Предположим, что природа человека изменится настолько, что ему потребуется двойное количество продовольственных продуктов по сравнению с необходимым ныне для поддержания его существования, и что вследствие этого значительно возрастут расходы по обработке земли. В таком случае, знания и капитал старого общества, приложенные к свежей и плодородной почве в новой стране, принесут значительно меньшее количество добавочного продукта, вследствие чего прибыль с капитала не сможет высоко подняться. Но накопление, хотя и более медленное, все же будет продолжаться, и рента будет возникать, как и раньше, лишь только в обработку начнут поступать более отдаленные или менее плодородные земли.

Вместе с тем окажется, что естественный предел роста населения наступит гораздо скорее, нежели при прежних условиях, а потому рента никогда не сможет достигнуть той высоты, которой она может достигать в настоящее время: обясняется это тем, что по самой природе вещей та земля самого низкого качества, которая ныне обрабатывается, не сможет тогда поступать в обработку, а равным образом не сможет затрачиваться, с соответствующей прибылью, на обработку лучшей земли то количество капитала, которое затрачивается ныне¹⁾.

1) В вопросах о происхождении и возрастании ренты я здесь ограничиваюсь кратким повторением и разъяснением тех законов, которые столь искусно по этому предмету формулированы были г. Мальтусом в его «Исследовании о природе и возрастании ренты»,—сочинении, богатом оригинальными мыслями, достойными внимания не только по отношению к ренте, но и в связи с вопросом о налогах, быть может, самом трудным и сложным изо всех тех вопросов, которых касается политическая экономия.

Приводимая ниже таблица построена на том предположении, что первый участок земли приносит 100 квартеров прибыли на капитал в 200 квартеров, второй участок 90 квартеров на 210,—в соответствии с вычислениями, сделанными нами выше¹⁾. Из рассмотрения таблицы станет ясным, что по мере развития страны возрастает общий продукт, получаемый с ее почвы, причем на первое время возрастает как та часть продукта, которая составляет прибыль с капитала, так и та, которая идет на образование ренты, но что в дальнейшем каждое новое накопление капитала влечет за собою как абсолютное, так и относительное уменьшение прибыли за счет неизменно возрастающей ренты. Так например, капиталист получает меньший доход при затрате на земли различного качества капитала в 1.350 квартеров, нежели при затрате капитала в 1.100 квартеров.

В первом случае вся прибыль равна будет только 270, а во втором случае—275; когда же затрачено будет 1.610 квартеров, прибыль упадет до 241,5²⁾.

Такова в высшей степени любопытная и, насколько мне известно, еще никем не отмеченная картина последствий накопления.

Из рассмотрения таблицы станет ясным, что в развивающейся стране рента не только абсолютно возрастает, но возрастает и по отношению к вложенному в землю капиталу; так, когда весь затраченный капитал равнялся 410, землевладелец получал 3,5%; когда 1.100—13,25%; когда же 1.880—16,5%. Землевладелец получает не только больше продукта, но и большую долю всего продукта (см. таблицу на стр. 23).

1) Едва ли требуется особо указывать на то, что цифры, приводимые в означенной таблице, взяты произвольно и могут значительно расходиться с действительностью. Они даны лишь для иллюстрации общего принципа, который ничуть не изменится от того, равна ли первоначальная прибыль 50% или 5% и затрачен ли дополнительно капитал в 10 квартеров или в 100 квартеров для получения того же продукта с нового, поступившего в обработку участка. Чем в большей степени вложенный в землю капитал будет состоять из основного капитала и чем в меньшей степени из оборотного, тем медленнее будет возрастать рента и понижаться прибыль (в подлиннике *proper*, т.-е. собственность).

2) Таково было бы последствие постоянного накопления капитала в стране, отказывающейся от ввоза иностранного и более дешевого хлеба. Но вследствие значительного понижения прибыли, дальнейшее накопление стало бы задерживаться, и капитал стал бы вывозиться для помещения в таких странах, где продовольственные продукты дешевы, а прибыль высока. Основание европейцами их заморских колоний осуществлено было при помощи капиталов метрополий и способствовало замедлению накопления капитала. С другой стороны, та часть населения, которая занята в торговле с заграницей, питается иностранным хлебом. Нет сомнения в том, что низкий уровень прибыли—неизбежное следствие действительно высоких хлебных цен—гонит капитал за границу: соображение это, таким образом, является для нас убедительнейшим доводом против ограничений ввоза.

Таблица, показывающая движение ренты и прибыли в зависимости от увеличения капитала

Kapital, распределенный в кварталах		Renta, распределенная в кварталах		Прибыль в %		Сумма всей прибыли, полученной земельными владельцами, в квартирах пшеницы		Сумма всей прибыли, полученной капиталистами, в квартирах пшеницы		Рента в % со всего капитала		Весь продукт в кварталах пшеницы за вычетом стоимости издержек производства		
1-й период	2-й	3-й	4-й	5-й	6-й	7-й	8-й	9-й	10-й	11-й	12-й	13-й	14-й	15-й
200	50	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100
210	43	90	86	14	90	76	14	80	70	70	60	50	40	30
220	36	80	72	28	63	40	27	66	14	57,5	48	36	24	12
230	30	70	60	40	50	50	50	55	25	12,5	24	36	34,5	36
240	25	60	50	40	60	42	48	44	36	46	35,5	33	25,3	44,7
250	20	50	40	30	70	31,5	31,5	33	47	34,5	26,4	24	27,5	23,6
260	15	40	30	22	78	23	23	67	24	56	33,6	27,6	22,5	27,6
270	11	30	22	14	78	22	22	67	24	56	33,6	27,6	22,5	29,7
280	50	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100
290	43	90	86	14	90	76	14	80	70	70	60	50	40	30
300	36	80	72	28	63	40	27	66	14	57,5	48	36	24	12
310	30	70	60	40	50	50	50	55	25	12,5	24	36	34,5	36
320	25	60	50	40	60	42	48	44	36	46	35,5	33	25,3	44,7
330	20	50	40	30	70	31,5	31,5	33	47	34,5	26,4	24	27,5	23,6
340	15	40	30	22	78	23	23	67	24	56	33,6	27,6	22,5	27,6
350	11	30	22	14	78	22	22	67	24	56	33,6	27,6	22,5	29,7
360	50	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100
370	43	90	86	14	90	76	14	80	70	70	60	50	40	30
380	36	80	72	28	63	40	27	66	14	57,5	48	36	24	12
390	30	70	60	40	50	50	50	55	25	12,5	24	36	34,5	36
400	25	60	50	40	60	42	48	44	36	46	35,5	33	25,3	44,7
410	20	50	40	30	70	31,5	31,5	33	47	34,5	26,4	24	27,5	23,6
420	15	40	30	22	78	23	23	67	24	56	33,6	27,6	22,5	27,6
430	11	30	22	14	78	22	22	67	24	56	33,6	27,6	22,5	29,7
440	50	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100
450	43	90	86	14	90	76	14	80	70	70	60	50	40	30
460	36	80	72	28	63	40	27	66	14	57,5	48	36	24	12
470	30	70	60	40	50	50	50	55	25	12,5	24	36	34,5	36
480	25	60	50	40	60	42	48	44	36	46	35,5	33	25,3	44,7
490	20	50	40	30	70	31,5	31,5	33	47	34,5	26,4	24	27,5	23,6
500	15	40	30	22	78	23	23	67	24	56	33,6	27,6	22,5	27,6
510	11	30	22	14	78	22	22	67	24	56	33,6	27,6	22,5	29,7
520	50	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100

§ 3. Таким образом, во всех случаях рента¹⁾ является долею ранее полученного с земли дохода. Она никогда не является созданием нового дохода, но всегда долею дохода, уже созданного раньше.

Прибыль с капитала падает только потому, что не хватает земли, столь же пригодной для производства продовольственных продуктов, а размеры понижения прибыли и возрастания ренты зависят исключительно от увеличения издержек производства.

Итак, если параллельно возрастанию богатства и народонаселения данной страны и пропорционально росту ее капитала к стране этой будут присоединяться новые участки плодородной земли,—прибыль никоим образом не будет падать, а рента не будет увеличиваться²⁾.

Если, по мере возрастания богатства и народонаселения страны, денежные цены на хлеб и заработка плата не будут колебаться ни в малейшей степени, все же прибыль будет падать, а рента увеличиваться; ибо для получения того же количества сырого продукта с более отдаленных или менее плодородных земельных участков будет требоваться большее количество рабочих рук, благодаря чему стоимость производства возрастет, тогда как меновая ценность продукта останется прежней.

§ 4. Но,—как наблюдалось повсюду,—цены на хлеб и на все прочие сырье продукты всегда поднимаются, когда народ богатеет и бывает вынужден прибегать к обработке более бедных земель для получения некоторой части потребных ему продовольственных продуктов; и нам легко будет убедиться в том, что именно этого и следует естественно ожидать при подобных обстоятельствах.

Меновая ценность всех товаров возрастает соответственно увеличению трудности их производства. Поэтому, если вследствие появления новых трудностей в деле производства хлеба надо затрачивать на него больше труда, тогда как никакого увеличения труда не требуется в производстве золота, серебра, сукна, полотна и проч.,—в таком случае меновая ценность хлеба по необходимости возрастет по сравнению

1) Под рентою я всегда разумею вознаграждение, получаемое землевладельцем за использование первоначальных и естественных качеств земли. Если землевладелец сам затрачивает капитал на свою землю или если вложенный прежним арендатором капитал остается в земле по истечении арендного срока, в обоих этих случаях землевладельцу достанется то, что называется повышенной рентою, но некоторая ее часть в действительности уплачивается за пользование капиталом и лишь остальная часть уплачивается за пользование первоначальными свойствами земли.

2) За исключением тех отмеченных выше случаев, когда возрастет реальная заработка плата или же начнет применяться худшая система земледелия.

с ценностью означенных предметов. Напротив, достигнутые облегчения в деле производства хлеба или любого иного товара, благодаря которым то же количество продукта можно получить с меньшою затратою труда,—понижают его меновую ценность¹). Так, мы видим, что улучшения в системе земледелия или же усовершенствования в сельскохозяйственных орудиях понижают меновую ценность хлеба²); усовершенствования в машинах, применяемых в хлопчатобумажном производстве, понижают меновую ценность хлопчатобумажных товаров; усовершенствования в горном деле или же открытие новых и более юбильных залежей драгоценных металлов понижают ценность золота и серебра, иначе говоря, повышают цену всех прочих товаров. Во всех областях, где полностью действует конкуренция, и где производство товаров не ограничивается естественными условиями, что имеет место, напр., в отношении некоторых вин, трудность или легкость их производства в конечном счете определяет их меновую ценность³). Таким образом, в отношении цен единственными результатами возрастания богатства, повидимому, являются,—независимо от каких-либо усовершенствований как в земледелии, так и в промышленности,—повышение цен на сырье продукты и на рабочие руки при сохранении прежних цен на все прочие товары и общее понижение прибыли, как следствие общего повышения заработной платы.

Обстоятельство это имеет большее значение, чем это кажется с первого взгляда, так как оно касается интересов как лендлордов, так и остальных классов общества. Положение лендлорда улучшается (вследствие вызванных накоплением возрастающих трудностей производства про-

¹⁾ Низкие хлебные цены, вызванные улучшениями в земледелии, повышая прибыль и поощряя накопление, тем самым содействуют росту народонаселения, что в свою очередь может вызвать повышение хлебных цен и понижение прибыли. Но возможен и случай, что при увеличении народонаселения сохранятся прежние хлебные цены, прежний уровень прибыли и ренты. Таким образом, можно сказать, что улучшения в земледелии повышают прибыль и временно понижают ренту.

²⁾ Причины, затрудняющие производство дополнительного количества хлеба, действуют в развивающихся странах испарившись, тогда как заметные улучшения в системе земледелия или усовершенствования в сельскохозяйственных орудиях суть явления более редкие. Если бы эти причины, действующие в противоположных направлениях, действовали с одинаковою силой, хлебные цены подвергались бы лишь случайным колебаниям, происходящим от неурожаев, от повышений или понижений реальной заработной платы и от изменений в ценности благородных металлов, вызываемых их изобилием или редкостью.

³⁾ Хотя цены всех товаров в конечном счете определяются стоимостью их производства, со включением средней прибыли с капитала, и всегда стремятся к этому уровню, все же цены всех товаров, а хлеба, быть может, даже более, чем всех остальных, подвержены случайным колебаниям, происходящим от временных причин.

довольственных продуктов) не только благодаря тому, что увеличивается количество получаемых им продуктов земли, но и от того, что возрастает меновая ценность этой его доли. Если его рента возросла с 14 до 28 квартеров, это означает, что она более чем удвоилась, так как в обмен на эти 28 квартеров он сможет получить более, нежели двойное количество нужных ему товаров. Так как рента устанавливается в денежных единицах и в них же выплачивается, то при наличии предположенных условий землевладелец получит более чем вдвое против своей прежней денежной ренты.

Подобным же образом, в случае, если рента упадет, землевладелец потерпит двойной убыток: он потеряет ту часть сырого продукта, которая составляла его дополнительную ренту, и, кроме того, он потеряет от падения реальной или меновой ценности того сырого продукта, в виде которого или же в виде ценности которого ему уплачена остальная часть ренты¹⁾.

Так как доход фермера реализуется в сыром продукте или же в ценности сырого продукта, то он, подобно землевладельцу, заинтересован в его высокой меновой ценности, причем, однако, низкая цена продукта может для него компенсироваться увеличением количества достающегося ему продукта.

§ 5. Из этого следует, что интерес лендлорда всегда противоположен интересам всех остальных классов общества. Он более всего благоденствует тогда, когда продовольственные продукты редки и дороги, тогда как для всех остальных членов общества выгодно дешево получать продовольственные продукты. Высокая рента и низкая прибыль, неизменно сопровождающие друг друга, ни в коем случае не должны вызывать ничьих жалоб, раз они являются следствием естественного хода вещей.

Они являются самым непрекаемым доказательством богатства и благосостояния и свидетельствуют о густоте населения соотносительно с плодородием почвы. Общая прибыль с капитала зависит исключительно от высоты прибыли

1) Высказывалось предположение, что цена хлеба определяет цену прочих товаров. Предположение это кажется мне ошибочным. Раз на хлебные цены влияют повышение и понижение ценности самих драгоценных металлов, то тому же влиянию подвергаются и цены на прочие товары, но это значит, что цены эти колеблются вследствие колебаний ценности денег, а не вследствие изменений в ценности хлеба. Я думаю, что товары не могут существенно повышаться или понижаться в цене, если между деньгами и товарами сохраняется прежнее соотношение, или, лучше сказать, если стоимость производства тех и других, выраженная в хлебе, остается прежняя. В случае обложения налогами, часть цены уплачивается за право потребления товара и не входит в состав его реальной цены.

с последней затраты капитала, вложенного в землю; поэтому, если бы даже землевладельцы отказались от всей своей ренты в целом, они бы этим не повысили общей прибыли с капитала и не понизили бы цены хлеба для потребителя. Такой их поступок, как выяснил г. Мальтус, привел бы в результате лишь к тому, что позволил бы тем арендаторам, участки которых ныне выплачивают ренту, жить по-господски и расходовать на себя ту долю общего дохода, которая ныне поступает землевладельцу.

Нация богата не в зависимости от юбилия денег, не в зависимости от высоты денежной ценности обращающихся товаров, а только в зависимости от обилия в ней товаров, способствующих удовлетворению потребностей и наслаждений. Хотя эту точку зрения мало кто будет оспаривать, все же весьма многие є величайшей тревогой взирают на возможность уменьшения своего денежного дохода, хотя бы такой уменьшенный доход настолько повысился в своей меновой ценности, что смог бы доставить своему владельцу значительно большее количество всяких предметов потребления и роскоши.

§ 6. Если, таким образом, формулированные выше законы, регулирующие ренту и прибыль, соответствуют действительности, в таком случае общая прибыль с капитала может подниматься лишь вследствие падения меновой ценности продовольственных продуктов, каковое падение могут обуславливать всего лишь три причины:

во-первых, понижение реальной заработной платы, благодаря которому фермер сможет выкинуть на рынок большие излишки продукта;

во-вторых, улучшение в системе земледелия или усовершенствование в сельскохозяйственных орудиях, благодаря которым также увеличиваются свободные излишки продукта;

в-третьих, открытие новых рынков, откуда хлеб сможет привозиться по ценам более дешевым, чем те, которые требуются для производства его у себя дома.

Первая из перечисленных причин действует более или менее постоянно, в зависимости от того, насколько тот уровень, с которого заработная плата начинает падать, более или менее приближается к тому вознаграждению за труд, которое необходимо для действительного поддержания жизни рабочего.

Повышение или понижение уровня заработной платы свойственно всем состояниям общества, находится ли оно в стационарном положении, прогрессирует или регрессирует. При стационарном положении общества колебания заработной платы регулируются исключительно возрастанием или сокращением численности населения. При прогрессирующем

положении они зависят от того, что быстрее возрастает— капитал или народонаселение. При регрессирующем положении они зависят от того, что с большей быстротой сокращается—народонаселение или капитал.

Раз наблюдение показывает, что капитал и народонаселение попеременно обгоняют друг друга в своем росте, а следовательно, что заработка плата бывает то высокой, то низкой,—то ничего определенного не может быть сказано о прибыли, поскольку она зависит от заработной платы.

Но, по моему мнению, может быть с большей убедительностью доказано, что в обществе, прогрессирующем в отношении богатства и народонаселения, общая прибыль, вне зависимости от влияния на нее высокого или низкого уровня заработной платы, должна падать, за исключением случаев, когда вводятся усовершенствования в систему земледелия, или же когда является возможность ввозить более дешевый хлеб.

Это является очевидным результатом установленных выше законов, регулирующих возрастание ренты.

§ 7. Однако, это положение едва ли встретит сочувствие со стороны тех, которые объясняют возрастание прибыли расширением торговли и открытием новых рынков, где наши товары могут продаваться дороже, а иностранные товары покупаться дешевле, не принимая никакого во внимание ни условий, в которых обрабатывается земля, ни уровня прибыли, получаемой от последних затрат вложенного в нее капитала. Нет более распространенного мнения, чем то, которое утверждает, что прибыль в сельском хозяйстве не в большей степени определяет торговую прибыль, чем эта последняя—сельскохозяйственную. Говорят, что каждая из них попеременно тянет за собой другую, и что когда торговая прибыль повышается, а это, будто бы, бывает вследствие открытия новых рынков,—то повышается и прибыль в сельском хозяйстве; а если бы было иначе,—так рассуждают сторонники этой теории,—капитал перекочевал бы из сельского хозяйства в торговлю, как в более прибыльное предприятие. Но если правильны установленные выше законы возрастания ренты, то из них с очевидностью вытекает, что при условии стационарности населения и затраченного капитала, если ни единая часть сельскохозяйственного капитала не извлечена из земледелия,—прибыль в сельском хозяйстве не может возрастать и рента не может падать; одно из двух: либо надо признать, что в таком случае прибыль с торгового капитала значительно возрастет, тогда как прибыль с сельскохозяйственного капитала останется неизменной, но это бы противоречило всем законам политической экономии,

либо надо согласиться с тем, что торговая прибыль не возрастет¹⁾.

Именно это последнее мнение я считаю единственно правильным. Я не отрицаю того, что тот, кто первый открыл новый и лучший рынок, может в течение некоторого времени, прежде чем обнаружится действие конкуренции, получать необычную прибыль. Он может либо продавать вывозимые им товары по цене более высокой, чем те торговцы, которые не знают о существовании нового рынка, либо покупать ввозимые товары за более дешевую цену. Покуда он один или, вообще, немногие лица ведут такую торговлю, их прибыль будет выше обычного уровня прибыли. Но ведь мы говорим об общем уровне прибыли, а не о прибыли немногих отдельных личностей; и я нисколько не сомневаюсь в том, что по мере того как подобная торговля начнет становиться общеизвестной и распространенной, наступит такое понижение в цене иностранного товара во ввозящей его стране,—вследствие увеличения его количества и большей легкости его приобретения, что продажа его станет доставлять лишь обычный уровень прибыли, так что высокая прибыль тех, кто впервые занялся этой новой торговой деятельностью, не только не повысит общего уровня прибыли, но и сама снизится до обычного уровня.

Последствия окажутся совершенно такими же, как те, которые наступают при пользовании усовершенствованными машинами внутри страны.

Покуда новой машиной пользуются один или немногие промышленники, они получают возможность извлекать необычную прибыль, так как оказываются в состоянии продавать свой товар по цене, значительно превышающей стоимость производства, но как только машина повсеместно вводится во всем производстве, цена товара падает до уровня действительной стоимости производства, включающей лишь обычную среднюю прибыль.

1) Ссылаюсь на удачную иллюстрацию, приводимую г. Мальтусом: он справедливо сравнивает «почву с огромным числом машин, каждую из которых можно непрерывно усовершенствовать посредством приложения к ней капитала, но которые все существенно различаются своими первоначальными свойствами и силами». Каким же образом,—спрашиваю я,—может возрастать прибыль, раз мы вынуждены пользоваться такой машиной, которая отличается наихудшими первоначальными свойствами и наименьшим силою? Мы не можем отказаться вовсе от ее употребления, ибо оно является непременным условием доставки необходимых продовольственных продуктов нашему населению, а ведь мы исходим из предположения, что спрос на такие продукты не уменьшился; но кто же согласился бы пустить в ход такую машину, если бы мог рассчитывать на получение большей прибыли в другом месте?

В течение периода перемещения капитала из одной области хозяйственной деятельности в другую прибыль той из них, куда направляется капитал, будет относительно высока, но это будет продолжаться не дольше, чем до тех пор, пока не завершится перемещение потребного количества капитала.

Торговля двумя путями может обогащать страну: 1) повышением общего уровня прибыли, которое, согласно моему мнению, не может иметь места иначе, как в результате уменьшения продовольственных продуктов, что выгодно только тем, кто извлекает доход из приложения своего капитала, как-то: фермерам, промышленникам, купцам и отдающим свои деньги в рост капиталистам; 2) обилием товаров и понижением их меновой ценности, от чего выигрывает все общество в целом. В первом случае увеличивается доход страны, во втором—прежний доход позволяет получить большее количество предметов необходимости и роскоши.

Только в этом последнем случае¹⁾ нации выигрывают: благодаря расширению торговли, разделению труда в производстве и введению усовершенствованных машин. Все это увеличивает количество товаров и значительно способствует благосостоянию и счастью человечества, но не оказывает влияния на уровень прибыли, так как производительность сельского хозяйства не увеличивается. Прочие же виды прибыли не могут повышаться, если сельскохозяйственная прибыль стоит на прежнем уровне или регressedирует.

§ 8. Итак, прибыль зависит от цены или, лучше сказать, от ценности продовольственных продуктов. Все, что облегчает производство продовольственных продуктов—независимо от того, редки или изобильны будут создаваемые товары,—повышает уровень прибыли; все же, что увеличивает стоимость производства, не увеличивая тем самым количества продовольственных продуктов²⁾, понижает во всех случаях общий уровень прибыли. Большая легкость в производстве продовольственных продуктов двояким образом является выгодной для капиталистов: она одновременно и повышает уровень прибыли и увеличивает количество потребляемых ими товаров. Большая легкость в производстве

1) За исключением случаев, когда расширение торговли позволяет нам получать продовольственные продукты, действительно, по более дешевым ценам.

2) Если, вследствие иностранной торговли или введения усовершенствованных машин, подешевеют потребляемые рабочими товары,—заработная плата упадет; а это, как мы уже отмечали выше, повысит прибыль фермера, а следовательно, и все прочие виды прибыли.

всех прочих продуктов способна только увеличивать количество потребляемых товаров.

§ 9. Если, таким образом, возможность дешево покупать продовольственные продукты имеет такое большое значение, и если ввоз хлеба влечет за собою понижение его цены, то для того, чтобы побудить нас ограничивать ввоз и тем искусственно удерживать капитал в такой отрасли, которую он в противном случае покинул бы для гораздо более выгодного применения,—необходимы почти что бесспорные доказательства того, что опасно зависеть от иностранных государств в деле получения части потребных нам продовольственных продуктов, ибо ни с какой иной точки зрения не представляется возможным привести доказательства в пользу ограничения ввоза.

Если бы законодательная власть раз навсегда заняла определенную позицию по отношению к хлебной торговле, если бы она допустила постоянную свободу торговли и перестала, в зависимости от колебаний хлебных цен, то ограничивать, то поощрять ввоз хлеба,—мы, без сомнения, сделались бы регулярно ввозящею страною. Это явилось бы следствием превосходства нашего богатства и густоты нашего населения, по сравнению с плодородием нашей почвы, над нашими соседями. Для страны лишь тогда выгоден ввоз иностранного хлеба, когда она сравнительно богата, когда все ее плодородные земли уже подвергнуты максимальной обработке и ей приходится обращаться к землям низшего качества для получения необходимых ее населению продовольственных продуктов, или же когда у нее с самого начала нет плодородных земель¹⁾.

Многочисленным преимуществам, связанным для нас в нынешнем нашем положении с ввозом иностранного хлеба, может быть противопоставлено только опасение оказаться в зависимости от иностранцев в деле получения значительной части потребных нам продовольственных продуктов.

§ 10. Не представляется возможным в точности оценить основательность этих опасений, потому что самая их формулировка носит субъективный характер; они не могут,—подобно выставляемым с другой стороны преимуществам,—быть об'ектом строгого взешивания. Обычно их сводят к следующим двум моментам: 1) в случае войны комбинация континентальных держав или же влияние нашего главного врага может лишить нас нашего обычного снабжения; 2) в случае неурожая за границей вывозящие страны имеют

¹⁾ Закон этот с большим искусством установлен г. Мальтусом на стр. 42 его «Исследования».

и осуществлят возможность, в интересах своего собственного снабжения, удержать у себя часть обычно вывозимого продовольствия¹⁾.

Если мы сделаемся регулярно ввозящим страною, и иностранцы смогут прочно рассчитывать на постоянный спрос со стороны нашего рынка, значительно большее пространство земли в хлебородных странах будет подвергнуто обработке для экспорта хлеба. Если мы вычислим ценность потребляемого в Англии хлеба в течение хотя бы нескольких недель, мы убедимся, что в случае, если бы континенту пришлось снабжать нас значительным количеством этого хлеба, малейший перерыв в вывозной торговле повлек бы за собою для континента в высшей степени разорительное экономическое бедствие, которому никакой государь, в отдельности или сообща с другими, не захотел бы подвергнуть свой народ; а если бы и захотел, то подобному мероприятию, по всем вероятиям, не подчинился бы ни один народ. Сделанная Бонапартом попытка воспрепятствовать вывозу из России ее сырых продуктов, более всех прочих причин, способствовала проявлению поразительных усилий со стороны русского народа, направленных против самой, быть может, могущественной силы, когда-либо об'единявшейся для рабощения иностранного государства.

§ 11. Вложенный в землю огромный капитал не может быть при этих условиях внезапно из нее извлечен без громадных убытков; кроме того, переполнение хлебом рынков этих стран нарушило бы всю их продовольственную систему и снизило бы хлебные цены ниже всякой калькуляции; отсутствие обычных барышей, обуславливающих возможность всех вообще торговых сделок, привело бы к состоянию всеобщего разорения, вследствие которого страна оказалась бы не в силах с надеждою на успех воевать, если бы она даже согласилась переносить все это. Все мы были свидетелями бедствий в нашей стране, и все мы слышали о еще больших бедствиях в Ирландии, происходивших от падения хлебных цен, и к тому же в такое время, когда ясно было, что собственного нашего урожая нехватает, когда ввоз хлеба регулировался стоявшими на него ценами, и когда мы не испытывали ни одного из последствий переполнения рынков. Но какой степени достигло бы это бедствие, если бы хлебные цены упали до полуфунта за квarter, или до одной восьмой нынешней его цены? Дело в том, что влияние обилия или недостатка хлеба

1) Именно на этом последнем аргументе по преимуществу настаивает г. Мальтус в своем последнем сочинении: «Обоснования взгляда...».

на его цену сказывается не пропорционально увеличению или уменьшению его количества, а гораздо сильнее. Вот, стало быть, те осложнения, которые пришлось бы испытать вывозящим странам.

Но и наше положение не было бы легким. Следует отдать себе отчет в том, что значительное сокращение нашего ежегодного снабжения продовольствием, могущее достигнуть одной восьмой всего потребляемого нами количества хлеба, явилось бы весьма существенным злом; но мы получали равное этому количество продовольствия даже тогда, когда производство хлеба в иностранных государствах не регулировалось постоянным спросом нашего рынка. Все мы знаем поразительное влияние, оказываемое высоким уровнем цен на предложение продовольствия. По моему мнению, нельзя сомневаться в том, что в случае войны нас стали бы снабжать значительным количеством хлеба те страны, с которыми мы бы не находились в состоянии войны; а это, в соединении с чрезвычайно экономным расходованием продуктов нашего собственного производства и при наличии имеющихся у нас запасов¹⁾, позволило бы нам просуществовать до тех пор, пока мы не вложили бы достаточного количества капитала и труда в наши собственные земли, в целях извлечения из них в будущем потребного нам продовольствия. Что подобное изменение будет для нас весьма тягостным, с этим, я, разумеется, не спорю; но я вполне уверен, что нам удастся избежнуть подобной альтернативы, и что, невзирая на войну, к нам будет беспрепятственно поступать тот хлеб, который специально выращивался в иностранных государствах для нашего потребления. Даже тогда, когда всякая торговля с нами была воспрещена, и Бонапарт особенно был к нам враждебен, он выдавал специальные разрешения на вывоз хлеба в Англию, где цены вследствие неурожая стояли высоко. Положение вещей, возможность которого порождает все эти опасения, не может обрушиться на нас внезапно: надвигающуюся опасность можно будет предусмотреть и принять нужные меры. Разумно ли в таком случае издавать законы, направленные к предупреждению зла, которое, быть может, никогда не наступит? Разумно ли, во имя защиты от опасности, в высшей степени неправдоподобной, жертвовать из года в год многомиллионными доходами?

Если бы хлебная торговля не была стеснена законодательными ограничениями ввоза, мы стали бы в значи-

1) Принимая во внимание, что Лондон является складочным местом для иностранного хлеба, можно полагать, что запасы эти были бы весьма значительны.

тельной степени снабжаться продовольствием из Франции и других стран, где рыночная его цена немногим больше половины той цены, за которую мы сами могли бы его производить на наших худших землях. Разбираясь в этом вопросе, г. Мальтус не дооценивает того, что добавочное количество хлеба стало бы производиться для нас за границей, если бы наша страна определенно вступила на путь регулярного ввоза хлеба. Не может быть ни малейшего сомнения в том, что если бы хлебородные страны могли положиться на регулярный спрос английского рынка, если бы они могли быть вполне уверены, что наше законодательство о хлебной торговле не будет переходить от поощрений к ограничениям, а от ограничений к воспрещению ввоза, в таком случае гораздо большее количество хлеба стало бы выращиваться, и сделалась бы гораздо менее вероятной возможность сильного уменьшения вывоза хлеба вследствие неурожая. Даже те страны, которые никогда не участвовали в снабжении нас хлебом, если бы наша политика определилась в указанном направлении, приняли бы в нем значительное участие.

Именно при неурожае иностранные государства извлекли бы особую выгоду из снабжения нас хлебом, ибо меновая ценность хлеба возрастает не строго пропорционально его нехватке, но в два, в три, в четыре раза больше, в зависимости от размера нехватывающего количества.

Если годовое потребление Англии равно 10 миллионам квартеров, которые в нормальное время продаются за 40 миллионов фунтов, и если предположить нехватку одной четверти указанного количества, то остающиеся 7.500.000 квартеров окажутся проданными не за 40 миллионов, а вероятно, за 50 или более миллионов фунтов. Таким образом, в случае неурожая, вывозящая страна постарается удовольствоваться минимальным количеством хлеба, необходимым для своего внутреннего потребления, и воспользоваться высокими ценами в Англии для продажи всего, что сумеет сберечь, так как в таком случае хлебные цены будут высоки не только из расчета на деньги, но и по сравнению со всеми прочими товарами; а если производители хлеба стали бы поступать иначе, то они в отношении богатства оказались бы в худшем положении, чем то положение, в котором они бы были, если бы из года в год ограничивали производство потребностью в хлебе собственного своего народа.

Предположим, что они вложили в землю 100-миллионный капитал для получения того количества хлеба, которое им необходимо для собственного своего существования, и еще 20 миллионов для производства на вывоз; в таком слу-

час в неурожайный год они потеряют весь барыш с этих 20 миллионов, чего бы не случилось, не будь они вывозящею страною. Каков бы ни был тот уровень хлебных цен, при которых иностранные государства стали бы ограничивать вывоз, самая возможность достижения этого уровня уменьшилась бы в случае вызванного нашим спросом расширения производства.

§ 12. В отношении снабжения хлебом уже не раз отмечалось, что если в одном из округов данной страны неурожай, то в остальных округах обыкновенно бывает урожай; что если погода не благоприятствовала одному какому-либо роду почвы или одной какой-либо местности, то для других она была благоприятной; что такими путями божественный промысел оберегает нас от частого повторения голодовок. Если подобное наблюдение верно в применении к одной стране, то с еще большей уверенностью можно распространить его на всю совокупность стран, образующих наш мир. Не может разве недород в одной стране быть восполнен урожаем других стран? И удостоверившись на опыте в способности, которую имеют высокие цены—вызывать увеличение предложения продовольствия, можем ли мы, по справедливости, бояться, что нам грозит особенная опасность от возможности оказаться в зависимости от ввоза такого количества хлеба, которое необходимо для нескольких недель нашего потребления?

Насколько мне известно, хлебные цены в Голландии—стране, зависящей почти исключительно от иностранного снабжения,—обнаруживали поразительную устойчивость даже в течение того бурного времени, которое только что пережила Европа,—что с убедительностью доказывает, хотя и в применении к маленькой стране, что последствия неурожаев не ложатся исключительным бременем на ввозящие страны.

§ 13. Нельзя отрицать, что в нашем земледелии произведены были большие улучшения и что в землю был вложен значительный капитал; но при всех этих улучшениях мы не преодолели тех естественных затруднений, которые проистекают от роста нашего богатства и благосостояния, вследствие чего, при наличии ограничений или даже полного запрещения ввоза хлеба, нам приходится себе в убыток обрабатывать худшие наши земли. Если бы мы были предоставлены самим себе и не были бы связаны законодательными стеснениями, мы постепенно извлекли бы свой капитал из обработки таких земель и стали бы ввозить тот продукт, который ныне на них возвращается. Извлеченный оттуда капитал был бы вложен в производство других това-

ров на предмет вывоза в обмен на хлеб¹). Такое перемещение части капитала нашей страны либо было бы выгодно, либо вовсе не имело бы места. Этот закон является одним из наиболее прочно установленных в экономической науке, и никем не признается столь охотно, как самим г. Мальтусом. Он является основанием всей его аргументации, когда в своих «Замечаниях о хлебных законах» он сопоставляет выгоды и невыгоды, проистекающие от свободной торговли хлебом.

Но в последнем своем сочинении, в одном его месте, он энергично настаивает на том, что в случае снятия ограничений ввоза страна потеряет часть своего сельскохозяйственного капитала. Он, таким образом, оплакивает потерю того, что вследствие развития событий сделалось совершенно для нас бесполезным и от использования чего мы на самом деле теряем. Это равносильно тому, как если бы во дни изобретения паровой машины или бумагоделательной машины г. Аркрайта нам бы сказали, что не следует вводить их в употребление, так как вследствие этого мы потеряем ценность наших старых плохих машин. Что фермеры, сидящие на худших землях, потеряют убытки,—в этом не может быть сомнения, но весь народ выиграет гораздо больше, чем они потеряют. Когда же завершится перемещение капитала из сельского хозяйства в промышленность, тогда и сами фермеры, подобно всем прочим общественным классам, за исключением земельных собственников, в значительной степени увеличат свою прибыль.

Было бы, однако же, желательным оградить интересы фермеров на весь остающийся срок их нынешних арендных договоров, так как в противном случае они несомненно пострадали бы от изменения ценности денег—естественного последствия удешевления хлеба — при выполнении своих денежных обязательств в отношении лендлордов.

Было бы, поэтому, справедливым в течение первых трех или четырех лет обложить ввоз иностранного хлеба рестриктивно пошлиною, несмотря на то, что нации даже временная дороговизна хлеба будет стоить значительно больше, чем выгадают от нее фермеры; при этом надо будет

¹) Если верно замечание г. Мальтуса, что в Ирландии нет промышленных предприятий, в которые мог бы с выгодой быть вложен капитал, в таком случае капитал не уйдет из земли и в таком случае не сократятся размеры сельскохозяйственного капитала. Ирландия располагала бы, в таком случае, прежними излишками хлеба, хотя и с более низкой меновой ценностью; доход ее, следовательно, мог бы уменьшиться; но если она не стала бы или не могла бы производить промышленные товары и не стала бы обрабатывать землю, в таком случае у нее вовсе не было бы дохода.

об'явить, что по истечении указанного срока хлебная торговля получит полную свободу, и что тогда привозной хлеб не будет подлежать никаким пошлинам, кроме тех, которыми мы найдем нужным обложить хлеб нашего собственного производства¹⁾.

Г. Мальтус несомненно прав, когда говорит, что «если бы только получили всеобщее распространение те лучшие способы обработки земли, которые ныне применяются в некоторых частях Великобритании, и если бы, посредством дальнейшего накопления и более равномерного распределения капитала и знаний, вся страна доведена была до уровня, соответствующего естественному плодородию и выгодности расположения отдельных ее земельных участков, то в таком случае чрезвычайно увеличилось бы количество добавочного продукта, которое доставило бы необходимые средства существования для весьма значительного прироста населения»²⁾.

Соображение это верно и в высшей степени отрадно; оно показывает, что мы весьма далеки от истощения наших ресурсов, и что мы можем рассчитывать на возрастание нашего благосостояния и богатства в значительно большей степени, чем более старые государства. Это может произойти при любой системе—свободного ввоза или ограниченного, хотя и не с одинаковой скоростью, но это никоим образом не может воспрепятствовать нам, в каждый данный период нашего развития, пользоваться всеми представляющимися нам возможностями, и это не может служить основанием нашего отказа от такого приложения нашего капитала, которое кажется нам наилучшим и наиболее выгодным. Я уже выше указывал, что г. Мальтус сравнивает землю с огромным числом машин, каждую из которых можно непрерывно совершенствовать посредством приложения к ней капитала, но которые все существенно различаются своими первоначальными свойствами и силами. Благоразумно ли было бы затрачивать большие суммы на использование некоторых

1) Я никоим образом не могу согласиться ни с Адамом Смитом, ни с г. Мальтусом по вопросу о последствиях обложения предметов необходимости. Первый не находит достаточно строгих выражений для характеристики такого обложения; г. Мальтус более снисходителен. Оба они полагают, что такого рода налоги несравненно более всех прочих влияют на уменьшение капитала и сокращение производства. Я не говорю, что они являются наилучшими налогами, но и не думаю, чтобы они подвергали нас, в отношении внешней торговли, каким-либо из тех бед, которые перечисляет Адам Смит, и чтобы, вообще, они порождали последствия, существенно отличные от порождаемых прочими налогами. Адам Смит полагал, что налоги этипадают исключительно на землевладельца; г. Мальтус думает, что они делятся между землевладельцем и потребителем; мне же кажется, что они полностью уплачиваются потребителем.

2) «Обоснования...», стр. 22.

из наихудших машин, тогда как мы можем с меньшими затратами взять напрокат лучшие машины у своих соседей?

§ 14. Г. Мальтус полагает, что низкая денежная цена хлеба не будет выгодна для низших классов общества, так как, вследствие дешевых цен, не увеличится, а уменьшится реальная меновая ценность труда, т.-е. возможность для него располагать предметами жизненной необходимости, удобства и роскоши. Некоторые из его соображений по этому поводу, без сомнения, весьма вески, но только он недостаточно оценивает влияние лучшего распределения национального капитала на положение низших классов. Такое распределение было бы выгодно для них, потому что тот же самый капитал стал бы использовать большее количество рабочих рук; кроме того, повышенный уровень прибыли стал бы способствовать дальнейшему накоплению; и таким образом, рост народонаселения стимулировался бы высоким уровнем реальной заработной платы, который не премиум бы улучшить положение трудящихся классов.

Последствия от этого для рабочего класса были бы приблизительно те же, как и от введения усовершенствованных машин, каковое (ныне это является уже бесспорным) имеет решительную тенденцию поднимать уровень реальной заработной платы.

Г. Мальтус замечает также, что «из числа лиц, принадлежащих к торговому и промышленному классу, только те выигрывают от системы свободного ввоза, которые непосредственно заинтересованы во внешней торговле».

Если изложенный нами взгляд на ренту соответствует действительности,—если она возрастает по мере понижения общего уровня прибыли и понижается по мере его возрастания, и если следствием ввоза хлеба является понижение ренты,—что было признано и блестяще доказано самим г. Мальтусом,—в таком случае все коммерсанты, все капиталисты—будь то фермеры, промышленники или купцы—значительно увеличат свою прибыль. Падение хлебных цен, вызванное улучшениями в системе земледелия или же ввозом иностранного хлеба, понизит меновую ценность только одного хлеба и николько не отразится на ценах прочих товаров. Если же опустится цена труда, что должно произойти в случае понижения хлебных цен, в таком случае должна возрасти прибыль во всех ее видах; и никто материально столько не выиграет, сколько промышленные и торговые слои общества.

Если, вследствие влияния понижения ренты на доход землевладельцев, сократится спрос на товары внутреннего производства, он, с другой стороны, в гораздо большей

степени расширяется благодаря возросшему богатству торгово-промышленного класса.

§ 15. Я ничуть не думаю, что нам придется потерять часть нашей внешней торговли в том случае, если будут действовать ограничения в отношении ввоза хлеба; в этом пункте я вполне согласен с г. Мальтусом. Но в случае свободного ввоза хлеба торговля наша значительно возрастет; вопрос, однако, не в том, сможем ли мы сохранить в прежнем об'еме нашу внешнюю торговлю, а вопрос в том, будет ли она в обоих случаях одинаково прибыльной.

Наши товары не будут продаваться за границей дороже или дешевле в зависимости от свободы торговли и от дешевых цен на хлеб; но стоимость производства для наших промышленников будет значительно разниться в зависимости от того, стоит ли хлеб 80 или 60 шиллингов за квартер, и, как следствие этого, прибыль возрастет соответственно сокращению стоимости производства изготавляемых для вывоза товаров.

§ 16. Г. Мальтус подчеркивает указание, впервые сделанное Юмом, что рост цен оказывает магическое действие на промышленность; он далее утверждает, что падение цен, как раз наоборот, действует на нее угнетающим образом¹⁾. Уже ранее отмечалось, что рост цен является одним из преимуществ, способных компенсировать невыгоды, происходящие от обесценения денег, все равно происходит ли это последнее от действительного падения ценности драгоценных металлов, от деноминации в сторону повышения денежных знаков или от чрезмерного выпуска бумажных денег.

Говорят, что рост цен благодетелен, потому что он улучшает положение торгово-промышленного класса за счет тех, которые живут на фиксированный доход, и что главным образом, внутри именно этого класса происходит накопление и развивается производительная промышленность.

Говорят, что хотя и желательно улучшить денежную систему, но что вместе с тем мероприятие это влечет временную заминку в накоплении и в развитии промышленности, так как угнетающее действует на торгово-промышленные классы общества, вследствие падения цен. Г. Мальтус полагает, что подобный результат произойдет и вследствие падения цен на хлеб. Но даже если бы сделанный Юмом вывод и был обоснованным, все-таки он не был бы применим к настоящему случаю: ибо все продаваемое промышленником попрежнему будет дорого; подешевеет лишь то, что он будет покупать, а именно — хлеб и труд, благо-

¹⁾ «Обоснования...», стр. 22.

даря чему прибыль его увеличится. Я лишний раз должен напомнить, что рост ценности денег понижает ценность всех прочих товаров, тогда как падение хлебных цен понижает только заработную плату, а следовательно, повышает прибыль.

Таким образом, благосостояние торгово-промышленного класса неминуемо повлечет за собою накопление капитала и развитие промышленного производства; а достигнуто это может быть лучше всего путем снижения хлебных цен.

§ 17. Я не могу согласиться с г. Мальтусом, когда он одобряет мнение Адама Смита, что «одинаковое количество производительного труда, затраченного в промышленности, никогда не может принести столь же значительного продукта, как в сельском хозяйстве». Я полагаю, что он в этой цитате просмотрел слово «никогда», ибо если бы он на него обратил внимание, он понял бы, что суждение это скорее соответствует доктрине «Экономиста», нежели его собственной. Ведь он же сам установил—и, по моему мнению, вполне правильно,—что как при первоначальном заселении страны, так и на каждом дальнейшем этапе ее развития часть капитала затрачивается в землю только для извлечения прибыли и вовсе не приносит ренты. Приложенный вот к этой земле производительный труд никогда не приносит в действительности такой же выручки, как такое же количество труда, затраченного в промышленности.

Разница эта на самом деле не очень значительна, и ее можно пренебречь, приняв в расчет безопасность и уважение, связанные с приложением капитала к земле. В младенческом состоянии общества, когда никакой ренты не уплачивается, разве выручка от капитала, вложенного в примитивные формы промышленности и в производство сельскохозяйственных орудий, не является по меньшей мере равной той ценности, которую создал бы тот же капитал, если бы был приложен к земле?

В самом деле, мнение это находится в противоречии со всеми общими доктринаами г. Мальтуса, которые он столь блестяще развивал как в настоящем, так и в прочих своих сочинениях. В своем «Исследовании», говоря о другом, по-моему, сходном с вышеприведенным, мнении Адама Смита, он замечает: «Я все же не могу согласиться с тем его положением, что всякая земля, производящая продовольственные продукты, тем самым приносит ренту. Земля, вновь поступающая в обработку в развивающейся стране, может оплачивать только прибыль и труд. Надлежащая прибыль с затраченного капитала, со включением—разумеется—платы труда, всегда будет достаточным стимулом для обработки». Тот же мотив будет побуждать других

изготавлять промышленные товары, и прибыль как тех, так и других, на данной ступени общественного развития, будет приблизительно одинакова.

На всем протяжении моего изложения я не раз имел случай подчеркивать, что рента никогда не падает, если не подымается прибыль с капитала. Если нам в настоящее время более улыбается ввозить хлеб, нежели производить его, то это только из стремления к его удешевлению. Если мы станем ввозить хлеб, последняя, не приносящая ренты, затрата капитала будет изъята из земли; рента понизится, а прибыль возрастет, и предыдущая затрата капитала, вложенного в землю, окажется в аналогичном положении, т.-е. будет приносить только обычную прибыль с капитала.

Если ввозимый хлеб все-таки будет стоить дешевле, чем производство его на этой несколько лучшей земле, рента опять понизится, а прибыль возрастет, и другая и высшая по качеству часть земельной площади станет обрабатываться из-за одной только прибыли. На каждой дальнейшей ступени нашего развития прибыль с капитала будет возрастать, а рента понижаться, и все большее количество земли оставаться без обработки; но вместе с тем страна сбережет на всем количестве хлеба, ввезенном из-за границы, всю разницу между ценою, по которой он может быть произведен у нас, и тою ценою, за которую он может быть ввезен.

« § 18. Г. Мальтус с величайшим искусством исследовал действие, оказываемое низким уровнем хлебных цен на плательщикое процентов по нашему громадному долгу. Я должен вполне согласиться со многими из его выводов по этому вопросу. Я уверен, что богатство Англии существенно увеличится от значительного снижения хлебных цен, но денежная ценность этого богатства уменьшится. Она уменьшится на всю разницу в денежной ценности потребляемого хлеба, и, с другой стороны, она увеличится вследствие повышения меновой ценности всех тех товаров, которые будут вывозиться в обмен на ввозимый хлеб. Но эти две величины отнюдь не будут равны между собой, а потому денежная ценность английских товаров, без сомнения, уменьшится в значительной мере.

Но хотя и верно, что денежная ценность всей совокупности наших товаров уменьшится, из этого вовсе не следует, что соответственно сократится и наш ежегодный доход. Сторонники ввоза основывают свое мнение о его выгодности на том убеждении, что доход от этого соответственно не сократится. А раз налоги выплачиваются из нашего дохода, то из этого следует, что тяготеющее на нас бремя на самом деле не увеличится.

Предположим, что доход какой-либо страны сократился с 10 до 9 миллионов, а ценность денег возросла в пропорции 10 к 8; ясно, что эта страна будет располагать более значительным чистым доходом после того как она выплатит один миллион из девяти, чем если бы она выплачивала его из десяти миллионов¹⁾.

Ясно также, что держатели фондов получат большую реальную ценность, чем та, которая оговорена была в условиях займов предыдущих годов; но ведь на них самих, как на плательщиков значительной доли общественных повинностей, а следовательно, и тех процентов, которые сами они получают, падет немалая часть государственного обложения. Если мы должным образом оценим величину добавочной прибыли, которая достанется представителям торгово-промышленного класса, мы убедимся, что они все же окажутся в барыше, и это—несмотря на реальное увеличение их налогового бремени.

Пострадают одни только землевладельцы, которым придется в действительности платить больше, без каких-либо компенсаций и даже при наличии понижения ренты.

Держатели фондов и все вообще живущие на фиксированный доход могут заявить, что они больше кого бы то ни было пострадали от войны. Ценность их дохода уменьшилась из-за роста хлебных цен и из-за обесценения бумажных денег, а ценность их капиталов, вместе с тем, сократилась из-за низкой цены фондов. Они также пострадали от недавно сделанного набега на фонд погашения,—что предполагается делать и впредь и что является в высшей степени несправедливым мероприятием, в прямом смысле нарушающим торжественно данные обязательства; ибо наличие фонда погашения—такое же договорное обязательство, как и выплата дивиденда, а использование его в качестве доходной статьи в корне противоречит всем здоровым принципам. Именно на рост этого фонда мы должны смотреть как на средство ведения возможных в будущем войн, если только мы не готовимся вовсе отказаться от системы консолидированных займов. Использование фонда погашения равносильно получению временного маленького облегчения за счет потери больших выгод в будущем. Это означало бы разрыв со всей системой г. Пигга, создавшего этот фонд: он именно исходил из того убеждения, что ценою маленьких затруднений в данную минуту обеспечены будут величайшие выгоды в будущем; мы же, бывшие свидетелями тех благих результатов, которые обусловлены были его непреклонной волей не прикасаться к этому фонду даже в дни

1) При прежней ценности денег. Прим. ред.

жесточайших финансовых бедствий, когда трехпроцентные бумаги опускались до 48,—мы не можем, мне думается, сомневаться в том, что, будь он жив, он не одобрил бы тех мер, которые были приняты.

Возвращаясь, однако, к моей теме, я сделаю еще только одно замечание: мне показалось бы весьма прискорбным, если бы заботы об интересах того или иного класса были признаны достаточным аргументом для задержки развития богатства и народонаселения нашей страны. Если интересы лендлордов настолько важны, что, уступая им, мы должны решиться на отказ от всех тех выгод, которые обещает нам ввоз дешевого хлеба,—то, чтобы быть последовательными, мы должны были бы отказаться и от улучшений в земледелии и от усовершенствования сельскохозяйственных орудий; ибо совершенно очевидно, что улучшения эти не меньше чем ввоз иностранного хлеба удешевляют хлеб, понижают ренту и способность землевладельца платить налоги. Чтобы быть последовательными, нам, таким образом, придется бы одним и тем же актом пресечь улучшения в земледелии и воспретить ввоз.

————— { * } —————

О

ПОКРОВИТЕЛЬСТВЕ
ЗЕМЛЕДЕЛИЮ

ПЕРЕВОД С ЧЕТВЕРТОГО ИЗДАНИЯ

1 8 2 2 г.

В В Е Д Е Н И Е

Я думаю, нельзя отрицать, что в течение нескольких последних лет достигнуты большие успехи в деле распространения правильных воззрений по вопросу о том, как нецелесообразно устанавливать препятствия ввозу иностранного хлеба; но, к несчастью, по этому вопросу все еще существует много предрассудков, и следует опасаться, как бы заблуждения, преобладающие в умах тех, кто страдает от бедственного состояния нашего земледелия, не привели скорее к еще большему стеснению ввоза, чем к единственно-действительному средству против этих бедствий—средству, заключающемуся в постепенном приближении к системе свободной торговли. Как раз нынешним хлебным законам и следует приписать значительную часть бедствий, и я надеюсь доказать, что профессия фермеров подвергалась бы постоянным случайностям и находилась бы в условиях особо невыгодных, по сравнению со всеми другими профессиями, до тех пор, пока продолжает действовать какая бы то ни было система стеснений ввоза иностранного хлеба, последствием которой будет поддержание цены хлеба в нашей стране на уровне значительно более высоком, чем в других странах.

Однако, прежде чем перейти к этому вопросу, который является предметом моего рассмотрения, я хочу отметить некоторые господствующие мнения, которые ежедневно высказываются по вопросу о причинах переживаемых нами

бедствий: учение о «достаточной цене» (Remunerating price), о налогах, о денежном обращении и т. д. После обсуждения этих вопросов для нас представится большая возможность исследовать важный вопрос о том, каких постоянных правил должна придерживаться страна в отношении торговли хлебом, для того чтобы обеспечить народу устойчивую и дешевую цену на хлеб и обильное предложение этого необходимого товара.

===== { * } =====

) ГЛАВА I {

О ДОСТАТОЧНОЙ ЦЕНЕ

§ 1. Словами «достаточная цена» предполагают обозначить цену, за которую хлеб может быть произведен, по уплате всех издержек, включая и ренту, с предоставлением сельскому хозяину справедливой прибыли на его капитал. Из этого определения следует, что по мере того как страна переходит—для прокормления возрастающего населения—к обработке менее плодородных земель, цена хлеба, для того чтобы быть «достаточной», должна повышаться. Если даже никакая рента не уплачивается за такую менее плодородную землю, издержки могут быть возмещены земледельцу лишь путем повышения цены, так как издержки по обработке такой земли, при том же количестве продукта, должны быть значительное, чем на всякой другой, ранее обрабатывавшейся земле. «Я знаю местности в нашей стране,—говорит г. Ивесон¹⁾,—обладающие наиболее плодородными землями, которые дадут вам от 4—5 квартеров с акра. Я знаю фермы, которые в смысле урожайности пшеницы дают в среднем 4 квартера с акра, или 32 бушеля». «В какой части королевства?» «В Уильтишире». «Во что оценили бы вы землю второго сорта?» «Я думаю, за землю среднюю по качеству, или второго сорта,—то, что я бы назвал средним качеством земли при хорошей обработке,—может быть принята земля, которая приносит 2½ квартера». «А худшие земли?» «От 12—15 бушелей с акра». Гарвей спросили: «Какая, по вашим сведениям, самая низкая рента, уплачиваемая за худшую землю, на которой производят хлеб?». Ответ: «18 пенсов с акра». Гарвей далее установил, что за последние десять лет он в среднем получал с каждого акра своей земли 30 бушелей пшеницы. Показания г. Уэксфильда совпадают с показаниями г. Ивесона; но разница, по словам Уэксфильда, между количеством пшеницы, получаемым с акра

1) Отчет земледельческого комитета, 1821 г., стр. 338.

лучшей и с акра худшой земли, находящейся в обработке, составляет 32 бушеля, так как, по его заявлению, «урожай на землях, на морском побережье, близ Норфолька, Суффолька, Эссекса и Кента считается плохим, если он ниже 40 бушелей с акра», и он прибавляет: «я не думаю, чтобы очень плохие земли давали больше 8 бушелей с акра».

Допустите теперь, что население Англии составляло только половину теперешнего его количества, и что не было необходимости переходить к обработке какой-нибудь другой земли, кроме той, что приносит 32 бушеля пшеницы с акра; что в таком случае будет «достаточной ценой»? Может ли кто-либо сомневаться в том, что она будет столь низка, что мы из страны ввозящей хлеб превратились бы в страну вывозящую, при том условии, чтобы цены на континенте стояли на том же среднем уровне, на каком они находились в последние пять или десять лет. Что эта земля в настоящее время дает 32 бушеля и что она отнюдь не дала бы больше при сделанном мною предположении—это верно; но разве не верно и то, что ценность производимых теперь 32 бушелей определяется издержками производства 12 или 15 бушелей на худших землях, о которых говорит г. Ивесон? Если издержки производства 15 бушелей теперь столь же велики, как прежние издержки производства 30 бушелей, то цена должна быть удвоена для того, чтобы быть «достаточной», потому что степень, в которой цена должна увеличиваться для компенсации производителя за издержки, которые он должен понести, не зависит ни от количества произведенного, ни от количества потребленного хлеба, но от издержек производства. Разница между ценностью известного количества продуктов, получаемого с плодородной земли и с земли худшего качества, всегда будет составлять ренту; так что прибыли лиц, хозяйствующих на плодородной и на плохой земле, будут одинаковые, но рента с лучшей земли будет превосходить ренту с худшой на тот избыток в количестве продукта, который при тех же издержках может дать лучшая земля. Теперь всеми признано, что рента является последствием возрастания цены зерна, а не его причиной; также признано, что единственной постоянной причиной возрастания ценности хлеба являются возрастающие издержки производства его, обусловленные необходимостью обработки менее плодородных земель, на которых при затрате того же количества труда не может быть получено то же количество продукта.

Разве не верно, что рента с лучшей земли определяется количеством в 15 бушелей, которыми мы в настоящее время вынуждены довольствоваться с наших менее плодородных земель? Рента, ложащаяся бременем на обработку земли,

приносящей 32 бушеля, и равная ценности 17 бушелей,—т.-е. разнице между 15 и 32,—не могла бы существовать, если бы не обрабатывалась никакая другая земля, кроме приносящей 32 бушеля. Если, в таком случае, издержки по производству 15 бушелей на плодородной земле, при необходимости уплаты ренты, и издержки по производству такого же количества на неплодородной земле, без уплаты ренты, равняются в настоящее время издержкам по производству 30 бушелей в прежнее время на плодородной земле, когда никакая рента не уплачивалась,—цена должна быть удвоена.

§ 2. В таком случае, очевидно, что по мере прогресса общества, при отсутствии какого бы то ни было ввоза, мы постоянно вынуждены обращаться к худшим землям для прокормления увеличивающегося населения, и с каждой новой ступенью нашего прогресса цена хлеба должна возрастать, а с таким возрастанием неизбежно будет увеличиваться и рента с лучшей земли, ранее взятой в обработку. Более высокая цена становится необходимой для возмещения того меньшего количества, которое получается; но эта повышенная цена никогда не должна считаться выгодной; она не существовала бы, если бы тот же самый эффект мог бы быть получен с меньшим трудом, она не существовала бы, если бы—путем применения труда в промышленности—мы могли бы косвенно получить хлеб путем вывоза промышленных продуктов в обмен на хлеб. Высокая цена, если она является результатом высоких издержек, есть зло, а не благо; цена высока потому, что много труда затрачивается на производство хлеба. Если бы только небольшое количество труда затрачивалось на это, то большая часть труда, составляющего подлинный источник богатства страны, оставалась бы в ее распоряжении для удовлетворения других ее потребностей.

* ГЛАВА II *

О ВЛИЯНИИ ПОВЫШЕНИЯ ЗАРАБОТНОЙ ПЛАТЫ НА ЦЕНУ ХЛЕБА

§ 3. Многое из сказанного в предыдущей главе было бы, по всей вероятности, приято некоторыми из числа тех лиц, которые выступают защитниками ограничения хлебной торговли; эти лица, однако, добавили бы, что хотя и можно было бы доказать, что никакие покровительственные пошлины на ввозимый хлеб не могут быть оправдывае-

мы только потому, что количество труда, необходимого для получения данного количества продукта в этой стране увеличивается, но все же такие пошлины являются-де необходимыми для защиты фермера от последствий высокой заработной платы в этой стране, обусловленной обложением, которое падает на трудящиеся классы и которое должно быть возмещено им их предпринимателями посредством высоких заработных плат. Эта аргументация основана на том предположении, что высокая заработная плата имеет тенденцию повышать цены товаров, являющихся продуктами труда. Если фермер,—рассуждают они,—мог до обложения и до повышения заработной платы, являющегося результатом этого обложения, конкурировать с иностранным производителем хлеба, то теперь он уже не в состоянии этого сделать, раз он несет тяжесть, от которой его конкурент свободен.

§ 4. Аргументация эта целиком не верна — фермер не ставится в сравнительно невыгодное положение вследствие подъема заработной платы. Если бы, как результат налогов, уплачиваемых рабочим классом, заработка плата возросла бы (а она, по всей вероятности, возросла бы), то это возрастание ее в равной степени коснулось бы всех категорий производителей. Если считается необходимым, чтобы цена хлеба возрастила для того, чтобы компенсировать фермера, то так же необходимо, чтобы сукно, шляпы, башмаки и всякие другие товары возрастили в цене для вознаграждения производителей этих товаров. В таком случае или цена хлеба не должна подниматься, или цены всех других товаров должны подняться вместе с ценами на хлеб.

В том случае, если ни хлеб, ни другие товары не поднимаются в цене,—все эти предметы, конечно, сохранят по отношению друг к другу прежнюю ценность; если цена на все эти предметы возрастет, то отношение между ними опять-таки останется то же. Или все товары должны требовать покровительственных пошлин, или ни один.

§ 5. Обложение покровительственными пошлинами всех товаров было бы нелепым, потому что этим нельзя ничего выиграть, это никаким образом не изменило бы относительной ценности товаров; всякое покровительство отдельной отрасли хозяйства возможно лишь путем изменения относительной ценности товаров, а не путем изменения их цен. Если бы Англия давала Германии один ярд тонкого сукна за квarter пшеницы, то она не была бы ни более, ни менее расположена производить эту торговлю в том случае, если бы цена и на сукно и на хлеб поднялась на 20%. Вся иностранная торговля в конечном итоге выражается во

иззаимном обмене товаров; деньги же—лишь мера, при помощи которой соответственные количества определяются. Никакой товар не может быть ввозим, если другой товар не вывозится; а вывозимый товар должен тоже возрастать в цене с возрастанием заработной платы. Необходимо, чтобы на вывозимые товары была установлена вывозная премия, если ввозимый товар облагается покровительственной пошлиной. Если никакая экспортная премия не дается за один товар, и никакое покровительство не оказывается другому, то результат будет тот же, потому что—в том и другом случае—как раз то же самое количество иностранного товара будет получено за данное количество товаров отечественного производства.

Если, благодаря под'ему заработной платы, квартер зерна поднимается в цене с 60 до 75 шиллингов, или на 25%; если известное количество шляп или сукна повышается в цене в той же самой пропорции и по той же самой причине, то импортер хлеба в Англию потерял бы на вывозимом им товаре как раз столько же, сколько он заработал бы на ввозимом им хлебе. Если бы торговля оставалась свободной, то цена хлеба не поднялась бы с 60 до 75 шиллингов, несмотря на возрастание заработной платы; по той же причине не поднялись бы в цене ни сукно, ни шляпы, ни башмаки. Но если я допущу повышение цен этих товаров—это не внесет никаких изменений в мою аргументацию: в таком случае нам пришлось бы вывозить деньги в обмен на хлеб, так как никакой другой товар не мог бы быть столь же выгодно использован для уплаты за него; ведь при нашем предположении цена всякого другого товара повысилась. Вывоз денег постепенно уменьшил бы их количество и поднял бы их ценность в стране вывозящей, между тем как ввоз их в другие страны вызвал бы в этих последних обратный результат,—т.-е. увеличил бы их количество и понизил бы их ценность, и, таким образом, цена хлеба, сукна, шляп и всех других предметов в Англии оказалась бы в том же отношении к ценам тех же самых товаров в других странах, в каком они находились до под'ема заработной платы. Во всех случаях возрастание заработной платы, когда оно бывает вследствием, уменьшает прибыль и не вызывает повышения цен товаров. Если бы цены товаров поднялись, никакой производитель не получил бы от этого прибыли. Какое значение имело бы для него то обстоятельство, что он продает свои товары на 25% дороже, если он в свою очередь вынужден платить на 25% дороже за каждый товар, который он покупает? Он оказался бы точно в таком же положении, если бы продал свой хлеб на 25% дороже и 25% переплатил при покупке

шляп, башмаков, одежды и т. д., как если бы он придал принадлежащий ему хлеб по прежней цене и купил все потребляемые им товары по тем ценам, которые он раньше платил за них. Ни один класс производителей, следовательно, не может претендовать на покровительство ввиду возрастания заработной платы, потому что возрастание заработной платы одинаково затрагивает всех производителей; возрастание заработной платы не повышает цены товаров, но понижает прибыль; а если оно повысило бы цены товаров, оно повысило бы цены всех товаров в одной и той же пропорции, и, в силу этого, оно не изменило бы их меновой ценности. Только тогда, когда благодаря вмешательству правительства изменяется относительная ценность товаров, может быть оправдываем какой-нибудь налог, который будет действовать как покровительственная мера против ввоза какого-нибудь иностранного товара.

§ 6. Многие предполагают, что повышение цены хлеба повысит цену всех других товаров; это мнение основано на ошибочном взгляде, которого они придерживаются относительно влияния всеобщего повышения заработной платы. Хлеб повышается в цене, потому что его более трудно производить, и издержки его производства возрастают; хлеб вовсе не повышался бы в цене, если бы цены всех других вещей возрастили вместе с ростом цен на хлеб. Цена на хлеб действительно повышается для фабриканта шляп и для суконщика, если они вынуждены давать,—один больше шляп, а другой больше сукна за свой хлеб; для них вовсе не было бы никакого возрастания цен и не представлялось бы возможным указать, кто оплачивает возрастающие издержки производства, если бы их товары настолько же поднялись в цене и обменивались бы на то же количество хлеба.

Можно принять как принцип, что всякая причина, действующая в какой-либо стране и оказывающая одинаковое влияние на все товары, не меняет их относительной ценности и не может дать никакого преимущества иностранным конкурентам; но всякая причина, частично влияющая на один товар, меняет ценность этого товара в отношении ко всем другим, если ее действие не уравновешивается соответственной пошлиной; такое изменение дает преимущество иностранному конкуренту и будет иметь тенденцию лишать нас выгодной отрасли производства.

О ВЛИЯНИИ ОБЛОЖЕНИЯ, ПАДАЮЩЕГО НА КАКОЙ-НИБУДЬ ОТДЕЛЬНЫЙ ТОВАР

§ 7. По тем же основаниям, по каким покровительственные пошлины не могут быть оправдываемы ссылкой на возрастание заработка платы, вообще, по какой бы причине оно ни произошло; по тем же основаниям, нельзя защищать пошлины и в том случае, когда обложение является всеобщим¹ и в равной степени затрагивает все категории производителей. Таковым является, например, подоходный налог; он затрагивает в равной степени всех капиталистов. Никогда еще даже самые большие сторонники покровительственных пошлин не обосновывали их необходимости ссылкой на существование подоходного налога. Но налог, в одинаковой степени касающийся всех товаров, есть налог того же рода, что и подоходный налог, потому что и после установления такого налога товары сохраняют ту же относительную ценность, какую они имели по отношению друг к другу до обложения. Возрастание заработка платы, подоходный налог или пропорциональное обложение всех товаров,—все это действует одинаковым образом; все это не меняет относительной ценности товаров и потому не причиняет нам ущерба в нашей торговле с иностранными государствами. Мы, конечно, испытываем то неудобство, что должны платить налоги, но мы не имеем возможности освободиться от этого бремени.

Однако, налог, который падает² исключительно на производителей какого-либо отдельного товара, имеет тенденцию повышать цену этого товара; если же цена товара не поднимется, производитель его окажется в неблагоприятных условиях по сравнению со всеми другими производителями; он не будет получать от своего промысла 'обычной средней прибыли. При повышении цены ценность этого товара по отношению к другим товарам изменяется. Если ввоз подобного товара из других стран не облагается никакой покровительственной пошлиной, то это несправедливо по отношению к отечественному производителю, и не только по отношению к нему, но и к его стране. В интересах всего общества, чтобы он не уходил из той отрасли промышленности, которую он избрал бы при системе свободного соперничества и в которой он продолжал бы оставаться, если бы всякий другой товар был обложен в такой же степени, как товар, им производимый. Налог, падающий исключительно на него, есть, в действительности, премия такого

же размера за ввоз того же товара из-за границы; и для восстановления справедливых условий конкуренции было бы необходимо не только облагать соответствующими пошлинами ввозимый товар, но и установить экспортную премию таких же размеров на вывозимые за границу товары отечественного производства.

Производители хлеба облагаются специальными налогами, как например, десятина, часть налога в пользу бедных, и, быть может, еще одним или двумя другими налогами; все эти налоги имеют тенденцию повышать цену хлеба или других сельскохозяйственных продуктов на сумму, равную величине этих налогов. Следовательно, ввозимый хлеб должен быть обложен пошлинами в такой же степени, в какой эти специальные налоги повышают цену хлеба внутреннего производства. Если по этой причине цена хлеба поднялась бы на 10 шиллингов за квартер, то хлеб, ввозимый из-за границы, должен быть тоже обложен пошлиной в 10 шиллингов, и в то же время должна быть установлена экспортная премия такого же размера на вывозимый хлеб. Посредством таких пошлин и вывозных премий эта отрасль хозяйства была бы поставлена в такое положение, как если бы она не подвергалась обложению, и мы были бы уверены, что капитал, в ущерб интересам страны, не привлекался бы искусственно к этой отрасли хозяйства и не выталкивался бы из нее.

Наибольшие выгоды получает страна тогда, когда ее правительство воздерживается как от поощрений, так и от создания препятствий для собственника капитала, представляя ему применять капитал тем способом, который он считает наиболее выгодным для себя. При обложении одних лишь фермеров десятиной и т. п. налогами, ничто не могло бы помешать ему при отсутствии иностранной конкуренции поднимать цену своих продуктов, в противном случае он оставил бы эту отрасль хозяйства, которая не давала бы ему обычной и нормальной для всех других отраслей прибыли. Но если бы ввоз был свободен, то импорт иностранного хлеба получил бы несправедливое поощрение, если только иностранный товар не был бы обложен пошлиной, равной по размерам десятине или другому специальному налогу, наложенному на отечественного производителя.

Но отечественный производитель все же мог бы жаловаться, если бы ему было отказано в экспортной премии на вывозимые товары, потому что он тогда мог бы сказать: «До ваших налогов и до того, как от действия этих налогов цена на мой продукт поднялась, я мог конкурировать с иностранным производителем на внешних рынках; повысив цену моего хлеба, вы лишили меня этой выгоды, поэтому

дайте мне вывозную премию в размере, равном указанному обложению, и вы вновь поставите меня в то же положение, в каком я находился ранее как по отношению к моим соотечественникам — производителям других товаров, так и по отношению к иностранным сельским хозяевам». Как по принципам справедливости, так и в согласии с истинными интересами страны, его требование должно было быть удовлетворено.

* ГЛАВА IV {*

О ВЛИЯНИИ ОБИЛЬНОГО УРОЖАЯ НА ЦЕНУ ХЛЕБА

§ 8. В одной из предыдущих глав я старался показать, что цена хлеба, для того чтобы быть «достаточной», должна оплачивать все расходы по его производству, включая в эти расходы обычную прибыль на затраченный капитал. Действительно, выполнением этих условий регулируются размеры предложения хлеба в среднем за несколько лет. Если вырученная цена ниже «достаточной», то прибыль уменьшается или совершенно исчезает. Если полученная цена выше «достаточной», то прибыль повышается. В первом случае капитал будет уходить из земледелия, и предложение постепенно приспособится к спросу. Во втором случае капитал будет притекать к земледелию, и предложение будет возрастать. Но, несмотря на тенденцию, присущую предложению хлеба,—приспособляться к спросу,—по ценам, которые должны оказаться «достаточными», невозможно в точности учесть влияние погоды. Иногда в течение нескольких лет под ряд урожай будет обильным; другой раз в течение такого же периода он будет скучным и недостаточным. Если количество хлеба на рынке, вследствие ряда хороших урожаев велико, то цена хлеба упадет не в той пропорции, в какой количество хлеба превышает обычный спрос, а в значительно большей. Спрос на хлеб, при данном народонаселении, по необходимости должен быть ограничен; и, если бы даже было верно,—а это, несомненно, верно,—что когда хлеб имеется в изобилии и по дешевой цене, то количество потребляемого хлеба возрастает, то все же верно, что общая его ценность будет уменьшаться. Предположим, что обычный спрос Англии определяется в 14 миллионов квартеров пшеницы и что вследствие обильного урожая был собран 21 миллион квартеров. Если «достаточная» цена была 3 фунта за квартер, а ценность 14 миллионов квартеров—42 миллиона фунтов, то не подлежит ни малейшему сомнению, что ценность 21 миллиона квартеров будет значительно меньше 42 миллионов фунтов. Нет положения,

Установленного более твердо, чем то, что незначительный количественный излишек товара оказывает весьма сильное влияние на цену. Это верно в отношении всех товаров; но ни об одном из них этого нельзя утверждать с такой уверенностью, как о хлебе, который составляет главный предмет питания народа. Этого положения, я думаю, никогда не отрицали те, кто обращал внимание на этот вопрос. Некоторые даже пытались вычислить то понижение цены, которое имело бы место при предположении, что излишек составляет ту или иную величину по отношению к среднему количеству. Подобные вычисления, однако, должны быть весьма обманчивы, так как никакое общее правило не может быть положено в основу колебаний цен, происходящих от изменений количества товара. Положение было бы различно в различных странах; в существенном оно должно зависеть от богатства или бедности страны и от возможности сберечь избыток, в виде запаса, на будущий год. Оно также должно зависеть от мнений, образующихся по вопросу о вероятности того или иного соотношения между будущим предложением и будущим спросом. Однако, я думаю, что положение,—что совокупная ценность юбильного урожая всегда будет значительно меньше, чем совокупная ценность среднего урожая,—всегда верно; верно и то, что совокупная ценность плохого урожая будет значительно выше, чем совокупная ценность среднего урожая. Если бы в Лондоне продавалось ежедневно по 100 тысяч хлебов, и предложение сразу было бы понижено до 50 тысяч, то может ли кто-нибудь сомневаться в том, что цена каждого хлеба увеличилась бы значительно более, чем в два раза? Богатые продолжали бы потреблять такое же количество хлеба, если бы даже цена его утроилась или учетверилась. С другой стороны, если бы вместо 100 тысяч хлебов ежедневно поступали в продажу 200 тысяч, то разве они могли бы быть распроданы без понижения цены, понижения, превосходящего пропорцию увеличения количества? Разве вода лишена ценности не потому, что она имеется в изобилии? Если бы хлеб имелся в таком же изобилии, то и он имел бы не большую ценность, каково бы ни было количество труда, затраченное на его производство.

В доказательство правильности этого взгляда я могу сослаться на цену пшеницы в нашей стране в различные по урожайности годы, из чего будет видно, что в годы обильных урожаев, хотя мы и получали некоторое облегчение, благодаря экспорту, все же цена хлеба в течение трех лет понизилась на 50%. Чему это может быть приписано, если не чрезмерному количеству? Следующий документ заимствован из показания Тука, данного им комитету в 1821 г.

В 1728 г. цена пшеницы была 48 ш. $5\frac{1}{2}$ п. с излишк. ввоза в	70.757	кварт.
» 1732 » » » 23 » $8\frac{1}{2}$ » » » вывоза » 202.058 »		
» 1740 » » » 45 » $0\frac{1}{2}$ » » » » » 46.822 »		
» 1743 » » » 22 » 1 » » » » » 371.429 »		
» 1750 » » » 28 » $10\frac{3}{4}$ » » » » » 947.323 »		
» 1757 » » » 53 » 4 » » » ввоза » 130.017 »		
» 1761 » » » 26 » $10\frac{3}{4}$ » » » вывоза » 441.956 »		

Так как было сказано, что изобилие может приносить ущерб интересам производителей, то раздались упреки по адресу новой доктрины об этом предмете, что она-де состоит в том, что благость пророчества может превратиться в проклятие для страны; но это существенным образом меняет смысл утверждения. Никто не говорит, что изобилие приносит ущерб интересам страны, но что оно часто бывает убыточно производителям того товара, который имеется в изобилии. Если бы все производимое ими предназначалось для их собственного потребления, изобилие не могло бы быть вредным для них; но если ценность того количества хлеба, с которым они выступают на рынок, с целью в обмен на него получить другие товары, весьма сильно понизится, то они будут лишены возможности приобрести обычные предметы своего потребления; они фактически будут иметь большее количество товаров, но с меньшей денежной ценностью. Если бы мы жили в одном из параллелограмов г. Оуэна и потребляли бы все свои продукты сообща, то от изобилия их никто не мог бы страдать; до тех же пор, пока общество устроено так, как сейчас,—изобилие часто будет убыточно для производителей, а недостаток товаров им выгоден.

* ГЛАВА V *

БИЛЛЬ ПИЛЯ О ВОССТАНОВЛЕНИИ ПРЕЖНЕЙ ДЕНЕЖНОЙ ЕДИНИЦЫ И ЕГО ВЛИЯНИЕ НА ЦЕНУ ХЛЕБА

§ 9. По вопросу о действии, которое оказал на цену хлеба билль Пиля о восстановлении старой денежной единицы, существуют различные мнения. У одной из спорящих сторон сказывается большой недостаток откровенности; и, я думаю, согласятся, что многие из тех, которые во время войны уверяли, что наши деньги вовсе не были обесценены, теперь стараются доказать, что обесценение было тогда огромным, и что все переживаемые нами бедствия происходят от возврата наших денег из состояния обесценения к паритету.

Также забыто, что с 1797 по 1819 г. мы не имели никакого масштаба, при помощи которого можно было бы регулировать количество или ценность наших денег. Количество и ценность последних всецело зависели от Английского банка; директора же этого учреждения, каково бы ни было их желание вести дело честно и справедливо по отношению к публике, открыто признались, однако, что они при выпусках денег руководились такими принципами—это теперь уже неоспоримо,—которые вызвали в стране величайшие затруднения. Соответственно этому, мы находим, что в течение 22-летнего периода, когда у нас, кроме произвола Английского банка, не было иного закона для регулирования количества и ценности денег, ценность нашей валюты подвергалась значительным колебаниям.

В 1813 и 1814 гг. обесценение наших денег достигло, вероятно, максимума, так как золото оценивалось до 5 ф. 10 ш. и 5 ф. 8 ш. за унцию; но в 1819 г. ценность банкнот была только на 5% ниже старого уровня, золото оценивалось тогда от 4 ф. 2 ш. до 4 ф. 3 ш. за унцию. В том же 1819 г. билль Пиля получил силу закона. Во время обсуждения этого билля парламенту пришлось иметь дело с этим вопросом в том виде, в каком он тогда представлялся. Считали целесообразным положить конец такому положению вещей, которое позволяло коммерческой компании регулировать ценность денег так, как ей это вздумается; и единственный пункт, который мог быть тогда подвергнут рассмотрению, заключался в том: восстановить ли старую денежную единицу на основе в 3 ф. 17 ш. $10\frac{1}{2}$ п. за унцию или новую—на основе в 4 ф. 2 ш. за унцию, в соответствии с ценой золота не только в момент обсуждения закона парламентом, но и почти в течение предшествующих лет. Парламент принужден был выбирать между этими двумя ценами, и я думаю, что он благоразумно поступил, избрав возвращение к старой единице. Но когда теперь говорят, что ценность денег была искусственно повышена,—по мнению одних на 25%, по мнению других на 50 и даже на 60%,—то для сравнения берут не 1819 г., когда билль прошел в парламенте, а период максимального обесценения. И всю ответственность за это возрастание ценности денег приписывают биллю Пиля. Но как раз билль Пиля и положил конец той системе, которая допускала такие колебания ценности денег. Действительно, если бы в 1819 г. или в течение года, непосредственно ему предшествовавшего, цена золота была 5 ф. 10 ш. за унцию, то не могло бы быть более нецелесообразной меры, чем восстановление старой цены, которое вызвало бы насилиственное и резкое изменение всех существующих обязательств; но цена золота,

как я уже раньше говорил, была тогда и за 4 года до этого около 4 ф. 2 ш., — никогда выше, а часто даже ниже, и никакая мера не могла бы быть столь чудовищной, как та, в отказе от которой некоторые упрекают Палату общин, а именно — установление денежной единицы на основе в 5 ф. 10 ш. за унцию. Это означало бы, другими словами, что в то время как даже при плохой системе ценность денег вновь достигла уровня только на 5% ниже ценности золота, теперь она была бы снова снижена на 30% ниже этого уровня.

§ 10. Следует вспомнить, что представленный мною стране план восстановления устойчивой денежной единицы не требовал для своей реализации большего количества золота, чем то, каким тогда обладал банк¹⁾.

План этот состоял в том, чтобы обязать банк оплачивать предъявителей установленного крупного количества банкнот золотыми слитками по монетной цене 3 ф. 17 ш. 10½ п. за унцию, вместо того чтобы оплачивать их золотой монетой. Если бы этот план был принят, ни одна частица золота не употреблялась бы в обращении; все наше обращение было бы бумажным, за исключением серебряной монеты, необходимой для платежей на сумму меньше одного фунта. В таком случае — при восстановлении прежней устойчивой единицы — очевидно, что ценность денег могла бы возрасти только на 5%, потому что такова была тогда разность между ценностью золота и бумажных денег. Наш план не заключал в себе ничего, что могло бы послужить причиной возрастания ценности золота, так как никакого добавочного количества золота при этом не потребовалось бы, и поэтому 5% представляли бы максимум возрастания ценности денег²⁾. Биллем г. Пиля план этот принимался на 4 года, по истечении которых должны были быть восстановлены платежи золотой монетой. Если бы директора банка в течение переходного времени, установленного биллем, вели свои дела с тем умением, которого требовали интересы общества, то они довольствовались бы тем, что и после проведения билля регулировали бы выпуски билетов таким образом, чтобы вексельный курс продолжал держаться паритета, и, следовательно, никакой ввоз золота

1) Рикардо имеет в виду помещенный в настоящем сборнике памфлет: «Предложения по вопросу и т. д.», вышедший в 1816 г. Прим. ред.

2) На 4 ф. 2 ш. в банкнотах можно было купить такое же количество товаров, как и на 3 ф. 17 ш. 10½ п. в золотой монете; цель плана состояла в том, чтобы 3 ф. 17 ш. 10½ п. в банкнотах сделать равноценными 3 ф. 17 ш. 10½ п. в золоте. Было ли необходимо и было ли возможно, для осуществления этой цели, повысить ценность товаров более чем на 5%, при неизменной ценности золота?

не мог бы иметь места; но банк, который всегда отрицательно относился к плану уплаты слитками, непосредственно приступил к приготовлениям для восстановления платежей монетой. Эмиссии его регулировались таким образом, что всесильный курс сделался крайне благоприятным для страны; золото хлынуло в нее беспрерывным потоком, и весь этот приток усердно покупался банком по 3 ф. 17 ш. $10\frac{1}{2}$ п. за унцию. Подобный спрос на золото не мог не повысить его ценности по сравнению с ценностью всех других товаров. Нам, следовательно, предстояло не только поднять ценность наших денег на 5%—разность между ценностью бумажных денег и золота, которая существовала до начала этих операций,—но еще и поднять ее до того нового уровня ценности, которого золото достигло вследствие нецелесообразных (*injudicious*) закупок этого металла, сделанных банком. Мне кажется бесспорным, что если бы план оплаты банкнот слитками был как следует испытан в течение 3 лет из 4-летнего периода между 1819 и 1823 гг., и если бы он был признан вполне отвечающим всем условиям, которым должно удовлетворять денежное обращение, регулируемое золотом установленной ценности, то действие этой системы должно было быть продолжено; поступая таким образом, мы избегли бы той депрессии, которой страна, несомненно, подверглась, благодаря влиянию усиленного спроса на золото, который был вызван введением размена на звонкую монету.

В защиту проводимых ими мер директора банка указывали на раздававшиеся жалобы на частые казни за подделку банкнот, что сделало необходимым изъятие из обращения банкнот в 1 фунт и замену их монетой. Если бы вместо ныне обращающихся банкнот нельзя было бы ввести банкноты, которые было бы труднее подделать, чем теперешние, то этот довод был бы вполне основательным, потому что пожертвование небольшим денежным интересом не могло бы считаться важным, если бы с его помощью можно было устраниТЬ соблазн подделок, за которые столько несчастных людей ежегодно подвергались казни. Но это оправдание плохо помогает директорам Английского банка, которые до 1821 г. не заметили необходимости предупреждения подделки банкнот посредством выпуска монеты; они открыли это лишь после 1821 г., лишь после того, как банк сделал столь обширные закупки золота, что он был вынужден ходатайствовать перед парламентом об издании билия, дающего ему право чеканить монету для размена своих банкнот, каковое право акт Пиля давал ему лишь с 1823 г. Как это случилось, что они не сделали этого открытия в 1819 г., когда комитеты верхней и нижней палаты обсу-

ждали вопрос о размене банкнот? Вместо того чтобы тогда же приступить к уплате монетой, банк протестовал—по мнению многих, достаточно неуместно—против всякого плана, предусматривающего платежи золотом и лишающего его возможности бесконтрольно увеличивать или уменьшать количество средств обращения. Наверное еще не забыто, что на запрос комитета Палаты лордов, адресованный банку и датированный 24 марта 1819 г.: «Не имеет ли банк каких-либо возражений против принятия закона, на основании которого он, банк, обязуется оплачивать слитками предъявляемые ему билеты, но на сумму не меньше 100, 200 или 300 фунт., из расчета по 3 ф. 17 ш. 10½ п. за унцию и покупать на свои банкноты слитки золота по 3 ф. 17 ш. 6 п. за унцию при условии, что закон этот вступит в силу через определенный срок, для этой цели назначенный»,—директора отвечали: «Банк, рассмотрев запрос комитета Палаты лордов от 24 марта, не встречает никаких затруднений к производству обмена определенного количества банкнот на золото известного веса, если только это последнее будет расплавлено, пробырано и отчеканено на монетном дворе его величества».

Но, по мнению совета банка, приобретение банком слитков по цене в 3 ф. 17 ш. 6 п. за унцию столь проблематично, что директора, исполняя свой долг перед владельцами банка, не считают себя вправе принять на себя обязательство выпускать слитки по цене в 3 ф. 17 ш. 10½ п. за унцию; совет вместо того просит предоставить банку возможность обменивать свои банкноты на золотые слитки по рыночной цене на предшествующий обмену день, если только банку будет дано достаточно времени для того, чтобы он мог испытать действие такой меры».

Если бы такое предложение было принято, банк получил бы возможность сам определять ту цену, по которой он в данное время продавал бы золото публике, потому что посредством сокращения или расширения своих эмиссий он получил бы возможность устанавливать цену золота по своему произволу в 4 фунта или 10 фунтов за унцию, и банк любезно предлагал продавать публике золото по той цене, до которой он сочтет выгодным поднять его,—«если только ему будет дано достаточно времени для того, чтобы он мог испытать результат такой меры».

После этого предложения, после представления, сделанного директорами банка канцлеру казначейства 20 мая 1819 г. (см. приложение А), никто, вероятно, не скажет, что вопрос о подделке банкнот казался директорам столь срочным, что они ревностно желали заменить в 1819 г. свои мелкие билеты золотой монетой, какое бы значение ни приобрел в их глазах этот вопрос в 1820 г.

Чрезвычайно трудно решить вопрос о том, какое влияние имели закупки золота, произведенные банком, на ценность золота и, стало быть, на ценность денег. Когда меняется соотношение двух товаров, то нельзя точно определить, поднимается ли ценность одного или падает ценность другого. Нет никаких средств даже для приблизительного выяснения этого факта, за исключением тщательного сравнения ценности обоих товаров за весь период их колебания с ценностью многих других товаров.

Даже такое сравнение не дает нам бесспорного критерия, потому что ценность одной половины товаров, с которыми они сравниваются, могла изменяться в одном направлении, в то время как ценность другой половины могла изменяться в другом; какая же половина должна служить критерием для определения колебаний ценности золота? Если принять первую, то окажется, что ценность золота повысилась; если вторую, то ценность его окажется пониженной. Однако, наблюдение за ценой серебра и многих других товаров и учет специфических причин, оказавших особые действия на ценность этих товаров, привели г. Тука,—одного из наиболее компетентных свидетелей, допрошенных в комитете о земледелии,—к заключению, что усиленный спрос на золото, предъявленный банком для замены мелких банкнот монетой, поднял ценность золота, приблизительно, на 5%. С этим заключением Тука я вполне согласен. Если оно основательно, то общее возрастание ценности наших денег после принятия акта Пиля в 1819 г. может быть определено, приблизительно, в 10%. В такой же пропорции возросли налоги вследствие восстановления платежей монетой; в той же пропорции упала цена хлеба и вместе с ней цены всех других товаров от действия одной этой причины, но все дальнейшее выходящее за эти пределы понижение, которое испытала цена хлеба, должно быть отнесено за счет превышения предложения над спросом; такое понижение наступило бы и в том случае, если бы в ценности наших денег не произошло никаких изменений.

§ 11. Многие представители интересов земледельцев полагают, что все бедствия земледелия следует приписать только одной причине. Они заходят так далеко, что говорят, что в настоящее время земля не приносит никакого прибавочного продукта, кроме того, что уплачивается правительству в виде налогов; что ничего не остается на долю ренты и прибыли; что если рента и выплачивается, то она представляет собой вычет из капитала фермера, и все это они приписывают изменению в ценности денег.

Очевидно, что те, которые выдвигают такое крайнее предположение, не знают, каким образом отражается изменение

ценности денег на интересах различных групп в стране. Если оно убыточно для должника, то оно в той же степени выгодно для кредитора; если его давление ощущается фермером, то оно должно быть выгодным для землевладельца и для получателей налогов. Те, следовательно, которые придерживаются этой доктрины, должны быть готовы утверждать, что весь тот фонд, который раньше составляла рента землевладельца и прибыль фермера, сейчас, после изменения ценности денег, перешел в руки государства и выплачивается теперь получателям налогов, в том числе и держателям ценных бумаг. Что положение держателей ценных бумаг улучшилось благодаря тому, что дивиденды получаются ими в валюте, ценность которой возросла, это не может подлежать сомнению; но разве можно доказать, что их положение настолько улучшилось, что они имеют сейчас в своем распоряжении, кроме своих прежних предметов потребления, также все то, что раньше находилось в распоряжении всех фермеров и всех землевладельцев страны? Столь нелепого положения нельзя поддерживать ни минуты; мы ничего не слышали о великолепных экипажах и пышных дворцах, которые завели наши рантье со временем и вследствие биля 1819 г.! Кроме того, если это верно, то как это случилось, что прибыли купцов и промышленников ускользнули от владельца фондов, этого всепоглощающего чудовища, как его называли? Разве их прибыль не зависит от тех же причин и тех же законов, как и прибыль фермера? Каким образом им удалось спастись от этой опустошительной бури? Ответ ясен: выставленное положение неверно. Земледелие страдало от причин, среди которых деньги играют только незначительную роль. Особые тягости, от которых страдают интересы земледелия, имеют лишь временный характер, и они будут существовать лишь до тех пор, пока предложение хлеба будет превышать спрос. «Достаточная» цена невозможна до тех пор, пока продолжает действовать эта причина, вызывающая низкие цены; но положение вещей, которое мы наблюдаем сейчас, не может быть длительным.

Разве не справедливо, что если вследствие изменения ценности денег и возросшего в силу этого обложения давление на фермеров было столь велико, что они лишились всей прибыли на капитал, то это давление должно также лишить прибыли всех других капиталистов? Ведь совершенно невозможно, чтобы одна часть капиталистов на продолжительное время осталась вовсе без прибыли, между тем как другие продолжают получать приличествующую прибыль.

Землевладельцы могут утверждать, что они отягощены твердыми обязательствами, лежащими на их имениях, как например: приданое дочерей, выделы младших сыновей,

ипотеки и т. д. Нельзя отрицать, что изменение ценности денег должно сильно действовать на все эти обязательства и должно быть весьма обременительно для землевладельцев; но они должны вспомнить, что они сами или их отцы извлекли в свое время выгоду из обесценения денег. По всем своим твердым обязательствам, включая сюда и налоги, они в течение многих лет уплачивали обесцененной монетой¹⁾. Если они терпят ущерб сейчас, то они прежде получали выгоду. И если бы счеты были подведены как следует, то, я думаю, землевладельцы вряд ли могли бы найти, поскольку речь идет об изменении ценности денег, достаточно поводов к жалобам.

§ 12. А разве коммерсанты не имеют причин жаловаться на ущерб, причиненный их интересам вследствие изменений, произошедших в их денежных обязательствах в результате возрастания ценности денег? Разве они не являются должниками в такой же степени, как и землевладельцы? Сколько людей, капиталы которых прямо или косвенно используются их преемниками, удалилось от дел! Сколько денег вкладывается банкирами и другими лицами в учет векселей! Дебиторы должны существовать на всю эту сумму, и возрастание ценности денег не преминуло весьма значительно увеличить тяжесть их долгов.

Обстоятельства эти упоминаются мною для того, чтобы показать, что если бы действительной причиной бедствий землевладельцев было возрастание ценности денег, то эта причина должна была вызвать аналогичные бедствия и в других отраслях народного хозяйства; но этого не произошло, и поэтому я имею право заключить, что причина бедствий была ошибочно понята.

Прибыль фермера должна сохранять некое постоянное отношение к прибыли всех других групп капиталистов; она подвергается времененным колебаниям, быть может, в несколько большей степени, чем прибыль других; но обстоятельства, на которые они жалуются,—обстоятельства суровые и в настоящее время отягощенные другими причинами,—все же не являются новыми и необыкновенными.

Тук в своем показании Сельскохозяйственному комитету, на стр. 230 и 231, приводит выдержки из произведений прошлого столетия, в которых разорение земледелия предсказывалось в выражениях, незначительно отличающихся от тех, которые мы употребляем в настоящее время. Тогдашние затруднения прошли, а при некотором содействии хорошего законодательства и теперешние вскоре делаются достоянием истории.

1) Это происходило в период действия акта о приостановке размена.
Прим. ред.

На последнем собрании акционеров банка директора заявили, что они с 1819 г. не только не уменьшали количества орудий обращения, но что они значительно увеличили его, и что в этом году оно, в действительности, было на 3 миллиона фунтов больше, чем в истекшем году в тот же период или за год до этого. Если бы это заявление директоров было совершенно верно, то оно все же не является ответом на выдвигавшиеся против них обвинения в том, что они держали обращение на слишком низком уровне и благодаря этому вызвали значительный прилив золота. Мой вопрос к ним таков: «Было ли наше денежное обращение достаточно велико, чтобы удержать вексельный курс *à l'pari*?» На этот вопрос они должны ответить отрицательно; и поэтому я заявляю, что если вследствие ввоза золота ценность этого металла поднялась и в силу этого давление на страну усилилось, то это произошло потому, что банк не выпустил количества банкнот, достаточного для того, чтобы удержать вексельный курс на паритете. Это обвинение сохраняет свою силу вне зависимости от того, каково было в действительности количество банкнот,—было ли оно неизменно, увеличивалось или уменьшалось.

Но я оспариваю тот факт, что в 1822 г. количество средств обращения было хотя бы на полмиллиона больше, чем в 1821 или 1820 гг. Усвоенный банком способ доказательства этого утверждения неудовлетворителен; он говорит, что в 1821 г. он имел в обращении 23.800.000 фунтов, а теперь находится в обращении банкнот вместе с выпущенными им соверенами на 3 миллиона фунтов больше. Но так как соверены обращаются в Ирландии и в других частях Соединенного королевства, то как можно утверждать, что в тех же самых каналах, в которых в 1821 г. обращалось банкнот на сумму 23.800.000 фунтов, сейчас обращается банкнот и соверенов вместе на 26.800.000 фунтов? Я думаю, что верно противоположное, так как я нахожу, что количество банкнот достоинством в 5 фунтов и выше, находившихся в обращении за последние несколько лет, на февраль месяц было следующее:

Годы	Фунтов
1815	16.394.359
1816	15.307.228
1817	17.538.656
1818	19.077.951
1819	16.148.098
1820	15.893.770
1821	15.766.270
1822	15.784.770

Так как сумма банкнот достоинством в 5 фунтов и выше с 1820 г. увеличилась не более чем на 400 тысяч фунтов, то я считаю невозможным поверить, что обращение более мелких денежных знаков могло увеличиться в сколько-нибудь более значительной пропорции.

§ 13. Прежде чем закончить настоящую главу, я должен заметить, что жалобы, направленные против банка за отказ в учете векселей из 4%, лишены основания. Основанием для таких жалоб служит предположение, что, давая взаймы из 4%, банк понизил бы общий уровень процента, благодаря чему землевладельцы могли бы оказаться в выигрыше, так как они получили бы возможность доставать деньги под залог своих недвижимых имуществ на более льготных условиях, чем сейчас. Я думаю, однако, что какие бы суммы банк ни ссужал и из какого бы низкого процента он этих ссуд ни давал,—это не изменило бы надолго уровня процента на рынке. Уровень процента регулируется, преимущественно, прибылью, которую можно получить на применяющийся капитал; он не может быть контролируем ни каким бы то ни было банком, ни каким бы то ни было об'единением банков. В течение последней войны рыночный уровень ссудного процента колебался между 7 и 10; банк же никогда не давал взаймы больше, чем из 5%. В Ирландии банк обязан на основании устава давать взаймы из процента, не превышающего 5, тогда как все остальные дают взаймы из 6%.

Банк выполняет все свои полезные функции, когда он золото в обращении заменяет бумагой; когда он дает нам дешевое средство обращения и позволяет производительно использовать замещенное в обращении дорогое; если только банк выполняет эту задачу, то вопрос, из какого уровня процента он дает взаймы,—не имеет большого значения.

Один аргумент, приведенный весьма просвещенным членом парламента во время последних прений об уровне процента, взимаемого банком, был весьма своеобразен: он сказал, что Французский банк и другие банки на континенте давали взаймы из низкого процента, и что поэтому Английский банк должен поступать так же. Я не усматриваю никакой связи между его посылкой и заключением. Французский банк должен руководствоваться рыночным уровнем процента и нормой прибыли во Франции; Английский же банк должен руководствоваться рыночным уровнем процента и нормой прибыли в Англии. Один может весьма сильно отличаться от другого. Из всей его аргументации я должен заключить, что он рассматривает низкий уровень процента как обстоятельство, само по себе благоприятное для страны. А я думаю, что верно как раз противоположное. Низкий уровень процента есть показатель значительного накопления капи-

талов в стране, но он также является показателем низкой нормы прибыли и признаком приближения к стационарному состоянию, при котором богатство и ресурсы страны не будут уже возрастать. Так как все сбережения образуются из прибыли, так как страна пользуется наибольшим благосостоянием тогда, когда она находится в состоянии быстрого прогресса, то норма прибыли и процента никогда не может быть слишком высока. Для страны было бы слабым утешением, что низкая прибыль и низкий процент позволяют землевладельцам доставать деньги под закладные на более льготных условиях. Ничто так не способствует преуспеянию страны и ее благосостоянию, как высокая прибыль.

Эта жалоба на банк, которая не совсем кстати исходит, как мне думается, от члена парламента, представляющего интересы всего общества, может быть с успехом подхвачена кем-нибудь из акционеров банка на одном из его общих собраний, так как трудно об'яснить, почему директора банка должны ссужать правительство¹⁾ деньгами своих хозяев из 3%, когда они от других заемщиков могут получать по 4%; но обществу нет никакого дела до этого, и директорам и их акционерам может быть предоставлено право решать этот вопрос, как им вздумается.

} ГЛАВА VI {

О ВЛИЯНИИ НИЗКОЙ ЦЕННОСТИ ХЛЕБА НА НОРМУ ПРИБЫЛИ

§ 14. Употребляя выражение «низкая ценность хлеба», я желал бы быть верно понятым. Я считаю, что ценность хлеба низка тогда, когда большое его количество является результатом умеренного количества труда. Ценность хлеба будет возрастать в той пропорции, в какой от данного количества труда получается меньшее количество хлеба. При прогрессе общества на ценность хлеба действуют две причины в противоположных направлениях: 1) Возрастание народонаселения и необходимость обработки земель худшего качества; это связано с возрастанием издержек производства и всегда влечет за собой повышение ценности хлеба. 2) Улучшения в земледелии или открытие новых богатых заграничных рынков,—то и другое имеет тенденцию понижать ценность хлеба.

1) Правительство сейчас должно банку много миллионов, выданных ему под учет из трехпроцентных казначейских обязательств, не говоря уже о том, что весь основной капитал банка, на основании концессии последнего, предоставлен правительству из 3%.

Временами преобладает одна причина, временами другая, и соответственно этому ценность хлеба возрастает или падает.

Когда я говорю о ценности хлеба, я разумею нечто все же отличное от его цены,—вообще говоря, цена хлеба возрастает при возрастании его ценности, и это всегда было бы так, если бы деньги, в которых цены находят свое выражение, были бы неизменны в своей ценности. Но ценность хлеба может не меняться по сравнению со всеми другими вещами—хлеб может быть продуктом затраты все того же количества труда,—и все же цена хлеба может подниматься и падать, потому что деньги могут оказаться в изобилии и иметь меньшую ценность, или, наоборот, в меньшем количестве и иметь большую ценность. Ничто не является столь маловажным для всего общества, как изменение в цене хлеба, вызванное изменением только ценности денег; но ничто не имеет большего значения для общества—поскольку речь идет о его богатстве и доходе,—чем повышение или падение цены хлеба при постоянной и неизменной ценности денег. Предположим, что ценность денег постоянна и неизменна, и попытаемся определить влияние, производимое повышением или понижением ценности хлеба, которое—при нашем предположении неизменной ценности денег—будет совпадать с повышением или понижением его цены.

Так как хлеб является одним из основных товаров, на который расходуется заработка плата, то ценность хлеба в значительной степени регулирует заработную плату. Ценность самого труда колеблется таким же образом, как и ценность всякого другого товара, являющегося предметом спроса и предложения, но, кроме этого, на ценность труда оказывают особое влияние цены предметов необходимого потребления рабочего; а хлеб, как я уже заметил, среди этих товаров один из самых основных. В одной из предыдущих глав я старался показать, что всеобщее повышение заработной платы не повысит цен товаров, на которые затрачивается труд. Если бы заработка плата возросла в одной отрасли производства, то цена товара, производимого в этой отрасли, должна подняться до того, чтобы уравнять положение производителя этого товара с положением производителей во всех других отраслях. Но если повышение заработной платы касается одинаково всех производителей, то повышение или понижение ценности производимых ими товаров должно, как я уже имел случай заметить, быть для них вещью совершенно безразличной, потому что будут ли цены их товаров высоки или низки—их относительная ценность осталась бы той же самой, а лишь изменение в относительной ценности товаров дает их владельцам большую

или меньшую возможность распоряжаться благами. Всякий, в конце концов, обменивает свой товар или на другие товары, или на труд, и ему безразлично, продаст ли он свои товары по высокой цене, если он должен в то же время давать высокую цену за покупаемые им товары, или же по низкой цене, если и нужные ему товары он может также получить по низкой цене. В обоих случаях размеры его потребления остаются одинаковыми.

При длительных высоких ценах на хлеб, вызванных увеличением количества труда, затрачиваемого на обработку земли, заработка плата должна быть высока; но так как цены товаров не возрастают соответственно повышению заработной платы, то прибыль неизменно должна упасть. Если для производства товаров стоимостью в 1.000 фунтов требуется в данное время труд, стоющий 800 фунтов, а затем цена того же количества труда поднимается до 900 фунтов, то прибыль упадет с 200 фунтов до 100. Прибыль упадет не в одной отрасли, но во всех. Высокая заработка плата, когда она устанавливается везде, оказывает одинаковое действие на прибыль фермера, мануфактуриста и купца. Не существует другого способа поднять прибыль, кроме понижения заработной платы. При таком понимании закона прибыли становится очевидным, как важно, чтобы столь существенно необходимый предмет, как хлеб, цена которого оказывает такое сильное действие на заработную плату, был бы дешев. И как будет вредно для всего общества, если благодаря препятствиям, чинимым ввозу, мы вынуждены будем для прокормления нашего возрастающего населения прибегать к обработке наших менее плодородных земель.

§ 15. Кроме нецелесообразности затраты большей, чем это было бы необходимо в другом случае, части нашего труда на производство пищи и уменьшения, вследствие этого, размеров нашего потребления других благ и способности накоплять,—кроме того, понижая прибыль, мы вызываем в наших капиталистах непреодолимое искушение покинуть страну, извлечь из нее свои капиталы и поместить их там, где существует низкая заработка плата и высокая прибыль. Если бы землевладельцы могли быть уверены в том, что цены на хлеб будут постоянно высоки,—в чем они, к счастью, не могут быть уверены,—то их интересы были бы противоположны интересам всякого другого класса общества,—потому что высокая цена хлеба, происходящая от трудности его производства, есть главная причина возрастания ренты. Мы не можем утешаться и тем, что возрастание ренты—выгода, получаемая землевладельцами—равноцenna тому ущербу, который терпят остальные классы общества благо-

даря препятствиям, чинимым ввозу дешевого хлеба; умеренная выгода, получаемая одним классом, связана с возложением тяжелого бремени на все другие классы.

§ 16. Для самих землевладельцев выгода эта была бы более кажущейся, чем реальной, потому что для использования этой выгоды они должны были бы иметь возможность рассчитывать на длительное существование высоких цен. Ничто так не вредно для фермеров, как постоянное колебание цен, а при системе покровительства землевладельцам и запрещении ввоза иностранного хлеба, прибыль фермеров должна испытывать наиболее чувствительные колебания, как я это постараюсь показать в следующей главе. Когда прибыль фермера высока, он начинает жить более расточительно и вести свои дела так, как будто бы благоприятное положение должно продолжаться вечно; но ухудшение неминуемо должно наступить, и ему придется тогда страдать от своей прежней непредусмотрительности и убедиться в том, что он запутался в расходах, лишающих его возможности выполнить свои обязательства по отношению к землевладельцу.

Конечно, рента землевладельца номинально высока, но он часто находится в таком положении, которое лишает его возможности реализовать ее; не может быть ни малейшего сомнения, что более умеренная, но зато постоянная цена хлеба при регулярной прибыли фермера была бы для землевладельца лучшим способом получать если не максимум ренты, то, во всяком случае, максимум уверенности и комфорта.

Итак, ясно, что высокая, но устойчивая цена хлеба является наиболее выгодной для землевладельца; но так как в стране, расположенной подобно нашей, устойчивость почти несовместима с ценой, высокой по сравнению с ценами других стран, то более умеренная цена в действительности более выгодна для землевладельца. Ничто не может быть установлено с большей ясностью, чем то, что низкая цена на хлеб соответствует интересам класса фермеров и всякого другого класса общества; высокие цены несовместимы с низкой заработной платой, а высокая заработка не может существовать при высокой прибыли.

Я должен здесь отметить ошибочное мнение, защищавшееся одним из тех людей, чьи таланты дают им большой авторитет в том месте, где это мнение было высказано; мнение это состоит в том, что при обложении промышленности мануфактуррист может соответственно повысить цену производимого им товара и даже в некоторых случаях получить прибыль от такого обложения, между тем как фермер

не в состоянии вознаградить себя таким образом, и, следовательно, к концу срока его аренды, если не ранее, вся тяжесть обложения должна ласть на землевладельца. Это ошибка давнего происхождения, так как она базируется на таком большом авторитете, как Адам Смит. Рента и законы, которыми регулируется ее повышение и падение, были разъяснены еще во времена Адама Смита, и все знакомые с этим разъяснением не могут уже более впасть в эту ошибку. Я не стану возвращаться сейчас к вопросу о ренте; вопрос этот был хорошо освещен многими талантливыми писателями. Но я спросил бы тех, кто до сих пор придерживается учения Адама Смита по этому предмету, на кого упадет земельный налог в 3 шиллинга с акра, если обрабатываемая земля принадлежит к категории земель, за которые уплачивается только 1 ш. 6 п. ренты (о такой категории земель упоминает г. Гарвей в своем показании, на которое я уже ссылался выше). Фермер должен пойти или на понижение своей прибыли по сравнению с другими фермерами, уплачивающими более высокую ренту, или же он должен иметь возможность переложить падающую на него тяжесть налога на потребителя. Но почему он стал бы применять свой капитал там, где он приносит ему более низкую прибыль, чем прибыль всех других капиталистов страны? Ему понадобится некоторое время для изъятия своих капиталов из отрасли, приносящей недостаточную прибыль, но он все же не оставался бы в ней, как и всякое другое лицо, поставленное в аналогичные условия в других отраслях.

Я взял случай, приведенный у Гарвея, потому что его сообщениям следует придавать значение, как сообщениям человека практики; но я и сам глубоко убежден, что в каждой стране производится большое количество хлеба, за право производства которого никакая рента не уплачивается. Всякий фермер волен вложить добавочную часть капитала в свою землю, после того как требовавшееся для получения ренты количество капитала было уже вложено. Цена хлеба, добываемого при помощи этого капитала, может приносить только обычную прибыль, если из нее не уплачивается рента. Обложите налогом производство этого хлеба без возмещения этого налога возрастанием цены, и вы сразу создадите причину для извлечения из земли добавочной части капитала и, стало быть, для уменьшения предложания хлеба. Нет, по-моему, вещи более твердо установленной, чем та, что всякий налог на производство сырья падает, в конце концов, на его потребителя, так же как и налоги на производство промышленных товаров падают на потребителей последних.

**ПРИ СИСТЕМЕ ПОКРОВИТЕЛЬСТВЕННЫХ ПОШЛИН,
УСТАНОВЛЕННЫХ С ЦЕЛЬЮ СОЗДАНИЯ МОНОПОЛИИ
НА ВНУТРЕННЕМ РЫНКЕ ДЛЯ ОТЕЧЕСТВЕННОГО ПРО-
ИЗВОДИТЕЛЯ ХЛЕБА, ЦЕНЫ НА НЕГО НЕ МОГУТ НЕ
КОЛЕБАТЬСЯ**

§ 17. Покровительственные пошлины на хлеб всегда вводятся, исходя из предположения, что хлеб в иностранных государствах дешевле на сумму вводимых пошлин, и что если бы эти пошлины не были введены, то иностранный хлеб стал бы ввозиться в страну. Если бы иностранный хлеб не был дешевле, то не было бы необходимости ни в каких покровительственных пошлинках, так как и при системе свободной торговли хлеб не стал бы ввозиться. Надо предполагать, что обычная и средняя цена хлеба в стране, вводящей покровительственные пошлины, должна быть выше, чем в других странах на сумму покровительственных пошлин, и в случае обильного урожая в такой стране—хлебные цены в ней должны падать ниже обычной и средней цены не только на сумму пошлин, но и на сумму расходов по вывозу хлеба из нее для того, чтобы стал возможным вывоз из нее хлеба. При системе свободной торговли цены на хлеб в двух странах не могут расходиться между собою более, чем на сумму издержек, связанных с перевозкой хлеба из одной страны в другую; и поэтому, если бы обильный урожай наступил только в одной из этих стран, а не одновременно в обеих, то после незначительного падения цены для излишнего продукта был бы немедленно найден сбыт путем вывоза его. Но при системе покровительственных пошлин или запретительных законов, падение цены на хлеб,—происходящее вследствие обильного урожая или ряда таких урожаев,—должно быть разорительным для производителя до тех пор, пока он не сумеет облегчить свое положение вывозом. Если бы мы послушались предложения г. Уэбба Холля об установлении пошлин на ввоз иностранного хлеба в 40 шиллингов, и если бы он был прав в своем предположении, что 40 шиллингов составляют разницу между естественной ценой хлеба в Англии и в странах, производящих хлеб, то при всяком обильном урожае цена хлеба должна бы действительно падать на 40 шиллингов для того, чтобы кому-нибудь стало выгодно вывозить его на континент; если бы фермеры подвергались такому сильному понижению цены, то они были бы лишены возможности в урожайные годы уплачивать ренту без значительной потери своего капитала.

§ 18. Это же замечание применимо и к действующему в настоящее время хлебному закону, запрещающему ввоз до тех пор, пока цена хлеба не достигнет 80 шиллингов. Действие этого закона сказывается в том, что цена хлеба в нашей стране обычно держится значительно выше цены в других странах; и поэтому, в случае обильных урожаев, цена его должна упасть ниже цены других стран, для того чтобы производитель мог испытать известное облегчение посредством вывоза. Влияние этого закона с этой точки зрения совершенно такое же, как влияние постоянно действующего высокого налога, которое мы исследовали выше.

Но теперешний закон обладает еще одним основным недостатком, от которого система твердых налогов свободна. Когда средняя цена пшеницы достигает 80 шиллингов за квартер, порты открываются на 3 месяца для неограниченного и беспошлинного ввоза иностранной пшеницы. Благодаря тому, что цены на континенте держатся около 40 шиллингов за квартер в средние годы, стремление ввозить хлеб в нашу страну в течение трех месяцев, когда порты открыты, должно вызывать ввоз огромного количества хлеба.

В течение этих трех месяцев и в течение весьма значительного времени после них,—потому что действие трехмесячного ввоза не может прекратиться с закрытием портов,—отечественный и иностранный производитель оказываются в положении лиц, свободно конкурирующих между собой, и эта конкуренция разорительна для отечественного производителя. Покровительственные пошлины поощряют его применять свой капитал на менее плодородных участках нашей страны, которые при небольшой продукции требуют больших издержек; в случае же необычайно плохого урожая и, вследствие этого, высоких цен, его сразу обрекают на свободную конкуренцию с континентальным производителем хлеба, для которого цена в 40 шиллингов была бы вполне достаточной, чтобы покрыть издержки его производства. Система твердых пошлин защищает фермера от этой специфической опасности, но она подвергает его в той же самой степени, как и ныне действующая система, всем бедствиям, связанным для него с обильными урожаями; эти бедствия не могут не сопровождать всякий вариант хлебного закона, который подымает цену хлеба в той стране, в которой он действует, значительно выше уровня цен, существующего в других странах.

§ 19. Не надо, однако, предполагать, что во избежание этих затруднений ввоз хлеба должен допускаться во всякое время без уплаты какой бы то ни было пошлины; это не тот путь, который я бы в наших условиях мог рекомендовать. Я уже выше, в главе III, показал, что с точки зрения дей-

ствительных интересов потребителей, а с этими интересами совпадают и должны совпадать интересы всего общества, если какой-нибудь специальный налог падает на производство какого-нибудь товара, при освобождении всех прочих производителей от такого обложения, то было бы совершенно правильно обложить ввоз этого товара пошлиной, равной по размерам налогу, но отнюдь не больше; и далее, при вывозе этого товара должна быть установлена экспортная премия в том же размере. Если, до обложения, достаточная цена пшеницы как в Англии, так и на континенте была 60 шиллингов за квартер, и если вследствие введения налога,—как, например, десятина,—исключительно падающего на фермера, а не на какого-либо другого производителя, цена пшеницы в Англии поднялась до 70 шиллингов, то и ввоз иностранного хлеба должен быть обложен пошлиной в 10 шиллингов с квартера. Этот налог на иностранный хлеб, а также на хлеб внутреннего производства должен возвращаться плательщику при вывозе. Как бы ни была велика сумма возвратных пошлин, получаемая экспортером, она представляет собою только возвращение того налога, который он уплатил ранее; эта сумма и должна создать для него одинаковые условия для конкуренции на внешних рынках не только с иностранными производителями, но и с его соотечественниками, производящими другие товары. Это существенно отличается от экспортных премий в том смысле, в каком это слово обычно понимается; потому что под премией вообще разумеют налог, взимаемый с населения с целью искусственно понизить для иностранного потребителя цену хлеба; между тем как мое предложение сводится к тому, чтобы продавать наш хлеб по той цене, по которой мы, в действительности, можем его производить, а не прибавлять к этой цене еще и налог, который побудил бы иностранцев покупать нужный им хлеб в какой-либо другой стране, а нас лишил бы той отрасли торговли, которой мы, при системе свободной конкуренции, могли бы заниматься.

Пошлина, мною здесь предлагаемая, есть пошлина лишь законно эквивалентная внутреннему налогу¹⁾; такая пошлина не создала бы побуждений ни к тому, чтобы капитал покинул ту отрасль производства, в которой он применялся наиболее выгодным для нас образом, ни к тому, чтобы применять несоответствующую часть нашего капитала в такой отрасли, к которой он при иных обстоятельствах не обратился бы. Наше хозяйство очутилось бы в таком положении, как будто мы страна незнающая никакого обложения, страна, в которой всякий волен затрачивать свой капитал и труд так,

¹⁾ Ср. § 27.

как он это находит наиболее для себя выгодным. Мы не можем теперь, при системе тяжелых налогов, помочь делу, но для того, чтобы сделать наше производство эффективнее в той мере, в какой это для нас возможно, мы не должны создавать никаких побуждений для капиталистов затрачивать их капитал и труд каким-либо иным путем, кроме того, каким они затрачивали бы его, если бы мы имели счастье быть свободными от налогов и имели бы возможность широко развить наши способности и наше производство.

§ 20. Доклад Комитета о бедствиях земледелия в 1821 г. содержит несколько прекрасных утверждений и соображений по этому предмету.

Я могу с доверием обратиться к этому важному документу и найти в нем подтверждение моим взглядам, которые я стараюсь развить,—о нецелесообразности покровительственных хлебных законов. Соображения, развитые в нем в пользу свободной торговли, кажутся мне неопровергаемыми; но нужно сознаться, что в том же докладе делаются предложения, совершенно несовместимые с этими принципами.

Осудив стеснения торговли, доклад предлагает меры к постоянному ее ограничению; показав отрицательные результаты преждевременной обработки малоплодородных земель, доклад защищает систему, удерживающую эти земли в обработке ценой всяческих жертв. В теории нет ничего более вредного, чем монополии и ограничения, на практике нет ничего более полезного и желательного.

Комитет о земледелии в этом году избегает делать какие бы то ни было замечания относительно здравых суждений, поддерживавшихся предшествующим Комитетом,—зато он весь свой отчет построил на ошибочных положениях; свои предложения палате он кончает следующими словами: «Если условия нашей страны и впредь допустят, чтобы наша хлебная торговля находилась в положении, делающем ее постоянно открытой для всего мира; если условия позволят обложить ее постоянной и твердой пошлиной в таких размерах, которые могли бы компенсировать британскому производителю разницу между издержками по производству хлеба и доставке его на рынок вместе с достаточной прибылью на затраченный капитал и между издержками производства и другими расходами, падающими на хлеб, производящийся за границей и привезенный к нам оттуда,—то подобной системе могло бы быть во многих отношениях дано предпочтение перед пошлиной, регулируемой в зависимости от средних

цен и движущейся по восходящей и нисходящей скале; подобная система предупреждала бы действие комбинаций и спекуляций, стремящихся поднимать или понижать средние цены, и делала бы неопасными ошибки, происходящие от небрежности и не раз имевшие и могущие вновь иметь столь вредное влияние на рынок; но наш Комитет скорее стремится к такой системе, которая соответствовала бы конечной тенденции нашего хлебного закона, чем к системе, которая оказалась бы пригодной на известный краткий или ограниченный период времени».

Система, которой мы должны держаться в соответствии с конечными тенденциями нашего закона, есть, как нам говорят, система твердых пошлин; но на основании какого принципа может быть исчислен размер постоянной пошлины? Отнюдь не на основании того, который, как я стремился доказать, является единственно целесообразным, а именно, что пошлина должна как раз компенсировать те особые тяготы, которые падают на отечественного производителя хлеба; нет, имеется в виду твердая пошлина, которая должна возместить британскому производителю разницу между его издержками по производству хлеба и доставке его на рынок и между издержками производства и другими расходами, падающими на хлеб, произведенный за границей и привезенный к нам оттуда. Вместо того чтобы поддержать надежду наших потребителей на то, что мы когда-нибудь в будущем узаконим принцип, который даст им возможность покупать хлеб по такой дешевой цене, по какой только британское земледелие будет в состоянии поставлять его; вместо того, чтобы гарантировать нашему капиталисту, что заработка плата в стране не будет искусственно повышаться вследствие необходимости для рабочего покупать хлеб по дорогой, а не по дешевой цене,—гарантия весьма существенная для поддержания соответствующей нормы прибыли; вместо того, чтобы создать для фермера перспективу, при которой он был бы избавлен от колебаний цены производимого им товара, колебаний столь для него разорительных,—нам говорят, что нынешняя система, при которой обычная цена хлеба в нашей стране держится на уровне значительно более высоком, чем в других странах, быть может и не является лучшим способом для достижения этой цели, так как последняя могла бы с большим удобством быть достигнута посредством твердой пошлины, чем путем пошлины с переменными ставками;—но что, так или иначе, обычная цена хлеба в нашей стране должна поддерживаться на значительно более высоком уровне, чем в других странах. Пошлина, исчисленная в соответствии с принципом Комитета, не преминет увеко-

вечить разницу между ценами на хлеб в нашей стране и в других странах, равную разности между издержками производства хлеба у нас и издержками его производства за границей. Если бы мы в своих стараниях добывать себе пищу у себя дома не зашли уже слишком далеко, если бы мы своими собственными действиями не подняли издержек производства хлеба в нашей стране выше, чем в других странах, то подобный закон был бы вздорен, так как в издержках производства не существовало бы никакой разницы. Разве не представляется в высшей степени нелепым сначала издать закон, под действием которого создается необходимость обработки менее плодородных участков земли, и потом, обработав их при столь больших издержках, превратить эти добавочные издержки в основание для отказа от покупки хлеба у тех, кто может доставлять его по более дешевой цене? Если я хочу купить за границей 30 квартеров пшеницы по 2 фунта за квarter, то я могу произвести известное количество сукна, которое, будучи проданным за границу, даст мне достаточную выручку в 60 фунтов; но мне не позволяют этого сделать, и, благодаря существующему закону, я вынужден затрачивать капитал, производивший мне сукна на 60 фунтов, на покупку внутри страны 15 квартеров пшеницы по 4 фунта за квarter.

Обмен сукна на пшеницу—следствие пошлины в 2 фунта с квarterа ввозимой пшеницы, принуждающей меня производить хлеб,—и самое производство сукна делаются невозможными, так как пошлина мешает мне затрачивать свой капитал в производстве сукна с целью обмена последнего на пшеницу.

Конечно, не подлежит сомнению, что в обоих случаях я произвожу товар ценностью в 60 фунтов, и для тех, кто обращает внимание только на количество денег, а не на их ценность, в обоих случаях затрата моего капитала кажется одинаково производительной; но минутное размышление убедит нас в том, что между случаем, когда я получаю 30 квартеров пшеницы, и случаем, когда я получаю 15 (при затрате одного и того же количества труда, разумеется) существует огромнейшая разница, какую только можно себе представить, хотя, при предполагаемых нами условиях, то и другое количество пшеницы имеет одинаковую ценность в 60 фунтов.

Если последовательно придерживаться принципа, рекомендуемого Комитетом, то ни один товар, который мог бы производиться у нас внутри страны, не мог бы никогда ввозиться из-за границы; мы должны были бы разводить свеклу и делать из нее сахар, а ввозимый сахар облагать

пошлиной в размерах, равных разнице между издержками производства сахара внутри страны и издержками по производству его в Ост- или Вест-Индии. Нам пришлось бы сооружать оранжереи, разводить виноград и делать из него вино, а производителя вина охранять такой же таможенной политикой. Или это учение неприменимо к хлебу, или применение его должно считаться справедливым по отношению ко всем другим товарам! Разве станет когда-либо покупатель товара справляться об условиях, при которых производитель может изготавлять этот товар? Единственно, что его интересует, это цена, по которой он может его купить. Зная это, он знает самый дешевый способ получения товара; если он сам может производить его дешевле, чем он может купить его, то он скорее сам займется производством его, чем станет производить тот товар, в обмен на который он в противном случае должен был бы приобретать его.

Но есть люди,—и притом из числа тех, кого считают авторитетами в этом деле,—которые заявляют, что эти рассуждения были бы верны, если бы нам предстояло вкладывать капиталы в землю с целью получить большее количество хлеба; несомненно, что в таком случае было бы рационально подумать, не можем ли мы купить хлеб за границей дешевле, чем стоит производить его внутри страны, и действовать сообразно этому; но что дело обстоит совершенно иначе в том случае, когда капитал уже был вложен в землю, ибо значительная часть этого капитала должна быть потеряна, если мы решим, что лучше ввозить дешевый хлеб из-за границы, чем по дорогой цене производить его внутри страны. Что известная часть капитала была бы потеряна—это бесспорно, но что представляет собой обладание капиталом или сохранение его—цель или средство? Конечно, средство. Мы нуждаемся в благах, и если бы могло быть доказано, что ценой потери некоторой части капитала мы могли бы увеличить количество ежегодно производимых товаров, содействующих увеличению нашего благосостояния, то, я полагаю, нам не следовало бы сожалеть о потере части нашего капитала.

Лесли изобрел остроумный аппарат, при помощи которого мы можем наполнять наши ледники льдом. Предположим, что на этот аппарат истрачен капитал в полмиллиона; несмотря на это, не было ли бы более рационально добывать нужный нам лед с замерзших прудов в окрестностях без всяких затрат, чем тратить труд, кислоты и другие ингредиенты на производство льда,—хотя, поступая таким образом, мы навсегда потеряли бы капитал в 500 тысяч фунтов, который был затрачен на воздушные насосы?

Судя по этому предложению Комитета, результатом которого должно быть закрепление разницы между ценой хлеба у нас и в других странах, мы естественно должны заключить, что Комитет не допускал возможности бедствий, которые время от времени неизбежно должны наступать в нашей стране. Но Комитет, как раз наоборот, допускает возможность этих бедствий в полном об'еме. Он ссылается на положения, развитые по этому предмету в предыдущем докладе, с целью выразить свое одобрение тем выводам, которые основаны на этих положениях. Он говорит: «Чрезмерные неудобства и нецелесообразность нашей нынешней системы были с такой полнотой и столь основательно изложены в докладе, на который мы уже ранее ссылались (стр. 10 и 12), что нам остается только сослаться на него, прибавив лишь, что все, что произошло после представления этого доклада так же, как и весь наш опыт с 1815 г., все более и более показывает, как мало можно полагаться на систему регулирования цен, абсолютно запрещающую ввоз до определенного уровня цен и допускающую неограниченную конкуренцию, как только цены поднимаются выше определенного уровня; вместо того, чтобы способствовать устойчивости рынка, система эта может в известные периоды понижать цены—и без того достаточно низкие—гораздо ниже, чем они были бы при системе свободной торговли; а в другие периоды—может без всякой надобности—поднимать цены и без того достаточно высокие, и этим усиливать размеры бедствия, происходящего от неурожая, и усиливать понижение нормы прибыли, вызываемое урожаем».

Оба бедствия, которые могут произойти благодаря нашему хлебному закону, здесь прекрасно описаны; против одного из них,—против неограниченной конкуренции, допускаемой при цене хлеба выше 80 шиллингов,—рекомендуется мера, которая ни в коем случае не может считаться лучшей из тех, которые временно могли бы быть приняты; против другого бедствия, происходящего от обильного урожая и признанного в таком широком об'еме, предполагается принять немедленно временные меры, которые никак не могут содействовать облегчению или устранению этого бедствия; рекомендуются и другие меры, которые было бы желательно применить на будущее время; эти меры не могут не сделать этого бедствия хроническим, потому что они не могут не вызвать длительного и значительного повышения хлебных цен в этой стране по сравнению с ценами в любой соседней стране.

§ 21. Одно из оснований, приводимых в пользу высоких пошлин на ввоз хлеба, состоит в том, что промышленник

защищен высокими пошлинами от конкуренции иностранных промышленников, поэтому и земледелец должен быть защищен такими же пошлинами от конкуренции иностранного производителя хлеба. Трудно дать на это более исчерпывающий ответ, чем тот, который был дан лордом Гренвиллем.

«Если меры, ранее применявшиеся для защиты торговли и промышленности, были правильны, то продолжайте применять их; если они были неправильны—отмените их, но не сразу, а с той осторожностью, с которой должна быть изменяется всякая политика,—хотя бы ошибочная,—если она с течением времени стала привычной; но сделайте священным принципом законодательства, чтобы лица, советующие законодателю дать некое покровительство какой-либо отрасли, ни в коем случае не могли опираться в своих доводах на покровительство, которое было дано какой-нибудь другой отрасли. В самом деле, трудно понять, каким образом благородный граф может утверждать, что меры, которые он сам признает нерациональными по отношению к промышленности, тем не менее, могут быть признаны правильными по отношению к земледелию.

Заявлять, что так как большая часть общества и даже значительное его большинство уже ранее страдало от льгот, оказанных одной общественной группе, то его надо еще больше угнетать путем покровительства и другой частной группе—это странный способ применения справедливости» (речь от 15 марта 1815 г.).

Если нужно возразить еще что-нибудь против этого намерения оказывать покровительство земледелию, то для этой цели может послужить следующее место из доклада Комитета о земледелии за последний год:

«Комитет замечает, что один из свидетелей, с целью иллюстрировать свои мысли и желания петиционеров, представил таблицу пошлин, наложенных на иностранные промышленные товары, из которых иные облагаются у нас акцизом; так, например, на изделия из стекла у нас наложена пошлина в значительной мере с той целью, чтобы компенсировать налог, лежащий на этих же товарах, производимых у нас в королевстве.

Но главная причина, на основании которой ваш Комитет склонен думать, что палата должна отнестись с некоторым недоверием к правильности этого принципа, состоит в том, что, во-первых, подлежит большому сомнению, извлекает ли какая-нибудь из наших крупных отраслей промышленности (за исключением шелковой) выгоду из этого предполагаемого покровительства на внутренних рынках страны; каким образом могли бы иностранные производители хлопчато-

бумажных тканей, сукон или металлических изделий конкурировать с нами на нашем внутреннем рынке, когда ведь известно, что продукты этих крупных отраслей нашей промышленности мы можем продавать дешевле других не только на своем внутреннем рынке, но даже и на собственных рынках иностранных производителей; и эту возможность продавать дешевле других мы имеем, несмотря на то, что ввоз хлопка и шерсти облагается прямой пошлиной, не возвращаемой обратно при вывозе этих товаров в обработанном виде, так же, как и всеми косвенными налогами, падающими на капитал, применяемый в этих областях промышленности наравне с тем капиталом, который затрачивается на производство сельскохозяйственных продуктов».

За этим следуют и другие прекрасные места, и все они стремятся показать, что покровительство, которым, якобы, пользуется промышленность, на самом деле ей не оказывается, и если бы даже оно и оказывалось, то аргумент лорда Гренвилля достаточно говорит против того, чтобы превратить это в основание для распространения покровительства на земледелие.

Нужно надеяться, что мы еще в нынешнюю парламентскую сессию будем освобождены от многих из этих стеснительных законов; в настоящее время как будто начинает брать верх более разумное направление в законодательстве, и нелепая зависть, руководившая нашими предками, уступит место убеждению в том, что мы никогда не сможем при свободной торговле способствовать благосостоянию других стран, не содействуя одновременно благосостоянию своей собственной страны.

Приводимое место из отчета полезно и в другом отношении; оно показывает нам, что автор его прекрасно понимал, что такое компенсационная пошлина и чем она должна быть,—ибо он устанавливает, что пошлина на ввоз стекла вводится «с той целью, чтобы возместить налог, лежащий на этих же товарах, производимых у нас в королевстве». Каким же образом примирить это место с предложением обоих докладов, состоящим в том, что при обложении ввоза хлеба «пошлина должна быть исчислена так, чтобы возместить разницу между издержками производства, включая обычную норму прибыли, с которыми хлеб, при нынешнем состоянии страны, может быть произведен и доставлен на рынок в границах Сосединного Королевства, и издержками, с таким же включением средней прибыли, при которых хлеб производится в какой-либо из стран, откуда мы получаем наибольшее количество иностранного хлеба, вместе с обычными издержками по перевозке хлеба из этих стран на наши рынки?»

О ПРОЕКТЕ ДЕНЕЖНОЙ ССУДЫ ХЛЕБОТОРГОВЦАМ ИЗ НИЗКОГО ПРОЦЕНТА

§ 22. Доклад признает, что «общее правило—предоставлять всем товарам, поскольку это возможно, самим находить свой естественный уровень цены путем свободного приспособления предложения к спросу»—побудило Комитет воздержаться от предложения правительству затратить деньги на покупку хлеба с тем, чтобы при подъеме ценпустить хлеб в продажу: но Комитет, как будто, не заметил, что то же общее правило, о котором он говорит с одобрением, должно было побудить его воздержаться также и от предложения правительству оказывать ссуды из низкого процента людям, которые будут покупать хлеб для того, чтобы складывать его в государственные склады, когда цена хлеба стоит ниже 60 шиллингов за квартер.

Разве подобная ссуда из низкого процента и на 12 месяцев не помешает, если заинтересованные лица пожелают этого, товару самому «находить свой собственный уровень путем свободного приспособления предложения к спросу?»

Если бы причиной низких хлебных цен было изобилие хлеба в стране, а не обильное количество хлеба, прежде временно выброшенного на рынок, благодаря тяжелому положению фермеров, то предлагаемое средство действительно было бы пагубным, потому что в этом случае нам пришлось бы пройти через испытание низкими ценами и ждать, пока путем возрастающего погребления, которое всегда до некоторой степени сопровождает низкие цены, предложение вновь приспособилось бы к спросу и цены сделались бы снова «достаточными». При поощрении накопления хлебных запасов в течение 12 месяцев период переполнения рынка может быть отдален, но он в конце концов должен наступить. Что же касается другого предположения, заключающегося в том, что, вследствие паники или тяжелого положения, на рынок преждевременно выбрасывается большее количество хлеба, чем это следовало бы, и что вследствие этого до ближайшего урожая запас окажется недостаточным и цены возрастут, то я должен заметить, что дальновидные люди, побуждаемые своим собственным интересом, могут заметить это —если бы такое явление наступило.— с гораздо большей вероятностью, чем правительство. Для покупки хлеба, выброшенного на рынок при таких условиях, не было бы недостатка в деньгах; для того, чтобы пробудить дух спекуляции, достаточно убеждения в том, что предло-

жение уменьшится или что спрос возрастет и что, следовательно, и цены должны возрасти. Если бы создалось основательное убеждение в том, что цены повысятся, мы вскоре сделались бы свидетелями необычного оживления деятельности хлеботорговцев. Когда перед снятием урожая прошлого года появились виды на продолжительный дождливый период, то разве мы не были свидетелями немедленного повышения хлебных цен? На чем было основано подобное повышение цен, как не на предвидении вероятной недостаточности предложения и повышения цен? Итак, если имеется достаточное основание для предположения о том, что запасов не хватит до снятия следующего урожая, то отдельные лица принимаются за спекуляцию и без какого бы то ни было поощрения со стороны правительства; разница между уровнем процента в 3 или 5 должна иметь ничтожное значение для подобного рода сделок; и, поскольку речь идет об интересах публики, ею можно пренебречь при оценке выгодности такой меры.

Говорили, что подобного рода кредиты не раз открывались в интересах торговли и что, следовательно, нет основания не распространять выгоды, приносимые этими ссудами и на земледелие. Я, прежде всего, сомневаюсь, может ли быть вообще оправдана эта мера в каком то ни было случае; и уже совершенно бесспорно, что торговцы пользовались этой льготой при совершенно отличных условиях, чем земледельческий класс.

Торговцы часто являются жертвами застоя в делах; рынок, для которого они заготовляют свои товары, может быть в течение войны закрыт для них (а подобные ссуды только и предоставлялись во время войны). В расчете на продажу своих товаров они выдали векселя, срок которых уже наступил, а их благосостояние и доброе имя зависят от того, выполняют или не выполняют они свои обязательства. Все, в чем они нуждаются,—это в отсрочке; воздерживаясь от дальнейшего производства тех товаров, спрос на которые упал, они сохраняют уверенность, что хотя они, вероятно, и понесут большие потери, но сумеют сбыть свои продукты. Разве положение фермера хоть сколько-нибудь похоже на только что описанное нами? Разве за ним числятся какие-нибудь просроченные векселя? Зависят ли все его будущие сделки от немедленной поддержки его кредитом? Разве для него когда-нибудь закрываются рынки? Разве он требует только известной суммы денег для уплаты по своим векселям? Оба эти случая весьма различаются между собой, и аналогия, которую пытаются проводить между ними, целиком отпадает.

* ГЛАВА IX *

МОЖНО ЛИ НЫНЕШНЕЕ БЕДСТВЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ЗЕМЛЕДЕЛИЯ ПРИПИСАТЬ СИСТЕМЕ ОБЛОЖЕНИЯ

§ 23. Причиной нынешних бедствий является недостаточная цена на продукты земли; представляется невозможным по справедливости видеть причину этих бедствий в системе обложения. Обложение бывает двух родов: или оно падает на производителя, как такового, или же оно падает на него как на потребителя. Когда фермер уплачивает налог с лошадей, десятину, поземельный налог, он уплачивает эти налоги как производитель, и как все другие производители он, путем соответствующего увеличения цены производимых им товаров, старается возместить себе сумму, равную сумме обложения. Таким образом, лицом, в конечном счете уплачивающим налог, является потребитель, а не производитель, так как ничто не мешает последнему переложить налог на потребителя, кроме того случая, когда производится излишнее, по сравнению со спросом, количество продукта. Когда цена товара не возмещает производителю всех вышеуказанных налогов, лежащих на нем, как на таковом, то такая цена не представляется для него «достаточной», она ставит его в невыгодное положение по сравнению с производителями других товаров; он не получает больше обычной средней прибыли на капитал. Его положение может быть облегчено только при помощи двух средств: во-первых, путем уменьшения количества товара, уменьшения, которое неминуемо вызовет повышение цены товара, если только в то же время не уменьшится и спрос; во-вторых—путем освобождения его от налогов, которые он уплачивает как производитель. Первое средство верно и действительно; второе—более сомнительного свойства, потому что, если цена вознаграждала производителя уже после того как налог был введен, то и впоследствии она могла упасть только от увеличения предложения или уменьшения спроса.

Отмена налога не уменьшит количества продуктов; и если она в дальнейшем не понизит цены, то она не увеличит и спроса. Если бы цена продолжала падать, то отмена налога не облегчила бы производителя. Только в одном случае можно сказать, что производитель выигрывает от отмены налога на производство—это, когда цена товара не падает, хотя производитель и освобождается от одного из налогов, лежащих на производстве; и можно весьма основательно сомневаться, не вызовет ли дальнейшего по-

нижения цены товара та конкуренция между продавцами, которая наступит вследствие отмены налога. Что налоги на производство могут быть причиной превышения предложения над спросом, верно лишь в том случае, когда налог только что введен, и потребители не склонны в форме увеличения цены возместить производителю этот добавочный налог. Но это не тот случай, с которым мы в настоящий момент имеем дело в стране; налоги не только что введены, и цены сырых продуктов, несмотря на налоги, были достаточно высоки, чтобы компенсировать производителя. Не может быть никакого сомнения в том, что если бы не было этих налогов, то цены сырых продуктов были бы значительно ниже, чем в настоящее время. Та же причина, которая вызвала понижение цены пшеницы с 80 до 60 шиллингов, т.-е. на 25%, понизила бы эту цену с 60 до 45 шиллингов, если бы вследствие меньших налогов на землю обычной средней ценой было бы 60 шиллингов, а не 80. Некоторые из налогов, падающих на производство, в настоящее время уменьшены, между тем как имеется основание думать, что количество продуктов, потребляемых народом, возросло.

Распространенное предположение заключалось в том, что изменение ценности денег оказалось благоприятным для трудающихся классов, так как их заработка плата, выраженная в деньгах, не понижалась якобы пропорционально повышению ценности денег и понижению цен на товары первой необходимости. Их положение, следовательно, улучшилось, и их способность потреблять блага возросла; но цены никогда не могут оставаться неизменными при значительном увеличении количества товаров, и поэтому нет другого рационального объяснения причины, вызвавшей падение цены сельскохозяйственных продуктов, кроме увеличения их количества.

Налоги на потребителей ложатся на потребителей вообще, и они ни в коем случае не могут служить причиной ни бедствий, испытываемых отдельной группой, ни недостаточной цены на товар, производимый этой группой. Налоги на свечи, мыло, соль и пр. уплачиваются не только фермером, но всеми потребителями этих товаров. Отмена этих налогов окажется выгодной для всех, а не только для класса земледельцев.

Тех, кто утверждает, что нельзя выставить никаких основательных соображений в пользу того, что обложение является причиной бедственного состояния земледелия и низких хлебных цен, изображают иногда сторонниками того взгляда, что отмена налогов не принесет никакого облегчения; подобное умозаключение указывает на недостаток или добросовестности или понимания, потому что можно соверши-

ю последовательно утверждать, что обложение не есть причина некоторых особых бедствий, и в то же время настаивать на том, что отмена налогов принесет облегчение. Когда лошадь лорда Дж. Ресселя упала, споткнувшись о камень, и встала на ноги лишь после того, как с нее сняли сбрую, то, разумеется, было бы неправильно сказать, что лошадь упала потому, что она была обременена сбруей; между тем как было бы справедливо утверждать, что упала она потому, что споткнулась о камень, а смогла подняться на ноги оттого, что с нее сняли сбрую.

Что касается меня, то я считаю, что почти все налоги на производство в конечном счете падают на потребителя, и поэтому я думаю, что отмена всякого такого налога освободит потребителя вообще от части тех тягот, которые в настоящее время на нем лежат. Хотя я, поэтому, являюсь приверженцем самой строгой экономии в государственных расходах, я все же убежден, что причина бедственного положения производителей отдельных товаров заключается в избытке этих товаров; никакая отмена налогов не может существенным образом облегчить это положение, тем более, когда речь идет о сельскохозяйственных продуктах, обычная цена которых удерживается, путем стеснения ввоза, выше уровня цен в других странах.

Ни одна страна, а тем более страна, имеющая плохую систему хлебных законов, не застрахована от подобных бедствий. Если бы мы совсем обходились без налогов, если бы государственные расходы производились с максимальной экономией и при том за счет дохода, получаемого от земель, специально для этой цели предназначенных; если бы мы не имели ни государственного долга, ни фонда погашения долгов,—мы все же подвергались бы разорительному падению цен в результате случайного избытка. Нельзя читать талантливого показания г. Тука, данного им Комитету о земледелии в 1821 г., не поражаясь тому сильному действию, которое оказывает на цены избыточное предложение и против которого, в самом деле, нет никаких действительных средств, кроме уменьшения предложения. Если имеются другие средства, то почему о них не сказали те, которые жаловались на свое тяжелое положение и находились в таких благоприятных условиях для того чтобы быть выслушанными? Я не слышал указания на какие-либо другие средства, кроме уменьшения обложения, нового и дополнительного покровительства против иностранной конкуренции в торговле всякого рода земледельческими продуктами, непосредственной закупки хлеба правительством или поощрения, которое должно оказываться частным лицам для этой цели; что же касается вопроса о действительности всех этих средств, то

я предоставляю судить самому читателю; мое собственное мнение об этом было уже высказано достаточно решительно.

§ 24. Мне нет надобности распространяться о причинах, вызвавших то изобилие, которому я приписываю всю ту долю понижения цены на сельскохозяйственные продукты с 1819 г., которая по справедливости не может быть отнесена за счет изменения ценности денег¹⁾. Я думаю, что мы вправе приписать это изобилие ряду обильных урожаев, возросшему ввозу хлеба из Ирландии и расширению запасов, которое было вызвано высокими ценами и препятствиями ввозу иностранного хлеба во время войны.

Ряд лиц, дававших показания Комитету, сходились в описании необычайно обильных урожаев 1819 и 1820 гг. Так, Уэкфильд сказал 5 апреля 1821 г.: «Я полагаю, что в стране имеется огромное количество хлеба; я думаю, что в настоящее время в стране еще находится столько же хлеба, сколько в обычный год бывает непосредственно после урожая»... «я думаю, что если бы у вас был удовлетворительный средний урожай в течение ближайших двух или трех лет, то это дало бы вам большой запас хлеба».

Ивесон: «Я полагаю, что последний урожай был велик, урожай 1820 г. был значительно выше среднего (отчет, стр. 338).

И. Броди: «Прошлогодний урожай в Шотландии был весьма обильный».

«Урожай предыдущего года превышал размеры среднего урожая» (отчет, стр. 327).

Кроме этого обильного урожая внутри страны, ввоз хлеба из Ирландии был необычайно велик, как это будет видно из следующих данных о ввозе из Ирландии в Великобританию овса, пшеницы и пшеничной муки. Данные эти были представлены Комитету о земледелии в 1821 г. (см. стр. 80).

Из приведенного отчета видно, как сильно возрос ввоз из Ирландии. Я полагаю, что этот усиленный ввоз наряду с большим количеством хлеба, полученным от урожаев 1819—20 гг., достаточен для объяснения упадка цены.

Годы, оканчивающиеся 5 янв.	Овса (квартеров)	Пшеницы	Пшеничной муки
5 января 1818 г.	594.337	50.842	16.238
5 января 1819 г.	1.001.247	95.677	33.258
5 января 1820 г.	759.608	127.308	92.893
5 января 1821 г.	892.605	315.871	180.375
За три месяца с 5 января по 5 апреля 1821 г.	437.245	218.864	99.062

1) Этой причине, как увидим, я приписываю падение цен только на 10%.

Для данного случая, однако, нет необходимости выяснять происхождение этого изобилия; достаточно показать, что низкая цена не может быть вызвана никакой иной причиной, кроме роста предложения или упадка спроса,—для того чтобы убедиться, что для устраниния зла нет никакого действительного средства, кроме уменьшения предложения или увеличения спроса.

Из отчета о сделках в Марк-Лэнс будет видно, какое огромное количество хлеба было предложено к продаже¹⁾. Кроме того, будет видно, какое необычайно большое количество хлеба прибыло в лондонский порт из портов Великобритании и Ирландии.

В самом деле, не следует забывать, что понижение цены об'ясняется большим количеством хлеба, в действительности находящихся на рынке; вывод, основанный на доктрине, по которой обилие хлеба является причиной низких цен, ни в какой степени не потерял бы своего значения, если бы до ближайшего урожая предложение у нас оказалось ниже спроса, и вследствие этого цены значительно возросли бы. Мы не можем иметь другого бесспорного доказательства наличия избытка хлеба, кроме последствий этого избытка. Я уверен в существовании обильного количества хлеба, но я никакого не считал бы поколебленным свой аргумент, если бы до наступления ближайшего урожая цена хлеба поднялась до 80 шиллингов за квартер.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

§ 25. Разобрав большую часть вопросов, тесно связанных с вопросом о политике хлебной торговли, усвоить которую было бы целесообразно для нашей страны, я сейчас вкратце подведу итоги рассуждениям, развитым в различных частях этого исследования.

Причиной нынешних низких цен на сельскохозяйственные продукты являются отчасти изменения в ценности денег, а главным образом, превышение предложения над спросом. Биллю Пиля, даже в связи с операциями Английского банка, нельзя—с какой бы то ни было основательностью—приписывать большее понижающее действие на цены, чем на 10%; на эту же сумму возросла большая часть налогов в стране; но это возросшее обложение задевало не только интересы земледельцев и землевладельцев; оно в одинаковой степени задевало интересы держателей фондов и всех других групп в стране. Предположим, что половина всех налогов, взы-

1) См. приложение Б.

скиваемых в стране, уплачивалась с земли; за вычетом той части расходов, которая зависит от ценности денег, и, следовательно, возрастает пропорционально снижению ценности денег, общее возрастание налогов, которые с 1819 г. падали на земледелие, считая вместе фермеров и землевладельцев, не могло превышать 2 миллионов; но предположим, что оно достигло 4 миллионов ежегодно¹⁾, но разве 4 миллиона в год составляют сумму потерь, понесенных фермерами и землевладельцами, благодаря падению цен на сельскохозяйственные продукты? Это невозможно, потому что, согласно указаниям земледельцев, вся рента уплачивается теперь из капиталов, ничего не оставляя на долю прибыли; следовательно, если изменение в ценности средств обращения считать единственной причиной бедственного состояния земледелия, то весь чистый доход землевладельцев и фермеров до этого изменения должен был составлять 4 миллиона—предположение, которое никто не рискнет поддерживать. Итак, какой же другой причиной следует объяснить бедственное состояние? Какой же другой причине следует приписать острую депрессию во всем земледельческом производстве? Ответ, я думаю, ясен, понятен и удовлетворителен,—повсеместному избытку продуктов, происходящему от хороших урожаев и большого ввоза из Ирландии.

§ 26. Падение цен было усилено действием нынешних хлебных законов, которые вызвали привлечение капитала к обработке малоплодородных участков земли и повышение цены хлеба в средние годы в нашей стране по сравнению с ценами в других странах. Цена при таких условиях должна быть высока, но в той же степени, в какой она поднимается, она должна испытывать и большее падение, потому что в периоды изобилия хлеба увеличившееся количество его переполняет внутренний рынок, и если оно превышает количество, которое мы можем потреблять, то цены быстро снижаются; мы при этом не можем искать выхода в вывозе хлеба, пока упадок цены не сделается разорительным для фермеров; эти последние ничем не могут быть гарантированы в такой степени, как легкой возможностью прибегнуть к вывозу.

§ 27. Дабы предотвратить, поскольку это возможно, это огромное бедствие, нужно постепенно отменить всякое неизбежное покровительство земледелию. Политика, кото-

1) Общая сумма налогов, уплачиваемых государственным кредиторам и фонду погашения, составляет 36 миллионов; если предположить, что другие постоянные налоги достигают 4 миллионов, то все обложение, на которое действовало изменение ценности денег, достигает 40 миллионов. Я определяю увеличение налогов в 10%, или в 4 миллиона, падающее на все классы—землевладельцев, торговцев, фабрикантов, рабочих и рантье.

ную нам следует усвоить в настоящее бедственное время, заключается в том, чтобы предоставить британскому производителю монополию на внутреннем рынке до тех пор, пока цена хлеба не достигнет 70 шиллингов за квартер. Когда же она достигнет 70 шиллингов, то система гвердых и средних цен должна быть отменена, и вместо нее должна быть введена пошлина в 20 шиллингов с квартера ввозимой пшеницы и соответственно этому и на другие хлеба.

Подобная мера не имела бы большого значения в смысле защиты от последствий обильных урожаев, но она оказалась бы весьма действительной в отношении воспрепятствования неограниченному ввозу хлеба при открытии портов. При установлении твердой пошлины хлеб стал бы ввозиться в страну лишь в требуемом количестве и никто не стал бы, опасаясь закрытия портов, накоплять запасы хлеба в стране без действительной нужды в нем. Мы были бы, таким образом, совершенно защищены от переполнения рынка, вызываемого неограниченным предложением иностранного хлеба.

Мера эта хотя и внесла бы значительные улучшения в ныне действующий хлебный закон, оказалась бы все же недостаточной, если бы мы не пошли дальше. При условиях, в которых страна находится теперь, было бы поспешно и рискованно вводить такие меры, которые должны сразу отвлечь капиталы от земли, и поэтому я предложил бы, чтобы пошлина в 20 шиллингов ежегодно уменьшалась на 1 шиллинг до тех пор, пока она не достигнет 10 шиллингов. Нам следовало бы также установить возвратную пошлину в 7 шиллингов с каждого квартера вывозимой пшеницы; эти меры должны бы рассматриваться как постоянные.

Я уверен, что пошлина в 10 шиллингов на квартер ввозимой пшеницы,—пошлина, к которой я хочу приблизиться путем ежегодных снижений,—скорее слишком высока в качестве эквивалента тех специальных налогов, которые падают на производителя хлеба сверх налоговых, падающих на другие производительные классы страны; но я предполагаю, определяя размеры пошлины, скорее ошибиться в сторону щедрости, чем в сторону скардности; по этим соображениям я и не предлагаю вводить возвратную пошлину в размерах совершенно равных ввозной пошлине. Когда пошлина упадет до 10 шиллингов, торговля будет иметь для него, поскольку речь идет о производителе хлеба, все выгоды свободной торговли, не считая ничтожной суммы в 3 шиллинга с квартера. При обильном урожае производитель хлеба может после весьма умеренного понижения цены улучшить свое положение путем вывоза хлеба за границу, если только обильный урожай и пониженные цены

не распространяются на все страны; но, во всяком случае, цена его хлеба была бы на 20 или 25 шиллингов ближе к общему уровню цен всех остальных стран, чем при существующем положении, а эта перемена была бы для него неоценима.

Мне следовало бы прежде, чем я закончу, упомянуть об одном возражении, которое часто выставляется против свободной торговли хлебом, т.-е. против той зависимости от иностранных государств, в которую мы попадаем по отношению к столь необходимому предмету существования. Возражение это основано на предположении, что мы должны были бы ввозить значительную часть того количества, которое мы ежегодно потребляем.

Я, во-первых, расхожусь с теми, которые думают, что ввозимое нами количество хлеба было бы огромно; а во-вторых, если бы оно и было так велико, как утверждают возражающие, то я не могу усмотреть в этом никакой опасности.

Из всех показаний, данных Комитету о земледелии, усматривается, что из-за границы не может быть получено значительное количество хлеба без того, чтобы не произошло значительного повышения «достаточной» цены хлеба в иностранных государствах. Пропорционально увеличению количества хлеба, прибывающего из глубины Польши и Германии, возрастали бы и издержки по провозу сухим путем. Кроме того, для того чтобы добить большее количество хлеба, страны эти должны были бы обратиться к обработке земель худшего качества, а так как цена всего хлеба страны регулируется издержками производства хлеба на самой худшей из всех находящихся в обработке земле, требующей наибольших издержек, то страны эти не могли бы произвести значительно большого количества хлеба без того, чтобы цена, необходимая для вознаграждения иностранного производителя, не была повышена. По мере повышения цены за границей, становится выгодным обрабатывать менее плодородную почву внутри страны; поэтому весьма вероятно, что при более свободном состоянии спроса мы не стали бы ввозить действительно большого количества хлеба.

Но предположим, что дело обстоит иначе, какая же опасность проистекает от нашей зависимости—как это называют—от иностранных государств в отношении снабжения нас значительной частью средств питания? Если бы наш спрос оставался постоянным и однообразным —а при такой системе он несомненно и был бы таковым —то значительное количество хлеба должно было бы производиться за границей специально для нашего рынка. При таких условиях страны, производящие для нас хлеб, еще более заинте-

ресурсованы в том, чтобы он беспрепятственно дошел до нас, чем мы.

Присмотримся внимательно к тому, что происходит в нашей стране. Разве мы не видим, какое влияние производит незначительный избыток предложения на цену хлеба? Разве мы имели бы переполнение рынка, если бы Англия обычно производила значительное количество хлеба для иностранного потребления? Разве мы пожелали бы подвергнуть наших фермеров и землевладельцев разорению, которое постигло бы их, если бы мы намеренно закрыли для них иностранный рынок даже в случае войны? Я уверен, что нет. Каких бы мы ни делали уступок чувству вражды и возможному желанию причинить страдание нашему неприятелю лишенцем его части предметов питания,—я убежден, что при той цене, в которую нам это обошлось бы в том случае, который я предполагаю, мы воздержались бы от подобных мер. Если бы наша политика была такова, то и политика других стран, находящихся в подобных условиях, должна быть такой же, и я глубоко убежден, что мы никогда не подверглись бы опасности лишиться того количества предметов питания, ввоз которых для нас всегда необходим.

Все рассуждения по этому предмету приводят нас к заключению, что мы должны возможно скорее ввести у себя так называемую свободную, по своим основаниям, торговлю хлебом, учитывая должным образом временные интересы. Подобная мера соответствовала бы интересам фермера, потребителя и капиталиста; а так как устойчивые цены и регулярное получение ренты определенных размеров гораздо более выгодны для землевладельца, чем цены колеблющиеся и не регулярное получение ренты, то я уверен, что и его—землевладельца—верно понятые интересы должны привести его к тому же заключению; хотя я охотно допускаю, что его средняя денежная рента, на которую он имел бы право, если бы фермеры выполняли свои обязательства, была бы выше при системе стесненной торговли.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение А

Предложение, принятое 20 мая 1819 г. директорами Английского банка и сделанное канцлеру казначейства. К печатанию разрешено Палатой общин 21 мая 1819 г. В заседании директоров банка, в четверг 20 мая 1819 г.

Директора английского банка, рассмотрев самым серьезным образом отчеты секретных комитетов обеих палат парламента, учрежденных для исследования состояния англий-

ского банка в отношении возможности восстановления размена в течение ныне установленного периода, сочли своей обязанностью представить министрам его величества возможно скорее свои соображения относительно мер, предлагаемых этими комитетами на одобрение парламента.

Во-первых, оказывается, что, по мнению комитетов, применение мер банка, выразившееся в том, что он возобновляет размен 5-го ближайшего июля—время, предписанное существующим законом—«совершенно непрактично и было бы совершенно недействительным, если не пагубным».

Во-вторых, оказывается, что оба комитета пришли к своему заключению, когда сумма обращающихся билетов Английского банка не превышала значительно 25 миллионов фунтов стерлингов, когда цена золота была около 4 ф. 1 ш. за унцию, и когда были большие бедствия вследствие застоя в торговле и упадка цен на ввозные продукты.

Для министров его величества должно быть ясно, что пока будет длиться такое положение вещей, или в какой-нибудь степени подобное ему, без значительного улучшения, с одной стороны, или ухудшения, с другой, банк, действуя, как он действует сейчас и удерживая свою эмиссию приблизительно на нынешнем уровне, не мог бы рисковать возобновить размен с какой бы то ни было вероятностью пользы для общества или для прочности учреждения.

Оба парламентских комитета, очевидно, побуждаемые этими соображениями, высказались в том смысле, что банк не должен возобновлять платежей в монете раньше, чем через четыре года, но он должен быть обязан с 1 мая 1821 г. разменять свои билеты на золотые слитки узаконенной пробы по монетной цене при требованиях на сумму не менее 30 унций. И так как комитетам кажется целесообразным, чтобы это возвращение к размену на золото по монетной цене происходило постепенно, то они предлагают, чтобы банк, начиная с 1-го числа ближайшего февраля, платил по своим билетам слитками, по требованию на сумму не менее 60 унций из расчета по 4 ф. 1 ш. за унцию, а с 1 октября 1820 г. до 1-го следующего мая—по 3 ф. 19 ш. 6 п. за унцию.

Если директора банка правильно понимают взгляды, руководившие комитетами при представлении последними этой схемы на усмотрение парламента, то они должны заключить, что цель комитетов состоит в обеспечении, во всяком случае и при всевозможных переменах обстоятельств, возвращения к оплате банковых билетов золотом по монетной цене по истечении 2 лет, и что эта мера должна быть введена таким образом, чтобы монетная цена сохранилась и на будущее время, причем банк сможет контролировать рыночную

или вексельную цену золота исключительно путем регулирования количества выпускаемых им билетов.

Директорам, далее, кажется, что по отношению к периоду окончательного выполнения этого плана и оплаты банковых билетов золотом по монетной цене банк лишается свободы действий; ему остается только—когда его золотые резервы будут вновь открыты для оплаты билетов—регулировать свою эмиссию и покупать золото, дабы иметь возможность удовлетворять все возможные требования.

Находясь под таким впечатлением, директора банка считали себя вправе заметить министрам его величества, что, будучи обязаны оплачивать предъявляемые им билеты монетой установленной пробы и по монетной цене в 3 ф. 17 ш. 10½ п. за унцию, они были бы последними, которые стали бы возражать против какой бы то ни было меры, рассчитанной на достижение этого результата; но так как они обязаны принимать во внимание влияние, оказываемое всякой предлагаемой мерой на общую сумму выпускаемых ими билетов; так как суммой выпускаемых ими билетов регулируется деятельность всех частных банков и из этих билетов состоит все обращение страны, за исключением билетов частных банков,—то они чувствуют себя обязанными, благодаря новому положению, в которое они были поставлены актом 1797 г. об ограничении размена, не менее помнить о своем долге по отношению ко всему обществу, интересы которого как в денежном, так и в коммерческом отношении были в значительной степени доверены их благородию.

Обязанные, таким образом, смотреть шире и в своей оценке этой меры охватывать интересы всего общества в целом, директора не могут не ощущать нежелания, хотя и невольного, одобрить такую систему, которая, по их мнению, по всем своим широким стремлениям и методам более касается всей страны, чем непосредственных интересов одного только Английского банка.

Само собой разумеется, что в регулярные обязанности банка, согласно первоначальным его статутам, не входит обязанность вникать в политику, которой управляется наше великое государство во всех его коммерческих и денежных делах. Эта политика является исключительно делом администрации, парламента и всего общества; также не дело банка излагать принципы, на основании которых эта политика должна быть направляема. Специальная и собственная банку обязанность заключается в заведывании делами банковского характера, связанными с уплатой процентов по государственному долгу, с вкладами, порученными его заботам, и с обычными авансами, которые банк открывает правительству.

Но так как директора, в том новом положении, в которое они были поставлены ограничительным актом, приглашаются сейчас озабочиться созданием фонда для поддержания всего денежного обращения государства, состоящего как в монете, так и в слитках; так как им предлагается провести эту меру в течение определенного периода времени, регулируя рыночную цену золота путем ограничения количества выпускаемых банкнот, какими бы тяжелыми последствиями ни сопровождалось подобное ограничение для отдельных лиц и для всего общества,—то они считают своим священным и повелительным долгом представить свои соображения по этому предмету в первую очередь министрам его величества, и притом столь определенно, чтобы их молчаливое согласие с этой мерой не могло бы быть в будущем истолковано в том смысле, что с их стороны имелась предварительная санкция такой системы, которую они не могут рассматривать иначе, как меру, сопряженную с полнейшей неопределенностью и риском.

Банк не может заранее предвидеть каков будет ход событий в течение ближайших двух, а тем более ближайших четырех лет; он не имеет права действовать на основании оптимистических предположений, для которых он не имеет никаких реальных оснований, которые могут оказаться ошибочными и за которые его могут считать ответственным. Он не может на-авось рекомендовать продолжать непрерывное денежное давление на коммерческий мир, последствий какового давления он не может ни предвидеть, ни оценить.

Директора уже делали представления палате лордов о желательности для банка выплаты его билетов слитками по рыночной цене дня для того, чтобы посмотреть, насколько благоприятный торговый баланс может способствовать восстановлению прежнего порядка вещей, которым они могли бы воспользоваться; в этих же целях они предлагали, чтобы правительство уплатило банку значительную часть тех сумм, которые были даны ему под казначейские векселя.

Эти две меры дали бы время для составления правильного суждения о состоянии рынка золота и о действительных результатах, которые могла произвести последняя война: возрастание государственного долга, налогов, цен, изменения в отношении размеров процента, количества капитала и характера коммерческих сношений с континентом; и о том, насколько произшедшие изменения являются временными или постоянными, в каком размере и в какой степени ониоказывают свое действие.

Когда директора настаивали на двух вышеупомянутых мерах, то их намерением было воспользоваться всяkim обстоятельством, которое дало бы возможность банку расши-

рить свои покупки слитков в такой степени, чтобы могла быть удовлетворена законная обычная потребность нации в достаточном количестве средств обращения. Дальше этого пункта они не считают себя вправе итти, руководствуясь при этом каким бы то ни было другим мнением, предположением или соображением, кроме своего собственного; и когда рекомендуется система, которая, повидимому, лишает банк свободы при учете потребностей и нужд коммерческого мира, и когда директора отказывают в своем предварительном согласии на такую систему, то это происходит не от недостатка уважения к правительству его величества или к мнению комитетов обеих палат парламента, а исключительно от серьезного убеждения, что директора не имеют никакого права брать на себя ответственность за поддержку меры, которая так глубоко затрагивает интересы всего общества и которая может скомпрометировать интересы всего государства в отношении земледелия, мануфактур, торговли и доходов, путем выражения кажущегося согласия или открытого одобрения этой меры со стороны директоров Английского банка.

Разрешение всех этих важных вопросов, равно как и обсуждение того, в какой степени все эти основные и существенные интересы могут быть затронуты предлагаемой мерой, остается делом законодателей; им же—а не банку—предстоит после серьезного обсуждения определить и установить курс, который должен быть взят.

Какие бы суждения ни произносились время от времени относительно банка, какие бы враждебные предположения ни делались относительно его поведения, он придерживается осторожного образа действий, измеряя количество средств обращения как в соответствии с потребностями нации, так и с потребностями правительства, и удерживая его в то же время в надлежащих границах в сравнении с тем, что было до войны—как это показано на 10, 11, 12 и 13 страницах отчета комитета палаты лордов. Недавняя попытка возвратиться к системе размена на золото, начавшаяся при самых благоприятных перспективах (но которая была впоследствии парализована событиями, которых банк не мог ни предусмотреть, ни контролировать), сама по себе служит достаточным опровержением всех тех упреков, которые так незаслуженно обрушивались на это учреждение.

Директора Английского банка, представляя эти соображения министрам его величества, просят, чтобы им было дозволено заверить, что сильнейшим их желанием было, поскольку это от них зависит, помочь всеми доступными им средствами тем мерам, которые законодатель предпринимает в целях поднятия благосостояния государства.

Роберт Бест, секретарь.

Приложение Б

Хлеб, прибывающий в лондонский порт из портов Великобритании и Ирландии

Пшеница	1817 г. кварт- ров	Средн. цена шилл.		1818 г. кварт- ров	Средн. цена шилл.		1819 г. кварт- ров	Средн. цена шилл.	
		101	78.671		86	49.047		78	
Первые три месяца . . .	93.624			104	45.541	88	44.201	72	
Вторые " " . . .	69.842			91	51.869	83	91.741	74	
Третий " " . . .	77.293			80	60.086	81	100.552	66	
Четвертые три месяца . . .	96.505			337.264	—	236.167	—	285.541	—
Пшеница	1820 г. кварт- ров	Средн. цена шилл.		1821 г. кварт- ров	Средн. цена шилл.		1822 г. кварт- ров	Средн. цена шилл.	
Первые три месяца . . .	103.589	65		77.227	54		133.913	48	
Вторые " " . . .	103.988	71		78.260	54		—	—	
Третий " " . . .	71.461	72		107.024	55		—	—	
Четвертые три месяца . . .	87.680	60		165.804	58		—	—	
	366.668	—		428.315	—		—	—	
Ячмень	1817 г. кварт- ров	Средн. цена шилл.		1818 г. кварт- ров	Средн. цена шилл.		1819 г. кварт- ров	Средн. цена шилл.	
Первые три месяца . . .	99.853	50		87.538	46		84.020	60	
Вторые " " . . .	64.054	51		39.901	51		15.454	45	
Третий " " . . .	17.559	48		14.731	54		8.461	39	
Четвертые три месяца . . .	98.941	43		120.373	61		87.196	37	
	275.407	—		262.543	—		195.131	—	
Ячмень	1820 г. кварт- ров	Средн. цена шилл.		1821 г. кварт- ров	Средн. цена шилл.		1822 г. кварт- ров	Средн. цена шилл.	
Первые три месяца . . .	121.063	34		97.707	25		99.062	19,6	
Вторые " " . . .	55.632	35		46.943	24		—	—	
Третий " " . . .	10.678	36		14.416	26		—	—	
Четвертые три месяца . . .	59.420	29		71.868	29		—	—	
	216.793	—		230.934	—		—	—	

Овес	1817 г. кварте- ров	Средн. цена шилл.	1818 г. кварте- ров	Средн. цена шилл.	1819 г. кварте- ров	Средн. цена шилл.
Первые три месяца . . .	142.721	30	147.959	28	110.373	33
Вторые	80.872	34	102.204	31	94.669	28
Третья	89.137	36	194.603	34	98.841	27
Четвертые три месяца . . .	155.564	27	88.977	35	136.352	25
	468.294	—	533.743	—	440.235	—

Овес	1820 г. кварте- ров	Средн. цена шилл.	1821 г. кварте- ров	Средн. цена шилл.	1822 г. кварте- ров	Средн. цена шилл.
Первые три месяца . . .	197.478	23	127.351	19	199.057	—
Вторые	188.723	26	138.781	18	—	—
Третья	82.131	28	149.106	20	—	—
Четвертые три месяца . . .	91.100	22	152.934	21	—	—
	559.430	—	568.170	—	—	—

Количество квартеров пшеницы, ячменя и овса, проданных в Марк-Лёне, по данным инспекторских отчетов, в нижеследующие периоды:

	Пшеницы (квартеров)	Ячменя	Овса
С 1 ноября 1818 г. по 1 марта 1819 г. . .	65.804	107.764	137.272
» » 1819 » » » 1820 » . .	100.582	117.144	164.017
» » 1820 » » » 1821 » . .	106.465	96.703	134.586
» » 1821 » » » 1822 » . .	170.621	96.127	216.870

— { * } —

**ВЫСОКАЯ
ЦЕНА СЛИТКОВ
ЕСТЬ ДОКАЗАТЕЛЬСТВО
ОБЕСЦЕНЕНИЯ БАНКНОТ**

ПЕРЕВОД С ЧЕТВЕРТОГО ИЗДАНИЯ

1 8 1 1 г.

ВЫСОКАЯ ЦЕНА СЛИТКОВ

§ 1. Наиболее выдающиеся экономисты придерживались того взгляда, что в период, предшествовавший организации банков, драгоценные металлы, употребляемые для обращения товаров во всем мире, распределялись в известных пропорциях между различными цивилизованными нациями соответственно состоянию торговли и богатства каждой из них и, следовательно, соответственно числу и частоте платежей, которые им необходимо было производить. Будучи распределены таким образом, металлы повсюду сохраняли одну и ту же ценность, и так как каждая страна, действительно, нуждалась в том количестве металла, которое она имела в обращении, то не могло быть соблазна ввозить или вывозить металлы.

Золото и серебро, подобно другим товарам, имеют внутреннюю ценность, которая не носит произвольного характера, но зависит от их редкости, от количества затраченного на их добычу труда и от ценности капитала, употребленного в рудниках на их производство.

«Свойства полезности, красоты и редкости,—говорит д-р Смит,—представляют первоначальную основу высокой цены этих металлов или возможности их всюду обменять на значительное количество других товаров. Эта ценность предшествовала их употреблению в качестве монеты и, будучи независимо от последнего, является сама тем качеством, которое сделало драгоценный металл пригодным для этого назначения».

Если бы употребляемое во всем мире в качестве монеты количество золота и серебра было чрезмерно мало или излишне велико, то это обстоятельство не оказало бы никакого влияния на те пропорции, в которых эти металлы распределялись бы между различными странами, и изменение в их количестве оказалось бы лишь то действие, что товары, на которые они обмениваются, стали бы относительно дороже или дешевле. Меньшее количество денег выполняло бы функцию орудия обращения столь же хорошо,

как и более значительное. Десять миллионов выполняли бы эту задачу совершенно так же, как и сто миллионов. Доктор Смит замечает, что «наиболее богатые рудники драгоценных металлов прибавили бы очень мало к мировому богатству. Продукт, ценность которого главным образом зависит от его редкости, неизбежно обесценивается благодаря его изобилию».

Если богатство одной нации возрастает быстрее, чем богатство других наций, то первая будет нуждаться в более значительном количестве мировых денег и действительно приобретет его. Торговля, количество товаров и платежи у этой нации увеличивается, и все мировое денежное обращение распределится соответственно новым пропорциям. Все страны, поэтому, будут в известной степени содействовать удовлетворению этого действительного спроса.

Таким же образом, если какая-либо нация растратит часть своего богатства или потеряет часть своей торговли, то она не сможет удержать за собой того же количества средств обращения, каким она владела раньше. Часть денег будет вывезена и распределена между остальными нациями, так что обычные пропорции восстановятся.

Пока относительное положение стран продолжает оставаться неизменным, они могут производить между собой обширную торговлю, но их экспорт и импорт в целом останутся одинаковыми. Англия могла бы ввезти больше товаров из Франции, чем вывезти туда, но вследствие этого она вывезла бы больше товаров в другую страну, а Франция ввезла бы больше товаров из этой же страны; таким образом, ввоз и вывоз всех стран взаимно уравновесился бы; необходимые платежи были бы произведены при помощи векселей, но деньги не уходили бы из одной страны в другую, потому что их ценность во всех странах была бы одинакова.

§ 2. Если бы в какой-либо из этих стран был открыт золотой рудник, то ценность средств обращения этой страны понизилась бы вследствие увеличения количества поступивших в обращение драгоценных металлов, и поэтому эти средства обращения перестали бы иметь ту ценность, которую они имели бы в других странах. Подчиняясь закону, регулирующему все остальные товары, золото и серебро, как в монете, так и в слитках, сделались бы немедленно предметом вывоза. Эти металлы покидали бы страну, в которой они являются дешевыми, и переходили бы в те страны, в которых они дороги, и это продолжалось бы до тех пор, пока рудник оставался бы производительным и пока не установилась бы снова та пропорция, которая существовала между капиталом и деньгами до открытия рудника,

и пока ценность золота и серебра не установилась бы снова повсюду на одинаковом уровне. Взамен вывозимого золота ввозились бы товары, и хотя то, что обычно называется торговым балансом, было бы против страны, вывозящей золото, но очевидно, что она вела бы наиболее выгодную торговлю, вывозя то, что ей не нужно, в обмен на товары, которые могут быть употреблены для расширения ее промышленности и увеличения ее богатств.

Если бы вместо открытия рудника в какой-либо стране был организован банк, подобный Английскому банку, с правом выпуска своих банкнот в качестве средств обращения, то после большого выпуска их, путем ли ссуды торговцам или авансов правительству,—что значительно увеличило бы сумму средств обращения,—наступили бы те же последствия, как и в случае открытия рудника. Средства обращения понизились бы в ценности, а ценность товаров пропорционально повысилась бы. Равновесие между данной страной и другими восстановилось бы единственно благодаря вывозу известной части монеты.

Поэтому, подобно открытию рудника, организация банка и в результате этого выпуск банкнот действуют как причина вывоза слитков или монеты и являются выгодными лишь постольку, поскольку эта цель достигается. Банк заменяет наиболее дорогостоящие средства обращения не имеющими никакой ценности и дает нам возможность превратить драгоценные металлы,—которые хотя и представляют необходимую часть нашего капитала, но не приносят никакого дохода,—в капитал, который принесет доход. Д-р Смит сравнивает выгоды, проистекающие от учреждения банка, с теми, которые были бы получены от превращения наших дорог в пастбища и поля и проведения дорог по воздуху. Подобно монете, дороги в высшей степени полезны, но они никогда не приносят дохода. Кое-кто мог бы встревожиться тем, что металлы оставляют страну, и рассматривал бы это как невыгодную торговлю, в которой мы вынуждены участвовать. Закон, действительно, рассматривает эту торговлю именно так, принимая меры против вывоза металла; но достаточно небольшого размышления, чтобы убедиться, что вывоз металла за границу совершается по нашему желанию, а не под давлением необходимости, и что нам в высшей степени выгодно обменивать товар, имеющийся у нас в избытке, на другие товары, которые могут быть применены производительно.

§ 3. Вывоз металла может быть всегда и без всякого риска предоставлен усмотрению отдельных лиц; как и всякого другого товара, металла будет вывезено не более, чем это окажется выгодным для страны. Если же вывоз

металла будет выгоден, то никакой закон не в состоянии действительно воспрепятствовать ему. К счастью, в этом случае, как и в большей части других случаев, при существовании свободной конкуренции в торговле интересы отдельного лица и всего общества никогда не расходятся между собой.

Если бы было возможно провести строгое исполнение закона против переплавки или вывоза монеты, при существовании в то же время свободного вывоза золотых слитков, то подобный закон не принес бы никакой пользы, а напротив, послужил бы источником большой несправедливости по отношению к тем, кому пришлось бы платить, быть может, две или более унции золота в монете за одну унцию золота в слитках. Это являлось бы действительным обесценением наших средств обращения, которое повысило бы цены всех других товаров в той же пропорции, в которой оно увеличило бы цену золотых слитков. Владелец монеты подвергался бы в подобном случае такой же несправедливости, как и тот владелец хлеба, которому закон воспретил бы продавать свой хлеб дороже, чем за половину его рыночной ценности. Закон против вывоза монеты имеет именно эту тенденцию, но его обходят с такою легкостью, что золото в слитках имеет всегда приблизительно такую же ценность, как и золото в монете.

§ 4. Итак, оказывается, что средства обращения данной страны никогда не могут в течение продолжительного времени сохранять более высокую ценность,—поскольку речь идет о равных количествах драгоценного металла,—чем средства обращения другой страны; что излишек средств обращения есть только относительное понятие и что, если бы обращение Англии равнялось 10 млн., Франции — 5 млн., Голландии — 4 млн. и т. д. и т. д., то пока сохранились бы между ними прежние пропорции, количество средств обращения каждой страны могло бы удвоиться или утроиться, но ни одна из этих стран не ощущала бы излишка средств обращения. Цены товаров, вследствие увеличения количества средств обращения, повысились бы всюду, но ни одна страна не прибегла бы к вывозу денег. Но если бы эти пропорции были нарушены вследствие удвоения количества средств обращения в одной лишь Англии, в то время как количество средств обращения Франции, Голландии и т. д. оставалось бы неизменным, то мы испытывали бы тогда излишек средств обращения, и по той же причине другие страны чувствовали бы недостаток в них, и часть нашего излишка стала бы вывозиться, пока пропорции 10, 5, 4 и т. д. снова не восстановились бы.

Если бы унция золота имела более высокую ценность во Франции, чем в Англии, и обменивалась бы на большее количество имеющихся в обеих странах товаров, то золото немедленно начало бы покидать Англию с целью обмена на товары, и мы предпочли бы вывоз золота вызову всякого другого товара, потому что оно являлось бы самым дешевым товаром на английском рынке; ибо если бы золото было дороже во Франции, чем в Англии, то другие товары были бы в первой дешевле, и мы, поэтому, не посыпали бы их с дорогого рынка на дешевый, а, наоборот, они переходили бы в обмен на наше золото с дешевого на дорогой рынок.

§ 5. Банк может продолжать выпуск своих банкнот, а металл может с выгодой вывозиться из страны, пока банкноты остаются разменными по предъявлению на металл, так как банк никогда не мог бы выпустить банкнот более, чем на ценность монеты, которая обращалась бы в стране при отсутствии банка¹⁾.

Если бы банк пытался превзойти это количество, то излишek банкнот немедленно возвратился бы к нему для размена на металл, так как наши деньги вследствие этого уменьшились бы в своей ценности, начали бы вывозиться с выгодой и не могли бы бытьдержаны в нашем внутреннем обращении. Таковы, как я уже об'яснил выше, те способы, посредством которых наше обращение стремится прийти в равновесие с обращением других стран. Как скоро будет достигнуто это равновесие, прекратится всякая выгода от вывоза; но если банк, исходя из того предположения, что если в прошлом году было необходимо определенное количество средств обращения, то такое же количество должно быть необходимо в данный период, или исходя из какого-либо другого основания, — будет продолжать выпускать в обращение возвратившиеся к нему банкноты, то снова возобновится действие того же стимула, который вследствие излишка средств обращения привел к вывозу металла; снова возникнет спрос на золото, вексельный курс сделается неблагоприятным, и цена золотых слитков повысится несколько над их монетной ценой, так как закон допускает вывоз слитков, но запрещает вывоз монеты, и разность этих двух цен будет приблизительно соответствовать достаточному вознаграждению за риск.

1) Строго говоря, количество банкнот могло бы несколько превысить это количество, так как по мере увеличения банком количества мировых средств обращения, Англия удерживала бы за собой свою долю увеличившегося количества средств обращения.

Таким образом, если бы банк настаивал на повторных выпусках своих банкнот в обращение, то из его кладовых была бы извлечена вся металлическая наличность до последней гинеи.

Если бы с целью пополнения убыли в своих запасах золота банк начал покупать золотые слитки по более высокой цене и перечеканивал бы их в гинеи, то это не помогло бы беде; спрос на гинеи не прекратился бы от этого, но вместо вывоза—гинеи стали бы переплавляться и продаваться банку в качестве слитков по более высокой цене. «Операции банка,—заметил д-р Смит, намекая на случай, аналогичный этому,—были бы в этом отношении немного похожи на ткань Пенелопы—результаты работы, сделанной в течение дня, уничтожались бы в течение ночи». Тот же взгляд выражает Торнтон: «Видя, что количество гинеи в его кладовых с каждым днем уменьшается, банк, естественно, имел бы желание возместить их всеми возможными и не слишком дорогими способами. Он был бы до известной степени расположен покупать золото, хотя и по невыгодной цене, и перечеканивать его в новые гинеи; но это он будет делать как раз в то время, когда много лиц частным образом превращают монету в слитки. Одна сторона в таком случае переплавляла бы металл в слитки и продавала его, а другая покупала бы, обращая его в монету. И каждая из этих двух противоположных операций будет происходить в этом случае не с целью действительного вывоза переплавленных гинеи в Гамбург, но вся операция или, по крайней мере, большая часть ее, ограничится пределами Лондона, так как те, которые чеканят из слитков гинеи, и те, которые плавят гинеи в слитки, живут в одном и том же месте и дают постоянную работу друг другу».

«Если мы предположим,—продолжает Торнтон,—как мы это сделали сейчас, что банк ведет такого рода борьбу с теми, кто плавит гинеи, то он, очевидно, затевает весьма неравный бой, и если даже банк не устанет очень скоро, то он, конечно, устанет скорее, чем его противники».

Поэтому, банк был бы в конце концов вынужден прибегнуть к единственному находящемуся в его власти средству, чтобы прекратить спрос на гинеи. Он начал бы извлекать из обращения часть своих банкнот до тех пор, пока ценность оставшихся в обращении не возросла бы до уровня ценности золотых слитков и, следовательно, до уровня ценности средств обращения других стран.

Вся выгода от вывоза золотых слитков исчезла бы тогда, и не было бы больше соблазна менять банкноты на гинеи.

§ 6. Итак, с этой точки зрения оказывается, что соблазн вывозить деньги в обмен на товары или то, что называется

неблагоприятным торговым балансом, возникает исключительно благодаря излишку средств обращения. Но Торnton, который рассматривает этот предмет весьма пространно, предполагает, что неблагоприятный баланс может быть обусловлен в данной стране плохим урожаем и вследствие этого ввозом хлеба; он полагает, что в то же время страна, которой мы должны за хлеб, может не иметь желания принять в уплату наши товары; вследствие этого, наш долг этой стране должен быть уплачен из той части нашего денежного запаса, которая состоит в монете, а это повысит спрос на золото и увеличит его цену. Он полагает, что банк оказывает торговцам значительную помощь тем, что он заполняет банкнотами ту пустоту, которая возникла бы благодаря вывозу металла.

Так как Торnton признает во многих местах своего произведения, что цена слитков золота выражается в золотой монете, и так как он соглашается с тем, что закон, запрещающий переплавку золотой монеты в слитки и вывоз ее, обходится весьма легко, то отсюда следует, что никакой спрос на слитки золота, от какой бы причины он ни происходил, не может повысить цены этого товара, выраженной в золотой монете. Ошибочность этого рассуждения происходит от того, что Торnton не проводит различия между повышением ценности золота и возрастанием его цены, выраженной в деньгах.

Если бы имел место большой спрос на хлеб, то его денежная цена возросла бы, потому, что, сравнивая хлеб с деньгами, мы в действительности сравниваем его с другими товарами, и по той же причине, когда имеется значительный спрос на золото, его хлебная цена должна возрасти; но ни в коем случае один бушель пшеницы не может стоить дороже чем другой бушель пшеницы, или одна унция золота дороже другой унции золота. Каков бы ни был спрос на золото в слитках, одна унция этого золота не может иметь большей ценности, чем одна унция золота в монете или 3 ф. 17 шил. $10\frac{1}{2}$ пенс., пока цена золота в слитках изменяется золотой монетой.

Если бы этот аргумент не казался решающим, то я настаивал бы на том, что предполагаемая в данном случае пустота в обращении может возникнуть единственно благодаря уничтожению или ограничению бумажного обращения и что она быстро была бы заполнена ввозом слитков, возрастание ценности которых, вследствие уменьшения количества средств обращения, неизбежно привлекало бы их на выгодный рынок. Как бы ни был велик недостаток в хлебе, вывоз денег был бы ограничен благодаря увеличению их редкости. Деньги являются настолько предметом всеоб-

щего спроса, и при настоящем состоянии цивилизации значение их для торговых сделок столь существенно, что они никогда не могут вывозиться в излишнем количестве. Даже во время войны, подобно настоящей, когда неприятель стремится запретить всякую торговлю с нами, возрастание ценности средств обращения благодаря увеличению их редкости помешало бы их вывозу принять такие размеры, при которых могла бы образоваться пустота в обращении.

Торнтон не об'яснил нам, почему существовало бы нежелание в другой стране получать наши товары в обмен за ее хлеб; он должен бы показать, что если бы подобное нежелание имело место, то мы согласились бы итти настолько далеко, чтобы расстаться со своей монетой.

Если мы соглашаемся давать монету в обмен за товар, то это делается по нашему выбору, но не по необходимости. Мы не стали бы ввозить больше товаров, чем вывозим, если бы не имели излишка средств обращения, который, поэтому, становится частью нашего вывоза. Вывоз монеты обуславливается ее дешевизною и является не следствием, а причиной неблагоприятного баланса; мы бы ее не вывозили, если бы не могли послать ее на более выгодный рынок, или если бы у нас имелся другой товар, который можно было бы вывезти с большей прибылью. Вывоз монеты является спасительным средством против излишка средств обращения. Как я уже старался доказать, это изобилие или излишек средств обращения есть только относительное понятие, и отсюда следует, что иностранный спрос на монету возникает только благодаря сравнительному недостатку средств обращения во ввозящей стране, который вызывает там повышение их ценности.

Вывоз этот является целиком вопросом прибыли. Если бы продавцы хлеба в Англию, предположим, на сумму в 1 млн., могли ввезти к себе товары, которые стоят 1 млн. в Англии, и в то же время, продавая эти товары за границей, выручали бы более, чем в том случае, когда миллион посыпался бы им деньгами, то юни предпочли бы наши товары в уплату за хлеб; в противном случае они предъявили бы спрос на монету.

Иностранцы предпочитают получать золото в обмен за свой хлеб только на основании сравнения ценности золота и других товаров на их и на нашем рынке и потому, что золото дешевле на лондонском рынке, чем на их рынках. Если мы уменьшаем количество средств обращения, то тем самым мы придаем им большую ценность: это заставляет иностранцев изменить свой выбор и предпочтеть товары. Если бы я был должен в Гамбурге 100 ф., то я старался бы найти наиболее дешевый способ уплаты этого долга. Если

я посыпаю монету, то при расходе на ее пересылку в 5 ф., я уплатил бы свой долг суммою в 105 ф. Если я покупаю здесь ткань, которая с расходами по пересылке обойдется мне в 106 ф. и которая может быть продана в Гамбурге за 100 ф., то мне будет, очевидно, выгоднее послать деньги. Если покупка и пересылка железных товаров для уплаты моего долга обойдется мне в 107 ф., то я предпочту посыпку ткани пересылке этих товаров, но я не предпочту ни того, ни другого товара монете, потому что она представляла бы самый дешевый экспортный товар лондонского рынка. Из тех же оснований исходил бы экспортер хлеба, если бы сделка происходила за его собственный счет. Но если бы банк, «опасаясь за безопасность своего учреждения» и зная, что требуемое число гиней будет извлечено из его кладовых по монетной цене, нашел бы необходимым уменьшить количество своих банкнот в обращении, то пропорция между ценностью денег, тканей и железных товаров не оставалась бы прежней — 105, 106 и 107; деньги сделались бы наиболее ценным из трех товаров, и, следовательно, они с меньшей выгодой могли бы быть употреблены на уплату заграничных долгов.

Если бы,—что представляет более важный случай,—мы согласились дать заем другому государству, то деньги не стали бы вывозиться до тех пор, пока находились бы какие-либо товары, которыми можно было бы дешевле произвести платежи. Интересы отдельных лиц сделали бы вывоз денег ненужным¹⁾.

§ 7. Таким образом, металл посыпался бы за границу для уплаты долга только тогда, когда он был бы в излишнем количестве и когда он являлся бы самым дешевым экспортным товаром. Если бы в такое время банк оплачивал свои банкноты металлом, то возник бы спрос на золото с целью вывоза. Золото получалось бы по монетной цене, между тем как цена его в слитках была бы несколько выше его ценности в монете, потому что слитки допускаются законом к вывозу, а монета запрещена.

Таким образом, очевидно, что обесценение средств обращения является необходимым следствием их изобилия и что

1) Это полностью подтверждается обяснениями г. Роза в парламенте, что наш вывоз превосходит наш ввоз на сумму, кажется, в 16 млн. Взамен этого вывоза слитки не могли быть ввезены, ибо хорошо известно, что, так как в течение всего года цена слитков была за границей выше, чем внутри нашей страны, то было вывезено большое количество нашей золотой монеты. Таким образом, к ценности вывоза должна быть присоединена ценность вывезенных слитков. Часть этой суммы иностранцы могут быть нам должны, но остальная часть должна быть точно равна нашим расходам за границей, состоящим из субсидий нашим союзникам и из содержания в иностранных государствах нашей армии и флота.

при обычном состоянии обращения страны это обесценение встречает противодействие в вывозе драгоценных металлов¹⁾.

Таковы, мне кажется, законы, которые регулируют распределение драгоценных металлов по всему миру, а также обуславливают и ограничивают перемещение их из одной страны в другую, регулируя их ценность в каждой стране. Но прежде чем перейти к рассмотрению на основе этих принципов главного предмета моего исследования, мне необходимо будет показать, каково то постоянное мерилом ценности в нашей стране, представителем которого должны являться наши бумажные деньги, так как определить их нормальное состояние и обесценение возможно только путем сравнения с этим постоянным мерилом ценности.

§ 8. Можно сказать, что ни в одной стране, где средства обращения состоят из двух металлов, не существует постоянного²⁾ мерила ценности, потому что эти металлы постоянно подвергаются колебаниям в своей ценности относительно друг друга. С какой бы точностью директора монетного двора не устанавливали относительной ценности золота и серебра в монете в тот момент, когда они определяют это отношение, они все же не могут предотвратить

1) В работе большой и заслуженной репутации («Эдинбургское обозрение» т. I, стр. 183) было отмечено, что увеличение количества бумажных денег повысит цены товаров только в бумажных деньгах, но не повысит их цен, выраженных в золоте. Это было бы верно в такое время, когда средства обращения состоят только из неразменных на металл бумажных денег, но не тогда, когда металл составляет часть обращения. В последнем случае, результатом увеличения выпуска бумажных денег было бы извлечение из обращения на равную сумму металла; но это не могло бы произойти без увеличения на рынке количества слитков и, вследствие этого, без уменьшения их ценности, или, иными словами, без увеличения золотой цены товаров. Соблазн вывозить металл возникает только вследствие подобного уменьшения ценности металлического обращения и слитков. Преследование за переплавку монеты в слитки является единственной причиной той незначительной разности, которая существует между ценностью монеты и ценностью слитков или незначительного превышения рыночной цены золота над монетной ценою. Но вывоз слитков и есть неблагоприятный торговый баланс. От какой бы причины ни происходил вывоз слитков в обмен на товары, это называется,—по моему мнению очень неправильно,—неблагоприятным торговым балансом.

Когда обращение состоит из одних только бумажных денег, то всякое увеличение их количества повысит денежную цену слитков, не понижая их ценности, таким же образом и в такой же пропорции, в какой это повысит цены других товаров, и по той же причине это понизит вексельный курс на другие страны; но это было бы nominalным, а не реальным понижением, и оно не вызвало бы вывоза слитков, потому что реальная ценность слитков не уменьшилась бы, так как не произошло бы никакого увеличения их количества на рынке.

2) Строго говоря, не может быть постоянного мерила ценности. Мерилом ценности должно было бы само быть неизменным. Но это неприменимо ни к золоту, ни к серебру, так как оба эти металла так же под-

повышения ценности одного из этих металлов, в то время как ценность другого остается без изменения или даже уменьшается. Всегда, когда происходит расхождение относительной ценности двух металлов, монеты из одного из них переплавляются в слитки для продажи за монеты из другого. Локк, лорд Ливерпуль и многие другие писатели рассматривали этот предмет очень умело, и все соглашались с тем, что единственное средство против дефектов денежного обращения, вытекающих из этого источника, это сделать мерилом ценности только один из двух металлов. Локк считал серебро наиболее пригодным для этой цели металлом и предложил, чтобы золотой монете было предоставлено самой находить свою собственную ценность и обмениваться на большее или меньшее количество шиллингов, в зависимости от колебаний рыночной цены золота относительно серебра.

Лорд Ливерпуль, напротив, настаивал на том, что золото не только является наиболее пригодным металлом для роли всеобщего мерила ценности в нашей стране, но что оно сделалось таковым с общего согласия народа, рассматривается как таковое иностранцами, и что оно наилучшим образом приспособлено к возрастанию торговли и богатств Англии.

Он поэтому предлагал, чтобы только золотая монета являлась законным платежным средством для сумм выше одной гинеи, и чтобы серебро служило средством платежа для сумм, не превышающих этой цифры. На основании существующего в настоящее время закона, золотая монета является законным платежным средством на всякую сумму, а в 1774 г. было постановлено, что «никакая одновременная уплата серебряной монетой королевства, превышающая 25 ф., не может быть признана законной или считаться произведенной законным платежным средством в пределах Великобритании и Ирландии; в этом случае уплата должна происходить соответственно ценности серебра по весу, т.-е. 5 шил. 2 пенс. за каждую унцию серебра». Правило это было снова подтверждено в 1798 г. и сохраняет свою силу до настоящего времени.

вергаются колебаниям, как и другие товары. Но опыт научил нас, что хотя колебания в ценности золота и серебра в течение продолжительных периодов могут быть значительны, но в пределах коротких промежутков времени ценность их приблизительно остается без изменения. Именно это свойство, наряду со многими другими преимуществами этих металлов, делает их более пригодными для употребления в качестве денег, чем какой либо товар. Итак, золото или серебро могут на этом основании считаться мерилом ценности с той точки зрения, с которой мы рассматриваем их.

Исходя из соображений, которые привел лорд Ливерпуль, кажется бесспорно доказанным, что золотая монета приблизительно в течение столетия была главным мерилом ценности; но мне кажется, что это следует приписать неправильному установлению пропорций между золотой и серебряной монетами. Золото было оценено слишком высоко, и поэтому серебряные монеты установленного веса не могли оставаться в обращении.

Если бы имело место новое постановление, согласно которому серебро было бы оценено слишком высоко или, что то же самое, если бы рыночное отношение между ценой золота и серебра сделалось более высоким, чем монетное соотношение между ними, то исчезло бы из обращения золото, а мерилом ценности сделалось бы серебро.

Это может потребовать дальнейших разъяснений. Относительная ценность золота и серебра в монете равна $15\frac{9}{124}:1$. Унция золота, которая чеканится в 3 ф. 17 шил. $10\frac{1}{2}$ пенс. золотой монеты, согласно постановления монетного двора, соответствует по ценности $15\frac{9}{124}$ унциям серебра, так как именно такое количество серебра по весу чеканится в 3 ф. 17 шил. $10\frac{1}{2}$ пенс. серебряной монеты. Пока отношение рыночной ценности золота к ценности серебра остается ниже $15:1$, что было в течение многих лет до последнего времени, золотая монета необходимо остается постоянным мерилом ценности. Ни банк, ни частные лица не будут посыпать на монетный двор $15\frac{9}{124}$ унций серебра для чеканки из них 3 ф. 17 шил. $10\frac{1}{2}$ пенс. в монете, если они могут продать это количество серебра на рынке за сумму, превышающую 3 ф. 17 шил. $10\frac{1}{2}$ пенс. в золотой монете; а именно так и будет, если унцию золота можно купить за меньшее количество, чем 15 унций серебра. Но если бы отношение ценности золота к серебру превысило установленную монетным двором пропорцию $15\frac{9}{124}:1$, то золото не посыпалось бы на монетный двор для чеканки, ибо так как каждый из этих металлов является законным платежным средством на всякую сумму, то владелец унции золота не посыпал бы ее на монетный двор для чеканки в 3 ф. 17 шил. $10\frac{1}{2}$ пенс. золотой монеты, пока он мог бы ее продать—что в этом случае имело бы место—за сумму больше, чем 3 ф. 17 шил. $10\frac{1}{2}$ пенс. в серебряной монете. Не только не посыпали бы золота на монетный двор для чеканки, но золотая монета переплавлялась бы незаконно в слитки и в этом виде продавалась бы за большую сумму в серебряной монете, чем это соответствует ее номинальной ценности. Таким образом, золото в этом случае исчезло бы из обращения, а серебряная монета сделалась бы постоянным мерилом ценности. Так как золото за последнее время значительно

повысилось в своей ценности сравнительно с серебром (унция золота, которая в среднем за много лет была равна ценности $14\frac{3}{4}$ унции чистого серебра, имеет в настоящее время ценность равную $15\frac{1}{2}$ унций серебра), то это могло бы теперь явиться причиной отмены ограничений в платежной силе серебра и предоставления монетному двору права свободной чеканки серебра на тех же основаниях, как золота; но в парламентском акте 39 Георга III имеется следующая статья:

«Так как могут возникнуть неудобства от чеканки серебра, пока не будут принятые такие меры, которые явились бы необходимыми; так как, вследствие существующей низкой законной цены на слитки серебра, вытекающей из временных обстоятельств, было доставлено на монетный двор небольшое количество серебряных слитков, но есть основание полагать, что впредь могут предъявляться более значительные количества, то поэтому необходимо прекратить в настоящее время чеканку серебра; на этом основании постановляется, что со времени утверждения настоящего акта серебряные слитки не должны чеканиться на монетном дворе, а также не должна выдаваться та серебряная монета, которая могла уже быть вычеканена, несмотря ни на какой закон, говорящий противное».

Закон этот сохраняет в настоящее время силу.

Могло бы поэтому показаться, что законодательство имело намерение утвердить золото в качестве мерила ценности в нашей стране. Пока этот закон сохраняет силу, серебряная монета должна употребляться только для мелких платежей, для какой цели достаточно находящееся в обращении количество серебряной монеты. Для должника было бы выгодно уплачивать свои большие долги серебряной монетою, если бы он мог требовать чеканки монеты из серебряных слитков; но так как этому препятствует названный выше закон, он вынужден уплачивать свой долг золотой монетой, которую он может получить на монетном дворе в обмен на слитки золота на какую угодно сумму. Пока этот закон сохраняет силу, золото должно все время оставаться мерилом ценности.

Если бы рыночная ценность унции золота сделалась равной 30 унциям серебра, золото тем не менее оставалось бы мерилом ценности, пока названное запрещение сохраняло бы свою силу. Владельцу 30 унций серебра не было бы никакой пользы от сознания, что он когда-то мог уплатить долг в 3 ф. 17 шил. $10\frac{1}{2}$ пенс. путем приобретения $15\frac{9}{124}$ унции серебра и превращения их в монету на монетном дворе, так как в данном случае он не имел бы другого способа уплаты своего долга, кроме продажи своих 30

унций серебра по рыночной ценности, т.-е. за одну унцию золота или за 3 ф. 17 шил. 10½ пенс. золотой монеты.

Публика несла в некоторые периоды очень серьезные потери от обесценения средств обращения, которое вытекало из незаконной порчи монеты.

Пропорционально степени порчи монеты цена всякого товара, на который монета обменивается, не исключая золотых и серебряных слитков, номинально повышается; соответственно этому мы находим, что до перечеканки, имевшей место в царствование короля Вильгельма III, серебряное обращение настолько испортилось, что унция серебра, которая должна была содержаться в 62 пенс., продавалась за 77 пенс., а гинея, которая оценивалась на монетном дворе в 20 шил., шла во всякой сделке за 30 шил. Это зло тогда уничтожено было посредством перечеканки. Подобные же следствия произвела порча золотых монет,—они также были устраниены в 1774 г. тем же способом.

§ 9. Наша золотая монета, начиная с 1774 г., продолжала сохранять приблизительно свое законное количество золота, но наше серебряное обращение снова подверглось порче. В результате опыта, произведенного в 1798 г., оказалось, что содержание серебра в наших шиллингах ниже их монетной ценности на 24%, а в наших сикс-пенсах на 38%, и мне сообщили, что позднейшими опытами было обнаружено еще большее уменьшение количества серебра. Монета поэтому не содержит в себе теперь такого же количества чистого серебра, какое она содержала в царствование короля Вильгельма. Но эта порча монеты не оказала, однако, в период, предшествовавший 1798 г., такого же действия, какое она произвела в предыдущем случае. В первом случае золото и серебро повысились в ценности настолько же, насколько упало содержание серебра в монете. Все иностранные вексельные курсы поднялись против нас на полные 20%, а многие из них еще выше. Но хотя порча серебряной монеты продолжалась в течение многих лет, она до 1798 г. не повысила цены золота и серебра, а также не оказала никакого влияния на вексельный курс. Это является убедительным доказательством того, что золотая монета в течение продолжительного периода рассматривалась, как единственное мерило ценности. Порча золотой монеты произвела бы в этот период такое же действие на цены золотых и серебряных слитков и на иностранный вексельный курс, какое раньше оказала порча серебряной монеты¹⁾.

1) Когда золотая монета была испорчена, то в период до перечеканки в 1774 г. цена золотых и серебряных слитков была выше монетной цены. Но она медленно упала, когда золотая монета достигла своего теперешнего совершенства. Вексельные курсы, благодаря тем же причинам, из неблагоприятных превратились в благоприятные.

Пока обращение различных стран состоит из драгоценных металлов или из бумажных денег, которые во всякое время размениваются на металл, и пока металлическое обращение не испорчено обрезыванием и стиранием, до тех пор сравнение веса и пробы монет дает нам возможность определить паритет между ними. Таким образом паритет между Голландией и Англией устанавливается приблизительно в 11 флоринов за 1 ф. ст., так как количество чистого серебра, содержащегося в 11 флоринах равно количеству чистого серебра, содержащегося в 20 полновесных шиллингах.

Этот паритет не является абсолютно устойчивым и таковым быть не может, так как в Англии мерилом ценности является золотая монета, а в Голландии серебряная, и фунт стерлингов или $\frac{20}{21}$ гиней может иметь в различное время большую или меньшую ценность, чем 20 полновесных шиллингов, а следовательно, большую или меньшую ценность, чем его эквивалент в 11 флоринов. Для нашей цели будет достаточно точно выразить паритет в серебре или в золоте.

Если я имею долг в Голландии, то, зная паритет вексельного курса, я вместе с тем знаю количество наших денег, которое необходимо для уплаты моего долга.

Если мой долг достигнет суммы в 1.100 флоринов и ценность золота остается неизменною, то на 100 ф. ст. нашей чистой золотой монеты я куплю столько голландской монеты, сколько необходимо для уплаты моего долга. Я могу этого достичь путем вывоза 100 ф. ст. монеты или (что то же самое) уплатив торговцу слитками 100 ф. ст. монетой и возмещая ему расходы по пересылке,—каковы: фрахт, страхование, а также его прибыль,—в обмен за вексель, которым уплачую мой долг; в то же время торговец вывезет слитки, чтобы дать возможность своему корреспонденту уплатить по векселю, когда это нужно будет сделать.

§ 10. Таким образом, эти расходы являются низшим пределом неблагоприятного вексельного курса. Как бы ни был велик мой долг, даже если бы он был равен самой значительной субсидии, которую когда-либо наша страна давала какой-либо союзной стране, пока я мог бы платить торговцу слитками монетой устойчивой ценности, он будет охотно ее вывозить и продавать мне векселя. Но если бы я платил ему порченой монетой или обесцененными бумажными деньгами, то он бы не согласился продавать мне свой вексель по этой цене, потому что если монета испорчена, то она не содержит такого количества чистого золота или серебра, которое должно заключаться в 100 ф. ст., и, следовательно, он должен вывезти дополнительное количество такого рода испорченной монеты, чтобы иметь возможность уплатить мой долг в 100 ф. или его эквивалент

в 1.100 флоринов. Если бы я платил ему бумажными деньгами, то так как он их не может посыпать за границу, он будет исходить из того соображения, можно ли будет за эти деньги купить столько золота или серебра в слитках, сколько его заключается в монете, представительницей которой является бумага; в положительном случае он примет бумагу на одинаковых основаниях с монетой, в отрицательном—он будет требовать дополнительной премии за свой вексель, равной степени обесценения бумажных денег.

Поэтому, пока средства обращения состоят из неиспорченной монеты или из бумажных денег, разменных по предъявлению на неиспорченную монету, вексельный курс никогда не может быть выше или ниже паритета на большую сумму, чем расходы по пересылке драгоценных металлов. Но когда обращение состоит из обесцененных бумажных денег, вексельный курс неизбежно понизится соответственно степени их обесценения.

Таким образом, вексельный курс является достаточно правильным критерием, на основании которого мы можем судить об ухудшении средств обращения, которое обусловлено обрезыванием монеты или обесценением бумажных денег.

Сэр Джемс Стюарт отметил, что «если бы изменить одновременно во всей Англии наш английский фут путем присоединения к нему или отнятия от него известной пропорциональной части его установленной длины, то изменение было бы наилучшим образом обнаружено путем сравнения нового фута с парижским или с футом какой-либо другой страны, не потерпевшим никакого изменения».

Совершенно так же, если бы сколько-нибудь изменился фунт стерлингов, который является английской денежной единицей, и если бы трудно было установить это изменение благодаря сложности обстоятельств, то лучшим способом было бы сравнение старой и новой ценности фунта с деньгами других стран, не потерпевшими изменения. С наибольшей точностью это может выполнить вексельный курс».

«Эдинбургское обозрение», говоря о памфлете лорда Кинга, заметило, что «наш торговый баланс не потому является постоянно благоприятным, что наш ввоз состоит частью из слитков». «Слиток,—говорит оно,—есть товар, на который, подобно всякому другому, спрос колеблется, и который совершенно также, как и всякий другой товар, может входить в состав вывоза или ввоза; но этот вывоз или ввоз слитков не будет влиять на вексельный курс другим образом, чем вывоз или ввоз каких-либо других товаров».

Никто не ввозит и не вывозит слитков, не зная состояния вексельного курса. Только при помощи вексельного курса

сбнаруживается относительная ценность слитков в двух различных странах, в которых мы ее сравниваем. Таким образом, торговцы слитками сообразуются с вексельным курсом совершенно так же, как другие торговцы с прейс-курантом, прежде чем они решаются вывозить или ввозить другие товары. Если 11 флоринов в Голландии содержат такое же количество серебра, как 20 полновесных английских шиллингов, то серебряные слитки, равные по весу 20 полновесным английским шиллингам, никогда не могут быть вывезены из Лондона в Амстердам, пока вексельный курс находится на уровне паритета или неблагоприятен для Голландии. Вывоз их сопровождался бы расходами и риском, а действительное значение слова паритет выражает то, что путем покупки векселя на Голландию можно приобрести там количество серебра, равное по весу и пробе содержащемуся в 20 шил. без накладных расходов. Кто посыпал бы слитки в Голландию при расходах в 3-4%, если путем покупки векселя по паритету можно действительно приобрести ордер, по которому корреспондент в Голландии получит слиток такого же веса, какой нужно было послать?

Это было бы столь же разумно утверждать, как и то, что если цена хлеба в Англии выше, чем на континенте, то хлеб все-таки будет вывозиться для продажи на более дешевый рынок, несмотря на все издержки по его вывозу.

Отметив уже те ненормальности, которым подвергается металлическое обращение, я перейду к рассмотрению тех из них, которые хотя и не порождаются ухудшением состояния золотой или серебряной монеты, но, тем не менее, весьма серьезны по своим конечным последствиям.

§ 11. Наши средства обращения почти целиком состоят из бумаги, и это обязывает нас следить за обесценением бумажных денег, по крайней мере, с той же бдительностью, как и за обесценением монеты. Этим мы до сих пор пренебрегали.

Освободив банк от платежа монетой, парламент дал директорам банка возможность произвольно увеличивать или уменьшать количества и сумму банкнот; и так как существовавший прежде тормоз против лишних выпусков был вследствие этого устраниен, то директора банка приобрели власть увеличивать и уменьшать ценность бумажных денег.

§ 12. Проследив существующее зло до его источников и доказывая факт его существования путем обращения к двум верным признакам, которые я упомянул выше, а именно к вексельному курсу и к цене слитков, я воспользуюсь отчетом Торнтона о деятельности банка до прекращения размена, чтобы показать, насколько очевидно банк в своих действиях исходил из принципа, который признал Торнтон,

а именно, что ценность банкнот зависит от их количества, и что банк устанавливал колебание ценности своих банкнот при помощи названных мною признаков.

Торnton говорит нам, что «если иногда вексельный курс страны становился настолько неблагоприятным, что значительно повышал рыночную цену золота над монетной ценой, то директора банка, как это видно из показаний, данных некоторыми из них в парламенте, были расположены прибегнуть к уменьшению количества банкнот, как способу уменьшения или уничтожения названного повышения цены, заботясь таким образом о безопасности своего учреждения». «Кроме того,—говорит он,—исходя из тех же соображений осторожности, они привыкли не переходить некоторой границы при выпуске банкнот». И в другом месте: «Когда цена, которую приобретает наша монета в других странах, настолько велика, что является соблазн к ее вывозу, тогда директора банка естественно уменьшают в некоторой степени количество своих банкнот, опасаясь за благополучие своего учреждения. Уменьшая количество своих банкнот, они поднимают их ценность, а поднимая эту ценность, они вместе с тем поднимают во всей Англии ценность обращающейся монеты, которая обменивается на банкноты. Таким образом, ценность нашей золотой монеты сама согласуется с ценностью обращающейся бумаги, причем с целью предупреждения значительного вывоза золота директора банка придают бумажным деньгам такую величину ценности, которая только немного отклоняется вверх или вниз от цены нашей монеты за границей».

Сознание со стороны банка необходимости охранять свое благополучие всегда предупреждало до прекращения размена слишком необузданые выпуски бумажных денег.

Таким образом, мы находим, что в течение 23-летнего периода до прекращения размена в 1797 г., средняя цена золотых слитков была в 3 ф. 17 шил. и $7\frac{3}{4}$ пенс. за унцию, т.-е., примерно, на $2\frac{3}{4}$ пенс. ниже монетной цены; а в течение 16 лет до 1774 г. она никогда не была значительно выше 4 ф. за унцию. Необходимо вспомнить, что в течение этих 16 лет наша золотая монета была испорчена стиранием, и поэтому, вероятно, 4 ф. ст. такой испорченной монеты могли весить меньше, чем унция золота, которая на них обменивалась.

По мнению д-ра Смита, всякое постоянное превышение рыночной цены золота над его монетной ценой должно быть отнесено на счет состояния монеты. Пока монета сохраняет свой первоначальный вес и пробу, рыночная цена золотых слитков, полагал д-р Смит, не может быть значительно выше монетной цены. Торnton утверждает, что это не может быть

единственной причиной. «Мы пережили,—говорит он,—колебания в наших вексельных курсах и соответствующие колебания цены золота на рынке сравнительно с его монетной ценой, достигавшие не менее 8 или 10%, между тем состояние нашей монеты продолжало оставаться во всех отношениях одинаковым». Но Торнтон должен был принять во внимание, что в то время, когда он писал, монета не могла быть получена в банке в обмен на банкноты; что именно это было причиной обесценения денег, которой д-р Смит не мог предвидеть. Если бы Торнтон доказал, что в цене золота происходили колебания в 10% в то время, когда банк оплачивал свои банкноты монетой и монета не была испорченной, он мог бы тогда обвинять д-ра Смита, что он «недостаточно и неудовлетворительно исследовал этот важный предмет»¹⁾.

Но так как в настоящее время парламентским актом уничтожены все препятствия к новым эмиссиям со стороны банка, который освобожден от размена своих банкнот на монету, то опасения «за благополучие своего учреждения» не заставляют больше банк ограничивать количество своих банкнот той суммой, при которой они сохраняли бы ценность, равную ценности представляемой ими монеты. Соответственно этому мы находим, что средняя цена золо-

1) Пока монеты из обоих металлов являются законным платежным средством и отсутствуют ограничения чеканки в отношении какого-либо металла, превышение рыночной цены золотых или серебряных слитков над монетной может возникнуть благодаря изменениям в относительной ценности обоих металлов. Но обусловленное этим превышение рыночной цены над монетной ценой можно было бы заметить сразу, так как оно оказалось бы влияние только на цену одного из двух металлов. Так, цена золота была бы равна монетной цене или ниже ее, когда цена серебра была бы выше, цена серебра было бы равна или ниже его монетной цены, когда цена золота было бы выше монетной цены последнего.

В самом конце 1795 г., когда банк имел в обращении значительно более банкнот, чем в предшествовавшем или за ним следовавшем году, когда его затруднения уже начались, когда он, повидимому, отказался от всякоого благородства в управлении своими делами и сделал Питта единственным директором, цена золотых слитков на короткое время возросла до 4 ф. 3 шил., или до 4 ф. 4 шил. за унцию; но директора опасались за возможные последствия. В докладе, посланном ими Питту в октябре 1795 г., после утверждения, «что спрос на золото, повидимому, не скоро прекратится» и «что это возбудило сильное опасение среди директоров», они делают замечание, «что нынешняя цена золота по 4 ф. 3 шил.—4 ф. 4 шил.* за унцию и возможность покупать наши гиени из расчета 3 ф. 17 шил. $10\frac{1}{3}$ пенс. за унцию, ясно указывает основания наших опасений; необходимо только констатировать эти факты перед канцлером казначейства». Достойно замечания, что в бюллетенях Уитенгейла в течение всего года не упоминается о том, что цена золота стоит выше его монетной цены. В декабре она обозначена здесь в 3 ф. 17 шил. 6 пенс.

*.) Трудно решить, на основании каких фактов директора утверждают это, так как, согласно отчету, недавно представленному в парламент, они, повидимому, покупали в течение 1795 г. золотые слитки не дороже 3 ф. 17 шил. 6 пенс. за унцию.

тых слитков периода, предшествовавшего 1797 г., в 3 ф. 17 шил. $7\frac{3}{4}$ пенс. повысилась до 4 ф. 10 шил., а в последнее время она достигла 4 ф. 13 шил. за унцию.

§ 13. Мы можем поэтому притти к выводу, что эта разница в относительной ценности или, другими словами, это уменьшение в настоящее время ценности банкнот вызвано слишком большим их количеством, которое было выпущено банком в обращение. Та же самая причина, которая вызвала разницу между ценностью банкнот и ценностью слитков золота в 15—20%, может увеличить ее и до 50%. Обесценение, вызванное постоянным увеличением количества бумажных денег, не имеет границ. Стимул к вывозу монеты, возникающий благодаря увеличению количества средств обращения, приобретает новую силу, но он не может, как в прежнем случае, устранить сам себя. Наши бумажные деньги необходимо ограничиваются пределами одного только нашего обращения. Всякое увеличение их количества понижает их ценность ниже ценности золотых и серебряных слитков, а также ниже ценности денег других стран.

Результат тот же, который получился бы благодаря обрезыванию нашей монеты.

Если бы каждая гинея была уменьшена на $\frac{1}{5}$, то рыночная цена золотых слитков поднялась бы на $\frac{1}{5}$ выше их монетной цены. Сорок четыре гинеи с половиной (т.-е. такое число гиней, которое весит фунт и потому называется его монетной ценой) перестали бы иметь вес фунта, и, следовательно, ценюю фунта золота было бы количество гиней, большее на $\frac{1}{5}$, или около 56 ф. ст., а разность между рыночной и монетной ценой, между 56 ф. ст. и 46 ф. ст. 14 шил. 6 пенс., определяла бы степень обесценения.

Если бы такая испорченная монета продолжала называться гинеей, и если бы ценность золотых слитков и всех других товаров выражалась в этой испорченной монете, то необрезанная гинея, только что вышедшая с монетного двора, оценивалась бы в 1 ф. 5 шил., и эта сумма выплачивалась бы за нее торговцами золотом, но при этом не возратила бы ценность новой гинеи, а уменьшалась бы ценность гинеи испорченной. Это сделалось бы очевидным немедленно, если бы было дано распоряжение, воспрещающее обращение испорченных гиней иначе, как по их весу по монетной цене в 3 ф. 17 шил. $10\frac{1}{2}$ пенс. за унцию. Это сделано бы новые полновесные гинеи основным мерилом ценности вместо гиней, подвергшихся обрезыванию и стиранию. Последние шли бы тогда по своей действительной ценности и назывались бы монетой в 17 или 18 шил. Таким же образом, если бы в настоящее время добиться распоряжения, имеющего ту же цель, то банкноты не перестали бы обра-

щаться, а принимались бы по ценности количества золота, которое на них можно купить. Тогда нельзя было бы сказать, что ценность золотой гинеи равна 1 ф. 5 шил., но фунтовая банкнота обращалась бы за 16 или 17 шил. В настоящее время золотая монета является только товаром, а банкноты законным мерилом ценности, тогда как в названном случае золотые монеты были бы этим мерилом, а банкноты лишь ходким товаром.

«Постоянство наших вексельных курсов,—говорит Торнтон,—или, иными словами, совпадение монетной цены золота с ценой золота в слитках представляет, повидимому, верное доказательство того, что обращающиеся бумажные деньги не обесценены».

Когда возникают мотивы к вывозу золота, то пока банк не платит металлом, и, следовательно, золото не может быть получено по монетной цене, незначительное его количество, которое можно достать, будет собрано для вывоза, и банкноты будут обмениваться на золото с таким вычетом, который пропорционален их лишнему количеству. Но когда мы говорим, что цена золота высока, то мы ошибаемся: изменилась ценность бумажных денег, а не золота. Если сравнить с товарами унцию золота или 3 ф. 17 шил. $10\frac{1}{2}$ пенс., то пропорция между ними сохраняется прежняя, а если это окажется не так, то причину этого следует отнести на счет увеличения налогов или на счет одного из условий, оказывающих постоянное влияние на ценность товаров. Но если мы сравним с товаром то, что представляет унцию золота, т.-е. 3 ф. 17 шил. $10\frac{1}{2}$ пенс., в банкнотах, мы тогда обнаружим обесценение банкнот. На всех рынках мира я вынужден заплатить 4 ф. 10 шил. банкнотами за такое же количество товаров, которое я могу получить за золото, содержащееся в монете на 3 ф. 17 шил. $10\frac{1}{2}$ пенс.

Часто утверждали, что гинея в Гамбурге стоит 26 или 28 шил., но мы сильно обманулись бы, если бы поэтому сделали вывод, что гинея могла бы быть продана в Гамбурге за такое количество серебра, какое содержится в 26 или в 28 шил. До изменения относительной ценности серебра и золота гинея не могла бы быть продана в Гамбурге за большее количество серебряной монеты, чем то, которое содержится в 21 полновесном шиллинге; по настоящей рыночной цене гинея продается за такую сумму серебра, которая, будучи ввезена в Англию и отнесена на монетный двор для чеканки, соответствовала бы 21 шил. 5 пенс. нашей полновесной серебряной монеты¹⁾.

1) Относительная ценность серебра и золота на континенте приблизительно та же, что в Лондоне.

Тем не менее верно, что на то же количество серебра можно купить в Гамбурге вексель, по которому в Лондоне будет уплачено 26 или 28 шил. банкнотами. Может ли быть более удовлетворительное доказательство обесценения наших средств обращения?

§ 14. Говорили, что если бы закон, освобождающий банк от размена банкнот, был отменен, то все гинеи ушли бы из пределов страны¹⁾.

Это, несомненно, верно, но если бы банк уменьшил количество своих банкнот настолько, чтобы повысить их ценность на 15%, то закон о прекращении размена мог бы быть безопасно отменен, так как не было бы соблазна к вывозу монеты. Но как бы долго это ни откладывалось, как бы ни было значительно обесценение банкнот, банк никогда не мог бы восстановить размена на металл, пока он количество своих банкнот в обращении не сведет до необходимых границ.

Все экономисты согласны с тем, что закон является бесполезным как препятствие к вывозу гиней; он обходится с такой легкостью, что сомнительно, помог бы он сохранить в Англии хоть на одну гинею больше, чем это было бы при отсутствии закона. Локк, Дж. Стюарт, А. Смит, лорд Ливерпуль и Торнтон,—все сходятся в этом пункте. Последний замечает, что «существование британского закона бесспорно способствует ослаблению и ограничению вывоза гиней, хотя не в состоянии ему воспрепятствовать, ибо он поощряется неблагоприятным торговым балансом, и, быть может, закон даже не уменьшает этого вывоза, когда прибыль от него становится весьма значительной». Несмотря на то, что каждая гинея, которая при настоящем положении вещей будет приобретена незаконно торговцем, будет переплавлена и вывезена, он все же будет бояться открыто покупать гинеи за банкноты с премией, чтобы не сделать себя предметом подозрения. Он может быть выслежен, и сделке могут помешать. Так как установленное законом наказание строго, а соблазн доноса силен, то для подобных операций необходимо соблюдение тайны. Когда можно получить гинеи путем размена в банке банкнот, тогда закон обойти легко; но когда необходимо открыто извлекать их из широко разветвленного обращения, которое состоит почти исключительно из бумажных денег, то выгода, вытекающая из этой операции, должна быть весьма значительной, чтобы кто-либо согласился на риск быть уличенным.

1) Это должно означать, что каждая гинея, принадлежащая банку, оставила бы пределы страны; соблазн в 15% достаточно значителен, чтобы выслать из страны все гинеи, которые могли бы быть изъяты из обращения.

Если мы примем во внимание, что в течение настоящего царствования было вычеканено гиней на сумму свыше 60 млн. фунтов ст., то мы можем составить себе некоторое представление о тех размерах, каких должен достигнуть вывоз золота. Но отмените закон против вывоза гинея, разрешите открыто вывозить их из страны,—и тогда ничто не может помешать унции чистого золота в гинеях продаваться по такой же высокой цене в банкнотах, как унция португальской золотой монеты или унция чистого золота в слитке, если известно, что гинея чеканится из золота той же пробы. И если унция чистого золота в гинеях будет продаваться на рынке за 4 ф. 10 шил., как продаются в настоящее время слитки чистого золота, или по 4 ф. 13 шил., как они продавались недавно, то какой лавочник станет продавать свой товар безразлично по одной и той же цене за золото и за банкноты? Если бы цена сюртука равнялась 3 ф. 17 шил. $10\frac{1}{2}$ пенс., или унции золота, и если бы в то же время унция золота продавалась за 4 ф. 13 шил. банкнотами, то можно ли допустить, что портному было бы безразлично получать золотом или банкнотами?

Только потому, что за гинею можно купить не более чем банкноту в 1 ф. и 1 шил., многие колеблются признать, что банкноты обесценены. То же мнение поддерживает «Эдинбургское обозрение», но если моя аргументация правильна, то я показал, что подобные возражения неосновательны.

§ 15. М-р Торnton говорит нам, что неблагоприятная торговля является причиной неблагоприятного вексельного курса; но мы уже видели, что влияние неблагоприятной торговли,—если это выражение точно,—на вексельный курс ограничено. Его граница, вероятно, определяется в 4 или 5%. Оно не может об'яснить обесценения в 15 или 20%. Кроме того, Торnton сказал нам,—и я вполне согласен с ним в этом,—что «можно признать за общую истину, что коммерческий ввоз и вывоз государства стремятся в известной степени уравновесить друг друга и что поэтому торговый баланс не может долгое время оставаться слишком благоприятным или неблагоприятным для страны». Однако, низкий вексельный курс, вместо того чтобы оставаться времененным, был таковым еще до того времени, когда Торnton писал, т.-е. до 1802 г., и с тех пор прогрессивно ухудшался, так что он в настоящее время на 15—20% против нас. Таким образом, м-р Торnton согласно своим собственным положениям должен отнести это на счет более постоянной причины, чем неблагоприятный торговый баланс, и каково бы ни было его прежнее мнение, он, несомненно, теперь согласится, что низкий курс может быть об'яснен только обесценением средств обращения.

§ 16. Мне кажется, что нельзя больше спорить против того, что банкноты обесценены. Пока цена золотых слитков равна 4 ф. 10 шил. за унцию, или, иными словами, пока кто-либо соглашается давать за унцию золота то, что считается свидетельством на одну и одну шестую унции, нельзя утверждать, что 4 ф. 10 шил. в банкнотах и 4 ф. 10 шил. в золотых монетах имеют одну и ту же ценность.

Из унции золота чеканится 3 ф. 17 шил. $10\frac{1}{2}$ пенс., следовательно, обладая этой суммой, я обладаю унцией золота, и я не дал бы за унцию золота 4 ф. 10 шил. золотою монетой или такими банкнотами, которые я могу немедленно обменять на 4 ф. 10 шил.

Противоречит здравому смыслу допущение, чтобы это могло быть рыночной ценой золота, если цена не определяется в обесцененных средствах обращения.

§ 17. Если бы цена золота выражалась в серебре, то цена эта могла бы подняться действительно до 4-х, 5-ти или 10 ф. ст. за унцию, и само по себе это вовсе не было бы доказательством обесценения бумажных денег, а только показателем изменения относительной ценности золота и серебра. Однако, я, кажется, доказал, что серебро не является мерилом, в котором выражается ценность золота. Но если бы это было так, то поскольку унция золота стоит на рынке только $15\frac{1}{2}$ унций серебра, и так как $15\frac{1}{2}$ унций серебра в точности равны по весу 80 шил. и из них чеканится монета на такую именно сумму, то унция золота не должна была бы продаваться дороже 4 ф. ст.

Таким образом, те, которые утверждают, что серебро является мерилом ценности, не могут доказать, что какой бы то ни было спрос на золото, от какой бы причины он ни происходил, может поднять его цену выше 4 ф. ст. за унцию. Все, что превышает эту цену, должно, по их собственным принципам, рассматриваться как результат обесценения банкнот. Отсюда поэтому следует, что если бы банкноты были представителем серебряной монеты, то унция золота, продаваемая, как в настоящее время, за 4 ф. 10 шил., продавалась бы за такое количество банкнот, которое представляет $17\frac{1}{2}$ унций серебра, между тем как на рынке металлов она может быть обменена только на $15\frac{1}{2}$ унций. Поэтому $15\frac{1}{2}$ унций в серебряных слитках равны по ценности банковскому обязательству уплатить предъявителю $17\frac{1}{2}$ унций.

Рыночная цена серебра в банкнотах в настоящее время определяется в 5 шил. $9\frac{1}{2}$ пенс. за унцию; монетная же цена только 5 шил. 2 пенс., и, следовательно, серебро установленной пробы, содержащееся в 100 ф. ст., стоит в банкнотах больше, чем 112 ф.

§ 18. Можно, однако, сказать, что банкноты являются представителями нашей неполномононной серебряной монеты,— а не полновесной. Но это не верно, так как цитированный выше закон об'являет серебро законным средством платежа для сумм, не превышающих 25 ф., исключая уплаты по весу. Если бы банк настаивал на уплате пред'явителю банкноты в 1000 ф. серебряной монетой, то он был бы обязан или заплатить ему полновесным серебром или же неполномононной серебряной монетой, но содержащей количество серебра на равную сумму, исключая 25 ф., которые он может уплатить ему неполновесной монетой по номиналу. Но 1000 ф., состоящие из 975 ф. полновесных денег и 25 неполновесных, по нынешней рыночной ценности серебряных слитков стоят больше, чем 1112 ф.

§ 19. Утверждают, что количество банкнот возросло в пропорции не большей, чем это требовалось ростом нашей торговли, и поэтому оно не может быть чрезмерным. Это утверждение было бы трудно доказать, и если оно верно, то на нем нельзя основать иного аргумента, кроме ошибочного. Прежде всего, ежедневные улучшения, производимые нами в отношении экономии средств обращения путем усовершенствований банковых методов, делают в настоящее время чрезмерным то самое количество банкнот, которое было необходимо при таком же состоянии торговли в предыдущий период. Во-вторых, между Английским банком и провинциальными банками существует постоянная конкуренция и стремление заместить своими банкнотами банкноты своих конкурентов в каждом округе, в котором учреждены провинциальные банки.

Так как количество провинциальных банков в течение немногих лет удвоилось, то не вероятно ли, что стремление их заменить своими собственными банкнотами большое количество банкнот Английского банка могло увенчаться успехом?

Если это случилось, то в настоящее время оказалось бы чрезмерным то же самое количество банкнот Английского банка, которое в прежнее время при менее обширной торговле было только достаточно для поддержания нашего обращения на одном и том же уровне с обращением других стран.

Поэтому нельзя сделать правильного заключения относительно находящегося в настоящее время в обращении количества банкнот, хотя я не сомневаюсь, что исследование обнаружило бы, что возрастание количества банкнот и высокая цена золота обычно сопровождали друг друга.

Сомневались в том, чтобы сумма в 2 или 3 млн. банкнот (сумма, которую, как предполагают, банк присоединил к обращению сверх того, что последнее легко погло-

щает) могла оказать такое действие, какое ей приписывали, но необходимо вспомнить, что Английский банк регулирует размеры обращения всех провинциальных банков, и что если Английский банк увеличивает размер своих выпусков на 3 млн., то, вероятно, он дает провинциальным банкам возможность увеличить общее обращение Англии более, чем на 3 млн.

Деньги отдельной страны распределяются между ее различными провинциями по тем же самым законам, по каким деньги всего мира распределяются между различными нациями, из которых он состоит. Каждый округ удерживает в своем обращении такую пропорциональную долю средств обращения страны, какую может требовать его торговля и, следовательно, его платежи—по отношению к торговле целой страны; не может быть увеличения количества средств обращения одного округа, которое не распространялось бы повсеместно и не вызвало бы пропорционального увеличения во всяком другом округе. Именно это обстоятельство поддерживает всегда банкноты провинциальных банков на одном уровне ценности с банкнотами Английского банка. Если бы в Лондоне, где обращаются одни только банкноты Английского банка, количество средств обращения было бы увеличено на 1 млн., то деньги сделались бы дешевле, чем в других местах, или товары стали бы дороже. Тогда товары посыпались бы из провинции на лондонский рынок для продажи по более высоким ценам или,—что более вероятно,—провинциальные банки воспользовались бы относительным недостатком средств обращения в провинции и увеличили бы количество своих банкнот в такой же пропорции, в какой это сделал Английский банк; тогда это оказало бы всеобщее, а не только частное влияние на цены.

Таким же образом, если бы количество банкнот Английского банка уменьшилось на 1 млн., то сравнительная ценность средств обращения в Лондоне повысилась бы, а цены товаров упали бы. Тогда банкноты Английского банка сделались бы более ценными, чем банкноты провинциальных банков, ибо в них нуждались бы для покупки товаров на дешевом рынке, и так как провинциальные банки обязаны выдавать банкноты Английского банка по требованию в обмен на свои собственные, то к ним обращались бы за получением этих банкнот до тех пор, пока общее количество провинциальных банкнот не уменьшилось бы до той же пропорции, которая была раньше между ними и лондонскими банкнотами, и пока не произошло бы соответственное понижение цен всех товаров, на которые банкноты обмениваются.

§ 20. Провинциальные банки никогда не могут увеличить количества своих банкнот, за исключением того случая, когда

необходимо пополнить относительный недостаток средств обращения в провинции, возникающий благодаря увеличению выпусков Английского банка¹⁾.

Если бы юни пытались это сделать, то то же самое препятствие, которое вынуждало Английский банк извлекать из обращения часть своих банкнот, когда приходилось оплачивать их по предъявлению золотом, вынудило бы провинциальные банки итти тем же путем. Их банкноты, соответственно возрастанию их количества, сделались бы менее ценными, чем банкноты Английского банка, таким же образом, как банкноты Английского банка сделались бы менее ценными, чем представляемые ими гинеи. Они, поэтому, обменивались бы на банкноты Английского банка до тех пор, пока не сравнялись бы с ними в ценности.

Английский банк является великим регулятором для банкнот провинциальных банков. Когда он увеличивает или уменьшает количество своих банкнот,—провинциальные банки делают то же самое, и ни в каком случае не могут провинциальные банки увеличить общее количество средств обращения страны, если Английский банк не увеличит предварительно количества своих банкнот.

§ 21. Некоторые утверждали, что не цена серебряных и золотых слитков, а норма процента является тем критерием, на основании которого мы можем всегда судить об излишке бумажных денег; что если бы бумажных денег было слишком много, то процент упал бы, а если недостаточно, то процент повысился бы. По моему мнению, может быть доказано, что норма процента регулируется не изобилием или редкостью денег, а изобилием или редкостью той части капитала, которая не состоит из денег.

«Деньги,—замечает Ад. Смит,—великое колесо обращения и орудие торговли, подобно всяким другим орудиям торговли,—хотя составляют часть, и весьма ценную часть, капитала,—не составляют части дохода общества, которому они принадлежат; и хотя металлические монеты, из которых они состоят, совершая свой годичный оборот, доставляют каждому человеку доход, который ему причитается, но сами по себе они не составляют части этого дохода.

Когда мы определяем размер промышленности, которую может обслуживать оборотный капитал какой-либо страны, то мы всегда должны обращать внимание только на те части этого капитала, которые состоят из съестных припасов, материалов и готовых изделий; всегда следует вычесть ту часть,

1) Они могут в некоторых случаях заменить своими банкнотами банкноты Английского банка, но это не имеет отношения к тому вопросу, который мы теперь обсуждаем.

которая заключается в деньгах и служит только для обращения названных трех частей. Чтобы привести в действие промышленность, необходимы три вещи: материал для обработки, орудия производства и заработка плата или вознаграждение тем, кем производится работа. Деньги не являются ни материалом для обработки, ни орудием производства, и хотя заработка плата выплачивается обыкновенно рабочему деньгами, но действительный доход последнего, подобно доходам всех других людей, состоит не в деньгах, а в их ценности; не в металлических монетах, а в том, что может быть получено за них...»

И в других частях своего сочинения Ад. Смит утверждает, что открытие американских рудников, которое столь значительно увеличило количество денег, не уменьшило процента за пользование ими, так как норма процента регулируется прибылью от применяемого капитала, а не количеством или качеством металлических монет, которые употребляются для обращения его продуктов.

Юм поддерживает то же мнение. Ценность средств обращения каждой страны сохраняет некоторую пропорцию с ценностью обращающихся при их помощи товаров. В некоторых странах эта пропорция более велика, чем в других, а в некоторых случаях она подвергается колебаниям в одной и той же стране. Она зависит от скорости обращения, от степени доверия и кредита между торговцами и, кроме того, от разумных банковских операций. В Англии применялось столько способов экономии средств обращения, что ценность их, в сравнении с ценностью обращающихся товаров, вероятно (в течение периода, когда господствует доверие¹⁾), доведена до такой незначительной пропорции, какая только осуществима. Какова может быть эта пропорция—это определяли различно.

Никакое увеличение или уменьшение количества средств обращения, состоят ли они из золота, серебра или бумажных денег, не может повысить или понизить их ценности выше или ниже этой пропорции. Если рудники перестают доставлять количество металла, необходимое для возмещения их годичного потребления, то ценность денег повышается, и в качестве средств обращения употребляется меньшее их количество. Уменьшение их количества будет соответствовать повышению их ценности. Таким же образом, если бы были открыты новые рудники, то ценность драгоценных металлов уменьшилась бы, и в обращении стало бы употребляться большее их количество, так что в каждом из этих

1) В дальнейших рассуждениях я исхожу из того предположения, что всегда господствует одинаковая степень доверия и кредита.

случаев отношение ценности денег к ценности товаров, обращающихся при их помощи, оставалось бы неизменным.

Если бы в то время, когда банк оплачивал свои банкноты монетой, количество банкнот увеличилось, то это оказало бы незначительное постоянное влияние на ценность средств обращения, так как приблизительно такое же количество монеты было бы извлечено из обращения и вывезено.

Если бы банк был освобожден от размена банкнот, и вся монета оказалась вывезенной, то всякий излишек банкнот уменьшал бы ценность средств обращения пропорционально этому излишку. Если бы до прекращения размена в обращении находилось 20 млн. банкнот и к ним было бы присоединено 4 млн., то ценность 24 млн. банкнот была бы не больше, чем ценность прежних 20, при условии, что количество товаров оставалось бы прежнее и не было бы соответствующего вывоза монеты; и если бы банк последовательно увеличил эту сумму до 50 или до 100 млн., то увеличенное количество было бы целиком поглощено обращением Англии, но, во всяком случае, оно понизилось бы в своей ценности до 20 млн.

§ 22. Я не юспариваю того, что, если бы банк выбросил на рынок значительную дополнительную сумму банкнот и раздал бы ее в виде ссуд, то это оказалось бы временное влияние на норму процента. Те же результаты получились бы в том случае, если бы кем-либо было найдено сокровище, состоящее из золотой или серебряной монеты. Если бы сумма была так велика, то банк или владелец сокровища не имели бы возможности отдавать в ссуду банкноты или монеты ни по 4, ни, быть может, выше 3%, но после раздачи ссуд, ни банкноты, ни монета не остались бы без употребления у заемщиков: их отправляли бы на все рынки, и они повсюду повышали бы цены товаров, пока не оказались бы поглощенными общим обращением. Только в течение периода выпуска банкнот и его влияния на цены мы бы ощущали избыток денег: в течение этого времени процент был бы ниже своего естественного уровня; но как только дополнительная сумма банкнот была бы поглощена общим обращением, уровень процента снова повысился бы, и снова возник бы спрос на новые ссуды, столь же интенсивный, как и перед дополнительным выпуском.

Денежное обращение никогда не может быть избыточным. Если бы оно состояло только из золота и серебра, то всякое добавочное количество денег распространялось бы по всему миру. Если бы оно состояло только из бумажных денег, то оно всасывалось бы только в той стране, в которой они выпущены в обращение. Действие его на цены было бы в последнем случае только местным и номинальным, так

как иностранные покупатели компенсировали бы себя благодаря изменению вексельных курсов.

Предполагать, что какое-нибудь увеличение эмиссий банка может иметь своим результатом постоянное понижение нормы процента и удовлетворение спроса всех нуждающихся в ссудах до такой степени, что для новых займов уже не останется приложения, или предполагать, что богатый золотой или серебряный рудник может оказывать подобное же действие, значит приписывать средствам обращения такое могущество, которого они никогда иметь не могут. Если бы это было возможно, то банк сделался бы действительно могучим механизмом. Создавая бумажные деньги и давая ссуды из 2 или 3%, т.-е. ниже рыночной нормы процента, банк в такой же степени уменьшал бы торговую прибыль; и если бы он был достаточно патриотичен, чтобы давать в ссуду свои банкноты за процент не более высокий, чем это необходимо для возмещения расходов по содержанию учреждения, то прибыль понизилась бы еще более; никакой народ не мог бы с нами конкурировать иначе, как при помощи подобных же средств, и мы завладели бы торговлей всего мира. К каким абсурдам привела бы нас подобная теория! Прибыль может быть понижена только благодаря конкуренции капиталов, не состоящих из средств обращения. Так как увеличение количества банкнот ничего не прибавляет к этого рода капиталу, так как оно не увеличивает ни нашего вывоза товаров, ни наших машин, ни наших сырых материалов, то оно не может ни прибавить что-либо к нашей прибыли, ни понизить норму процента¹⁾.

Когда кто-либо берет взаймы деньги, чтобы вести торговлю, то он занимает их в качестве средства, при помощи которого он может располагать материалами, съестными припасами и проч., чтобы этим вести торговлю; для него несущественно то обстоятельство, будет ли он принужден занять тысячу или десять тысяч денежных единиц, при условии, что он приобретет необходимое ему количество материалов. Если он займет десять тысяч, то номинальная ценность продукта его предприятия будет в 10 раз больше, чем в том случае, когда для той же цели было бы достаточно одной тысячи. Действительно употребляемый в стране капитал не-

1) Я ранее признал, что поскольку банк дает нам возможность обращать наши монеты в «материалы, съестные припасы и т. д.», он тем самым способствует национальному благополучию, так как он увеличивает размер производительного капитала; но здесь я говорю о таком увеличении количества банкнот в обращении, которое не вызывает соответствующего вывоза монеты и которое, поэтому, понижает ценность банкнот ниже ценности золота, содержащегося в представляющей ими монете.

обходится ограничивается количеством материалов, припасов и проч. и мог бы быть сделан одинаково производительным, хотя и не с такой легкостью, если бы торговля происходила путем непосредственного товарообмена. Меняющиеся владельцы средств обращения располагают этим капиталом, но как бы ни было велико количество монеты или банкнот, хотя оно может повысить номинальные цены товаров, распределить производительный капитал в других пропорциях, хотя банк, увеличивая количество своих банкнот, мог бы дать возможность А. захватить часть дел, принадлежавших раньше В. и С., — но это ничуть не увеличило бы реального дохода и богатства страны. В. и С. могут понести потери, а А. и банк могут оказаться в выигрыше, но они выигрывают ровно столько же, сколько В. и С. потеряют. Произойдет насилие и несправедливое перераспределение собственности, но общество в целом не может иметь от этого никакого выигрыша.

На основании этого я придерживаюсь того мнения, что высокая цена процентных бумаг не вытекает из обесценения наших средств обращения. Цена его должна регулироваться общей нормой процента, даваемого за деньги. Если до обесценения денег я давал за землю цену, равную доходу с нее за 30 лет, а за приносящие ренту бумаги цену, равную 25-летнему доходу от них, то после обесценения денег я могу дать более значительную сумму за землю, не уплачивая тем самым дохода за большее число лет, так как продукт земли будет вследствие обесценения денег продаваться по более высокой номинальной цене; но так как ежегодные платежи по процентным бумагам производятся обесцененными средствами обращения, то не может быть основания, по которому я бы платил за них более высокую номинальную цену после обесценения денег, чем до него.

Если бы гинеи были сведены обрезыванием до половины их настоящей ценности, то номинальная ценность каждого товара и земли повысилась бы вдвое; но так как процент по бумагам уплачивался бы неполновесными гинеями, то они по этой причине не повысились бы в цене.

§ 23. Средство, которое я предлагаю против всех недостатков нашего денежного обращения, заключается в том, чтобы банк постепенно уменьшал количество своих банкнот в обращении, пока ценность оставшихся банкнот не сравняется с ценностью представляемой ими монеты; или, иными словами, пока цены серебряных и золотых слитков не будут доведены до их монетной цены. Я хорошо знаю, что уничтожение кредитов в бумажных деньгах сопровождалось бы для торговли и промышленности весьма разрушительными последствиями, и даже внезапное их ограничение причинило бы столько разрушений и бедствий, что было бы чрезвычай-

но нецелесообразно прибегать к этому как к способу восстановления настоящей и справедливой ценности наших денег.

Если бы даже банк обладал большим количеством гиней, чем количество его банкнот, находящихся в обращении, то он не мог бы без большого вреда для страны платить монетой по всем банкнотам, пока цена золотых слитков продолжала бы оставаться значительно выше их монетной цены, а иностранные вексельные курсы были бы неблагоприятными для нас. Излишек наших денег был бы обменен на гинеи банка и вывезен и, таким образом, был бы внезапно извлечен из обращения. Поэтому, прежде чем банк будет в состоянии без потрясений возобновить размен банкнот, излишек последних должен быть постепенно извлечен из обращения. Если бы это было сделано постепенно, то чувствовалось бы мало неудобств; принимая это в принципе, можно было бы потом определить, следует ли это выполнить в течение одного года или пяти лет. Я совершенно убежден, что мы никогда не восстановим нашего денежного обращения иначе, как только путем этих предварительных мер или путем окончательного уничтожения бумажного кредита.

Если бы директора банка удерживали количество своих банкнот в разумных границах; если бы они действовали на основании принципа, который, как они сами признали, регулировал их выпуски в период, когда банк был обязан оплачивать свои банкноты монетой, а именно, ограничивали бы количество своих банкнот такой суммой, которая предупреждала бы превышение рыночной цены золота над его монетной ценой, то мы не подвергались бы в настоящее время всем бедствиям обесценения и постоянных колебаний средств обращения.

Хотя банк извлекает из настоящей системы значительные выгоды, хотя его капитал почти удвоился с 1797 г., а также соответственно этому возросли его дивиденды, но я готов согласиться с Торntonом, что в качестве капиталистов директора банка вместе с другими лицами несут потери от обесценения денег гораздо более серьезные, сравнительно с теми выгодами, которые они могут извлекать из этого обесценения в качестве владельцев капитала банка. Таким образом, я отказываюсь от обвинения их в том, что они действовали под влиянием личного интереса, но их ошибки в результате являются не менее вредными для общества.

§ 24. Чрезвычайная власть, которая им дана, позволяет им регулировать по своему усмотрению цену особого вида собственности, называемого деньгами. Директора банка под-

вергают держателей денег всем бедствиям режима максимума¹⁾. Сегодня они желают, чтобы 4 ф. 10 шил. расценивались как 3 ф. 17 шил. $10\frac{1}{2}$ пенс., завтра они могут довести до той же ценности 4 ф. 15 шил., а в следующем году 10 ф. могут стоить не более. Насколько, благодаря этому, не обеспечена собственность, состоящая в деньгах или ежегодных платежах, вносимых деньгами! Какая остается гарантия для государственного кредита, что проценты по государственному долгу, которые в настоящее время выплачиваются средством обращения, обесцененными на 15%, не могут со временем выплачиваться деньгами, обесцененными на 50%?

Несправедливость по отношению к частным кредиторам не менее серьезна. Заем, заключенный в 1797 г., в настоящее время может быть погашен суммой, равной 85% его размера; а кто скажет, что обесценение не пойдет дальше?

§ 25. Следующие соображения д-ра Смита по этому предмету настолько важны, что я могу только рекомендовать их серьезному вниманию всех мыслящих людей.

«Повышение наименования монеты было наиболее обычным способом, посредством которого действительное государственное банкротство маскировалось мнимым платежом. Если, например, сикс-пенс, посредством ли парламентского акта, или королевского декрета, переименовывался в шиллинг, а 20 сикс-пеноов в фунт стерлингов, то тот, кто занял 20 шил. прежнего наименования, или почти 4 унции серебра, должен будет после переименования уплатить 20 сикс-пенсов или несколько меньше 2 унций серебра. Подобным способом можно было бы уплатить национальный долг в 120 млн. ф. ст., сумму, равную, приблизительно, капитальной ценности консолидированного долга Великобритании,—суммой около 64 млн. нашей нынешней монеты. На самом деле это было бы платежом только по виду, и кредиторы государства были бы ограблены на 10 шил. с каждого фунта той суммы, которая им следовала бы. Более того: подобное бедствие распространилось бы не на одних только государственных кредиторов, но и кредиторы каждого частного лица понесли бы соответствующую потерю, причем не только без какой-либо выгоды для государственных кредиторов, но, большей частью, еще с дополнительной потерей для последних. Если бы, в самом деле, государственные кредиторы были, в виде общего правила, должниками своих сограждан, то они в некоторой степени могли бы вознаградить себя за потерю уплатой своим кредиторам той же монетой, которую они сами полу-

1) Т.-е. закона, принудительно регулирующего цену того или иного товара. Прим. ред.

чили от государства. Но в большинстве стран кредиторы государства состоят, главным образом, из богатых людей, которые находятся в отношении к остальным своим согражданам чаще в положении кредиторов, чем в положении должников. Таким образом, мнимая уплата этого рода не только не уменьшает, но большей частью увеличивает ущерб для государственных кредиторов и без всякой выгоды для государства распространяет бедствие на значительное число других неповинных людей. Она порождает всеобщее и наиболее опасное разрушение богатств частных лиц, обогащая в большинстве случаев праздного и расточительного должника за счет деятельного и бережливого кредитора, перенося значительную часть национального капитала из рук тех, кто способен на его увеличение и улучшение, в руки тех, кто только умеет расточать и уничтожать его.

Когда государству становится необходимым об'явить себя банкротом, таким же образом как это бывает необходимым отдельному лицу, то прямое и открытое банкротство является всегда способом, одновременно наименее постыдным для должника и наименее вредным для кредитора. Честь государства, очевидно, охраняется весьма слабо, когда для прикрытия позора действительного банкротства оно прибегает к этого рода мошенничеству, столь прозрачному и в то же время столь опасному».

Эти наблюдения д-ра Смита относительно обесцененной монеты одинаково применимы к обесцененному бумажному обращению. Он перечислил лишь небольшое количество тех бедственных последствий, которые сопровождают ухудшение средств обращения, но он достаточно предостерег нас от попытки прибегнуть к столь опасным экспериментам. Если бы наша великая страна, имея перед глазами последствия принудительного бумажного обращения в Америке и во Франции, продолжала держаться системы, чреватой таким множеством бедствий, то это было бы обстоятельством достойным сожаления. Будем надеяться, что она окажется более мудрой. Утверждают, правда, что обстоятельства не сходны, что Английский банк не находится в зависимости от правительства. Если бы это было верно, то все же зло от избытка денег ощущалось бы не менее сильно; но можно спросить, может ли быть независимым от правительства тот банк, который одолживает правительству суммы, превышающие на многие миллионы собственный его капитал и резервы.

Когда в 1797 г. сделалось необходимым распоряжение совета о прекращении размена, то натиск на банк был, по моему мнению, вызван только политической тревогой,

а не чрезмерным или недостаточным (как предполагают некоторые) количеством банкнот в обращении¹⁾.

Это такого рода опасность, которой банк по природе своего учреждения подвержен во всякое время. Никакая мудрость его директоров не могла бы, может быть, предупредить ее; но если бы ссуды правительству были более ограничены, если бы то же самое количество банкнот было выпущено в публику посредством учета, то по всей вероятности, директора банка могли бы продолжать свои платежи, пока не улеглась бы тревога. Так как должники банка были бы обязаны уплатить свои долги по истечении 60-ти дней,—таков наиболее продолжительный период, на который выдаются учитываемые банком векселя, то директора имели бы в это время возможность, если бы оказалось необходимым, извлечь свои банкноты из обращения. Прекращение размена оказалось необходимым благодаря слишком интимной связи между правительством и банком; той же причине мы обязаны и его продолжительностью.

Для избежания плохих последствий, которые могут сопровождать упорное сохранение этой системы, мы должны сосредоточить наше внимание на отмене закона о прекращении размена.

Единственная законная гарантия, которой может располагать общество против неосторожности банка, состоит в том, чтобы обязать его оплачивать свои банкноты по представлению монетой; а это может быть достигнуто только посредством уменьшения количества банкнот в обращении до того предела, пока номинальная цена золота не понизится до его монетной цены.

Этим я закончу, считая себя счастливым, если мои слабые усилия привлекут внимание общества к исследованию вопроса о состоянии наших средств обращения. Я хорошо знаю, что я ничего не прибавил к запасу знаний, который сообщили обществу многие талантливые писатели по этому предмету. Я не имел подобной претензии. Мое желание заключается только в том, чтобы вызвать спокойное и беспристрастное исследование вопроса большой государственной важности, пренебрежение которым может сопровождаться последствиями, достойными сожаления в глазах каждого друга нашей страны.

1) В этот период цена золота была определена ниже монетной цены.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Замечания по поводу некоторых мест статьи «Эдинбургского обозрения» об обесценении бумажного обращения, а также предложения относительно создания денег, обладающих такой же постоянной ценностью, как золото, при помощи весьма небольшого количества металла.

В виду выхода в свет нового издания этого памфлета, я пользуюсь случаем рассмотреть те возражения, которые оказало мне честь высказать «Эдинбургское обозрение» в последнем номере своего издания относительно некоторых мест моего труда. Я делаю это, так как убежден, что обсуждение каждого пункта, связанного с этим важным предметом, будет способствовать ускорению мер против существующих злоупотреблений и предохранит нас от опасности повторения их в будущем.

В статье об обесценении денег «Обозрение» замечает, что «большая ошибка в труде Рикардо заключается в его одностороннем взгляде на те причины, которые действуют на вексельные курсы. Он приписывает,—говорит оно,—благоприятный или неблагоприятный вексельный курс и склонительно излишку или недостатку средств обращения и оставляет без внимания меняющиеся потребности и желания различных народов, как основную причину временного преобладания ввоза над вывозом или вывоза над ввозом». Затем «Обозрение» комментирует то место моей статьи, в котором я утверждаю, что плохой урожай не вызвал бы вывоза денег, если бы деньги не были относительно дешевы в вывозящей стране, и заканчивает свои замечания, высказывая, как окончательное мнение, что в предполагаемом случае плохого урожая—вывоз денег вызывается не их дешевизной. «Вывоз этот—не причина неблагоприятного баланса, как старается убедить нас г. Рикардо, а его следствие. Этот вывоз является не только спасительным средством против излишка средств обращения; он порождается именно той причиной, которую упоминает Торnton,—нежеланием кредитора какой-либо страны получить значительное добавочное количество товаров, которое не нужно для непосредственного потребления, несмотря на соблазн их необыкновенной дешевизны, и желанием кредитора получить слитки, т.-е. средства обращения коммерческого мира, не поддаваясь упомянутому соблазну. Несомненно, как доказал г. Рикардо, никакой народ не будет платить долги драгоценными металлами, если он может их погасить дешевле при по-

моши товаров; но цены товаров подвержены сильному понижению в зависимости от переполнения рынка, между тем как драгоценными металлами, которые с согласия всего общества являются генеральным посредником при обмене и орудием торговли, можно уплатить долги на самые большие суммы по их номинальной оценке, соответственно количеству золота, содержащемуся в средствах обращения рассматриваемых стран; и каковы бы ни были изменения в количестве средств обращения и товаров, наступающие в результате этих переводов денег,—нельзя ни на минуту сомневаться в том, что причины их следуют искать в желаниях и потребностях одной из стран, а не в ранее существовавшем излишке или недостатке средств обращения в какой-либо из них».

«Обозрение» соглашается со мной, что никакой народ не будет платить долга драгоценными металлами, если он может его погасить при помощи товаров; но «цены товаров,—говорит оно,—подвержены сильному понижению благодаря переполнению рынка». Конечно, под рынком оно в данном случае подразумевает иностранный рынок, и тогда слова эти выражают ту самую мысль, которую «Обозрение» старается опровергнуть, т.-е. что если товары не могут вывозиться с такой же выгодой, как деньги, то будут вывозиться деньги, что другими словами выражает все ту же мысль, что деньги никогда не будут вывозиться, если их количество по отношению к товарам не является относительно излишним в сравнении с другими странами. Но непосредственно вслед за этим «Обозрение» утверждает, что «вывоз драгоценных металлов является следствием торгового баланса¹⁾ и порождается причинами, которые могут существовать вне зависимости от излишка или недостатка средств обращения». Эти взгляды кажутся мне противоречими друг другу. Если, однако, драгоценные металлы могут вывозиться из страны в обмен на товары, хотя бы они были так же дороги в вывозящей их, как и во ввозящей стране, то какие последствия вызовет подобный непредусмотрительный вывоз?

«Положение вещей,—говорит «Обозрение» на стр. 343,—заключающееся в сравнительном недостатке денег в одной стране и излишке их в другой, не может не оказать быстрого влияния на перемену направления платежного баланса и на восстановление того равновесия в распределении драгоценных металлов, которое было временно нарушено естествен-

1) Мы здесь говорим о торговом балансе, абстрагируясь от платежного баланса. Торговый баланс может быть благоприятным тогда, когда платежный баланс является неблагоприятным. В действительности, на вексельный курс влияет именно платежный баланс.

ными различиями в желаниях и потребностях тех стран, которые ведут между собой торговлю». Было бы очень хорошо, если бы «Обозрение» сказали нам, на каком пункте начинается эта реакция, так как с первого взгляда кажется, что тот же самый закон, который допускает вывоз монеты из страны, где она не дешевле, чем в стране, куда она вывозится, позволяет также вывозить ее из страны, где она дороже, чем в другой. Все коммерческие расчеты регулируются личным интересом, и в тех случаях, когда может быть достаточно ясно установлено, в чем он заключается, мы не знали бы, на чем остановиться, если бы допустили другое правило проведения. Поэтому «Обозрение» должно было бы обяснить нам, почему в том случае, когда спрос на ввозимый товар остается прежним, ввозящая страна не может целиком израсходовать своей монеты и слитков. Что может в таких случаях препятствовать вывозу средств обращения? На это «Обозрение» отвечает, что «страна, в которой количество слитков уменьшается, была бы, очевидно, скоро лишена возможности расплачиваться драгоценным металлом». Почему же скоро? Разве не было допущено, что «излишек и недостаток средств обращения является только относительным понятием; что денежное обращение какой-либо страны никогда не может быть чрезмерным, следовательно, не может быть и недостаточным, иначе как по отношению к другим странам». Разве не вытекает из этих предпосылок, что если торговый баланс может сделаться неблагоприятным для страны, хотя бы количество ее средств обращения не было относительно излишним, то не существует никаких препятствий для вывоза ее монеты, пока в обращении остается какое-нибудь количество денег, так как меньшее количество денег благодаря возрастанию их ценности будет так же способно совершать необходимые платежи, как раньше это делала более значительная сумма? Согласно этому принципу ряд плохих урожаев может лишить страну ее денег, каково бы ни было их количество, и хотя бы они состояли исключительно из благородных металлов. То соображение, что уменьшение ценности денег в стране, ввозящей деньги, и увеличение их ценности в стране вывозящей снова возвратит деньги в их старые каналы, не отвечает на возражения. Когда именно это произойдет? И в обмен на что именно будут возвращены деньги? Ответ очевиден—на товары. Таким образом, окончательный результат всего этого ввоза и вывоза денег был бы тот, что страна ввезла бы один товар в обмен на другой и что количество монеты и слитков в обеих странах возвратилось бы к своему естественному уровню. Можно ли утверждать, что подобные результаты не могут быть предусмотрены, и расходы и смятение, сопровождаю-

щие эти бесполезные операции, не могут быть избегнуты в стране, где капитал существует в изобилии, где применяются все методы экономии в торговле, и где конкуренция достигла своих крайних пределов? Можно ли допустить, чтобы деньги высыпались за границу единственно с той целью, чтобы сделать их дорогими в одной стране и дешевыми в другой и этим способом заставить их возвратиться к нам?

Особенно следует отметить, что предрассудок, согласно которому монета и слитки рассматриваются в качестве вещей, существенно отличных во всех совершаемых при их помощи операциях от других товаров,—вкоренился настолько глубоко, что писатели, прекрасно знающие основную истину политической экономии и предлагающие своим читателям рассматривать деньги и слитки просто как товары, подчиненные «тому же самому общему принципу спроса и предложения, который бесспорно является фундаментом для всего здания политической экономии»,—сами потом нередко забывают свой совет и рассуждают о деньгах и законах, регулирующих их вывоз и ввоз, как о законах, совершенно отличных от тех, которыми регулируются ввоз и вывоз других товаров. Так, если бы наше «Обозрение» говорило о кофе или сахаре, то оно отрицало бы возможность вывоза этих товаров из Англии на континент, если они там не дороже, чем здесь. Было бы напрасно уверять их, что вследствие плохого урожая мы нуждаемся в хлебе; они продолжали бы настойчиво и уверенно доказывать, что, каких бы размеров ни достигал у нас недостаток в хлебе, для Англии было бы невозможным вывозить, а, например, Франции ввозить кофе или сахар в обмен на хлеб, пока кофе или сахар стоят дороже в Англии, чем во Франции. Как! сказали бы они, разве вы думаете, что мы можем вывезти во Францию хотя бы незначительное количество кофе для продажи там за 100 ф. ст., когда у нас самих кофе стоит 105 ф. ст., и когда, послав 100 ф. ст. из этих 105, мы могли бы одинаково уплатить долг за ввозимую к нам пшеницу? А я спрошу, находите ли вы возможным, чтобы мы согласились вывозить, а Франция согласилась ввозить (если сделка совершается за ее счет) 100 ф. ст. деньгами, когда 95 ф. ст., заключающиеся в кофе и вывозимые нами, будут по прибытии во Францию иметь ценность в 100 ф. ст.? Но кофе не нужен во Франции, он имеется там в избытке; прекрасно, но деньги нужны ей еще меньше, как это доказывается тем, что кофе, стоящий 100 ф. ст., продается во Франции дороже чем за 100 ф. ст. деньгами. Единственный критерий, которым мы можем пользоваться для определения относительной дешевизны денег в двух местностях,—это сравнение

их с товарами. Товары измеряют ценность денег таким же образом, как деньги измеряют ценность товаров. Если, следовательно, за товары можно приобрести денег в Англии больше, чем во Франции, то мы имеем основание сказать, что деньги дешевле в Англии, и что они вывозятся, чтобы установить необходимое равновесие, а не чтобы его разрушить.

Если после сравнения относительной ценности кофе, сахара, слоновой кости, индиго и всех других ввозимых товаров, я нахожу необходимым вывоз денег, то какое еще нужно дальнейшее доказательство того, что деньги действительно являются самым дешевым из всех этих товаров на английском рынке в сравнении с иностранными рынками и что, следовательно, вывоз их наиболее выгоден? Какое нужно дальнейшее доказательство относительного изобилия дешевизны денег в Англии сравнительно с Францией, кроме того, что во Франции за них можно купить больше хлеба, больше индиго, больше кофе, больше сахара, больше всего экспортного товара, чем в Англии?

Мне могут, правда, возразить, что предположение «Обозрения» состоит не в том, что кофе, сахар, индиго, слоновая кость и проч. и проч. дешевле денег, но что эти товары и деньги одинаково дешевы в обеих странах, т.-е. что 100 ф., посланные в виде денег или в виде кофе, сахара, индиго, слоновой кости и проч., и проч., будут иметь ту же ценность во Франции. Если ценность всех этих товаров настолько совпадает, то что побудило бы экспортёра вывозить один из этих товаров преимущественно перед другими в обмен за хлеб, по отношению к которому все они дешевле в Англии? Если он посыпает деньги и тем самым нарушает естественное равновесие, то «Обозрение» говорит нам, что деньги вследствие увеличения их количества во Франции и уменьшения в Англии, становятся дешевле во Франции чем в Англии и начинают вывозиться обратно за товары, пока равновесие не восстановится. Но разве не имел бы места тот же результат, если бы был вывезен кофе или другой товар, в то время когда его ценность по отношению к деньгам была одинакова в обеих странах? Разве не было бы нарушено равновесие между спросом и предложением, и разве уменьшение ценности кофе и прочих товаров, вследствие увеличения их количества во Франции и увеличения их ценности в Англии, вследствие уменьшения здесь их количества, не повлекли бы за собой обратного ввоза их в Англию? Некоторые из этих товаров могли бы быть вывезены без значительного неудобства, связанного с повышением их цены, между тем как деньги, служащие для обращения всех прочих товаров, не могли бы вывозиться без серьезных послед-

ствий, так как увеличение или уменьшение их количества, даже в умеренной пропорции, повышает или понижает цены в чрезвычайно большой степени. Итак, здесь мы видим дефект в принципах «Обозрения». Напротив того, по моей системе не представлялось бы ни малейших затруднений определить тот способ, при помощи которого можно сохранить относительное количество и относительную ценность средств обращения двух стран даже в том крайне невероятном случае, когда ценность всех товаров, включая деньги, за исключением одного только хлеба, одинакова в той и другой стране.

Если бы средства обращения Англии состояли исключительно из драгоценных металлов и представляли $\frac{1}{15}$ часть ценности товаров, которые обращаются при их помощи, то все количество денег, которое при предполагаемых обстоятельствах вывозилось бы в обмен за пшеницу, равнялось бы $\frac{1}{15}$ части ценности этой лишицы; в обмен на остальную пшеницу мы вывезли бы товары, и таким образом, сохранилась бы одинаковая пропорция между деньгами и товарами в обеих странах. Вследствие плохого урожая Англия подверглась бы под случай, упомянутый на стр. 104, а именно под случай со страной, лишенной части своих товаров и вследствие того нуждающейся в меньшем количестве средств обращения. Средства обращения этой страны, которые прежде соответствовали совершающим в ней платежам, имелись бы и теперь в излишке и стали бы относительно дешевле, а именно на $\frac{1}{15}$ той ценности, на которую уменьшилось производство страны; вывоз этого лишнего количества восстановил бы, следовательно, ценность средств обращения по отношению к ценности средств обращения других стран. Итак, повидимому, вполне доказано, что плохой урожай действует на вексельный курс только путем влияния на количество средств обращения, находившееся раньше на естественном уровне и оказавшееся затем избыточным, и, таким образом, полностью подтверждается на примере тот принцип, что неблагоприятный вексельный курс можно всегда вывести из относительного излишка средств обращения.

Если бы могли предположить, что после плохого урожая, когда Англия нуждается в экстраординарном ввозе хлеба, другой народ обладает этим благом в излишке, «но не имеет никакой потребности в каком бы то ни было товаре», то отсюда бесспорно следовало бы, что такой народ не стал бы вывозить своего хлеба в обмен на товары; но он не стал бы вывозить хлеба и за деньги, так как деньги являются товаром, в котором ни один народ не нуждается абсолютно, а только относительно, как это категорически признает и «Обозрение». Но подобный случай не-

возможен потому, что страна, обладающая всеми товарами, необходимыми для потребления и удовольствия всего ее населения, обладающего средствами, чтобы купить эти товары, не предоставит хлебу, который у нее имеется в избытке, сравнительно с тем, что она может потребить,—спокойно гнить в амбарах. Пока стремление к накоплению не уничтожено в сердце человека, он будет иметь желание реализовать в форме капитала излишек своего производства, превышающий его собственное потребление. Он может это сделать лично посредством применения рабочих или путем ссуды дать возможность другим применять добавочное количество рабочих, так как доход превращается в капитал только посредством приложения труда. Если его доход состоит в хлебе, то он готов обменять его на топливо, мясо, масло, сыр и другие товары, на которые обыкновенно расходуется заработка плата рабочего, или, что то же самое, он продаст свой хлеб за деньги, заплатит своим рабочим деньгами и создаст этим спрос на те товары, которые могут быть получены из других стран в обмен на лишнее количество хлеба. Этим путем будут произведены для него товары, имеющие большую ценность, которые он может снова реализовать таким же образом, умножая свое богатство, а также увеличивая богатство и ресурсы своей страны.

Нет большей ошибки, чем предположение, что может существовать такой народ, который бы не нуждался ни в каком товаре. Нация может обладать одним или несколькими товарами в излишке и не находить для них сбыта внутри страны. У нее может быть больше сахара, кофе, сала, чем сколько ей нужно или сколько она может потребить, но никогда еще ни в одной стране не было избытка во всех товарах. Он, очевидно, невозможен. Если страна обладает всеми вещами, необходимыми для существования и доставления комфорта людям, и эти вещи имеются в таких пропорциях, в каких они обыкновенно потребляются, то, хотя их количество чрезмерно, она безусловно найдет для них рынок сбыта. Отсюда поэтому следует, что если страна обладает товаром, на который не существует внутреннего спроса, то у нее будет желание обменять его на другие товары в той пропорции, в какой они потребляются.

Никакой народ не производит хлеба или каких-нибудь других товаров с целью реализовать их ценность в деньгах (случай, предполагаемый «Обозрением» или содержащийся в предполагаемом им примере), так как это было бы наиболее невыгодным делом, на которое мог бы быть затрачен труд человека. Деньги являются именно таким товаром, который, пока он не обменен на что-либо вновь, никогда не увеличивает богатства страны. Соответственно этому мы

находим, что увеличение их количества никогда не может быть целью ни целого народа, ни отдельного лица. Деньги навязываются ему только вследствие того, что ценность их меньше в тех странах, с которыми он связан путем обмена.

Если страна употребляет драгоценные металлы в качестве денег, не имея собственных рудников, то совершенно понятно, что она может значительно увеличить продукцию своей земли и труда, не увеличивая своего богатства, потому что в то же самое время те страны, которые владеют рудниками, могут добывать такое громадное количество драгоценных металлов, которое вызовет увеличение количества средств обращения в промышленной стране, равное по ценности всему увеличению ее производства. Но увеличенное таким образом количество средств обращения, присоединенное к тому, которое употреблялось раньше, не будет иметь большей ценности, чем первоначальное количество средств обращения. Таким образом, в этом случае промышленная страна сделается плательщицей дани тем странам, которые владеют рудниками, и будет вести торговлю, в которой она ничего не выигрывает и все теряет.

Я не отрицаю того, что вексельные курсы на все страны находятся в состоянии постоянных колебаний, но эти колебания не выходят из тех пределов, при которых становится выгодней производить платежи посредством пересылки золота, чем посредством покупки векселей. Пока это так, то нельзя оспаривать того, что ввоз находится в равновесии с вывозом. Меняющийся спрос совокупности стран может быть удовлетворяется, а вексельные курсы каждой из них могут до известной степени отклоняться от паритета, если количество средств обращения какой-либо одной из них в сравнении с остальными чрезмерно или недостаточно. Предположим, что Англия шлет товары в Голландию и не находит там ни одного товара, который был бы пригоден для английского рынка; или, что то же самое, предположим, что мы можем купить эти товары дешевле во Франции. В этом случае мы ограничиваем свою операцию продажею товаров в Голландию и покупкою других товаров во Франции. Ни одна из этих сделок не нарушает равновесия обращения в Англии, так как мы уплатим Франции векселями на Голландию, и, таким образом, не образуется излишка ни в вывозе, ни в ввозе. Однако, вексельный курс на Голландию может быть для нас благоприятен, а на Францию неблагоприятен, притом он будет таковым, если расчеты не будут компенсированы ввозом во Францию товаров из Голландии или из какой-либо другой страны, которая должна Голландии. Если такого ввоза не будет, то это может случиться только благодаря относительному излишку средств обращения в

Голландии сравнительно с Францией, и расчет по векселям между обеими странами приведет к вывозу слитков. Если баланс уравновесится посредством пересылки товаров, то вексельный курс между всеми тремя странами будет на уровне паритета. Если же это будет достигнуто посредством вывоза слитков, то курс между Голландией и Англией сделается настолько же выше паритета, насколько курс между Францией и Англией будет ниже паритета, и разность между ними будет равняться расходам, связанным с пересылкой слитков из Голландии во Францию. Если бы все народы мира участвовали в этих сделках, то это не меняло бы положения. Англия купила бы товары у Франции и продала бы товары Голландии, Франция могла бы взять на ту же сумму товаров у Италии, Италия у России, Россия у Германии, а Германия на ту же сумму, например, на 100.000 ф., у Голландии. Германии могло бы понадобиться золото на эту сумму для пополнения недостатка средств обращения или для производства разных изделий. Все эти разнообразные сделки могли бы быть покрыты посредством векселей, за исключением только 100.000 ф., которые были бы взяты из избыточного количества монеты или слитков, имеющихся в Голландии, или были бы взяты Голландией из обращения различных стран Европы. Не опровергнуто, как полагает «Обозрение», что «плохой урожай или необходимость уплаты субсидии какой-либо стране непосредственно и неизменно сопровождались бы необычайным спросом на ткани, железные товары и колониальные продукты», так как подобные же последствия произошли бы и тогда, если бы страна, которая платит субсидию или терпит от плохого урожая, ввозила менее чужих товаров, чем привыкла делать это прежде.

«Обозрение» отмечает (на стр. 345), что «та же ошибка, на которую мы здесь указали, проникла и в остальные части памфлета г. Рикардо, и особенно в его начало. Он, повидимому, предполагает, что если драгоценные металлы были однажды распределены между различными странами мира соответственно их относительному богатству и размерам их торговли, то так как каждая из них имеет одинаковую потребность в количестве металлов, находящихся в данное время в обращении, то не будет никакого соблазна для их ввоза или вывоза до тех пор, пока не откроется новый рудник или новый банк или пока не произойдет какая-либо существенная перемена в их относительном благосостоянии»; и затем на стр. 361: «мы уже обращали внимание на ошибку, в которой, однако, главным образом, повинен г. Рикардо и от которой отчет Комитета о слитках совершенно свободен, заключающуюся в отрицании существования торгового или платежного баланса, не связанного с первоначальным

излишком или недостатком средств обращения». «Но существует еще другой пункт, на котором сходятся почти все исследователи этой стороны вопроса и где, тем не менее, мы не можем согласиться с ними и больше склоняемся к точке зрения меркантилистов. Хотя они признают, что слитки могут случайно перемещаться из одной страны в другую под влиянием причин, находящихся в связи с вексельным курсом, но они находят, что сделки этой категории имеют весьма ограниченные размеры. Гескиссон замечает, что торговые операции со слитками почти целиком обусловлены ежегодной новой добычей золота из рудников Нового Света и ограничиваются, главным образом, распределением этого золота между различными странами Европы. Если бы эта добыча золота прекратилась совершенно, то сделки с золотом и серебром как предметами международной торговли были бы очень незначительны и продолжались бы лишь весьма короткое время».

«Г. Рикардо в своем ответе г. Бозанкуту цитирует это место с особенным одобрением». Действительно, мне очень трудно было бы открыть, чем это мнение Гескиссона отличается от того, которое излагалось мною выше и которое комментируется «Обозрением».

Эти положения, в сущности, одинаковы, и они должны вместе пасть или устоять.

Если «мы признаем, что слитки случайно перемещаются из одной страны в другую под влиянием причин, связанных с вексельным курсом», то мы не допускаем, что это может происходить, пока вексельный курс не упал до такого уровня, при котором вывоз слитков сделался бы выгодным; и я придерживаюсь того мнения, что если бы он упал так низко, то это произошло бы вследствие дешевизны и избытка средств обращения, который почти целиком образуется из новой ежегодной добычи в рудниках Нового Света. Таким образом, это совсем не другой пункт, относительно которого «Обозрение» расходится со мною, а тот же самый.

Если хорошо известно, что многие страны в своих обычных торговых сношениях имеют почти постоянно благоприятный курс относительно одних стран и почти постоянно неблагоприятный относительно других, то какой иной причине можно это приписать, кроме упомянутой г. Гескиссоном, т.-е. кроме «дополнительного количества слитков, ежегодно доставляемых (и почти по тому же самому назначению) из рудников Нового Света»? Д-р А. Смит, повидимому, не обратил достаточного внимания на могущественное и единообразное влияние, которое оказывает этот поток золота на вексельные курсы, и склонен слишком преувеличивать употребление слитков в разного рода международной

торговле, в которой отдельные страны находят необходимым ими пользоваться. В ранних и примитивных торговых сделках между странами, так же как в ранних и примитивных сделках между отдельными лицами существует лишь ничтожная экономия в употреблении монет и слитков; только в результате развития цивилизации, бумажные деньги начинают выполнять ту же самую функцию в деловых сношениях целых стран, какую они выполняли так удачно в сношениях между отдельными лицами в пределах одной страны. «Обозрение», повидимому, не обратило достаточного внимания на те размеры, в которых принцип экономии в употреблении драгоценных металлов распространен между народами; «Обозрение», кажется, не признает значения этой экономии и по отношению к одной стране, так как из того, что говорится на стр. 346, его читатели могут сделать заключение, что, по его мнению, между отдельными провинциями одной и той же страны имеет место частое перемещение средств обращения; действительно, говорит оно нам, «всегда существует и будет существовать известное количество драгоценных металлов, предназначенное для такого же употребления в торговых отношениях различных народов, какое имеет место в обращении внутри страны между ее отдельными провинциями». Но какую же функцию выполняют средства обращения какой-либо страны по отношению к ее отдельным провинциям?

Я совершенно убежден, что во всем множестве торговых сделок, которые имеют место между отдельными провинциями нашего королевства, средства обращения принимают очень незначительное участие, так как ввоз почти всегда покрывается вывозом¹⁾; доказательством этого является то, что местные средства обращения провинции (а других у них не имеется) очень редко циркулируют на сколько-нибудь значительном расстоянии от того места, в котором они выпущены.

Мне кажется, что «Обозрение» было вынуждено принять ошибочное учение меркантилистов, что деньги могут быть вывозимы в обмен на товары, хотя бы они не были дешевле в вывозящей их стране, потому что оно не могло иным образом объяснить повышение вексельного курса, сопровождающее в некоторых случаях увеличение количества банкнот, как это утверждал Пирс, состоявший прежде представителем правительства в банке, а ныне являющийся его директором,—в записке, представленной им в Комитет о слитках. «С этой точки зрения на предмет,—

1) Часть производства провинции вывозится без возмещения, поскольку она составляет доход отсутствующих владельцев, но это не может оказать влияния на рассматриваемый вопрос о денежном обращении.

говорит «Обозрение»,—несомненно, не легко об'яснить улучшение вексельного курса при очевидном возрастании выпусков банкнот,—случай, происходящий довольно нередко и на котором особенно настаивал директор банка, как на доказательстве того, что наш иностранный вексельный курс не находится в связи с состоянием нашего денежного обращения».

Однако эти обстоятельства не являются абсолютно непримиримыми между собой. Г. Пирс так же, как и «Эдинбургское обозрение», повидимому, совершенно не понял принципа, выдвинутого теми, которые добивались отмены акта о прекращении размена. Они не утверждают, как это думают о них, что увеличение количества банкнот будет непрерывно понижать вексельный курс, а утверждают только, что понижение курса вызвано чрезмерным количеством средств обращения. Остается, следовательно, рассмотреть, всегда ли увеличение количества банкнот неизбежно сопровождается увеличением количества средств обращения, ибо, если я покажу, что это не так, то не будет никакой трудности об'яснить одновременное повышение вексельного курса и увеличение количества банкнот.

Охотно согласятся с тем, что пока в обращении находится сколько-нибудь значительное количество монеты, то хотя всякое увеличение числа банкнот понизит на короткое время ценность всех средств обращения как бумажных, так и золотых, однако, такое понижение не будет постоянным, потому что изобилие и дешевизна денег понизят вексельный курс и послужат причиной вывоза части монеты, который прекратится тотчас же, как только оставшиеся в стране деньги приобретут прежнюю ценность и восстановится паритет вексельного курса. Увеличение количества мелких банкнот, таким образом, в конце концов оказывается заменой одних средств обращения другими, металлическими бумажными, и оно не будет вызывать тех же последствий, как действительное и постоянное увеличение количества средств обращения¹⁾. Но мы, однако, ис лишены критерия, при помощи которого мы имели бы возможность определить относительное количество средств обращения—поскольку таковое отличается от количества банкнот—в различные пе-

¹⁾ На то обстоятельство, что увеличение банкнот с купюрой ниже 5 ф. должно рассматриваться скорее, как замена вывезенной монеты, чем как действительное увеличение количества средств обращения,—часто и правильно указывали те, которые оспаривали соображения доклада Комитета о слитках; но когда те же господа хотят утвердить свою любимую теорию о том, что нет связи между количеством средств обращения и уровнем вексельного курса, то они не забывают прибегнуть к помощи мелких банкнот, от которых они сами раньше отказывались.

риоды,—критерия, который хотя не может считаться безошибочным, но все же является достаточно точным показателем для решения обсуждаемого нами вопроса. Этим критерием служит количество банкнот в 5 ф. и выше в обращении, которые, как мы имеем основание полагать, всегда сохраняют некоторую довольно правильную пропорцию ко всему денежному обращению. Так, если с 1797 г. количество банкнот этой категории возросло с 12 до 16 млн., то мы можем сказать, что все денежное обращение увеличилось на одну треть, если только размеры округов, в которых обращаются банкноты, не сделались обширнее или меньше. Банкноты ниже 5 ф. будут выпущены в той пропорции, в какой металлические деньги извлекаются из обращения, и их количество еще увеличится, если произойдет увеличение количества банкнот высокого наименования.

Если я смотрю правильно на этот вопрос, допуская, что увеличение количества наших средств обращения происходит от увеличения количества банкнот в 5 ф. и выше, и что нельзя доказывать его наличность ссылкой на увеличение числа банкнот в 1 и 2 ф., которые заменяют вывезенные и тезаврированные гинеи, то я должен целиком отвергнуть расчеты г. Пирса, потому что они основаны на предположении, что всякое увеличение числа банкнот этой категории представляет собой увеличение всех средств обращения на ту же сумму. Если мы обратим внимание на то, что в 1797 г. вовсе не было в обращении банкнот в 1 и 2 ф. и что их место было целиком занято гинеями и что, начиная с этого периода, их было выпущено не менее, чем на 7 млн., частью для замещения вывезенных и тезаврированных гиней, частью для сохранения пропорции между средствами обращения, предназначенными для более и для менее значительных платежей, то мы увидим, к каким заблуждениям может привести подобная аргументация. Я не могу приписать записке г. Пирса, о которой идет речь, никакого значения в качестве опровержения того мнения, которое я сам решился высказать, а именно, что неблагоприятный торговый баланс и следующий за ним низкий вексельный курс всегда могут быть обяснены наличием избыточных и дешевых денег¹). Но если бы рассуждения Пирса не были столь же неправильны, как были неправильны его указания на факты, то он все же был бы неправ в выводах, которые он сделал на основании этих фактов.

1) Это не означает отрицания того, что внезапное нашествие врага или потрясение какого-либо другого рода в стране,—что создает необеспеченность собственности,—может создать исключение из правил, и вексельный курс будет неблагоприятен для страны, подверженной этим событиям.

Пирс утверждает, что количество банкнот с января 1808 г. до Рождества 1809 г. возросло с $17\frac{1}{2}$ до 18 млн. или на 500.000 ф. ст., что курс на Гамбург в течение того же периода упал с 34 шил. 9 гр. до 28 шил. 6 гр., — следовательно, увеличение количества банкнот было менее чем на 3%, а курс упал более чем на 18%.

Но откуда Пирс берет сведения, что к Рождеству 1809 г. в обращении находилось только 18 млн. банкнот? Промстив все отчеты, которые мне удалось найти относительно количества банкнот, находившихся в обращении в конце 1809 г., я могу притти лишь к тому заключению, что утверждение г. Пирса неверно. Г. Мешет дает в своих таблицах по четыре цифры относительно количества банкнот для каждого года. В последнем отчете за 1809 г. он определяет количество банкнот в обращении в 19.742.998 ф.

В приложении к отчету Комитета о слитках и в отчетах, недавно составленных для палаты общин, количество банкнот в обращении, показано след. обр.

12 декабря 1809	г.	19.727.520
1 января 1810	г.	20.669.320
7 » 1810	г.	19.528.030

В течение многих месяцев до декабря оно не было ниже. Когда я в первый раз обратил внимание на эти неточности, то я полагал, что г. Пирс опустил в своих обеих оценках почтовые чеки, хотя в декабре 1809 г. сумма их не пре- восходила 880.880 ф.; но, просмотрев цифры о количестве банкнот, находившихся в обращении, включая почтовые чеки, в январе 1808 г., я увидел, что Пирс показал их в большей сумме, чем я мог где бы то ни было найти: в самом деле, оценка его превосходит отчет банка от 1 января 1808 г. на сумму около 900.000 ф., так что с 1 января 1808 г. по 12 декабря 1809 г. количество средств обращения уве- личились с 16.619.240 до 19.727.520, что составляет разность, превышающую 3 млн., а не 500.000, как определяет ее Пирс, и разность в 2 млн., если верна цифра Пирса относи-тельно января 1808 г.

Кроме того, утверждение Пирса, что с 1 января 1803 г. до конца 1807 г. количество банкнот возросло с $16\frac{1}{2}$ до 18 млн., т.-е. на $1\frac{1}{2}$ млн., мне кажется, преувеличено против действительности на $\frac{1}{2}$ млн. Увеличение количе-ства банкнот в 5 ф и выше, включая почтовые чеки, не превысило за этот период 150.000 ф. Весьма существенно

указать эти ошибки, чтобы те, которые, несмотря на мои аргументы, соглашаются в принципе с Пирсом, могли видеть, что факты в данном случае не оправдывают вывода, который сделал г. Пирс, и что все расчеты, основанные на цифре банкнот, взятой за день или за неделю, когда среднее их количество за несколько времени до того или после того было больше или меньше, окажутся мало полезными при опровержении теории, которая для подтверждения своей верности располагает рядом других доказательств. Таковой я считаю теорию, которая утверждает, что неограниченное увеличение количества средств обращения, которые не имеют устойчивой ценности, может и должно производить постоянное понижение вексельного курса сравнительно с другой страной, денежное обращение которой основано на устойчивой денежной единице.

Оценив то значение, которое можно придавать записке г. Пирса, я прошу читателя обратить внимание на таблицу, которую я составил на основании доклада Комитета о слитках и материалах, которые были представлены в палату общин. Я попрошу его сравнить количество крупных банкнот в обращении с колебаниями вексельного курса и убежден, что он без труда найдет, что высказанный мною принцип согласуется с действительными фактами, особенно, если он обратит внимание на то, что увеличение количества средств обращения оказывает свое действие не сразу, а требует для этого известного промежутка времени; что повышение или понижение ценности серебра сравнительно с золотом изменяет относительную ценность денег Англии и Гамбурга, и, таким образом, делает количество средств обращения той или другой страны относительно чрезмерным и дешевым; что, как я уже заметил, тот же самый результат окажется в нашей же стране или в тех странах, с которыми мы ведем торговлю, вследствие изобилия или недостаточного урожая или благодаря какому-либо иному увеличению или уменьшению действительного богатства этих стран, которое, изменения относительную пропорцию между товарами и деньгами, изменяет ценность средств обращения. С этими поправками я опасаюсь лишь того, чтобы не нашли, что возражения Пирса могут быть отвергнуты, но при этом может быть сохранен самый принцип, который, при условии его применения, привел бы к меркантилистической теории вексельного курса и мог бы вызвать отлив средств обращения столь значительный, что противодействовать ему можно было бы только сохранением нашей монеты в банке и освобождением директоров от обязательства разменивать банкноты на монету.

Данные, представленные Пирсом Комитету о слитках. ¹⁾

	Общая сумма банкнот в млн.	Уровень курса на Гамбург мили. гр.	
27 февраля 1797 г.	8½	35	6
Постепенное возрастание в 1797 и в 1798 гг. до	13	38	0
В марте 1799 г.	13½	37	7

После этого периода, под
влиянием большого расстрой-
ства торговли, громадного ввоза
хлеба, тяжких субсидий, курс
на Гамбург продолжал падать
и 2 января 1801 г. равнялся 29 8

Увеличение выпусков банкнот
в 1 и в 2 ф. в промежуток вре-
мени с конца 1799 г. до конца
1802 г. поднимает общую сумму

банкнот с 13½ до 16½ млн. Происх. колеб.

курса от 33—3
до 29—8.

С января 1803 г. до конца
1807 г. с 16½ до 18 млн. Колебания курса от 32—10
до 35—10.

С января 1808 г. по Рожде-
ство 1809 г. с 17½ до 18 млн. Падение курса с 34—9
до 28—6.

Уровень гамбургского курса взят из бюллетеней Ллойда.
Среднее количество банкнот с 1797 г. по 1809 г. вклю-
чительно заимствовано для следующей таблицы из отчета
Комитета о слитках. Вексельные курсы взяты из таблицы,
представленной парламенту монетным двором. Относительно
количество своих банкнот, находившихся в обращении в
1810 г., банк представил парламенту три отчета,—первый
на 7-е и 12-е число каждого месяца; второй еженедель-
ный отчет с 19 января по 28 декабря 1810 г. и третий,
также еженедельный, с 3 марта по 29 декабря 1810 г.

1) Я опустил данные записи Пирса, относящиеся к количеству банк-
нот в обращении до прекращения размена, так как, пока публика распо-
лагает правом получения монет вместо своих банкнот, вексельный курс
не может под влиянием выпусков банкнот моментально понизиться.

Среднее количество банкнот свыше 5 ф., включая почтовые чеки,

согласно 1 отч. представл.						15.706.226 ф.	а банкноты ниже 5 ф.	6.560.674 ф.		
»	2	»	16.192.110	»	»	»	5	»	6.758.895	»
»	3	»	16.358.230	»	»	»	5	»	6.614.721	»

В с е г о 48.256.566 ф., а банкноты ниже 5 ф. 19.934.290 ф.

Средняя по трем источн. 16.085.522 ф., а банкноты ниже 5 ф. 6.664.763 ф.

В годы, обозначенные ниже знаком *, ценность серебра сравнительно с золотом превосходила монетную оценку; это в особенности имело место в 1801 г., когда за количество серебра, меньше чем в 14 унций, можно было купить унцию золота; монетная оценка равняется 1:15,07; нынешняя же рыночная цена—около 1:16.

Среднее количество банкнот Английского банка, находившихся в обращении в течение каждого из следующих годов

Годы	Банкнот от 5 ф. и выше, включая почтовые чеки	Банкноты ниже 5 ф.	В с е г о	Высший вексельный курс на Гамбург	Низший вексельный курс на Гамбург
1798	11.527.250	1.807.502	13.334.752	38,2—янв.	37,4—дек.
1799*	12.408.522	1.653.805	14.062.327	37,7—янв.	31,6—окт.
1800*	13.598.666	2.243.266	15.841.932	32,5—май	31 —февр.
1801*	13.454.367	2.715.182	16.169.594	31,8—окт.	29,8—янв.
1802*	13.917.977	3.136.477	17.054.454	34 —дек.	32 —февр.
1803	12.983.477	3.864.045	16.847.522	35 —дек.	34 —янв.
1804	12.621.348	4.723.672	17.345.020	36 —июнь	34,8—февр.
1805*	12.697.352	4.544.580	17.241.932	35,8—март	32,9—нояб.
1806*	12.844.170	4.291.230	17.135.400	34,8—дек.	33,3—янв.
1807*	13.221.988	4.183.013	17.405.001	34,1—март	34,2—сент.
1808*	13.402.160	4.132.420	17.534.580	35,3—июль	32,4—дек.
1809	14.133.615	4.868.275	19.001.890	31,3—янв.	28,6—нояб.
1810	16.085.522	6.644.736	22.730.285	31,2—июнь	28,6—дек.
1811	—	—	—	26,6—янв.	24 —март

В настоящем 1811 г. банк представил отчет о количестве своих банкнот за 18 дней этого года. Среднее количество банкнот в обращении в 5 ф. и выше за эти 18 дней, включая почтовые чеки, было:

Банкнот выше 5 ф. 16.286.950 ф.

Банкнот ниже 5 ф. 7.260.575 »

В с е г о 23.547.525 ф.

«Если бы, говорит «Обозрение», у людей праздных и у тех, которые живут на твердые доходы, было

взято значительное количество денег и передано в руки фермеров, промышленников и купцов, то пропорция между капиталом и доходами значительно изменилась бы в пользу капитала, и в течение короткого времени продукт страны возрос бы весьма сильно». Не подлежит сомнению, что «е́количество средств обращения, а характер его распределения» повышает народное богатство.

Если бы, поэтому, мы могли иметь полную уверенность, что вследствие избытка и обесценения средств обращения покупательная способность производительных и праздных классов была бы уменьшена, а производительных и промышленных классов увеличена, то последствием этого, несомненно, явилось бы увеличение народного богатства, так как в капитал было бы превращено то, что прежде расходовалось как доход. Но вопрос состоит именно в том, произвел ли бы такое действие излишек средств обращения? Не будет ли тысяча фунтов, накопленная денежным капиталистом из его дохода и отданная в ссуду фермеру, столь же производительна, как если бы она была накоплена самим фермером? «Обозрение» замечает, что «всякий новый выпуск банкнот не только увеличивает количество средств обращения, но также изменяет распределение общей денежной массы. Более значительное количество денег попадает в руки тех, которые потребляют и производят, и меньшее количество — в руки тех, которые только потребляют». Но должно ли это непременно происходить именно так? Повидимому, «Обозрение» считает доказанным, что те, которые живут постоянными доходами, должны потреблять весь свой доход, и что никакая часть его не может быть сбережена и ежегодно присоединяется к капиталу. Но это очень далеко от действительного положения вещей; и я спросил бы, не дадут ли денежные капиталисты точно такого же стимула возрастанию народного богатства, сберегая половину своих доходов и превращая ее в капитал, благодаря чему освобождается капитал, который в конце концов, будет употреблен теми, которые потребляют и производят, — какой был бы дан в том случае, когда обесценение их дохода, благодаря выпускам банкнот, достигло бы 50%, и вследствие этого они лишились бы способности делать сбережения, но зато банк выдавал бы в виде ссуды промышленникам сумму банкнот, равную по ценности той, на которую уменьшился доход денежного капиталиста. Разница, и единственная разница, состоит, по моему мнению, в том, что в одном случае процент по займам уплачивался бы действительному собственнику денег, а в другом был бы, в конце концов, уплачен в форме повышенных дивидендов или тантьем собственникам банка, которые получили бы возможность воспользоваться им не-

справедливо. Если бы заемщик банка употребил свой заем на менее прибыльное предприятие, чем это сделал бы тот, кто пользуется сбережениями денежного капиталиста, то страна от этого понесла бы реальную потерю; таким образом, обесценение средств обращения в качестве стимула к увеличению производства может быть и благодетельно и вредно.

Я не вижу никакого основания, почему оно должно было бы уменьшать богатство праздного и увеличивать богатство производительного класса общества. Зло во всяком случае достоверно. Оно должно сопровождаться такой значительной несправедливостью по отношению к отдельным лицам, которую стоит только понять, чтобы она возбудила осуждение и негодование во всех тех, кто не вполне лишен всяких благородных чувств.

С мыслями, содержащимися в остальной части статьи «Обозрения», я совершенно согласен и надеюсь, что старания «Обозрения» будут способствовать опровержению множества ошибок и предрассудков, которые проникли в умы общества относительно этого в высшей степени важного вопроса.

Против предложения Комитета о слитках, а именно, чтобы банк был обязан через два года возобновить платежи монетою по своим банкнотам,—часто возражали, что если бы это было принято, то банк испытал бы значительные затруднения в связи с приобретением необходимого для этой цели количества золота. Нельзя отрицать того, что, прежде чем будет отменен закон, освобождающий банк от размена, для банка будет долгом благоразумия запастись значительным количеством металла, которое оказалось бы достаточным для удовлетворения возможного спроса. Комитет о слитках установил, что среднее количество банкнот, находившееся в обращении, включая почтовые чеки, достигало в 1809 г. 19 млн. В течение того же периода средняя цена золота была 4 ф. 10 шил., т.-е. превышала его монетную цену на 17%, доказывая тем обесценение средств обращения приблизительно на 15%. Таким образом, уменьшение количества банкнот в обращении в течение 1809 г. на 15% должно было бы, согласно принципам Комитета, повысить их ценность до паритета и уменьшить рыночную цену золота до 3 ф. 17 шил. 10½ пенс., а пока такое уменьшение не было бы достигнуто, отмена закона о прекращении размена была бы опасной для банков и для публики. Но, соглашаясь с правильностью ваших принципов (от чего мы очень далеки),—скажут защитники банка,—допуская, что после подобного уменьшения количества банкнот, ценность оставшихся возрастет до такой степени, что обращаться в банк с требованием золота в обмен на банкноты никто не сочтет выгодным, так как вывоз слитков не мог бы доставить никакой при-

были,—какую гарантину имел бы банк против того, что каприс или злая воля не привели бы к полному отказу от употребления мелких банкнот и к требованию у банка гиней в обмен на них? Таким образом, банк должен был бы не только уменьшить размеры обращения на 15% общей суммы своих эмиссий в 19 млн., не только должен был бы запастись золотом на 4 млн., соответственно стоимости банкнот 1- и 2-фунтового достоинства, которые оставались бы в обращении, но также должен был бы запастись золотом на случай возможного предъявления к уплате всех мелких банкнот всех провинциальных банков королевства,—и все это в короткий двухлетний срок. Следует признать, что независимо от того, могут или не могут осуществиться подобные опасения, банк должен запастись некоторым количеством металла на самый худший случай; и хотя это такое положение, в которое он был бы поставлен собственной неосторожностью, но было бы желательно, если возможно, охранить его от таких последствий.

Если те же благотворительные последствия для публики, те же гарантини против обесценения средств обращения могут быть достигнуты более мягкими методами, то можно надеяться, что все, кто согласен с ними в принципе, будут содействовать их применению на практике. Пусть парламент потребует, чтобы Английский банк оплачивал по предъявлении все банкноты выше 20 ф., и только их, по собственному выбору золотыми слитками узаконенного сплава или иностранной монетой (принимая в расчет, различие в пробе) по английской монетной ценности золотых слитков, т.-е. по 3 ф. 17 шил. 10½ пенс. за унцию, с тем чтобы к этим платежам было приступлено в тот срок, который указан Комитетом.

Срок действия этого права оплачивать банкноты названного выше достоинства указанным способом может быть продолжен на три или на четыре года после начала размена, и если это будет удобным, то меру эту можно об'явить постоянной. При такой системе ценность средств обращения никогда не падала бы ниже установленной цены, так как унция золота и 3 ф. 17 шил. 10½ пенс. постоянно сохраняли бы одну и ту же ценность. Таким способом мы, действительно, могли бы предупредить извлечение из обращения того количества мелких банкнот, которое необходимо для мелких платежей, так как никто, не обладающий последними, по крайней мере на 20 ф., не мог бы обменять их в банке, и даже в последнем случае он мог получать за них не монету, а слитки. Правда, за слитки можно было бы получить гинеи на монетном дворе, но не раньше, как по истечении нескольких недель или месяцев, причем потеря процентов за это время была бы действительной потерей,—потерей, ко-

торую никто не стал бы нести, пока за мелкие банкноты можно купить столько же всяких товаров, сколько и за гинеи представляемые ими. Другая выгода, которая сопровождала бы осуществление этого плана, состояла бы в том, что мы избежали бы растраты бесполезного труда, который при нашей системе, предшествовавшей 1797 г., расходовался так непроизводительно на чеканку гиней, отправляемых при каждом случае падения вексельного курса (все равно, от каких бы причин оно ни происходило) в переплавку, и затем—вопреки всевозможным запрещениям—за границу в виде слитков. Все согласны в том, что подобные запрещения не достигают своей цели, и что какие бы препятствия ни ставились вывозу монеты,—они обходятся с большой легкостью.

Неблагоприятный вексельный курс может быть исправлен единственном посредством вывоза товаров и пересылки золота,—или уменьшением количества бумажных денег. Поэтому, та легкость, с которой можно было бы получать в банке слитки, не может служить возражением против этого плана, так как подобная же легкость существовала и до 1797 г. и должна существовать при всевозможных системах банковых платежей. Никто не может считать эту легкость возражением, потому что в настоящее время для всех, кто посвятил побольше внимания вопросу о деньгах, не может быть сомнения в том, что закон, направленный против вывоза золота,—все равно, в виде ли монеты или в какой-либо другой форме,—оказывается не только не действительным, но даже неразумным и несправедливым; он убыточен только для нас самих и выгоден для всего остального мира.

Мне кажется, что предлагаемый здесь план об'единяет все выгоды всех банковских систем, которые до сих пор применялись в Европе. В некоторых своих чертах он сходен с депозитными банками Амстердама и Гамбурга. В этих учреждениях слитки всегда можно купить по установленной неизменной цене. То же самое предлагается для банка Англии; но в депозите иностранных банков имеется столько же слитков, сколько записано выпусков банковых денег в книгах; вследствие этого, у них оказывается налицо бездействующий капитал, равный всей сумме коммерческого денежного обращения. В нашем же банке находилось бы налицо известное количество банковских денег в виде банкнот, равное возможным потребностям оборота, и в то же время бездействующего капитала в сундуках банка было бы не больше того фонда, который банк находит нужным держать в виде слитков для удовлетворения возможного спроса. Следует также всегда помнить, что банк имел бы возможность произвольно

уменьшать такой спрос посредством сокращения выпусков своих бумажных денег. В подражание Гамбургскому банку, который покупает серебро по установленной цене, Английскому банку было бы необходимо установить цену на золото чуть-чуть ниже монетной, по которой он покупал бы ее всякое время за свои банкноты любое количество слитков, какое могло бы быть ему предложено.

Усовершенствование банковского дела состоит в том, чтобы дать стране возможность при помощи бумажных денег (сохраняющих постоянно свою установленную ценность) обслуживать свое обращение при посредстве возможно меньшего количества монеты или слитков. Именно эту цель осуществил бы указанный план. И при серебряной монете, покоящейся на правильных принципах, мы бы имели наиболее выгодную и наиболее устойчивую денежную систему в мире. Колебания цены слитков, какой бы на них ни был спрос на континенте или какое бы их количество ни притекало из рудников Америки, ограничивались бы пределами цены, по которой банк покупает слитки, и монетной цены, по которой он их продает. Количество средств обращения было бы приспособлено к потребностям торговли с наибольшей точностью, и если бы банк оказался столь неосторожным, что переполнил бы банкнотами обращение, то средство противодействия этому, находящееся в руках публики, быстро показало бы ему его ошибку. Что касается провинциальных банков, то они должны попрежнему платить по требованию по своим банкнотам банкнотами Английского банка. Это было бы достаточной гарантией против возможности с их стороны слишком увеличивать количество банкнот. Переплавка монеты не представляла бы никакого соблазна, и таким образом сберегался бы бесполезный труд, который затрачивался одной стороной на чеканку того, что другая сторона считала для себя выгодным переплавлять в слитки. Средства обращения не подвергались бы никогда порче и обладали бы столь же неизменной ценностью, как само золото,—великая цель, которую имели в виду голландцы, и которую они осуществили с большим успехом при помощи системы, весьма похожей на ту, которую мы здесь рекомендуем.

О Т В Е Т
на
ПРАКТИЧЕСКИЕ ЗАМЕЧАНИЯ
М - РА БОЗАНКЕТА
ПО ПОВОДУ ДОКЛАДА КОМИТЕТА
О СЛИТКАХ

ПЕРЕВОД С ЧЕТВЕРТОГО ИЗДАНИЯ

1 8 1 1 г.

ОТВЕТ БОЗАНКЕТУ

) ГЛАВА I ()

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ. СУЩНОСТЬ ВОЗРАЖЕНИЙ БОЗАНКЕТА ПРОТИВ ЗАКЛЮЧЕНИЙ КОМИТЕТА О СЛИТКАХ

§ 1. Вопрос об обесценении наших денег в последнее время приобрел особый интерес и возбудил такое внимание общественного мнения, которое обещает нам принести самые плодотворные результаты. В особенности обязаны мы Комитету о слитках, представившему нам изложение истинных принципов, которые должны регулировать денежное обращение народов, наиболее верное из всех, которые когда-либо раньше появлялись в сколько-нибудь авторитетной форме в нашей или какой-либо иной стране. Однако, нельзя было бы ожидать, чтобы реформа, столь важная, как та, которую предлагает Комитет, могла бы быть осуществлена, не встретив самого сильного противодействия, вызванного ошибочными теоретическими взглядами одних и заинтересованностью других. Пока эта оппозиция, которую встретил проект Комитета, дала наилучшие результаты: она способствовала более полному доказательству правильности основных начал, установленных Комитетом; она вызвала на поле брани новых борцов, выступивших с новыми аргументами, и в результате полемикистина завоевывала ежедневно все новых адептов. Однако, из всех нападок против доклада Комитета, самой сильной показалась мне атака Бозанкета. Он не ограничился, подобно своим предшественникам, одними только пустыми фразами, и несмотря на то, что он не признает никакой теоретической аргументации, он выдвинул доводы, которые, по его мнению, должны неопровергнуто доказать противоречие теории с предшествующей практикой. К рассмотрению этих доводов я и предлагаю обратиться, питая уверенность, что если мне не удастся показать их полную необоснованность, то причиной этого будет только недостаток моих способностей, а не ошибочность самих принципов, защищаемых Комитетом. Г. Бозанкет.

занкет начинает с того, что повторяет вульгарное обвинение, за последнее время столь часто выдвигавшееся даже в весьма авторитетных кругах, против теоретиков. Он предостерегает общество против того, чтобы принимать на веру их теоретические рассуждения, не подвергнув их предварительно проверке на фактах, и великодушно предлагает быть его руководителем в этой области. Если бы наша страна вела до настоящего времени лишь меновую торговлю и ныне в первый раз попыталась установить систему, которая дала бы возможность с помощью денег облегчить торговые операции, то были бы известные основания называть предлагаемые обществу принципы чисто теоретическими; ибо, как бы ясно они ни диктовались опытом прошлого, их практические последствия не были бы пока еще проверены. Но когда основные начала денежного обращения, уже давно установленного, хорошо поняты; когда законы, регулирующие колебания вексельных курсов разных стран, были известны и проверены на опыте уже в течение столетий, то можно ли назвать чисто теоретической систему, опирающуюся на эти основные начала и готовую подвергнуться проверке на основании этих законов?

Такой проверке подвергнут ныне доклад Комитета, при чем пытаются убедить общество, что теория, признанная ее противниками логически незыблемой, будто бы терпит крушение при сопоставлении ее с фактами. Нам говорят, что «как бы смело ни защищали этот принцип и как бы сильно, повидимому, он ни был логически обоснован, он, в общем, неверен и противоречит фактам». Я давно желал, чтобы именно такой проверке (на основании фактов) был подвергнут этот важный вопрос. Я давно желал, чтобы те, кто отказывается признать принципы, повидимому подкрепленные опытом, либо изложили свою собственную теорию, обясняющую причины нынешних явлений в области нашего денежного обращения, либо указали бы на те факты, которые, по их мнению, противоречат тем положениям, которые я защищаю в силу своего глубочайшего убеждения. Поэтому я чувствую себя весьма обязанным г. Бозанкету. Если, как я надеюсь, я сумею опровергнуть его возражения, доказать их полную несостоятельность, убедить его, что его утверждения противоречат фактам, что предполагаемые им доказательства основаны на ложном применении определенного принципа, а не на ошибочности самого принципа,—я надеюсь, что в таком случае он откажется от своих заблуждений и станет самым ревностным нашим защитником.

§ 2. Г. Бозанкет следующим образом изложил главные положения Комитета, вызывающие его возражения:

«1) что колебания вексельного курса на заграницу никогда не могут в течение более или менее продолжительного времени превысить расход по пересылке драгоценных металлов из одной страны в другую и по их страхованию;

2) что цена золотых слитков никогда не может превысить цены золотой монеты, за исключением того случая, когда орудие обращения, в котором эта цена выплачивается, обесценено и стоит ниже ценности золота;

3) что, поскольку можно судить по таможенным сведениям о вывозе и ввозе, состояние вексельных курсов должно быть особенно благоприятным;

4) что банк¹⁾ в течение периода прекращения размена банкнот обладает исключительной властью ограничивать их обращение;

5) что обращение банковских билетов, выпускаемых провинциальными банками, пропорционально и зависит от выпусков банкнот Английского банка».

Наконец, «что количество бумажных денег сейчас чрезмерно, и они обесценены по сравнению с золотом, и что высокая цена слитков и низкий вексельный курс являются последствиями и в то же время признаком такого обесцениния».

В виду того, что эти основные положения во всех существенных пунктах являются теми же самыми, которые выдвинуты мною и которые вызвали нападки на меня со стороны г. Бозанкета, я, чтобы избежать необходимости постоянно оговариваться,—идет ли речь о мнении Комитета о слитках, или о моем собственном мнении,—на дальнейших страницах этой книги буду считать их лишь принципами Комитета и буду оговаривать в каждом отдельном случае расхождения во взглядах между Комитетом и мною.

* ГЛАВА II *

РАССМОТРЕНИЕ ДАННЫХ, ПРИВЕДЕННЫХ БОЗАНКЕТОМ И ВЗЯТЫХ ИМ ИЗ ИСТОРИИ СОСТОЯНИЯ ВЕКСЕЛЬНЫХ КУРСОВ

Отдел I

Вексельный курс на Гамбург

§ 3. Первое положение, оспариваемое Бозанкетом, гласит, «что колебания вексельного курса на заграницу никогда не могут в течение сколько-нибудь значительного времени пре-

1) Разумеется Английский банк. Прим. перев.

высить расходы по пересылке драгоценных металлов из одной страны в другую и по их страховке». Можно ли назвать это положение теоретическим мнением, ныне выдвинутым впервые? Разве оно не было подкреплено работами Юма и Смита? И разве оно не признавалось безусловно также и людьми практики?

Г... в своем показании Комитету о слитках говорит, что «уровень, до которого может падь вексельный курс, определяется расходами по перевозке слитков плюс соответствующая прибыль за риск, сопровождающий перевозку подобного товара».

Г. Э. Гольдсмит «не помнит, чтобы вексельный курс отклонялся когда-либо от аль-пари больше, чем на 5%, в период до прекращения размена банковых билетов».

Г. Грефюль подтвердил, «что за время своей деловой жизни он не помнит ни одного периода, предшествовавшего прекращению банком размена, когда бы вексельный курс был значительно ниже аль-пари».

Такие же взгляды были высказаны многими людьми практики перед Комитетом палаты лордов в 1797 г.

§ 4. Но в противоположность всем этим взглядам г. Бозанкет приводит факты, которые, как он несколько смело думает, должны доказать несостоятельность выдвинутого положения. «В период 1754—1768 гг., — говорит он, — перед перечеканкой, когда неполновесность звонкой монеты вызывала повышение цены золота от 2 до 3% в сравнении с ценой монеты, вексельный курс на Париж был от 8 до 9% против Лондона, а в то же время вексельный курс на Гамбург был за все это время от 2 до 6% в пользу Лондона; таким образом здесь мы имеем прибыль в размере от 12 до 14% при уплате в мирное время долга на Париж гамбургским золотом, которая должна была превысить фактические издержки по пересылке золота по меньшей мере от 8 до 10%; необходимо при этом отметить, что средний вексельный курс на Гамбург в 1766 и 1767 гг. был на 5% выше паритета в пользу Лондона, что совместно с 2%, на которое золото было дороже монеты, составляло премию в 7% при ввозе золота в Англию, или вычитая отсюда 1½% на издержки по пересылке в мирное время, оставалось 5% чистой прибыли,—и однако, вексельный курс вследствие этого не выправился.

Опять таки в 1775, 1776 и 1777 гг., после перечеканки, мы видим, что вексельный курс на Париж был в мирное время на 5, 6, 7 и 8% против Лондона, в то время как половины этой суммы было бы достаточно для пересылки золота в Париж и четверти ее для уплаты долгов на Париж в Амстердаме.

«В 1781, 1782 и 1783 гг., т.-е. в годы войны, вексельный курс был постоянно от 7 до 9% в пользу Парижа; и в течение всего этого периода золото было общераспространенным орудием обращения в Англии, и банк вынужден был снабжать им публику по монетной цене.

Было уже указано, как мало оказали влияния драгоценные металлы в смысле выравнивания вексельного курса на Гамбург в 1797 и 1798 гг.; другим таким примером могут быть 1804 и 1805 гг., когда курс на Париж колебался от 7 до 9% в пользу Лондона. Во всех указанных случаях колебания вексельных курсов превышали расход по пересылке золота из одной страны в другую, притом в большинстве из этих случаев в гораздо большей степени, чем в настоящее время, хотя обстоятельства того времени были, как все согласятся, более благоприятны для международных операций такого рода, чем в настоящее время, и состояние металлического обращения создавало благоприятную кон'юнктуру, которой ныне у нас нет.

Однако, несмотря на все эти обстоятельства, защищаемое Комитетом положение не оправдалось, а потому и не может быть принято в качестве солидного основания для установления факта излишка денежных знаков и их обесценения, который пытаются из него вывести».

Если бы факты были таковы, каких здесь изображает Бозанкет, мне было бы трудно согласовать их с моей теорией. Эта теория считает установленным, что всякий раз, как в какой-либо особой отрасли коммерции могут быть получены чрезвычайно большие прибыли, в нее устремится значительное число капиталистов, которые благодаря своей конкуренции понизят прибыль до общего уровня. Эта теория считает, что в области торговли векселями это правило имеет особенно широкое применение и не только по отношению к одним английским купцам; его также прекрасно понимают и с выгодой применяют и биржевики и торговцы слитками в Голландии, Франции и Гамбурге, причем,— как ющеизвестно,—конкуренция в этой области очень велика.

Неужели г. Бозанкет предполагает, что теория, построенная на столь прочной основе опыта, может быть поколеблена одним или двумя единичными фактами, не вполне нам известными? Если бы даже их не пытались об'яснить, их можно было бы спокойно оставить в стороне, не заботясь о том, какое впечатление они произведут на общественное мнение.

§ 5. Но прежде чем аргументация Комитета могла бы быть признана недостаточной в силу фактов, приведенных

Бозанкетом, мы должны исследовать тот источник, из которого взяты эти предполагаемые факты.

Г. Бозанкет говорит нам, «что к брошюре г. Мушэта приложена таблица, в которой указаны: 1) вексельный курс на Гамбург и Париж за 50 прошлых лет и то, насколько он в каждом случае был выше или ниже паритета. 2) Цена золота в Лондоне и сравнение этой цены с английской стандартной или монетной ценой. 3) Сумма банковских билетов в обращении и размер их предполагаемого обесценения по сравнению с ценой золота».

Но прежде чем выводы, пронистекающие из этих таблиц, могут быть приняты, необходимо сперва допустить или доказать правильность и точность этих таблиц; однако, последнее не только не доказано, а наоборот, сам г. Мушэт во 2-м издании своей брошюры признает их неточность, указывая, что его первые таблицы были построены на неправильном основании, и дает нам новые и исправленные таблицы.

Во 2-м издании брошюры г. Мушэта имеется следующее примечание: «В 1-м издании этой работы я определил паритетный курс на Гамбург в 33 шил. и 8 гр.¹⁾ и считал такой курс постоянным паритетом, но, согласно полученным мною с того времени более точным сведениям, паритет определялся в 34 шил. $11\frac{1}{4}$ гр., и в нынешнем издании мною сделано соответствующее изменение.

Я также исправил ошибку, заключавшуюся в том, что паритет был принят за неизменную величину, ибо в силу того, что золото является денежным металлом в Англии, а серебро в Гамбурге, не может быть никакого постоянного паритета между этими двумя странами, так как он будет подвергаться всем колебаниям и изменениям в относительной ценности золота и серебра. Так, например, если 34 шил. $11\frac{1}{4}$ гр. гамбургской валюты равны по ценности 1 ф. ст., или $\frac{20}{21}$ гинеи, когда серебро стоит 5 шил. 2 пенс. за унцию, то указанная сумма уже не может равняться 1 ф. ст., когда ценность серебра падет до 5 шил. 1 пенс. или 5 шил. за унцию, так как золотой фунт стерлингов будет в таком случае стоить больше серебра, а стало быть, и гамбургской валюты.

Чтобы найти действительный паритет, мы должны установить, какова была относительная ценность золота и серебра, когда паритет равнялся 34 шил. $11\frac{1}{4}$ гр., и какова эта относительная ценность в тот момент, для которого мы желаем вычислить этот паритет. Так, например, если цена

1) Речь идет о гамбургских, а не об английских шиллингах.—Примечание редакции.

золота с узаконенным содержанием чистого металла составляла 3 ф. 17 шил. $10\frac{1}{2}$ пенс. за унцию, а серебро стоило 5 шил. 2 пенс., то унция золота стоила бы тогда 15,07 унций серебра, какова и была монетная пропорция; 20 наших стандартных шиллингов содержали бы тогда столько же чистого серебра, сколько 34 шил. $11\frac{1}{4}$ гр. (гамбургской валюты); но если унция золота стоила 3 ф. 17 шил. $10\frac{1}{2}$ пенс., а унция серебра 5 шил. (как это было 2 января 1798 г.), то унция золота стоила бы тогда 15,57 унций серебра. Таким образом, если паритет 1 ф. ст. составляет 15,07 унций серебра, то при стоимости фунта в 15,57 серебра, он идет с премией в $3\frac{1}{2}\%$, а $3\frac{1}{2}\%$ премии с $34,11\frac{1}{4}$ (гамбургской валюты) составляют 1 шил. 1,9 гр., так что паритет при соотношении золота к серебру как 15,57 к 1 будет 36 шил. 1,1 гр. (за 1 ф. ст.).

Эта калькуляция становится более наглядной, если ее выразить в следующей формуле:

$$15,07 : 34,11\frac{1}{4} = 15,57 : 36,1''.$$

Так как общепризнано, что золото является законным мерилом ценности в нашей стране, а серебро выполняет ту же функцию в Гамбурге, то ясно, что не могут быть правильны никакие таблицы вексельных курсов, основывающиеся на постоянном неизменяющемся паритете.

Действительный паритет должен изменяться вместе с изменением в относительной ценности этих двух металлов.

Однако, и новые таблицы г. Мушета вызывают с моей стороны некоторые возражения, заставляющие меня сомневаться в их абсолютной точности.

Прежде всего, он принял слишком низкий паритет серебра по отношению к серебру же; он вычислил на основании собранных им сведений, что 20 нормальных серебряных шиллингов содержали столько же чистого серебра, сколько 34 шил. $11\frac{1}{4}$ гр. гамбургских, но судя по таблице д-ра Келли (Доклад Комитета о слитках, стр. 207), 20 шил., как по проверке действительного содержания серебра, так и на основании вычисления, равнозначны 35 шил. 1 гр. Эта разница составляет немногим более $3\frac{1}{8}\%$, и я обратил на нее внимание лишь потому, что считаю чрезвычайно желательным, чтобы мы были всегда в состоянии установить действительный паритет. Во-вторых, г. Мушэт вычислил степень отклонения курса вверх или вниз от паритета на основании курсов, цитируемых им по таблицам Ллойда. Но эти таблицы неизменно относились к векселям сроком на $2\frac{1}{2}$ месяца, а так как паритет вексельного курса исчисляется из сравнения действительной ценности монет обеих стран, уплачиваемых в обеих странах в одно и то же время, а не через

$2\frac{1}{2}$ месяца для одной из них, то необходимо прибавить проценты за этот срок, что составит около 1%¹⁾.

Поэтому в таблицах г. Мушэта необходимо сделать сбавку в $1\frac{3}{8}\%$ с цифр столбца благоприятных для Англии вексельных курсов.

Во всех вычислениях действительного паритета вексельного курса имеются также и другие источники ошибок, на некоторые из которых мы в дальнейшем укажем; таким образом, не представляется возможным установить с полной точностью, за исключением разве того случая, если бы мы имели в нашем распоряжении все необходимые данные,—действительную разницу, существовавшую в данное время между пересылкой слитков и покупкой векселя.

§ 6. Теперь я готов проверить на исправленных таким образом таблицах г. Мушэта правильность ныне оспариваемых положений. При этом оказывается, что никогда, начиная с 1760 г., вексельный курс на Гамбург не был выше паритета в пользу Англии больше, чем на 7%, за одним только исключением; читатель не будет удивлен, если узнает, что это исключение относилось к памятному 1797 г., тотчас же после прекращения банком платежей золотом. В этот год денежное обращение нашей страны было в особенности сильно сокращено, сумма банковых билетов, находившихся в обращении, была меньше чем за все предыдущие 10 лет. Что при таких условиях вексельный курс сложился благоприятно для Англии, и в силу этого имел место большой ввоз слитков,—это вполне отвечает основным положениям Комитета о слитках и подтверждает целесообразность предложенных им мероприятий. Комитет установил, что большое бумажное обращение и изобилие денег являются причиной нынешнего номинального низкого вексельного курса, причем Комитет с уверенностью предсказывает, что сокращение их количества вызовет, как и в 1797 г., повышение вексельного курса и тем самым сделает выгодным ввоз слитков. Что этот благоприятный вексельный курс вызвал в 1797 г. колоссальный ввоз золота, может быть косвенно доказано цифрами чеканки на монетном королевском дворе иностранного золота (см. стр. 167).

Но могут спросить,—каким образом те, кто утверждает, что вексельные курсы страны не могут в течение продолжительного времени быть ни очень высокими, ни очень низкими, об'ясняют то обстоятельство, что вексельный курс

¹⁾ Как показал г. . . . в Комитете о слитках (См. Приложение, стр. 74), курс Гамбурга на Лондон в обычное время, повидимому, различается от курса Лондона на Гамбург на 1 фламандский шиллинг, шедший на покрытие процентов за $2\frac{1}{2}$ -месячный срок и комиссии за пересылку векселей; когда трудности сообщения были весьма велики, эта разница в курсе составляла целых 2 фламандских шиллинга.

В 1795 г. было вычеканено на сумму . .	255.721 ф. 11 ш. 8 п.
» 1796 г. " " " . .	72.179 " 14 " 11 "
" 1797 г. " " " . .	2.486.410 " 6 " 0 "
" 1798 г. " " " . .	2.718.425 " 9 " 0 "
" 1799 г. " " " . .	271.846 " 12 " 8 "

на Гамбург был неизменно в течение двух или трех лет благоприятен для Англии?

Это имело место, замечает г. Бозанкет, в течение 1797 и 1798 гг., и он утверждает, что драгоценные металлы оказывали мало влияния на выравнивание курса. Из исправленных таблиц г. Мушэта (постоянно имея в виду поправку к ним в $1\frac{3}{8}\%$) явствует, что в течение этих лет курс был в пользу Англии от 5,6 до 4,3%.

Но на мой взгляд основной принцип таков, что ни одна страна не может в течение продолжительного срока иметь ни слишком высокого, ни слишком низкого курса, так как это повело бы к такому увеличению ее запасов денег и слитков, или к такому сокращению их, которое уничтожило бы то равновесие в ценности денежного обращения различных стран, к которому они естественно стремятся.

§. 7. Указанное правило верно, если рассматривать общее состояние вексельных курсов данной страны, но оно становится ложным, если применять его только по отношению к вексельному курсу данной страны на одну лишь из других стран. Допустимо, что вексельный курс данной страны в отношении какой-либо другой может быть постоянно неблагоприятным ей вследствие непрерывного спроса на слитки; но это никоим образом не доказывает, что ее запас звонкой монеты и слитков уменьшается, если только ее вексельные курсы по отношению к другим странам не неблагоприятны ей. Она может ввозить с севера слитки, которые она вывозит на юг,—она может ввозить их из стран, в которых имеется их относительное изобилие, и вывозить в страны, где ощущается сравнительный недостаток в них, или где в силу особых причин имеется особый спрос на них; но из этого никоим образом не следует, что ее собственная денежная наличность неизбежно должна будет упасть ниже своего естественного уровня. Испания, например, вывозящая много слитков из Америки, никогда не может иметь неблагоприятного ей вексельного курса в отношении своих колоний, и так как она должна распределить ввозимые ею слитки между различными странами, она редко может иметь благоприятный ей вексельный курс в отношении стран, с которыми она торгует¹⁾.

1) Г. Гескиссон весьма талантливо пытался об'яснить сравнительную незначительность сделок со слитками и указал, что они ограничиваются, главным образом, распределением добычи рудников между различными странами, в которых употребляется золото и серебро.

§ 8. Итак, применяя эти основные правила к состоянию нашего вексельного курса на Гамбург в 1797 и 1798 гг., мы замечаем, что последний был постоянно в пользу Англии не в результате того, что обычно называют благоприятным торговым балансом, не потому, что Гамбург был нашим должником на сумму ввезенных им товаров, он был вынужден платить нам золотыми и серебряными слитками, но потому, что он мог с выгодой вывозить слитки, подобно всяким другим товарам, вследствие необычного спроса на этот товар в Англии. Этот спрос был вызван двумя причинами:

1) Необычайно малым количеством денег, обращавшихся в стране и 2) вывозом серебра в Азию Ост-Индской компанией.

Следствием первой из этих причин, а также того, что огромное количество гиней в это время было изъято из обращения и припрятано робкими людьми, было, как мы уже видели, то, что сумма иностранного золота, перечеканенного в гинеи, достигла в течение этих лет не менее 5.200.000 ф. ст. Таким образом, здесь был спрос на золото, небывалый в истории монетного двора, который сам по себе был уже достаточной причиной для об'яснения как высокого уровня вексельного курса, так и продолжительности времени, в течение которого он держался. Это является наглядным доказательством истинности этой весьма удовлетворительной теории. К этому, однако, необходимо еще добавить спрос на серебряные слитки вследствие вывоза их Ост-Индской компанией. Из доклада, сообщенного Комитету о слитках (№ 9), явствует, что общее количество иностранной серебряной монеты, вывезенной Компанией за ее собственный счет, а также за счет частных лиц, составляло:

В 1795 г.	151.795	унций
" 1796 г.	290.777	"
" 1797 г.	962.880	"
" 1798 г.	3.565.691	"
" 1799 г.	7.287.327	"

Начиная с этого времени вывоз серебра в Ост-Идию был значительно сокращен и теперь почти совершенно прекратился. Таким образом, мы видим, что высокий вексельный курс сопровождался необычайно большим ввозом слитков, и что когда этот спрос на слитки прекратился, вексельный курс вернулся к своему естественному уровню. При дальнейшем исследовании таблиц оказывается, что пропорционально увеличению суммы банковых билетов, понижался вексельный курс, и в 1801 г. он был более, чем на 11%.

против Англии; и в то же время цена золотых слитков поднялась до 4 ф. 6 шил. за унцию, т.-е. стояла более чем на 10%, выше монетной цены¹⁾.

Необходимо признать, что с сентября 1766 г. по сентябрь 1767 г. вексельный курс постоянно был в пользу Англии от 7,4 до 6,8%, а с этого времени по сентябрь 1768 г. он в общем был в ее пользу на 3%; но теперь не представляется существенным входить в рассмотрение того, вследствие каких особенностей в положении Европы для Англии могло быть тогда выгодно стать посредником по вывозу слитков из Гамбурга в какую-либо другую страну. Во всяком случае, я вполне уверен, что если бы мы имели в своем распоряжении все необходимые данные, то этот факт мог бы быть удовлетворительно об'яснен. Но был ли бы он об'яснен, или нет,—он ничего не доказывает в пользу теории г. Бозанкета (ибо г. Бозанкет также имеет свою теорию, как и Комитет), а доказывает лишь то, что в то время, когда драгоценные металлы вывозились в одну страну, они могли продолжать ввозиться из другой, что теория Комитета не только допускает, но и считает неизбежным. Чтобы доказать что-либо в пользу теории г. Бозанкета, нужно было бы доказать, что драгоценные металлы постоянно ввозились в большей пропорции, чем они вывозились; и притом не из одной только страны, а из всех стран вместе взятых.

§ 9. Следующие обстоятельства в известной степени об'ясняют те явления, которые ввели в заблуждение г. Бозанкета: таблицы г. Мушэта вычислены на основе сравнения ценности серебра по отношению к золоту в слитках. Но золото в слитках обычно дешевле на 2 или 3 шил.

1) Лорд Кинг удовлетворительно об'яснил устойчивость благоприятного Англии вексельного курса на Гамбург спросом Индийской компании на серебро для вывоза его в ее владения на Востоке. Г. Блэк в своей последней работе останавливается на этих, по его выражению, «шибочных взглядах», высказанных лордом Кингом по этому вопросу, и замечает, что «вывоз слитков, как и всякого другого товара, происходит тогда, когда имеется такая разница в их действительной цене в каких-либо двух местах, которая сделает прибыльным их перевозку, что может часто иметь место, когда вексельный курс стоит аль-пари».

Это никогда, сказал бы я, не может иметь места, если вексельный курс стоит аль-пари. Кто стал бы пересыпал слитки из Гамбурга в Лондон, при расходах в 4 или 5%, в то время когда курс стоял аль-пари; путем покупки векселя он мог бы получить такое же количество слитков в Лондоне без всяких добавочных расходов.

Я счастлив, что мнение аналогичное моему высказано также Бозанкетом на стр. 12: «В случае неблагоприятного платежного баланса, падение курса должно неизбежно достичь этого предела (издержек по пересыпке драгоценных металлов из одной страны в другую и по их страховке) прежде чем равновесие может быть восстановлено путем вывоза золота».

(Ссылка сделана на книгу лорда Кинга.—Мысли о прекращении платежей звонкой монетой, 1803, стр. 42 и др.).

за унцию, чем золото в монете, а поэтому, если ввозимое золото предназначено вновь для вывоза, то действительный паритет будет разниться на 2—3%, в зависимости от того, возьмем ли мы за основу вычисления золото в монете или золото в слитках¹⁾.

Если деньги нужны для нашего собственного обращения, я не возражаю против исчисления действительного паритета вексельного курса путем сравнения относительной ценности серебра в иностранном государстве с ценностью стандартного золота в слитках в нашей стране; но в этом случае необходимо к сумме издержек по пересылке серебра добавить проценты, которые покупатель золота потеряет за время, которое истечет, пока золото будет перечеканиваться на монетном дворе в монету. Естественное назначение большей части всего золота в слитках—это попасть на один из монетных дворов Европы, так как только в качестве монеты оно может приносить проценты своему владельцу. Сравнивая поэтому ценность денег одной страны с ценностью слитков в другой, мы не должны упускать из виду незначительную добавочную ценность, которую монета имеет по сравнению со слитками в ввозящей стране. Так, например, если бы гамбургский купец должен был 1 ф. ст. английскому купцу, и переслал бы в Англию такое количество серебра, за которое он мог бы приобрести то количество золота, которое содержится в 1 ф. ст., то он не был бы в состоянии погасить свой долг, пока золото не было бы перечеканено в монету. Итак, в добавление к его другим расходам, тот процент, который ему пришлось бы уплатить своему кредитору за срок, пока последний получил бы обратно данную сумму в монете, был бы учтен им в тот момент, когда он высчитывал бы сравнительную выгоду пересылки векселя или слитков. Эту потерю на процентах Комитет о слитках оценивает в 1%.

Если указанные соображения правильны, то цифры благоприятных нам вексельных курсов на Гамбург, указанные

1) В своих вычислениях г. Мушэт исходит из того, что относительная ценность золота и серебра была одинакова в обеих странах, и что золото и серебро были одного и того же рода, т.-е. в слитках. Но иностранец в своих соображениях о том, выгоднее ли ему вывозить в Англию золото, или переслать вексель, руководствуется, главным образом, ценностью золота в монете; поэтому существующая в Англии цена золота в монете безусловно должна войти в его расчеты.

Из приложения к докладу Комитета о слитках № 6 видно, что сделки на золото с континентом, главным образом, относились к золоту в монете. За период времени в 15 месяцев, закончившийся к марта 1810 г., общая сумма, на которую продано частными торговцами при посредстве золотой секции банка золота в слитках, не превышала по ценности 60.867 ф., между тем как продажа золота в монете за этот же период достигла суммы 683.067 ф.

в таблицах г. Мушэта, должны быть уменьшены еще на 1%, сверх тех, о которых мы уже говорили в тех случаях, когда слитки нужны для чеканки наших собственных монет, и на 2—3%, если они требуются для дальнейшего вывоза. Необходимо также иметь в виду, что относительная ценность золота и серебра постоянно колеблется в разных странах, хотя она и стремится притти к одному уровню повсюду; и что более верным доказательством обесценения наших денег служит высокая рыночная цена слитков, чем низкий вексельный курс¹⁾.

Отдел II

Вексельный курс на Париж

§ 10. Рассмотрев таким образом возражения Бозанкета против выводов Комитета о слитках, поскольку речь идет о вексельных курсах на Гамбург, я перейду теперь к исследованию обстоятельств, которые, по его мнению, противоречат защищаемому мною положению в отношении курсов между нашей страной и Парижем.

Установить принцип, на основании которого исчисляется паритет вексельного курса на Гамбург, просто и легко, но не так обстоит дело по отношению к курсу на Париж. Здесь дело усложняется тем, что Франция, как и Англия, имеет два металла—золото и серебро,—являющиеся оба орудием обращения и законным платежным средством.

В моей предыдущей работе я старался выяснить те основные начала, в силу которых, на мой взгляд, устанавливается нормальное мерилом ценности в той стране, где золото и серебро являются оба орудием обращения и законным платежным средством.

Лорд Ливерпуль предполагал, что когда золото стало у нас нормальным мерилом ценности, то это произошло в силу какого-то случайного предпочтения, оказанного ему со стороны народа, но я думаю, можно легко доказать, что это всецело было вызвано тем, что рыночная ценность серебра по отношению к золоту стала больше, чем их законное соотношение. Это не только признается, но и весьма:

¹⁾ Я читал в небольшой французской брошюре «Об учреждении главных европейских банков», что однажды Гамбургский банк был вынужден прекратить платежи вследствие того, что он вложил слишком большие суммы в золотые слитки. Я тщетно пытался установить в каком году это случилось. Ясно, что подобное обстоятельство должно было оказать известное влияние на вексельный курс, и не лишено вероятия, что это могло произойти в 1766 или 1767 гг.

талантливо доказывается лордом Ливерпулем. Монетный двор из одной унции золота чеканит 3 ф. 17 шил. $10\frac{1}{2}$ пенс. золотой монеты, а из 15,07 унций серебра такую же сумму серебряной монеты. Что же может побудить банк или какое-либо частное лицо доставить на монетный двор унцию золота, а не 15,07 унций серебра для чеканки в монету, раз по закону оба эти количества золота и серебра в одинаковой степени могут погасить долг в 3 ф. 17 шил. $10\frac{1}{2}$ пенс.?

Ясно, что только их собственный интерес. Если 15,07 унций серебра можно купить дешевле, чем за одну унцию золота, то для чеканки понесут серебро, а если одну унцию золота можно достать дешевле, чем за 15,07 унций серебра, то чеканиться будет золото. В первом случае мерилом ценности станет серебро, а во втором золото.

Но так как относительная рыночная ценность этих металлов подвержена постоянным колебаниям, то золото и серебро могут попоременно быть мерилом ценности. Со временем перечеканки серебра в царствование короля Вильгельма унция золота почти всегда была дешевле 15,07 унций серебра, и вследствие этого золото с этого времени было нормальным мерилом ценности в нашей стране. В 1798 г. чеканка серебра была совершенно запрещена законом. Пока этот закон остается в силе, золото неизбежно должно быть нормальным мерилом ценности, каковы бы ни были колебания в относительной ценности обоих металлов¹⁾.

Тот из этих двух металлов, который является законным мерилом ценности, будет также регулировать паритет вексельного курса на другие страны, так как именно в этом металле, или в бумажных знаках, представляющих его, должны будут оплачиваться векселя.

Во Франции также два металла являются орудием обращения и законным платежным средством на любую сумму. Относительная ценность золота и серебра во французских монетах перед революцией составляла 15 к 1 (Доклад Комитета о слитках № 59), а теперь она составляет $15\frac{1}{2}$.

1) Комитет о слитках, равно как г. Хескинсон, считают золото законным мерилом ценности на основании 39 королевского указа, устанавливающего, что серебро не может быть законным платежным средством для сумм, превышающих 25 ф.; во всех остальных случаях оно должно приниматься к платежу лишь по весу из расчета 5 шил. 2 пенса за унцию. Однако, этот закон не мог бы воспрепятствовать чеканке серебра, если бы оно стояло на рынке ниже своей монетной цены, а стало быть, и ниже своей ценности по отношению к золоту, как она установлена в законе. В 1798 г., например, когда цена серебра стояла 5 шил. за унцию, а рыночное соотношение серебра к золоту составляло 1 к 15,57, и когда вследствие этого представлялось выгодным чеканить серебро, новое серебро, только что вышедшее из монетного двора, могло бы служить законным орудием платежа на любую сумму.

к 1; но из письма г. Грефюля в Комитет о слитках (№ 56) мы узнаем, что в 1785 г. было внесено изменение в число луидоров, которое чеканится из одной марки¹⁾ золота, и это число было увеличено с 30 до 32. Таким образом к 1785 г. золото должно было цениться (по отношению к серебру) на французском монетном дворе приблизительно как 14 к 1.

По тем же причинам, вследствие которых роль мерила ценности переходила от золота к серебру и обратно в Англии, она должна была бы переходить от одного из этих металлов к другому также и во Франции. Когда ценность золота по отношению к серебру была ниже 14 к 1, золото должно было стать нормальным мерилом ценности во Франции, и, следовательно, уровень вексельного курса на Англию устанавливался бы путем сравнения золотых монет обеих стран. Когда отношение это было выше 14 и ниже 15,07 к 1, то золото должно было бы быть мерилом ценности в Англии, а серебро во Франции, и в соответствии с этим определялся бы вексельный курс. Паритет устанавливался бы тогда из сравнения английского золота с французским серебром. А когда ценность золота по отношению к серебру была бы выше 15,07 к 1, то серебро было бы мерилом ценности в обеих странах, и вексельный курс исчислялся бы в серебре. Но после 1785 г., когда монетная расценка металлов во Франции была изменена и почти приблизилась к английской, паритет вексельного курса должен был бы исчисляться либо в золоте, либо в серебре в обеих странах.

§ 11. Я уже отметил, что недостаточно сравнить степень отклонения вексельного курса от паритета с расходами по пересылке драгоценных металлов из одной страны в другую для доказательства того, что такая операция будет выгодна; необходимо также принять во внимание, какова цена слитков в той стране, куда они пересылаются, или величина расходов, вызываемых необходимостью чеканки слитков в монету. У нас не взимается никакой платы за чеканку. Если одна унция золота или серебра доставляется на монетный двор, то доставивший эту унцию получает обратно унцию чеканной монеты. Единственное неудобство, испытываемое лицами, ввозящими слитки из-за границы, вместо покупки английской монеты, заключается лишь в потере времени, в течение которого слитки будут находиться на монетном дворе. Ущерб, связанный с этой потерей времени, Комитет о слитках оценил в 1%. Таким образом, 1% представляет ту естественную разницу, на которую английская монета должна превышать ценность слитков, при условии, что чеканная монета полноцenna и что денежное обращение

1) Старинный вес в 8 унций. Прим. перев.

не чрезмерно.. Но во Франции плата за чеканку, согласно д-ру Смиту, достигла не менее 8%, помимо потери 8 процентов за время нахождения слитков на монетном дворе. Д-р Смит удостоверяет также, что от этого не произошло никаких существенных неудобств¹⁾.

Таким образом, ценность унции золотой или серебряной монеты была во Франции больше на 8%, чем ценность унции золота или серебра в слитках. Отсюда следует, что слитки могли ввозиться во Францию только в том случае, если при этом была прибыль достаточной не только для покрытия расходов по пересылке их, но и для покрытия 8% за чеканку, так как паритет вексельного курса исчислялся не на основании ценности, которую монета обычно имела в обращении, а на основании ее внутренней ценности, как слитка²⁾.

§ 12. Чтобы это было более ясно, предположим, что вексельный курс на Лондон был в 1767 г., как сообщает Бозанкет, на 8% выше паритета в пользу Франции, и что в то же время он был на 6% в пользу Лондона по отношению к Гамбургу, а расходы по пересылке золота из Гамбурга в Париж не превышали 1½%. Не было ли бы дешевле на 12½%, спрашивает он, уплатить долг в Париже, переслав золото из Гамбурга³⁾, чем покупая вексель?

Я отвечаю,—нет; когда золото прибудет в Париж, оно должно быть перечеканено в монету или продано в качестве слитков; в первом случае 8% должны быть уплачены

1) После того как это было написано, я видел выписку из «Moniteur» за 1803 г., из которой видно, что плата за чеканку во Франции составляла:

В 1726 г. за чек. золота	7⁹/₁₆%	за чек. серебра	7⁴/₁₁%
“ 1729 г. ” ”	5³/₁₆%	” ”	5⁷/₁₆%
” 1755 г. ” ”	4¹/₁₆%	” ”	3¹/₁₀%
” 1771 г. ” ”	1⁴/₁₀%	” ”	2⁷/₉%
” 1785 г. ” ”	2⁹/₁₇%	” ”	—

а в 1803 г. она была установлена за золото в 1½%, а за серебро в 1¹/₂%.

2) Только пока французское денежное обращение держалось в надлежащих границах, цена золота могла стоять на 8% ниже монетной цены, точно также как цена золота в Англии стояла ниже монетной цены ег. Английское денежное обращение было несколько выше нормы, когда золото (в слитках) стоило 3 ф. 17 шил. 6 пенс., так как 4 пенса за унцию было недостаточной компенсацией за задержку его на монетном дворе. Таким образом, отсюда следует, что указанное здесь правило может сохранять свою силу только в том случае, если денежное обращение не чрезмерно.

3) Так как серебро является денежной единицей в Гамбурге, то английский кредитор мог бы переслать из Гамбурга в Париж не золото, а только серебро.

монетному двору, а при продаже его в качестве слитков оно пойдет на 8% дешевле монетной цены¹⁾.

Таким образом указанная выгода, при условии, что все остальные вычисления правильны, должна быть уменьшена с 12½ до 4½ %. Но эти вычисления неправильны и подлежат дальнейшим исправлениям по причинам, уже указанным выше.

Имея в виду эти соображения, мне кажется, не трудно видеть, что вексельный курс на Париж был в пользу Англии в течение значительной части четырех лет, от 1764 до 1768 г., и во все другие периоды времени, упомянутые г. Бозанкетом.

Я не могу здесь не высказать своего удивления, что британский купец мог серьезно считать возможным, чтобы в мирное время вывоз золота из Гамбурга в Париж приносил в течение четырех лет, после покрытия всех издержек, чистый доход от 10½ до 12½ %,—доход, который благодаря быстрому обороту дал бы возможность всякому лицу, занимающемуся этими операциями, извлечь более 100% на вложенный капитал, и при этом в такой области, где малейшие колебания немедленно учитываются классом людей, коммерческая проницательность которых вошла в поговорку, и где конкуренция доведена до крайней степени. Сличать предполагаемые данные о вексельных курсах на Гамбург и на Париж и не заметить, что эти данные явно неверны, и что факты не могут быть таковы—это действительно весьма характерно для человека, признающего лишь факты и отвер-

1) «Во Франции за чеканку взимается 8%, что не только покрывает стоимость ее, но и дает правительству небольшую прибыль. В Англии, так как чеканка здесь ничего не стоит, обращающаяся монета никогда не может быть значительно дороже, чем то количество металла, которое она действительно содержит. Во Франции работа по чеканке, так как вы платите за нее, увеличивает ценность (монеты), точно также как в производстве посуды. Поэтому сумма французских денег, содержащая определенное количество—по весу—чистого серебра, представляет большее ценности, чем сумма английских денег с тем же весовым содержанием чистого серебра, и чтобы приобрести ее необходимо затратить больше слитков или других товаров. Поэтому, хотя бы обращающаяся монета обеих стран была одинакова близка к стандарту каждого из монетных дворов,—за определенную сумму английских денег нельзя было бы купить сумму французских денег, содержащую равное количество унций чистого серебра, а стало быть, и вексель на Францию на эту сумму. Если бы за такой вексель уплачивалась добавочная сумма, не превышающая расходов по чеканке французской монеты, то действительный вексельный курс между обеими странами мог бы стоять аль-пари, и их взаимные обязательства могли бы покрывать друг друга, между тем как номинальный курс был бы значительно в пользу Франции. Но если бы уплачивалась сумма меньше этой, то действительный вексельный курс мог бы быть в пользу Англии, между тем как номинальный был бы в пользу Франции». «Богатство народов» А. Смита, гл. III, книга IV.

гающего всякие теории. Такие люди едва ли в состоянии критически относиться к тем фактам, которыми они оперируют. Они доверчивы — и по необходимости, так как у них нет определенного критерия. Эти два ряда предполагаемых фактов — с одной стороны, данные о вексельных курсах на Гамбург, а с другой, на Париж, — абсолютно несовместимы между собой и взаимно друг друга опровергают. Что подобные факты могут приводиться в опровержение теории, логическая обоснованность которой открыто признается, является печальным свидетельством власти предрассудков над весьма просвещенными умами.

Отдел III

Предполагаемый факт существования премии на английскую валюту в Америке. Благоприятный вексельный курс на Швецию

§ 13. Следующий пункт, по поводу которого я хочу сделать несколько замечаний, впервые упомянут Грефюлем, а теперь вновь выдвинут г. Бованкетом. Я имею в виду утверждение о том, что в Америке за обесцененную английскую валюту платят премию в звонких долларах. Я исследовал этот факт с величайшим вниманием, и для меня стало очевидным: во-первых, что плата, именуемая премией в 9%, и уплачиваемая за вексель на Англию, была в действительности скидкой в 3½% и, во-вторых, что по такой цене этот вексель был более дешевым средством перевода денег, чем пересылка долларов, за которые этот вексель был куплен.

Паритет курса на Америку вычисляется в долларах; он устанавливается в 4 шил. 6 пенс. за доллар; стало быть, 444,4 дол. должны были бы содержать столько же чистого серебра, сколько 100 ф. ст. Однако, это не соответствует действительности. Американский доллар, согласно нормам американского монетного двора, должен содержать 17 драхм 8 гран, и на 8½ драхм юн ниже узаконенного английского стандарта¹⁾; отсюда следует, что ценность американского доллара в нашем стандартном серебре (Standard silver) равна 4 шил. 3¾ пенс. Согласно этой ценности доллара действительный паритет составляет 463,7 дол. за 100 ф. ст. нашего английского стандартного серебра; однако мы сравниваем американские доллары с золотым английским фунтом стерлингов, а поэтому действительный

1) Унц = 20 драхм, драхма = 24 грана. Прим. перев.

паритет составляет за 100 ф. ст.—пропорционально относительной ценности долларов и золота в мае 1809 г., т.-е. за рассматриваемый период,—500 дол.. Но за вексель на Лондон в 100 ф., покупаемый за доллары в Америке по высшему курсу этого года, т.-е. по 109, платили не более 484 дол., таким образом он покупался на $3\frac{1}{4}\%$ ниже действительного паритета¹⁾.

Следует помнить, что запретительные постановления соблюдались весьма строго; капитаны судов должны были до получения разрешения на отплытие давать присягу в том, что они не имели на борту монеты, и однажды один из них должен был выгрузить обратно на берег монету, тайно доставленную на корабль. В то же время страховая премия была несоразмерно высока, и немногим судам, которые занимались контрабандным провозом, платили по 8% премии, причем их владельцы были гарантированы, кроме того, от потерь в случае захвата этих судов американским правительством.

Но если учесть эти 8% за страховку, затем комиссию, фрахт и другие расходы, а также $3\frac{1}{2}\%$ фактической скидки с купленного векселя, то окажется, что это составит сумму, не на много меньшую, чем скидка, существовавшая тогда с наших бумажных денежных знаков, так что наши обесцененные бумажные деньги не покупались за премию в звонких долларах, а покупались со скидкой по их действительной ценности.

§ 14. Но говорят, что курс на Швецию был благоприятен Англии, и что шведское денежное обращение регулируется совершенно таким же образом, как и у нас, так как Шведский банк не выпускает звонкой монеты, как только курс становится неблагоприятным. Здесь, без сомнения, наблюдается полное тождество в обоих случаях, и по этой причине последствия здесь также аналогичны, и обесценение обеих валют требует проведения одной и той же меры. Эта мера заключается в уменьшении количества орудий обращения, либо путем вывоза монеты, либо путем сокращения количества банкнот.

Если, как говорят, курс на Швецию стоит на 24% в пользу Лондона, то это доказывает только, что излишек бумаж-

1) Вес находящихся в обращении американских долларов, согласно показаниям г. Вильямса, не превышает 17 драхм 6 гран.—таким образом, действительный паритет должен быть несколько ниже 4 шил. $3\frac{1}{2}$ пенс., а по данным книги «О монете» Ида (Ede) американский доллар на 11 драхм ниже нашего стандарта и содержит не более чистого серебра, чем 4 шил. $2\frac{1}{2}$ пенс. английской узаконенной серебряной монетной единицы.

ных денег, не обмениваемых на монету, пропорционально больше в Швеции, чем в Англии¹⁾.

Отдел IV

Разбор заключения Комитета о слитках о паритете вексельного курса

§ 15. Исследовав, таким образом, все действительные или предполагаемые факты, выдвинутые Бозанкетом по вопросу о состоянии вексельного курса, с целью доказать неосновательность приводимых им возражений против основного положения Комитета о том, что колебания вексельных курсов на другие страны никогда не могут на продолжительный срок превысить расходов по пересылке и страхованию драгоценных металлов; доказав, что выводы, делающиеся Бозанкетом, не подтверждаются приводимыми им фактами, из которых ни один, на мой взгляд, не противоречит основным положениям Комитета, я позволю себе обратить внимание на юшибку, допущенную самим Комитетом в его докладе, ошибку, которая дает возможность Бозанкету утверждать, что можно спокойно отложить всякие реформы.

«Итак, оказывается,—говорит г. Бозанкет,—что даже целиком признавая все положения Комитета и применяя их к настоящему случаю, приходится притти к заключению, что иностранный вексельный курс в тот момент, когда был представлен доклад Комитета и в течение трех месяцев перед этим, стоял приблизительно на 2% ниже естественного уровня своего упадка. Поэтому, быть может, согласятся, что вопрос этот, как практический вопрос государственного значения, может быть, во всяком случае, отложен, и что по меньшей мере нет никакой необходимости в принятии поспешных мер, даже если допустить, после всестороннего рассмотрения, правильность общей аргументации Комитета».

Итак, когда признается, что вексельный курс стоит необычайно низко, то нам говорят, что если бы банк при таких условиях стал платить звонкой монетой, то это привело бы к самым опасным последствиям, и что необходимо выждать, пока курс станет более благоприятным; а когда

¹⁾ Однако, прежде чем признать, что курс на Швецию действительно стоит на 24% в пользу Лондона, мы должны знать, являются ли золото и серебро оба законным платежным средством в Швеции, и в положительном случае, какова относительная ценность этих металлов, установленная шведским монетным двором. Я подозреваю, что отчасти этот благоприятный вексельный курс может быть обясnen повышением ценности золота по отношению к серебру.

предполагается, что он поднялся на 2% над своим естественным уровнем, то нам опять говорят, что незачем спешить, так как вопрос потерял свое государственное значение. Рассуждая таким образом, можно находить всегда основания к тому, чтобы без конца откладывать возобновление банком размена. Я твердо надеюсь, что такая ложная аргументация не встретит признания, и что мы, наконец, откроем глаза на угрожающие нам опасности; что мы исследуем положение хладнокровно и примем решение мужественно.

Основной принцип, на котором построены исправленные таблицы г. Мушэта, целиком признан и весьма точно и сжато выражен в докладе Комитета (стр. 10).

«Если в одной стране главным мерилом ценности является золото, а в другой серебро, то паритет между этими странами за какой-либо определенный период не может быть установлен, если не принять во внимание относительную ценность золота и серебра за этот определенный период».

Комитет в своем стремлении найти действительный паритет между нашей страной и Гамбургом постоянно придерживался этого основного положения, как видно из вопросов, поставленных им г.... (Доклад Комитета, стр. 73). Г. также вполне признал это положение, но несмотря на это, когда его просили указать, «как в частности, он применяет эти общие начала к установлению паритета вексельного курса между Англией и Гамбургом», он дал следующий ответ: «беря золото по его монетной цене в 3 ф. ст. 17 шил. 10½ пенс. ¹⁾ и бера его паритет в Гамбурге, составляющий 96 стиверсов банко за дукат; и приравнивая 55 унций стандартного золота к 459 дукатам, получаем, таким образом, паритет за 1 ф. ст. в 34 шил. 3½ гр. фланандских, так как дукат содержит 23½ карата чистого золота».

Но здесь ии слова не сказано об относительной ценности золота и серебра на рынке, и все, что мы можем почертнуть из этого ответа, это то, что 34 шил. 3½ гр. фланандских в золотой монете равны золотому фунту стерлингов—это вычисление совпадает до ½ гроша с вычислением д-ра Келли (Доклад Комитета № 59). Если бы человек, купивши вексель в Лондоне за 34 шил. 3 гр. мог бы получить в Гамбурге 34 шил. 3 гр. в золотой монете, это можно было бы действительно назвать паритетом, но он может получить за этот вексель лишь 34 шил. 3 гр. серебром, что составляет разницу по сравнению с такой же суммой в золоте на 8%. Вопрос, поставленный Комитетом, в действительности заключается в следующем: какое количество гамбургских денег содержит такое же количество чистого

1) За унцию. Прим. перев.

серебра, какое можно приобрести за один фунт стерлингов? Для того периода времени, когда составлялся доклад Комитета, этот ответ должен был бы гласить—37 шил. 3 гр. фламандских, таким образом, последняя сумма и являлась действительным паритетом вексельного курса. Если бы Комитет взял в основу своих вычислений этот паритет, а не 34 шил.. 3 гр., то он не сделал бы того вывода, что курс на Гамбург был неблагоприятен Англии не более чем на 9%, а определил бы эту потерю почти в 17%, и г. Бозанкет не имел бы тогда возможности сказать, что, соглашаясь даже с аргументацией Комитета, нет никакой необходимости принимать тотчас же какие-либо мероприятия, так как зло не слишком велико.

} ГЛАВА III {

РАССМОТРЕНИЕ ВЫДВИНУТЫХ Г. БОЗАНКЕТОМ ДАННЫХ, ДОЛЖЕНСТВУЮЩИХ ОПРОВЕРГНУТЬ ЗАКЛЮЧЕНИЕ КОМИТЕТА О ТОМ, ЧТО ВОЗРАСТАНИЕ РЫНОЧНОЙ ЦЕНЫ ЗОЛОТА В СЛИТКАХ ВЫШЕ МОНЕТНОЙ ЦЕНЫ ДОКАЗЫВАЕТ ОБЕСЦЕНЕНИЕ ОБРАЩАЮЩИХСЯ ДЕНЕГ

Отдел I

Отрицание упомянутого заключения Комитета имеет предпосылкой признание невозможности переплавки или вывоза английских монет, чего, однако, никто не пытается утверждать

§ 16. Следующее положение Комитета, правильность которого оспаривает г. Бозанкет, формулируется им следующим образом: «что цена золота в слитках никогда не может превысить монетной цены, за исключением того случая, если орудие обращения, в котором она выплачивается, обесценено и стоит ниже ценности золота». Однако, это не выражает в точности положения, установленного Комитетом. Это положение, если его правильно выразить, заключается не в том, что золото, как товар, не может подняться выше ценности золота в монете, а что такое положение не может долго продолжаться, так как переплавка монеты в слитки вскоре выравняла бы их ценность. Подлинные слова Комитета таковы: «Комитет того мнения, что при здоровом и нормальном состоянии британского денежного обращения, основанием которого является золото, никакой усиленный спрос на золото, предъявляемый из других частей света, как бы

он ни был велик, или по каким бы причинам он ни возникал, не может вызвать здесь (т.-е. в Англии) в течение значительного периода времени существенного повышения рыночной цены золота». Мне кажется, что для того, чтобы это положение стало вполне очевидным, необходимо лишь дополнить его предпосылкой, что закон, воспрещающий переплавку монеты в слитки, не может быть фактически осуществлен.

§ 17. Поэтому я ожидал, что всякий, кто отрицает правильность этого положения, стал бы утверждать, что закон этот вполне достигал тех целей, ради которых он был издан, и что для доказательства этого он стал бы ссылаться на различные авторитеты. Однако, было бы трудно отыскать авторитеты, которые могли бы подтвердить такой взгляд. Со дней Локка и вплоть до настоящего времени я нигде не встречал, чтобы этот факт оспаривался. Все писавшие по этому вопросу безусловно признают, что никакие наказания не могут помешать переплавке монеты, когда ценность золота в монете падает ниже ценности золота в слитках.

Локк называет закон, воспрещающий переплавку и вывоз монеты, «законом, стремящимся загородить кукушку забором». Смит замечает: «никакие меры правительства не могут помешать этому». Кроме того, по этому же вопросу мы имеем авторитетное мнение людей практики.

Директора банка в 1795 г., когда цена золота поднялась до 4 ф. ст. 3 шил. или 4 ф. ст. 4 шил. за унцию, уведомляя об этом факте г. Питта, замечают: «так как наши гинеи продаются по 3 ф. ст. 17 шил. 10½ пенс. за унцию, то причина наших опасений ясна, и мы считаем лишь необходимым довести эти факты до сведения канцлера казначейства». Но ясно, что эти опасения могли заключаться лишь в том, что такое положение вызовет огромный спрос на золотую монету с целью переплавки ее в слитки. Г. Ньюлэнд на вопрос, заданный ему в Комитете палаты лордов в 1797 г.: «если бы теперь приступили к новой чеканке монеты, полагаете ли вы, что большое количество ее было бы переплавлено в слитки и вывезено частными лицами?», отвечал: «это целиком зависит от цены слитков». А на вопрос о том «труднее ли помешать чеканке фальшивых монет, или переплавке и вывозу монет, если последнее представляет выгоду?» с его стороны последовал такой ответ: «Я не представляю себе, как можете вы помешать тому или другому».

Это лишь немногие из тех отзывов, которые можно было бы привести в подтверждение факта переплавки монеты в слитки всякий раз, когда цена последних становится выше

цены монеты. Я, однако, приведу в заключение мнение самого г. Бозанкета. Говоря о Комитете о слитках, он замечает: «они не говорят ничего о цене слитков, возвращения которых, несомненно, следует ожидать, когда банк сумеет урегулировать вексельный курс,—хотя Локк и многие другие авторы ясно указали, что монета какой-либо страны может быть в ней удержана лишь в том случае, когда общий торговый и платежный баланс ее не является неблагоприятным».

Но при предполагаемом низком вексельном курсе,—что могло бы вызвать отлив монеты, кроме ее более высокой ценности в качестве слитков? Кто стал бы вывозить монеты, если бы золото в слитках можно было купить по его монетной цене? Итак мы видим, что именно более высокая ценность золота в слитках является причиной переплавки монет и их вывоза.

§ 18. Однако, Комитет не удовлетворился простым установлением положения, которое почти очевидно само собой: он обратился к фактам и определенно удостоверил, что за период времени в 24 года со времени перечеканки, цена золотых слитков узаконенного качества не превышала 3 ф. ст. 17 шил. 10½ пенс. за унцию, за исключением одного года, начиная с мая 1783 г. и кончая маем 1784 г., когда цена стояла в 3 ф. ст. 18 шил. за унцию. Из письма директоров банка к г. Питту в октябре 1795 г., мы действительно узнаем, (и на этот же авторитет ссылается в своем докладе и Комитет), что цена золота в слитках составляла тогда 4 ф. 3 шил. или 4 ф. 4 шил. за унцию; и кроме того, г. Ньюленд сообщил в Комитете палаты лордов в 1797 г., что банк был часто вынужден покупать золото по цене выше монетной и однажды за небольшое количество его, приобретенное его агентом в Португалии, уплатил по 4 ф. 8 шил.¹⁾

1) Повидимому, этот факт относится к октябрю 1795 г. На вопрос о том, когда это было, Ньюленд ответил: «я думаю это было около 2 лет тому назад, речь шла лишь о незначительном количестве, и покупки эти скоро прекратились вследствие высокой цены. Банк в это время счел целесообразным покупать золото в Португалии, но его агент не мог приобрести его дешевле, чем за 4 ф. 8 шил.». Этот ответ Ньюленда относится к 28 марта 1797 г. Нет ничего невероятного в том, что банк мог часто покупать иностранное золото по цене выше монетной, и что одновременно он мог приобретать золото в слитках, запрещенное к вывозу, по сравнительно более дешевой цене. Он мог льстить себя надеждой, что не покупая английского золота, он способствовал уменьшению соблазна переплавлять типис; и в то же время уменьшение его запасов побуждало его пополнять свои сундуки. Этот взгляд находит сильное подтверждение при изучении отчета № 19, помещенного в приложении к докладу Комитета, из которого видно, что за период времени с 1797 г. по 1810 г. общая ценность золота, вычеканенного на королевском монетном дворе, составляла 8.960.113 ф., из которых только 2.296.056 ф. были вычеканены из английского золота,

Это единственные факты, на которые ссылается г. Бозанкет, пытаясь опровергнуть рассматриваемое положение Комитета. И вот эти цены, неизвестные публике, не зарегистрированные ни в каких котировках, сообщаемые притом корпорацией, отнюдь не прославившейся хорошим ведением своих дел, должны считаться подлинными рыночными ценами; и подобного рода исключения должны опровергнуть мнения, основанные на правильной теории, подкрепленные отзывами людей практики и опытом прошлого.

Имеется ли хоть какое-нибудь указание на то, что эти цены держались хотя бы одну неделю? Если обратиться к прейс-куранту, то мы увидим, что в июле этого, т.е. 1795 года цена золота указана в 3 ф. 17 шил. 6 пенс.; в декабре указана, опять-таки, эта же цена, а за промежуточные четыре месяца не указано никакой цены. Считает ли возможным г. Бозанкет, чтобы такая высокая цена за золото, как 4 ф. 4 шил., могла удержаться в то время, как его можно было иметь, переплавляя монету за 3 ф. 17 шил. $10\frac{1}{2}$ пенс.? Нужели у него столь высокое мнение о бескорыстии и добродетели всех классов общества? Если действительно он так думает; то почему же не довериться этим качествам теперь? Что выдвигается в доказательство невозможности платить звонкой монетой? То, что при нынешнем курсе и при нынешней цене на золото было бы выгодно вывозить и переплавлять монету, так что возникла бы опасность, что все гинеи уплывут за границу. Но когда нам говорят, что слитки не имеют ничего общего с монетой, «что нет никаких точек соприкосновения между английским и иностранным золотом», то не может возникнуть никакой опасности, чтобы кто-либо особенно желал обладать золотой монетой, так как для целей обращения банкноты столь же, если не более, удобны.

§ 19. «Если бы,—говорит Бозанкет,—спрос на иностранное золото в какое-либо время был очень велик, а против переплавки и вывоза гинеи, хотя бы имеющихся в изобилии, были приняты какие-либо действительные меры, то иностранное золото могло бы вдвое подняться в цене по сравнению с английским золотом, и, однако, внутренняя ценность гинеи не понизилась бы».

Я мог бы применить к этому если бы г. Бозанкета замечание, которое сделано им относительно этого же слова,

а остальные чеканились из иностранного золота. Кроме того, начиная с 1804 г. 1.402.542 ф. были вычеканены из иностранного золота, и ни одна гинея не была вычеканена из британского золота. В течение всего этого периода цена иностранного золота на рынке превышала цену английского золота. Не представляется ли вероятным поэтому, что банк, являющийся единственным импортером золота для нужд монетного двора, руководствовался предполагаемыми мною соображениями?

в устах Комитета: «ваше если,—заметил он,—великий миротворец». Но приведенное предположение г. Бозанкета не могло иметь места: закон, воспрещающий перевозку и вывоз гиней, не может быть действительно проведен в жизнь. Поэтому все это замечание бесполезно по отношению к рассматриваемому вопросу.

Но если бы, все же, этот закон действительно был проведен в жизнь, он вызвал бы крайне несправедливые последствия. Почему владелец одной унции золота в монете не может извлекать такой же выгоды от возрастания в ценности его собственности, как владелец унции нечеканенного золота? Должен ли он нести все последствия от падения в ценности его золота вследствие открытия новых рудников или каких-либо других обстоятельств и лишаться всех выгод, связанных с возрастанием его ценности только потому, что оно отчеканено?

Эта несправедливость в отношении частных лиц не компенсировалась бы ни малейшими преимуществами для общества; вывоз монеты, если бы он был свободно разрешен, тотчас прекратился бы, когда ценность наших обращающихся денег поднялась бы до действительной ценности золота в слитках,—а именно ценностью последнего и нормируется всегда денежное обращение всех стран. Такова и была ценность наших денег, несмотря на запрещение вывоза, вплоть до появления закона о прекращении размена банком, и некоторое время спустя. На этом уровне она неизбежно вновь установилась бы, если бы этот в высшей степени нецелесообразный закон был отменен. Поднимите ценность ваших денег до ее надлежащего уровня, и вы можете быть уверены, что она удержится на нем. Не может быть худшей политики, чем искусственно удерживать в обращении, например, один миллион, для выполнения тех же задач, для которых вполне достаточно было бы 800.000 ф.

Отдел II

Последствия, которые наступили бы при предположении, что денежное обращение других стран (кроме Англии) уменьшилось или увеличилось бы на половину

§ 20. Предположим, что орудием денежного обращения всех стран были бы только драгоценные металлы и что на долю Англии приходился бы один миллион; предположим далее, что внезапно половина всех средств обращения всех стран, за исключением Англии, была бы сразу уничтожена—было ли бы возможно в этом случае для Англии продолжать

удерживать в обращении тот миллион, которым она ранее обладала? Не стало ли бы ее денежное обращение относительно чрезмерным по сравнению с другими странами? Если бы, например, квартер пшеницы раньше имел, как во Франции, так и в Англии, ту же ценность, что одна унция чеканного золота, то не стоил ли бы квартер после этого во Франции только полунции, между тем как в Англии он продолжал бы стоить одну унцию? ¹⁾.

Могли ли бы мы при таких условиях путем каких-либо законов воспрепятствовать ввозу в Англию пшеницы или какого-либо другого товара (так как это отразилось бы в равной мере на всех товарах) и вызову золотой монеты?

Если бы мы могли и вывоз слитков был свободен, то золото в слитках могло бы подняться в цене на 100%, и по этой же причине, если бы в Гамбурге прежде 35 фламандских шиллингов имели одинаковую ценность с фунтом стерлингов, то теперь такую же ценность имели бы 17½ шил.. Последствия были бы совершенно те же, если бы было удвоено количество обращающихся денег в одной только Англии.

Предположим, затем, совершенно обратное, т.-е. что денежное обращение всех других стран оставалось бы без изменения, между тем как английское было бы сокращено на половину. Если бы чеканка монеты на монетном дворе происходила на прежнем основании, то не пали ли бы у нас цены на товары в такой степени, что их дешевизна привлекла бы иностранных покупателей, и не продолжалось ли бы это до тех пор, пока прежнее соотношение количества денег в различных странах было бы восстановлено?

Если бы таковы были последствия уменьшения количества денег ниже его естественного уровня,—а что последствия были бы именно таковы, в этом согласны между собой самые знаменитые писатели по вопросам политической экономии,—то как можно защищать тот взгляд, что увеличение или уменьшение количества денег не находится ни в какой связи ни с иностранным вексельным курсом, ни с ценами слитков?

1) Что товары падали бы или возрастали в цене пропорционально увеличению или уменьшению количества денег, я считаю фактом неопровергаемым. Г. Бозанкет, допуская влияние открытия новых залежей драгоценных металлов на цены, обнаруживает, что он не питает таких сомнений по этому вопросу, как директор Английского банка, который на вопрос Комитета о том: «считает ли он, что весьма значительное сокращение общего количества обращающихся денег не способствовало бы ни в какой степени росту их относительной ценности по сравнению с товарами, и что значительное увеличение этого количества не имело бы никакого влияния на увеличение цены товаров, получаемых в обмен на эти деньги?»—отвечал: «По этому вопросу существует так много различных мнений, что я не решаюсь дать определенного ответа».

§ 21. Но обращение бумажных денег, не размененных на звонкую монету, ничем не отличается по своим последствиям от металлического обращения, при условии строгого соблюдения закона против вывоза денег.

Предполагая, таким образом, что первый случай имел бы место в то время, как все наше денежное обращение состояло бы из бумаги, не вызвало ли бы это падения вексельных курсов и роста цены на слитки, как это мною указано выше; и не обесценились ли бы наши деньги, так как они не имели бы уже равной ценности на мировых рынках со слитками, представителем которых они должны быть? Факта этого обесценения нельзя было бы отрицать, сколько бы директора банка ни уверяли публику в том, что они всегда учитывали только надежные векселя, возникшие из добросовестных сделок; сколько бы они ни уверяли, что они никогда не навязывали обращению ни одного билета, что количества денег было не больше, чем всегда, и соответствовало лишь потребностям торговли, которая не уменьшилась, а увеличилась¹⁾, что цена золота, стоявшая у нас вдвое выше его монетной цены, была так же высока, или еще выше, за границей, что можно было бы доказать, переслав одну унцию слитков в Гамбург, и переведя сумму, вырученную от продажи ее, в Лондон векселем, подлежащим оплате в банкнотах; сколько бы они ни уверяли, что увеличение или уменьшение количества банкнот, выпускаемых банком, не могло отразиться ни на уровне вексельного курса, ни на цене слитков. Все это, за исключением последнего утверждения, могло бы быть правильным, и все же могли бы кто-нибудь отрицать факт обесценения денег? Могли ли перечисленные мною симптомы быть вызваны какой-либо другой причиной, кроме относительной избыточности нашего денежного обращения? Могли ли бы наши деньги снова подняться до уровня ценности слитков при помощи каких-либо других мероприятий, кроме сокращения их количества, что подняло

¹⁾ Банк не мог бы тогда, исходя из своих же собственных принципов, защищать то в высшей степени ошибочное мнение, что если бы его выпуски банкнот были чрезмерны, то это отразилось бы на уровне процента на денежном рынке, и потому привело бы к возвращению его банкнот обратно в его кассу,—так как, в предполагаемом здесь случае, вследствие большого сокращения общего количества денег на мировом рынке, он должен был бы защищать то положение, что уровень процента повысился бы повсеместно, и банк мог бы поэтому увеличить свои эмиссии. Если бы после талантливого изложения д-ра Смита нужны были какие-либо дальнейшие доказательства того, что уровень процента всецело зависит от соотношения между общей суммой капитала и возможностями его использования и совершенно не зависит от избытка или недостатка средств обращения, то этот пример, я думаю, был бы достаточно убедителен.

бы их ценность до уровня ценности денег в других странах; или посредством увеличения количества драгоценных металлов, что понизило бы ценность денег других стран до уровня ценности наших денег?

Почему банк не хочет проделать этого опыта, сократить на короткий срок в три месяца общее количество своих банкнот на два или три миллиона? Если бы это нисколько не отразилось на цене слитков и иностранном вексельном курсе, то тогда его друзья могли бы утверждать, что положения, выдвинутые Комитетом о слитках, являются не чем иным, как пустыми фантазиями отвлеченных теоретиков.

Отдел III

Незначительное повышение цены золота на континенте вызвано исключительно изменением в отношении ценности серебра к золоту

§ 22. Но цена золота, говорят нам, повысилась на континенте еще более, чем у нас, так как, когда унция золота стоила у нас 4 ф. 12 шил., в Гамбурге за него можно было получить 4 ф. 17 шил., что составляет разницу в 5½%. Это утверждение так часто повторяется и столь ошибочно, что стоит на нем остановиться.

Когда унция золота стоила у нас 3 ф. 17 шил. 10½ пенс. и относительная ценность золота и серебра выражалась отношением 15,07 к 1, за нее платили на континенте почти такую же сумму, как и у нас, т.-е. 3 ф. 17 шил. 10½ пен. серебряной монетой. Так, например, в Гамбурге мы за одну унцию золота получили бы 136 фламандских шиллингов и 7 грошей, каковое количество серебряной монеты содержало столько же чистого металла, как и 3 ф. 17 шил. 10½ пенс. в нашей узаконенной серебряной монете.

С тех пор золото возросло у нас в цене на 18% и стоит теперь 4 ф. 12 шил. за унцию, причем утверждают, что эти 4 ф. 12 шил., которые платят за него, не обесценены. Но так как золото поднялось в цене за границей на 5½% больше чем у нас, оно должно стоить теперь там на 23½% больше чем тогда, когда оно продавалось по 136 шил. 7 гр. за унцию, а потому мы могли бы ожидать, что мы получим теперь за него в Гамбурге 167 фламандских шиллингов; но каковы факты? Эта унция золота, которую якобы мы продаем в Гамбурге за 4 ф. 17 шил., в действительности стоит не больше, чем 140 шил. 8 гр., что составляет возрастание только на 3%, причем этому продавец обязан увеличением относительной ценности золота по отношению к серебру.

которая выражалась раньше отношением 15,07 к 1, а теперь составляет около 16 к 1. Правда, когда унция золота продавалась в Гамбурге за 3 ф. 17 шил. $10\frac{1}{2}$ пенс., или за эквивалент этой суммы в 136 шил. 7 гр., то денежное обращение Англии не было обесценено, а потому за эту сумму можно было купить вексель, подлежащий оплате в Лондоне в банкнотах лишь на 3 ф. 17 шил. $10\frac{1}{2}$ пенс.; но в виду того, что в настоящее время английская валюта обесценена и равна на гамбургские деньги лишь 28 или 29 фламандским шиллингам вместо 37, то за 140 шил. 8 гр. (т.-е. за сумму на 3% большую, чем 136 шил. 7 гр.), представляющих действительную ценность фунта стерлингов, можно приобрести вексель, подлежащий оплате банкнотами в Лондоне, на 4 ф. 17 шил.; таким образом, золото поднялось в Гамбурге не более чем на 3%, но английская валюта по сравнению с гамбургской пала на $23\frac{1}{2}\%$.

§ 23. Для дальнейшего доказательства истинности моего утверждения, что не золото поднялось на мировом рынке на 16 или 18%, а что упали только бумажные деньги, в которых выражается цена золота в Англии, я приведу сводку самых низких цен на золото, существовавших в 1804 г. в Гамбурге, Голландии и Англии, и самых высоких цен в каждой из этих стран в 1810 г., из которой можно будет установить действительное возрастание цены золота, измеряемое в валюте каждой из этих стран. Эта сводка была сообщена Комитету о слитках г. Грефюлем и занумерована под № 56.

Самые низкие цены

Гамбург .	1804—97 $\frac{3}{8}$
Голландия	1804—392 $\frac{1}{4}$
Англия. .	1804— 4 ф.

Самые высокие цены

1810—101, что составляет повышение	
на . . .	3 $\frac{3}{4}\%$
1810—406 $7\frac{7}{16}$	3 $\frac{5}{8}\%$
1810—4 ф. 13	16 %

Но в Гамбурге и Голландии, где орудием обращения является серебро, золото может подняться не только на 3%, но и на 30%, причем это еще не будет доказательством обесценения обращающихся денег, а будет свидетельствовать лишь о росте ценности золота по отношению к серебру. Но в Англии, где цена золота выражается в золотой монете или в банкнотах, заменяющих ее, повышение золота, хотя бы на 1%, уже является доказательством соответствующего падения (depression¹) монеты или бумажных денег.

¹⁾ Это выражение, по мнению г. Бозанкета, является крайне теоретическим, но я считаю его совершенно правильным, а потому и позволил себе употребить его вслед за Комитетом.

Это замечание относится в равной мере к факту, упомянутому г. Бозанкетом, и на который он сам, повидимому, обратил внимание, а именно, что в Гамбурге колебания в ценности золота в течение двух лет достигали не менее 8%.

§ 24. Так как существует общепризнанная разница между ценой стандартных золотых слитков и ценой золотой монеты, с узаконенным английским содержанием золота, об'ясняющаяся тем, что последняя является более ходким товаром на континенте¹⁾, я не могу согласиться с выводами, которые делает г. Бозанкет из сравнения записки г. Грефюля (№ 58) с документом № 60 Комитета. Следовало бы сперва установить, относятся ли цены на золото, указанные в этих документах (а они не вполне сходятся), к золоту в монете, или к золоту в каком-либо другом виде, и относились ли цены на золото у нас в различные периоды времени всегда к золоту одного и того же качества.

Г. Бозанкет замечает, что «Из вычисления, сообщенного г. Грефюлем Комитету, видно, что весной 1810 г. унция золота английского узаконенной пробы стоила в Гамбурге 4 ф. ст. 17 шил., при цене 101 и вексельном курсе 29 шил.; в это же время высшая цена слитков в Лондоне равнялась 4 ф. ст. 12 шил., т.-е. была на 5½% ниже гамбургской цены». Читатель должен вспомнить, что здесь имеется в виду 4 ф. ст. 17 шил. в банкнотах, как я уже об'яснил. Но я не могу допустить безусловную точность этих данных. Экспортер унции золота, покупаемой у нас за 4 ф. ст. 12 шил., должен был бы ждать по меньшей мере три месяца, прежде чем он мог бы получить 4 ф. ст. 17 шил., так как после продажи золота в Гамбурге вырученная сумма переводится векселем сроком в 2 с половиной месяца, так что, учитывая проценты за этот срок, оказывается, что он получил бы только 4⅓% прибыли; но ввиду того, что расходы по пересылке золота в Гамбург составляют по имеющимся показаниям 7%, вексель был бы в это время на 2¾% более дешевым средством перевода денег. Допуская, что г. Бозанкет вполне точен в своем указании, что золото стоило у нас в течение июня, июля, августа и сентября 1809 г. точно так же как весной 1810 г.—4 ф. ст. 12 шил., и что во всех этих случаях указанная цена платилась за золото того же качества, его заключение, что в эти месяцы 1809 г. можно было, вывозя золото, получать прибыль сверх всех издержек в 5½%, не оправдывается фактами.

«Если при цене 101 и вексельном курсе 29,—замечает г. Бозанкет,—от вывоза золота отсюда в Гамбург получалась прибыль в 5½%, то отсюда следует, что при цене 104½

¹⁾ См. § 18, примечание.

(цены в Гамбурге в июне, июле, августе и сентябре 1809 г.) и вексельном курсе 28 шил. прибыль равнялась 12½%, или, вычитая расходы по пересылке, оказывается, что золото, покупаемое у нас по цене 4 ф. ст. 12 шил. за унцию, было на 5½% более дешевым средством перевода, чем вексель по текущему курсу». Так как, как я показал уже, при курсе 29 и цене на золото в Гамбурге 101, пересылка золота была бы на 2¾% более дорогим способом перевода, чем пересылка векселя, то при курсе 28 шил. и цене 104½, пересылка золота была бы дешевле лишь на 4¹/₄%.

Эти факты доказывают, что в июне, июле, августе и сентябре 1809 г., в то время как вексельный курс был в Гамбурге 28 шил., а золото стоило 104½, действительный вексельный курс был в пользу Гамбурга; весной же 1810 г. он был настолько менее благоприятен Гамбургу, что не покрывал даже расходов, связанных с вывозом золота.

Что касается повышения цены золота в Гамбурге при неизменяющемся вексельном курсе, то именно этого и следовало бы естественно ожидать, если имело место соответствующее повышение в цене золота у нас. Пропорционально тому, как английская валюта обесценивается по сравнению с золотом, она будет стоить меньше гамбургских шиллингов, если только повышение в ценности золота в Гамбурге не уравновесит это обесценение, повысив ценность золотого фунта стерлингов.

На вексельных курсах, в свою очередь, отразятся все колебания в ценности обесцененного фунта стерлингов, если цена золота в Гамбурге будет оставаться без изменения.

«Из отчетов отдела слитков при банке (№№ 7 и 8—приложений к докладу Комитета), явствует, что общее количество золота в слитках, ввезенного и депонированного в этом отделе в 1809 г., достигало по ценности только 520.225 ф. ст., и что за тот же период времени, количество золота, выданного из отдела, достигало по ценности 805.658 ф. ст., из какой суммы только 592 ф. ст. не подлежало вывозу.

Таким образом, размеры ввоза золота таковы, что по сравнению с общей суммой вывоза и ввоза товаров и количеством обращающихся денег, они оправдывают предположение о сравнительном недостатке денег, а перевес выдач золота над его ввозом служит достаточным свидетельством необычайного спроса на него».

Самый факт, на котором здесь настаивают, имел бы малозначения для рассматриваемого вопроса, но на мой взгляд заключения г. Бозанкета не подтверждаются данными отчетов, на которые он ссылается.

Перевес выдач над ввозом не служит еще каким-либо свидетельством необычайного спроса, так как он обясняется

следующим примечанием к отчету № 7, из которого взята большая из приводимых им двух цифр.

«Примечание. Вышеприведенная сумма указывает на количество золота, прошедшее через отдел слитков за указанное время, в качестве продаж и покупок частных торговцев, но возможно, что оно прошло через отдел больше одного раза, так как последний вообще не имеет сведений, откуда продавец приобретает свое золото».

Количества, ввезенные по отчету № 8, действительно доставляются импортерами из-за границы и могут быть получены только однажды. Помимо этого возражения, эти два отчета не могли быть сравниваемы, так как № 7 заканчивался 18 апреля 1810 г., а № 8 — 30 марта 1810 г.

«Эти факты имеют значение,—продолжает г. Бозанкет,— с точки зрения сравнения общего количества ввезенного или выданного золота с общим количеством бумажных денег, которые считаются обесцененными на основании данных о повышении цены слитков. Премия в 12 шил. за унцию со всего выданного в течение года количества золота, равнявшегося около 200.000 унций, достигает 120.000 ф. ст. или 130.000 ф. ст., и это считается безусловным признаком обесценения на 12 или 13% всех 30 или 40 млн. ф. ст. бумажных денег, составляющих вероятный размер нашего бумажного обращения». «Можно скоро ожидать, что нам скажут, что ценность банкнот увеличилась вследствие того, что бумага, на которой они отпечатаны, стала немного дороже, чем раньше».

Ценность банкнот определяется не числом совершенных сделок по покупке или продаже золота, а действительным отношением ценности банкнот к ценности монеты, которую они должны заменять.

Так как признано, что государственный банк может принудительно ввести в обращение бумажные деньги, хотя наш банк не может этого сделать, то как вычислил бы г. Бозанкет обесценение таких навязанных обращению банкнот иначе, как путем сравнения их ценности с ценностью слитков? Считал ли бы он нужным установить, совершено ли было сделок со слитками на 100 унций или на миллион? Если золото не является мерилом для установления обесценения валюты, то что же может быть таким мерилом? Пока покупка золотых гиней с уплатой лажа представляет уголовный проступок, нет вероятия, чтобы мы могли обладать тем единственным критерием, который только и мог бы удовлетворить этих господ, а именно двумя ценами на товары,—одной в золотых гинеях, а другой—

в банкнотах. Но и в этом случае они могли бы утверждать, что причиной повышения ценности гиней был недостаток золота за границей.

Отдел IV

Неудача перечеканки 1696 г., приписываемая теории г. Локка

§ 25. Г. Бозанкет правильно указывает, что теория г. Локка была аналогична нынешней теории. Локк несомненно защищал то положение, что унция серебра в монете не могла представлять меньше ценности, чем унция серебра в слитках, с одинаковым содержанием чистого металла. А Комитет о слитках утверждает теперь, что при здоровом состоянии британского денежного обращения унция золота в слитках не может в течение более или менее продолжительного времени иметь большую ценность, чем 3 ф. ст. 17 шил. 10½ пенс., т.-е. сумма, которая представляет ценность унции в монете; но ни мнение Локка, ни мнение Комитета пока еще не оказались неправильными. Результаты, ожидавшиеся от перечеканки в царствование короля Вильгельма, не осуществились в действительности не потому, что проводилась теория г. Локка, а именно потому, что она не проводилась. Она не удалась не потому, что Локка нельзя было убедить, что «ценность серебра в слитках стала больше, чем узаконенная или монетная цена» (это было бы невозможно при оценке на серебряную монету), а потому, что его предложения не были приняты.

§ 26. Г. Локк предложил, чтобы серебряная монета была признана единственной установленной законом денежной единицей, и чтобы гинеи (золотые) принимались во всех платежах по ценности содержащегося в них металла. При такой системе на гинее отражались бы все колебания в относительной ценности золота и серебра, она могла бы в один период времени стоить 20 шил., а в другой—25 шил.; но вопреки предположению г. Локка, ценность гинеи была сперва установлена в 22 шил., а затем в 21 шил. 6 пенс., между тем как ценность содержащегося в ней металла была значительно ниже¹⁾. В то же время серебряная монета, именно по той причине, что золото оценивалось слишком высоко, шла, как орудие обращения, ниже своей металлической ценности.

1) Можно сказать, что хотя закон воспрещал, чтобы гинеи шли за большую цену, чем 21 шил. 6 пенс., они были объявлены законным платежным средством не ранее, чем в 1717 г., а потому никто не обязан был принимать их в погашение долга по этой цене. Но если правительство принимало их в уплату налогов по такой цене, то последствия были бы почти те же, как если бы они были признаны парламентским актом законным платежным средством.

ской ценности. Поэтому следовало ожидать, что золотая монета удержится, а серебряная исчезнет из обращения. Если бы ценность гинеи, как орудия обращения, была понижена до ее действительной рыночной ценности на серебро, то вывоз серебряной монеты немедленно прекратился бы, и именно эта мера и была в конце концов принята. Когда этот вопрос был передан в 1717 г. на рассмотрение сэра Ньютона, бывшего тогда начальником монетного двора, он наложил такую резолюцию: «главной причиной вывоза серебряной монеты было то, что гинея, шедшая тогда за 21 шил. 6 пенс., стоила в среднем, соответственно относительной рыночной ценности золота и серебра, не больше, чем 20 шил. 8 пенс., хотя иногда ее ценность колебалась». «Он предлагал затем, чтобы цена гинеи была понижена на 6 пенс., с тем чтобы уменьшить соблазн вывоза и переплавки серебряной монеты, признавая, однако, в то же время, что для того, чтобы ценность золотой монеты имела в Англии ту же пропорцию в отношении серебряной монеты, которую она должна иметь соответственно торговому и вексельному курсу Европы,— следовало бы понизить цену гинеи на 10 или 12 пенсов»¹).

Те же последствия наступили бы без вмешательства правительства, если бы относительная ценность золота и серебра на рынке так изменилась, что совпала бы с установленными монетным двором пропорциями.

§ 27. Лорд Ливерпуль, говоря о перечеканке в 1696 г., высказывает мнение совершенно отличное от мнения г. Бозанкета; он не только не считает, что эта мера «принесла народу разочарование и неудобства; от которых мы и теперь еще страдаем, и вызвала бесплодный расход почти в 3 млн. ф. ст.», но, напротив, замечает, что «хотя эти тяготы и были велики, потери, которые продолжало все время нести как правительство, так и народ этого королевства, пока перечеканка не была закончена, оправдывали почти всякий расход, который мог бы быть произведен для их устранения»².

Г. Бозанкет не вполне прав, говоря на стр. 34, что цена серебра никогда не была ниже монетной цены со времени перечеканки в царствование короля Вильгельма. По справке с таблицами г. Мушета, оказывается, что она понизилась до 5 шил. 1 пенс. в 1793 и 1794 гг., а в 1798 г. пала до 5 шил., что и вызвало упомянутый уже мною закон, воспретивший чеканку серебра³.

¹⁾ Письмо лорда Ливерпуля к королю (*A Treatise on the Coins of the Realm*, p. 71).

²⁾ *A Treatise on the Coins of the Realm*, p. 76.

³⁾ После того, как эти строки были отосланы в печать, я видел 2-е издание работы г. Бозанкета, в котором эта неточность исправлена.

; ГЛАВА IV {

РАССМОТРЕНИЕ ВОЗРАЖЕНИЙ Г. БОЗАНКЕТА НА УТВЕРЖДЕНИЕ КОМИТЕТА О СЛИТКАХ О ТОМ, ЧТО ПЛАТЕЖНЫЙ БАЛАНС ВЕЛИКОБРИТАНИИ БЫЛ ПОЛОЖИТЕЛЬНЫМ

§ 28. Рассмотрев все те пункты, которые на взгляд г. Бозанкета являются столь существенными для опровержения мнения Комитета о том, «что факт обесценения обращающихся денег может быть установлен путем сравнения рыночной и монетной цены слитков», и показав, как я надеюсь, очевидность того, что нет другого критерия, с помощью которого мы могли бы судить о здоровом или нездоровом состоянии нашего бумажного обращения, я перейду теперь к рассмотрению следующего оспариваемого положения Комитета, а именно: «что поскольку можно судить по таможенным сводкам о вывозе и ввозе, состояние вексельных курсов должно было бы быть особенно благоприятным».

Г. Бозанкет потратил не мало труда на исследование многочисленных документов для доказательства того, что Комитет не только допустил ошибку в 7.500.000 ф. ст. в своей оценке баланса вывоза, но сделал и много других ошибок еще на большую сумму; и что его мнение о том, что состояние вексельных курсов за последний год должно было бы быть благоприятным для нашей страны, не только не обосновано, но что, в действительности, сумма платежей континенту была необычайно велика.

Так как я хочу лишь защитить основные положения, выдвинутые Комитетом, и так как эти факты отнюдь не являются существенными для обоснования этих положений, я не стану входить в обсуждение правильности ни утверждений Комитета, ни возражений г. Бозанкета, а сразу же соглашусь со всеми выдвинутыми им фактами, как бы трудно ни было для него доказать их.

§ 29. Что платежный баланс был не в нашу пользу, этого, я полагаю, нельзя оспаривать. Об этом достаточно свидетельствует состояние действительного вексельного курса, так как последний безошибочно указывает на то, из какой страны происходит вывоз слитков. Но тем, кто желает ясно понять этот трудный вопрос, дало бы некоторое удовлетворение, если бы г. Бозанкет ознакомил их с теми средствами, которые находились в нашем распоряжении для уплаты по исчисляемому им весьма неблагоприятному для нас балансу. Воображает ли он, что мы действительно расплатились по нему нашими запасами золота? Разве мы обычно

храним неиспользованным такое большое количество слитков, чтобы мы могли платить по таким балансам из года в год?

Так как у нас нет своих собственных рудников, то если мы сами не имеем этого золота, мы должны приобретать его за границей; но банкноты бесполезны для этой цели. Будет ли цена золота в банкнотах 4 ф. ст. за унцию, или 10 ф. ст., — мы ни на иоту не увеличим нашего количества слитков, так как их мы можем приобрести лишь путем вывоза товаров. Если, например, мы получаем их из Америки, то мы должны платить за них товарами. В этом случае, имея в виду совокупную торговлю нашей страны, мы уплатили долг Европе, вывозя товары в какую-либо другую часть света, и платежный баланс, как бы велик он ни был, должен быть в конечном счете оплачен продуктом труда народа нашей страны. Бекселя никогда не погашают долга одной страны другой; они уполномачивают лишь кредитора Англии на получение в том месте, где он живет, известной суммы денег от должника Англии: они производят перенос долга, но не погашают его. Что спрос на золото (если допустить, что наш кредитор согласится принять в уплату только золото) может вызвать повышение его ценности, этого никто не отрицает. Если бы поэтому товары стали чрезвычайно дешевы, то это могло бы быть естественным последствием такой причины. Но как может какое бы то ни было повышение цены золота в банкнотах облегчить приобретение его, хотя бы мы предположили, что запасы его находятся в самой Англии?

Продавца не удастся обмануть 'повышением номинальной ценности; для него будет представлять мало значения, продает ли он свое золото по 3 ф. ст. 17 шил. 10½ пенс., или по 4 ф. ст. 12 шил. за унцию, если только и та и другая сумма дадут ему возможность приобрести те товары, на которые он, в конечном счете, намерен обменять свое золото. Если, поэтому, банкноты на сумму 3 ф. ст. 17 шил. 10½ пенс. будут иметь теперь такую же покупательную силу для приобретения товаров, которые он желает купить, как раньше имели 4 ф. ст. 12 шил., то за первую цену можно будет приобрести такое же количество золота, как раньше за вторую. Но можно ли отрицать, что, сокращая количество банкнот, мы повысим их ценность? Если это так, то каким образом сокращение количества банкнот может помешать нам приобрести такое же количество золота как внутри страны, так и за границей, для погашения нашего иностранного долга, какое мы теперь приобретаем по номинальной и фиктивной цене?

§ 30. «В тот момент,—говорит г. Бозанкет,—когда мы вынуждены были получать зерно, даже от нашего врага,

без малейших выгод для нашего собственного производителя и должны были платить нейтральным странам за доставку его, г. Рикардо говорит, что вывоз слитков и товаров, в уплату за ввозимое нами зерно, есть всецело вопрос выгоды, и что если мы отдаём монету в обмен за товары, то мы делаем это по нашему выбору, а не по необходимости. В то время как мы стараемся защищать нашу страну от голода, он говорит нам, что мы не должны ввозить товаров больше, чем мы вывозим, если только наше денежное обращение не чрезмерно».

Г. Бозанкет говорит так, как если бы страна ввозила зерно и вывозила золото коллективно, как целое, и была вынуждена делать это вследствие голода, не считаясь с тем, что ввоз зерна, даже в предполагаемом им случае, является актом отдельных лиц и основан на тех же мотивах, как и все прочие отрасли торговли. Какова степень принуждения, заставляющая нас получать зерно от нашего врага? Я думаю, что это принуждение не может быть нечем иным, как потребностью в этом товаре, благодаря которой он становится выгодным предметом ввоза; но если это добровольная, — какой она именно и является, — а не вынужденная сделка между двумя странами, то я все же держусь того взгляда, что мы не отдавали бы Франции золота в обмен на зерно, даже если бы среди нас свирепствовал голод, если бы вывоз золота не был выгоден экспортёру, и если бы он не мог продать зерно в Англии за большее количество золота, чем то, которое он должен был уплатить за приобретение его.

Стал ли бы г. Бозанкет или какой-либо из известных ему купцов ввозить зерно за золото на каких-либо других условиях?

Если ни один импортёр не стал бы этого делать, то каким путем могло бы зерно попасть в нашу страну, если бы золото или какой-нибудь другой товар не был здесь дешевле? Поскольку речь идет об этих двух товарах, не указывают ли эти сделки с несомненностью на то, что золото дороже во Франции, а зерно в Англии?

Не находя, таким образом, чтобы возражение г. Бозанкета заставило меня изменить мое мнение, я продолжаю думать, что только выгода, и одна лишь выгода, вызывает вывоз золота, точно так же как она регулирует вывоз всех других товаров. Г. Бозанкет поступил бы хорошо, если бы он прежде чем утверждать, что этот взгляд столь парадоксен, представил бы какие-нибудь доказательства этого; он не повредил бы своему делу, если бы он обяснил, хотя бы в 1810 г., по каким соображениям он поддерживал принцип, выдвинутый г. Торntonом в 1802 г., правильность которого оспаривалась в 1809 г.

Слитки не будут вывозиться, если мы заранее не ввезли их с целью вывоза, или если вследствие каких-либо обстоятельств в нашем внутреннем обращении они не стали дешевы и менее полезны для нас. Если миланские декреты, запрещения вывоза, акты о прекращении сношений¹⁾ и т. д. влияют на вывоз товаров, то они также влияют и на их ввоз, так как никакая страна не может в течение продолжительного времени покупать, если она в то же время не продает, и менее всего Англия, которая, благодаря изобилию бумажных денежных знаков, совершенно изгнала из своего обращения всякий след драгоценных металлов.

«Если деньги обесценены и стоят ниже ценности золота,— говорит г. Бозанкет,—то это обесценение является не относительным, а абсолютным, а потому оно должно одинаково отразиться на всех вексельных курсах страны» (стр. 20). Совершенно верно, а потому, если бы г. Бозанкет мог доказать, что по отношению хоть к какой-либо стране в мире, валюта которой не упала и не обесценена, Англия имеет благоприятный ей вексельный курс, уклонение которого от паритета превышает расходы по пересылке слитков, то он успешно опроверг бы мнение Комитета о слитках.

§ 31. Некоторые талантливые писатели по этому вопросу в последнее время, повидимому, усвоили себе ошибочный взгляд на вывоз денег и на влияние, оказываемое на цену слитков увеличением бумажного денежного обращения. Г. Блэк²⁾ замечает: «Все известные мне писатели по вопросам политической экономии, повидимому, убеждены, что когда уровень вексельного курса отклоняется от паритета больше, чем на сумму расходов по пересылке слитков, то последние станут тотчас же ввозиться в эту страну; это заблуждение возникло вследствие недостаточного понимания разницы между действительным вексельным курсом и номинальным». Блэк посвящает, далее, много страниц доказательству того, что при всяком увеличении бумажного обращения, даже если значительная часть всего денежного обращения страны состоит из драгоценных металлов, цена слитков повысится в той же пропорции, что и цена других товаров, и что, так как иностранный вексельный курс в такой же степени номинально понизится, то не будет никакой выгоды вывозить слитки. Это же мнение поддерживается г. Гескиссоном на стр. 27.

1) Здесь имеются в виду наполеоновские декреты, воспрещавшие торговые сношения с Англией, установленная им «континентальная система».—Примечание переводчика.

2) Francis Blake.—Observations on the Principles which regulate the course of Exchange.

«Если бы денежное обращение какой-нибудь страны состояло частью из золота, а частью из бумаги, и общее количество его было бы удвоено вследствие увеличения количества бумаги, то влияние на цены внутри страны было бы такое же, как и в первом случае» (т.-е. имело бы место повышение товарных цен).

«Но так как золото вследствие этого увеличения денежного обращения не стало бы более обильным в этой стране, чем в других частях света, то его относительная ценность, как товара, в сравнении с другими товарами не изменилась бы; равным образом его цена, как товара, повысилась бы в такой степени, как цены других товаров, хотя бы в виде монеты, нарицательная стоимость которой установлена законом; оно (т.-е. золото); могло бы обращаться только по этой нарицательной стоимости.

Поэтому, когда в какой-либо стране происходит увеличение бумажного обращения, то из нее начинается вывоз золотой монеты; не потому, чтобы золота, как товара, стало больше, и оно поэтому стало бы менее ценно по сравнению с другими товарами в этой стране, а потому, что в то время как его ценность в форме денег оставалась бы прежней, его цена, выраженная в этих же самых деньгах, повысилась бы наравне с ценами всех других товаров».

Я вполне согласился бы с этими писателями в том, что именно так повлияло бы на ценность золота как предмета вывоза, увеличение бумажного обращения, но с той оговоркой, что эти последствия наступили бы только в том случае, если бы все денежное обращение состояло целиком из бумаги; но цена слитков не повысилась бы вследствие увеличения бумажного обращения, если бы денежное обращение было или целиком металлическим, или состояло отчасти из золота и отчасти из бумаги.

В последнем случае, при увеличении количества бумажных знаков, ценность денег вообще уменьшилась бы, т.-е., другими словами, повысились бы цены на все товары, исчисленные как в золотой монете, так и в бумажных знаках. Тот же самый предмет стоил бы после увеличения количества бумажных знаков большее число единиц золотой монеты, так как в обмен за него давали бы большую сумму денег. Но указанные авторы не оспаривают факта переплавки монеты в слитки, несмотря на воспрещение закона. Не следует ли отсюда поэтому, что ценность золота в монете и ценность его в слитках быстро уравнялась бы?

Если бы, таким образом, какой-либо предмет продавался после выпуска бумажных денег за большее количество золотой монеты, то он продавался бы также и за большее количество золотых слитков. Поэтому неверно, если говор-

рят, что относительная ценность золотых слитков и товаров оставалась бы без изменения и после увеличения количества бумажных денег.

Уменьшение ценности золота по сравнению с товарами вследствие выпусков бумажных знаков в стране, в которой золото составляет часть всего денежного обращения, сперва ограничено только пределами этой страны. Если бы эта страна была совершенно изолирована и не вела никакой торговли с какой-либо другой страной, то это уменьшение ценности золота продолжалось бы до тех пор, пока спрос на золото для промышленных целей не извлек бы из обращения всех золотых монет, и только тогда, и не раньше, наступило бы какое-либо видимое обесценение в ценности бумажных денег по сравнению с золотом, каково бы ни было количество бумажек, бывшее в обращении. Как только золото было бы совершенно извлечено из обращения, а спрос на него для целей производства продолжался бы, оно стало бы выше ценности бумажных денег и вскоре приобрело бы такую же ценность по отношению к другим товарам, какую оно имело до увеличения денежного обращения, благодаря выпускам бумажных знаков. Тогда рудники стали бы поставлять требуемое количество золота, и бумажные деньги продолжали бы обесцениваться. До этого момента нельзя было бы эксплуатировать золотые рудники такой страны, если она имела таковые, из-за низкой ценности золота, которая понизила бы прибыль на капитал, помещенный в этих рудниках, ниже уровня прибыли в других торгово-промышленных предприятиях. Но как только это равенство прибылей было бы восстановлено, добыча золота стала бы столь же регулярной, как и раньше. Таковы были бы последствия больших выпусков бумажных денег в стране, не имевшей торговых сношений с какой-либо другой страной.

Но если бы эта предполагаемая страна, как в случае с Англией, имела сношения со всеми другими странами, то всякий излишек в ее денежном обращении неминуемо вызвал бы вывоз звонкой монеты, и если бы этот излишек не превышал количества монеты, находившейся в обращении, которое могло бы легко быть извлечено лицами, обходящими закон, то не наступило бы никакого обесценения денег.

Допустим, что Англия имеет 1000 унций золота в виде слитков и 1000 унций в виде монеты и что ее вексельный курс на другие страны стоит на паритетете, т.-е. что ценность золота за границей точно такая, как и у нас, а потому нет выгода ни вывозить, ни ввозить его.

Допустим, также, что Английский банк выпустил бы при этих условиях банкнот на сумму, равную по ценности еще 1000 унциям золота, и что они не подлежали бы обмену

на звонкую монету. Если бы слитки в Англии сохранили ту же ценность после этого выпуска бумажных знаков, какую они имели и до него (что и составляет предмет спора), то как могла бы быть вывезена хотя бы одна гинея? Кто взял бы на себя труд и риск пересылки гинеи на континент с тем, чтобы они были проданы там по ценности содержащегося в них металла, в то время как у нас ценность слитков стояла бы так же высоко, как и прежде, а потому они продавались бы у нас по той же цене, что и за границей?

Разве не стали бы при таких условиях переплавлять монету и продавать ее в виде слитков внутри страны, пока ценность слитков в этой стране не понизилась бы по отношению к ценности слитков в других странах, и стало быть, и по отношению к ценности товаров у нас настолько, что можно было бы покрыть издержки по пересылке слитков, или, другими словами, пока вексельный курс не упал бы до такого уровня, при котором он оплачивал бы эти издержки?

При такой цене все 1000 уиций целиком ушли бы из обращения, или если бы часть их осталась в обращении, то они обладали бы не меньшей ценностью, чем равное по весу количество золота в слитках. При этом я все время предполагаю, что закон не мог бы воспрепятствовать вывозу золота, а если бы стали утверждать, что этот закон мог бы строго проводиться, то это возражение было бы одинаково применимо и в том случае, если бы увеличение денежного обращения было произведено путем чеканки новых золотых монет, а не посредством выпуска бумажных знаков.

Итак, ясно, во-первых, что вследствие увеличения количества бумажных знаков при денежном обращении, состоящем частью из золота, а частью из бумаги, золото в слитках не возрастет в цене непременно в такой же степени, как другие товары; и, во-вторых, что это увеличение денежного обращения вызовет падение не номинального, а действительного вексельного курса, а потому золото будет вывозиться.

Но вернемся к г. Бозанкету. Он замечает, «что указанные три положения», т.-е. те, которые были здесь мною подробно разобраны, «повидимому, были выдвинуты Комитетом о слитках, точно также как и авторами, на теориях которых основан доклад Комитета, с целью привести к заключению об обесценении бумажного обращения нашей страны, так как в противном случае никак нельзя было бы иначе об'яснить причину падения вексельных курсов и повышения цены на слитки. Таким образом, эту аргументацию можно назвать отрицательной».

Но что касается меня, являющегося одним из упомянутых авторов, то г. Бозанкет неправ: третье из указанных

положений выдвинуто, во всяком случае, не мною, так как, на мой взгляд, вопрос о том, склоняется ли платежный баланс в нашу пользу или против нас, играет лишь незначительную роль для доказательства правильности защищаемой мною теории. Составляло ли золото часть нашего вывоза или часть нашего ввоза—это не имеет ни малейшего значения для рассматриваемого вопроса; совершенно несомненно, что ни мы сами, ни иностранцы не оценивают наших обращающихся денег по их металлической ценности. Но почему же наши деньги обесценены в большей степени по сравнению с металлом, чем деньги Америки, Франции, Гамбурга, Голландии и т. п.? Ответ заключается в том, что ни одна из этих стран не имеет бумажных денег, не подлежащих размену на звонкую монету по требованию держателей.

* ГЛАВА V (*)

РАССМОТРЕНИЕ ДОВОДОВ Г. БОЗАНКЕТА В ДОКАЗАТЕЛЬСТВО ТОГО, ЧТО АНГЛИЙСКИЙ БАНК НЕ ИМЕЕТ ВОЗМОЖНОСТИ ПРИНУДИТЕЛЬНО ВВОДИТЬ БАНКНОТЫ В ОБРАЩЕНИЕ

§ 32. Перейдем теперь к обсуждению четвертого положения, выдвинутого Комитетом:

«Что Английский банк в течение периода прекращения размена на звонкую монету обладает исключительной властью ограничивать обращение банкнот».

Трудно определить, думает ли г. Бозанкет, что даже принудительное бумажное обращение не может вызвать понижения вексельного курса,—так уверенно утверждает он, что нет никакой связи между состоянием вексельных курсов и количеством банкнот. Если бы Английский банк стал действительно государственным банком в том смысле, в каком г. Бозанкет иногда употребляет этот термин; если бы он выпускал всю сумму денег, потребных для обращения в течение года; если бы он увеличил количество своих банкнот с 20 млн. до 50 млн.—то разве было бы неправильно сказать, что такой банк навязывает обращению бумажные деньги? И разве не было бы последствием такого принудительного бумажного обращения повышение цены слитков и падение иностранных вексельных курсов? Не наступили ли бы эти последствия, несмотря на то, что правительство гарантировало бы эти банкноты, и никто не сомневался бы в том, что они будут в конечном счете оплачены? Не вызвало ли бы уже само по себе изобилие денег их обесцене-

ния? Итак, можно ли утверждать, что никакое обилие бумажных знаков не может вызвать обесценения денег, если только их окончательный выкуп находится вне сомнения?

Настолько парадоксальное предположение едва ли, я думаю, может кем-либо поддерживаться, а потому нужно признать, что обесценение денег может быть вызвано одним только обилием бумажных знаков, как бы ни велики были фонды тех, кто выпускает их. Но так как эти симптомы, характерные для принудительного бумажного обращения, в настоящий момент слишком очевидны, чтобы их можно было отрицать, и так как их нельзя иначе никак об'яснить ни с помощью теории, ни при помощи практики, то не правы ли мы в наших предположениях, что Английский банк, при его настоящей организации, не так уж лишен возможности навязывать обращению бумажные деньги, как в этом хотели бы нас уверить его друзья? Однако, этими словами—принудительное обращение—мы не хотим сказать, что банк отступил от тех мер предосторожности, к которым он обычно прибегал при выпуске своих бумажных знаков; мы хотим этим лишь сказать, что закон о прекращении платежей звонкой монетой дает ему возможность поддерживать в обращении большее количество бумажных знаков (принимая во внимание и находящуюся в обращении звонкую монету), чем какое могло бы существовать при отсутствии такого закона. Именно этот излишек и вызывает, на мой взгляд, совершенно те же последствия, как если бы он был принудительно навязан публике государственным банком. Указание на то, что денежных знаков выпускается не больше того количества, которое соответствует потребностям торговли, не имеет значения, так как невозможно определить ту сумму, которая именно соответствует этим потребностям. Торговля ненасытна в своих требованиях, и при одинаковом размере своем она может поглотить как 10, так и 100 млн. орудий обращения; количество последних определяется всецело их ценностью. Если бы рудники были в 10 раз более производительны, то та же самая торговля поглотила бы в десять раз больше денег.

Г. Бозанкет признает это, но он отрицает аналогию между выпусками банкнот и добычей нового золотого рудника.

§ 33. По этому вопросу г. Бозанкет делает следующие замечания:

«Г. Рикардо уподобил Английский банк в течение периода прекращения размена, поскольку речь идет о последствиях, вызываемых выпуском его банкнот, золотому руднику, продукт которого, будучи брошен в обращение в добавление к уже достаточному количеству орудий обращения,—является излишком и, как общепризнано, влечет за собой обес-

ценение существующего орудия обращения, т.-е., другими словами, вызывает рост цен на товары, на которые это орудие обычно обменивается.

Но г. Рикардо не указал при этом того, что именно существенно в этом сравнении, а именно того, почему открытие нового золотого рудника вызвало бы эти последствия.

Эти последствия наступили бы потому, что золотопромышленники, добывая новые количества золота и пуская его в обращение, не интересуются тем, на какие нужды оно идет, и не дают никаких обязательств его приобретателям вернуть им впоследствии за него такую же ценность, а также не имеют ни желания, ни возможности изъять из обращения и аннулировать то количество золота, которое они выпустили. Постепенно, по мере поступления в обращение новых запасов золота, его количество начинает превышать потребности обращения; золото само по себе не дает никаких выгод его держателям; его нельзя есть, в него нельзя одеться; чтобы извлечь из него какую-нибудь пользу, его необходимо обменять либо на такие предметы, которые непосредственно полезны, либо на такие, которые приносят доход. Поэтому спрос, а стало быть, и цены на товары и об'екты собственности, измеряемые в золоте, растут и будут продолжать расти до тех пор, пока рудник будет давать новые количества золота. Эти последствия будут совершенно одинаковы, выпускается ли в обращение, при предположенных мною условиях, золото из рудника или бумажные деньги из государственного банка. Все это я определенно допускаю, но в этом нет ни одного пункта аналогии с эмиссиями Английского банка. Последний выпускает свои банкноты по принципу займа. всякая банкнота выпускается по чьему-либо требованию, и получивший ее становится должником банка на ее сумму и обязуется вернуть эту банкноту или другую, равной ценности, в установленный и не весьма отдаленный срок, платя проценты пропорционально продолжительности срока этого займа».

§ 34. Но предположим, что золотой рудник является действительно собственностью банка и даже расположен на его земельном участке, и что банк чеканит добываемое из этого рудника золото в гинеи и, учитывая векселя или ссудяя деньги правительству, вместо выпуска банкнот выпускает в обращение исключительно только гинеи; тогда возникает вопрос—что же может положить предел дальнейшим выпускам этих гинеев, кроме исчерпания производительности принадлежащего банку рудника? В чем была бы разница, принадлежал ли бы этот рудник королю, компании купцов или частному лицу? В этом случае г. Бозанкет допускает, что ценность денег упала бы, и я думаю, что он должен был бы

признать, что она упала бы в точной пропорции к увеличению их количества. Что стал бы делать с золотом собственник рудника? Он должен был бы либо сам извлекать из него проценты, либо оно попало бы в конечном результате в руки тех, которые сумели бы дать ему это применение. Таково его естественное назначение; оно может пройти через руки 100 или 1000 лиц, но в конечном счете оно не может быть употреблено иначе. Итак, если бы, благодаря добыче рудника количество денег удвоилось, то их ценность в такой же пропорции понизилась бы, а стало быть, удвоился бы и спрос на них. Купцу которому раньше нужен был заем в 10 тыс. ф., потребовалось бы теперь 20 тыс. ф., и для него имело бы мало значения, продолжал ли бы он совершать заем в 10 тыс. ф. у банка, а остальные 10 тыс. ф. занимал бы у тех, к кому деньги попали бы в конечном счете, или занимал бы все 20 тыс. ф. прямо у банка. На мой взгляд здесь аналогия полная и не допускает возражений. Выпуск бумажных знаков, не подлежащих размену на звонкую монету, основан на тех же началах и сопровождается теми же последствиями, как если бы банк, будучи собственником рудника, не выпускал в обращение ничего, кроме золота. Но как бы ни увеличивались запасы золота, потребности заемщиков росли бы в таком же размере вследствие его обесценения,—и то же правило одинаково верно и по отношению к бумажным деньгам. Стдит только деньгам в достаточной степени обесцениться, и их может быть поглощено любое количество, причем не будет ни малейшей разницы, покупает ли действительно банк сам товары за свои банкноты, или он учитывает векселя тех, кто обменивает эти банкноты на товары.

Если допустить, как предполагает г. Бозанкет, что обращение может поглотить только определенную сумму денег и не более, то действительно имели бы место те последствия, о которых он говорит; но я отрицаю, чтобы мог существовать излишек денег, который тщетно искал бы выгодного помещения и, не найдя такового, по необходимости вернулся бы обратно в кассу банка, в уплату за ранее учтенный вексель или уменьшил бы на эту сумму требования, поступающие в банк, о выдаче денежных авансов.

Если бы деньги могли сохранять свою ценность, сколько бы их ни выпускалось, то последствия могли бы быть гавковы, но раз поступив в оборот, деньги, тем самым, вызывают свое собственное обесценение,—явившаяся вследствие этого возможность использования добавочной суммы удерживает ее в обращении. Вернемся к рассмотрению последствий, которые вызвало бы учреждение пользующегося безукоризненным кредитом банка в стране с исключительно металлическим обращением. Такой банк стал бы учитывать

векселя или выдавать авансы правительству, как это делает наш Английский банк; и если положение, ныне защищаемое г. Бозанкетом, правильно, то выпускаемые таким банком билеты тотчас же по необходимости вернулись бы к нему обратно, так как вследствие того, что металлическое обращение, существовавшее до основания такого банка, было вполне достаточно для потребностей торговли, то никакое дополнительное количество денег не могло бы найти себе применения. Но это противоречит как теории, так и опыту. Эмиссии банка не только обесценили бы тогда, что наблюдается и в настоящее время, обращающиеся деньги страны, но и вызвали бы в то же время падение ценности слитков, как я уже старался показать в § 31, а это, в свою очередь, дало бы толчок к вывозу золота и,—в результате уменьшения количества денег,—вновь вернуло бы им их прежнюю ценность. Банк выпустил бы новую партию банкнот, и опять наступили бы те же последствия, но никогда не было бы такого избытка их, который побудил бы их держателей вернуть их обратно в кассу банка в погашение ссуд, если бы даже закон, воспрещающий вывоз денег, мог действительно проводиться на практике. Деньги были бы в спросе потому, что их можно было бы с выгодой вывозить, а не потому, что они не могли бы быть поглощены обращением. Но предположим такой случай, когда деньги не могли бы вывозиться с выгодой. Предположим, что все европейские страны поддерживали бы свое денежное обращение с помощью драгоценных металлов, и что в каждой из них одновременно был бы учрежден банк на тех же основаниях, что и Английский банк. Могли бы в таком случае эти страны или не могли бы добавить каждая к своему металлическому обращению известную сумму бумажных денег и постоянно сохранять эти бумажные деньги в обращении? В случае утвердительного ответа, вопрос был бы исчерпан, так как это означало бы, что можно увеличить денежное обращение страны, и без того достаточно для ее потребностей, не вызывая возвращения банкнот в кассу банка в уплату за старые векселя. Если же скажут, что этого нельзя было бы сделать, то я обращаюсь к свидетельству опыта и прошу об'яснить, каким путем банкноты первоначально появились и как они постоянно удерживаются в обращении. Было бы довольно затруднительно проследить во всех ее последствиях аналогию между первоначальным учреждением банка, открытием рудника и нынешним состоянием нашего Английского банка; однако, в одном я вполне уверен, а именно, что если положение, защищаемое директорами Английского банка, верно, то ни одна банкнота не могла бы постоянно удержаться в обращении, а также, что открытие американских россы-

пей не прибавило бы ни одной гинеи к денежному обращению Англии, ибо согласно этой теории, добавочное количество золота натолкнулось бы на денежное обращение, уже вполне достаточное для нужд страны, а потому и было бы вытеснено из обращения.

§ 35. Отказ учитывать какие-либо векселя, кроме тех, которые основаны на сделках *bona fide*, имел бы весьма мало значения для ограничения обращения, так как, если бы даже директора банка имели возможность распознавать такие векселя, которые никоим образом нельзя допустить к учету, в обращение все же могло бы поступить количество бумажных денег, превышающее если не потребности торговли, то то количество, которое могло бы оставаться в обращении, не подвергаясь обесценению. Хорошо известно, что одна и та же 1 тыс. фунтов может урегулировать 20 *bona fide* сделок за один день. Эта сумма может служить платой за судно; продавец судна может расплатиться с ее помощью со своим поставщиком канатов; последний, в свою очередь, может уплатить такую же сумму русским купцам за пеньку и т. д. и т. д. Но так как каждая из этих сделок является сделкой *bona fide*, то для ликвидации расчетов по каждой из них мог бы быть выписан соответствующий вексель, и банк согласно своим правилам, мог учесть все эти векселя, так что вместо 1 тыс. ф., достаточных для урегулирования всех этих сделок, в обращение поступило бы 20 тыс. ф. Мне известно, что д-р Смит, которого цитирует г. Бозанкет, повидимому, высказывает в пользу его мнения, но этот талантливый автор в разных местах своей работы и, в частности, на тех немногих страницах, откуда приводят выдержки г. Бозанкет, неоднократно заявлял, что «общее количество денег всякого рода, могущее свободно обращаться в какой-либо стране, никогда не может превышать ценности золота и серебра, которые оно замещает или которые (предполагая что размер торговли оставался бы тем же самым) обращались бы, если бы не было бумажных денег».

Этот критерий мы не¹⁾ должны применять к нашему обращению. Если бы при его нынешнем количестве, оно состояло из золота и серебра, то никакие законы, как бы строги они ни были, не могли бы удержать денег в стране; часть их переплавлялась и вывозилась бы до тех пор, пока их количество не уменьшилось бы до надлежащего уровня. Но при этом уровне стало бы невозможным добиться их вывоза. В этом случае мы не слыхали бы больше ни о том, что пла-

1) *Sic*. Повидимому, однако, здесь мы имеем дело с опиской: вместо «*not*» (не) должно быть «*now*» (теперь).—Примечание редактора английского издания, проф. Гоннера.

тежный баланс неблагоприятен нам, ни о необходимости вывоза золота в обмен на зерно. Что таковы были бы последствия, в этом не приходится сомневаться тем, которые хорошо знакомы с трудами д-ра Смита. Но если бы было иначе, если бы континент усвоил почти немыслимую, абсурдную политику, стремясь покупать еще более того, чего там было бы и без того слишком много (т.-е. золота.—Ред.), то какие могли бы наступить для нас нежелательные последствия, даже если бы наше денежное обращение уменьшилось до уровня, на котором оно находилось перед открытием Америки? Не было ли бы это скорее выгодно для нас? Ибо, в виду того, что прежних размеров торговля велась бы с помощью меньшего количества золота, остаток баланса мог бы быть с выгодой употреблен для обмена на более полезные и более производительные товары. А если бы бумажное обращение было сокращено в такой же пропорции, то не поступила ли бы прибыль, ныне получаемая Английским банком, в пользу тех, которые имеют на нее гораздо больше права? Нужно считать весьма счастливым обстоятельством для общества, что банк не весьма склонен учитывать векселя,—о чем упоминает г. Бозанкет,—так как, если бы не было такого тормоза, то трудно сказать, каких размеров достиг бы у нас к настоящему времени выпуск бумажных денег. И действительно, у всех, кто задумывался над этим вопросом, должно вызвать изумление, что наше обращение не вышло из столь скромных пределов, после того что мы знаем о принципах, которыми руководствуются, по их собственному признанию, директора Английского банка при своих эмиссиях.

¹) ГЛАВА VI (

ЗАМЕЧАНИЯ О РУКОВОДЯЩИХ НАЧАЛАХ ДЛЯ ВЗИМАНИЯ ПЛАТЫ ЗА ЧЕКАНКУ

§ 36. Д-р Смит, хотя и высказывающийся в пользу взимания небольшой платы за чеканку, вполне сознавал те отрицательные последствия, которые вызвали бы установление большой платы за нее.

Эта плата не может с выгодой превышать границ, определяемых размером действительных издержек, связанных с превращением слитков в монету. Если плата за чеканку превышает эти издержки, то станет выгодным ремесло фальшивомонетчиков, выпускающих поддельные монеты, хотя бы они и делали их из металла надлежащего веса и качества; но даже и в этом случае, так как увеличение денежного обращения сверх нормальных потребностей торговли умень-

шил ценность денег, фальшивомонетчикам придется бросить свое ремесло, как только ценность монеты будет превышать ценность слитков не более, чем на сумму действительных расходов по чеканке. Если бы общество могло быть гарантировано от таких незаконных увеличений общего количества орудий обращения, то не было бы границ для установления правительством с выгодою для себя высокой платы за чеканку, так как ценность чеканной монеты была бы на эту сумму выше ценности слитков. Если бы эта плата равнялась 10%, то цена слитков неизбежно была бы на 10% ниже монетной цены, а если бы она составляла 50%, то на столько же ценность монеты превышала бы ценность слитков. Таким образом, хотя ценность определенного количества золота в слитках никогда не может превысить ценности такого же количества золота в монете, но золото в монете может быть выше по ценности, чем равное количество золота в слитках, на всю сумму расходов по чеканке, как бы высока ни была плата за чеканку, при том непременном условии, что существует действительная гарантия против увеличения количества денег путем выпуска фальшивых монет. А если бы такой гарантии не было, то ремесло фальшивомонетчиков перестало бы быть прибыльным, как только благодаря им количество обращающихся монет настолько увеличилось бы, что их ценность не превосходила бы ценности слитков более, чем на сумму действительных издержек по их перечеканке. Что эти основные правила верны,—может быть доказано рассмотрением обстоятельств, определяющих ценность банкнот. Банкнота имеет не более внутренней ценности, чем тот клочок бумаги, на котором она отпечатана. Ее можно рассматривать как денежный знак, за отпечатание которого взимается чудовищная сумма, равная всей его ценности; и, однако, если только общество в достаточной мере ограждено от слишком большого выпуска таких банкнот, вызываемого либо неумеренностью тех, кто выпускает их в обращение, либо работой фальшивомонетчиков, эти банкноты должны в обычных торговых операциях сохранять свою ценность.

Пока количество таких денег поддерживается в известных границах, им может быть сообщена любая ценность как орудию обращения; 3 ф. 17 шил. 10½ пенс. могут иметь ценность одной унции золота в слитках,—ценность, по которой они первоначально были выпущены, но ценность их может быть понижена до полунции золота, и если бы банк, выпустивший их, имел исключительное право доставлять золото для чеканки на монетном дворе, то его банкнотам в 3 ф. 17 шил. 10½ пенс. могла бы быть сообщена ценность 1, 2, 3 или любого количества унций золота в слитках.

Ценность таких денег должна всецело зависеть от их количества, а в предполагаемом случае банк обладал бы возможностью ограничивать не только количество бумажных денег, но также и металлических.

§ 37. Я старался уже выше показать, что до учреждения банков драгоценные металлы, употреблявшиеся в качестве денег, были по необходимости распределены между различными странами мира в таких пропорциях, которые определялись потребностями их торговли и количеством платежей; и что какова бы ни была ценность слитков, употребляемых таким образом в качестве орудий обращения, но одинаково интенсивная потребность и спрос всех стран помешали бы тому, чтобы количество этих металлов, составляющее долю каждой из этих стран, увеличивалось или уменьшалось, за исключением того случая, когда какое-либо изменение в пропорциях их торговли вызвало бы необходимость перераспределения их; что как Англия, так и любая другая страна могла бы для целей денежного обращения заменить слитки бумажками, но что при этом ценность таких бумажек должна устанавливаться в соответствии с ценностью общей суммы металлических монет, которые обращались бы, если бы не было бумажных денег.

С этой точки зрения бумажное обращение какой-либо страны представляет ценность определенного количества золотых слитков, которое,—принимая, что ее торговля и платежи остаются на том же уровне,—не может быть ни увеличено, ни уменьшено; 3 ф. 17 шил. $10\frac{1}{2}$ пенс. металлических или бумажных денег могут представлять одну унцию золота, или вследствие каких-либо внутренних распоряжений эту унцию золота могут представлять 4 ф. 13 шил.; но действительное количество золота, представляемое деньгами, при одинаковых условиях торговли и платежей, неизменно останется тем же самым.

Предположим, что доля Англии составляла 1 млн. унций; если бы с помощью закона, который можно было бы действительно провести на практике, можно было бы принудительно ввести или удержать в обращении $1\frac{1}{2}$ млн. унций в монете, воспрепятствовав ее переплавке и вывозу; или если бы путем издания закона о прекращении размена на звонкую монету Английский банк получил бы возможность поддерживать в обращении такое количество бумажных денег, которое представляло бы $1\frac{1}{2}$ млн. унций золота в монете, то эти $1\frac{1}{2}$ млн. имели бы в обращении ценность не большую, чем 1 млн. унций, и в результате за $1\frac{1}{2}$ унции золота в монете или за количество банкнот, представляющих эту сумму, можно было бы купить не более каких-либо товаров, чем за одну унцию золота в слитках. Если бы,

с другой стороны, правительство стало взимать 50% за чеканку, или если бы эмиссии Английского банка были чрезвычайно ограничены, и он имел бы в то же время исключительное право чеканки, так что общее количество выпускаемых им банкнот не превышало бы той суммы, которая должна представлять по монетной цене полмиллиона унций золота, то эти полмиллиона имели бы в обращении ту же ценность, какую раньше имел 1 млн. в первом и $1\frac{1}{2}$ млн. во втором из выше разобранных случаев.

§ 38. Из этих основных положений вытекает, что обесценение денег может быть вызвано исключительно их излишком. Как бы ни было ухудшено качество монеты, она сохранит свою монетную ценность, т.-е. она будет ити в обращении по ценности металла в слитках, который эта должна была бы содержать, если только ее не будет выпущено слишком много. Поэтому является ошибочной теорией предполагать, что гинеи в 5 драхм и 8 гран не могут обращаться наряду с гинеями в 5 драхм или с еще меньшим содержанием. Их могло бы быть такое ограниченное количество, что как первые, так и вторые могли бы ити в обращении по ценности, равной 5 драхмам 10 гранам, а потому не было бы никакого побуждения извлекать их из обращения и, наоборот, являлось бы прямой выгодой удерживать их в обращении. На практике, конечно, монеты с большим весовым содержанием редко избегли бы плавильного котла, но это происходило бы исключительно вследствие увеличения количества таких денег, благодаря ли обильным эмиссиям банка, или запасам фальшивомонетчиками, бросаемых в обращение фальшивомонетчиками.

Наши серебряные монеты идут теперь по ценности выше ценности содержащегося в них металла, так как, несмотря на прибыль, получаемую фальшивомонетчиками, количество серебряных денег еще не достигло такого изобилия, которое могло бы отразиться на их ценности.

Исходя из этого положения и следует об'яснить тот факт, что перед перечеканкой в 1696 г. цена слитков не повысилась в такой степени, как этого можно было бы ожидать на основании низкопробности тогдаших монет; дело в том, что количество денег не возросло в такой же пропорции, как ухудшилось их качество.

Из указанных положений следует также, что в стране, в которой золото является мерилом ценности, цена золотых слитков (там, где закон препятствует вывозу) никогда не может превысить монетной цены золота, и что она никогда не может пасть ниже последней больше, чем на сумму, в которую обходится чеканка; а также, что эти колебания зависят всецело от того, насколько выпуски монеты или бумажных

денег находятся в соответствии с торговлей страны, или, другими словами, что ничего не может вызвать роста ценности слитков, хотя бы до уровня монетной цены, кроме излишка обращающихся денег. Если бы, действительно, какая-либо власть в государстве имела возможность увеличивать количество бумажных денег по своему усмотрению и не обязана была в то же время оплачивать эти бумажные знаки, то цена золота могла бы подниматься до предела, зависящего только от желания эмитирующего учреждения.

) ГЛАВА VII {

РАССМОТРЕНИЕ ВОЗРАЖЕНИЙ Г. БОЗАНКЕТА ПРОТИВ УТВЕРЖДЕНИЯ, ЧТО ЭМИССИЯ АНГЛИЙСКОГО БАНКА РЕГУЛИРУЕТ ЭМИССИЮ ПРОВИНЦИАЛЬНЫХ БАНКОВ

§ 39. Следующее положение, правильность которого г. Бозанкет пытается оспорить, заключается в мнении Комитета о слитках, «что обращение банкнот провинциальных банков зависит и должно быть пропорционально эмиссии Английского банка».

Это положение также поддерживается многими людьми практики. Г. Бозанкету как-то особенно не посчастливилось в том отношении, что лишь немногие из тех положений, выдвинутых Комитетом о слитках, которые он избрал для своих нападок, не могут быть подкреплены авторитетом людей практики, мнение которых по этим вопросам столь высоко ценится. Что вексельный курс никогда не может уклоняться на сколько-нибудь продолжительное время от пределов, указанных Комитетом,—это было и продолжает оставаться мнением наиболее способных людей практики. Что цена слитков не может надолго, при здоровом состоянии денежного обращения, превышать монетную цену, также получило полное признание в тех же кругах, и рассматриваемое ныне положение также может быть подкреплено их авторитетом.

Г. Гескиссон уже ссылался в доказательство правильности этого положения на свидетельство управляющего Английским банком, заявившего в своем показании Комитету, на стр. 127, что «если бы провинциальные банки не руководствовались в своих эмиссиях правилами, принятыми в Английском банке, то они могли бы выпустить в обращение чрезмерное количество своих банкнот; но этот излишек, на мой взгляд, как только он достиг бы сколько-нибудь ощущительных размеров, был бы тотчас устранен в силу им же вызванных последствий, так как держатели этих бумажных

знаков немедленно вернули бы их обратно эмитирующему банку, когда они обнаружили бы, что вследствие чрезмерности выпусков их ценность пала или имеет тенденцию к падению ниже паритета; таким образом, хотя равновесие и могло бы временно и слегка быть нарушенным, но сколько-нибудь значительные и постоянные излишки эмиссии не могли бы иметь места, так как, по природе вещей, количество банкнот, находящихся в обращении, должно всегда соответствовать потребностям публики». Директор Шотландского банка, г. Гильхрист, заявил Комитету, что «если бы Английский банк сократил свою эмиссию, то, разумеется, шотландские банки также были бы вынуждены сделать это». «Эмиссия Английского банка,—заметил он,—следующим образом отражается на эмиссии шотландских банков. Если бы эмиссия последних превышала ту пропорцию, которую она должна была бы соблюдать по отношению к эмиссии Английского банка, то они вынуждены были бы выдавать векселя на Лондон по более низкому вексельному курсу».

Провинциальный банкир Томпсон, член Комитета о слитках, на вопрос: «Каким критерием руководствуются провинциальные банки в своей бумажной эмиссии?»—отвечал: «Изобилием или недостатком банкнот». —«Но в таком случае их эмиссия находится в известном соотношении с эмиссией Английского банка?»—«По моему мнению, да».

§ 40. «Комитет,—замечает г. Бозанкет,—не определил, в каком смысле он употребляет термин «излишек обращения»; «поэтому,—продолжает он,—я предполагаю, что в докладе Комитета он употреблен в том смысле, какой ему придает д-р Смит, обозначая этим количество денег, большее, чем то, которое может быть легко поглощено или употреблено в обращении страны». А в другом месте он говорит: «Так как факт этот не очевиден (я имею в виду утверждение, будто наличное количество бумажных денег больше, чем страна может без труда поглотить), то opus probandi (бримя доказательства), повидимому, лежит на Комитете».

На мой взгляд, Комитет употреблял слово «излишек» не в этом смысле. В этом смысле не может быть никакого излишка, пока банк не платит звонкой монетой, так как торговля страны может легко усвоить и поглотить любую сумму, которую банк может выбросить в обращение. Благодаря именно такому пониманию слова «излишек» г. Бозанкет и полагает, что обращение не может быть чрезмерным, так как в таком случае торговля страны не могла бы легко поглотить его. Пропорционально обесценению фунта стерлингов будет расти потребность в номинально все большей сумме фунтов стерлингов, и никакая часть новых, более крупных количеств не окажется излишней, точно также как рань-

ше не были излишними более мелкие количества. Поэтому под термином «излишек» Комитет должен был понимать разницу в количестве обращающихся денег между суммой, действительно находящейся в обращении, и той суммой, которая была бы в обращении, если бы фунт стерлингов вернул себе свою золотую ценность. Это различие гораздо более важно, чем кажется на первый взгляд, и г. Бозанкет прекрасно знал, что именно в этом смысле я и употреблял этот термин. Он был настолько любезен, что пояснил мою мысль в одном отрывке, где она была неясна; он сделал это в высшей степени талантливо и вполне уяснил себе тот смысл, в котором я употреблял слова «чрезмерное обращение».

Он замечает по этому поводу на стр. 86: «если применять это толкование, то будет почти бесполезно стараться установить самый факт излишка бумажных денег; нам придется считать достаточным доказательством действительного существования такого излишка наличность вызываемых им последствий, и все наше внимание должно быть направлено на то, чтобы установить обесценение денег в обращении или рост цен на товары и поставить это в связь исключительно с увеличением количества орудий обращения». Я без всяких оговорок признаю, что пока продолжает держаться высокая цена на слитки и низкий всесильный курс, и пока качество нашего золота не ухудшено, для меня вовсе не являлось бы доказательством того, что наши деньги не обесценены, то, что в обращении было бы только 5 млн. банкнот. Итак, когда мы говорим об излишке последних, то мы имеем в виду ту часть всей суммы эмиссии Английского банка, которая может теперь обращаться, но не могла бы обращаться, если бы деньги имели ценность золота в слитках. А когда мы говорим об излишке обращения провинциальных банков, то мы имеем в виду ту часть эмиссии их, которая не может быть поглощена обращением, так как билеты провинциальных банков подлежат обмену на банкноты Английского банка и по сравнению с ними обесценены.

В этом отличии заключается, на мой взгляд, ответ на возражение г. Бозанкета, когда он говорит: «не следует ли думать, что чрезмерные эмиссии провинциальных банков не встретили бы затруднения, так как в обращении и без того имеется уже больше банковских билетов, чем страна может поглотить и употребить? Если допустить,—а как можно это отрицать?—что цена товаров должна повсюду подниматься или падать пропорционально увеличению или уменьшению количества денег, с помощью которых эти товары обращаются, то разве не должно увеличение количества лондонских денег повысить лишь цены товаров в Лондоне, за

исключением того случая, если некоторая часть этих денег обращается в провинции? И наоборот, разве не должно наступить такое же повышение цен только в провинции, если увеличится количество провинциальных денег и если последние не подлежат обмену на лондонские деньги, или не могут обращаться в Лондоне?» Если бы возможен был случай, предполагаемый г. Бозанкетом, а именно, что возросли бы размеры лондонского обращения, и что лондонские банкноты не имели бы хождения в провинции, тогда мы имели бы особый вексельный курс на провинцию, наподобие того, как мы имеем вексельный курс на Гамбург или Францию, и этот вексельный курс показывал бы нам, что лондонские бумажные деньги обесценены по сравнению с провинциальными.

§ 41. Если бы каждый провинциальный банк имел право, на основании закона о прекращении платежей звонкой монетой, обменивать свои билеты только на свои же собственные бумажные деньги, и если бы хождение этих билетов было ограничено только пределами соответствующих провинциальных округов, то билеты каждого банка были бы обесценены по сравнению со слитками пропорционально тому, насколько их сумма превышала бы сумму полноценных металлических денег, которая обращалась бы в этих округах, если бы в них не применялся закон о приостановке размена. Билеты одного банка могли бы быть обесценены на 5%, другого на 10%, третьего на 20% и т. д.

Но так как закон о прекращении платежей звонкой монетой относится только к Английскому банку, а билеты всех остальных банков должны обмениваться на его банкноты, то билеты провинциальных банков никогда не могут быть выпущены в большей пропорции, чем билеты Английского банка.

Г. Бозанкет думает, что «я должен был показать, что какая-то физическая невозможность препятствует увеличению количества банкнот (Английского банка) за счет билетов провинциальных банков и наоборот, прежде чем утверждать, что увеличение количества банкнот должно вызвать такое же увеличение количества билетов провинциальных банков».

Из сказанного, я полагаю, ясно, что если только лондонские банкноты не употребляются в обращении в тех местах, куда они раньше не допускались, то если не физически, то абсолютно невозможно, чтобы увеличение количества банкнот Английского банка не вызвало либо такого же увеличения количества билетов провинциальных банков, либо обесценения лондонских банкнот по сравнению с ними. Но каким путем это происходит? Каким образом эмиссия Английского банка вызывает увеличение провинциального обращения?

Г. Гильхрист об'яснил нам это. Перевернем предположенный им случай, и мы получим такое положение: если Английский банк увеличит свою эмиссию, то провинциальные банки также могут увеличить свою, так как, вследствие того, что цены на товары подымутся в Лондоне, между тем как в провинции они останутся без изменения, в провинции явится спрос на деньги для закупок на более дешевом провинциальном рынке; это вызовет спрос на векселя на провинцию, которые, поэому, будут продаваться с лажем, или, другими словами, банкноты Английского банка падут ниже ценности провинциальных билетов. Такой спрос прекратится тотчас же, как только либо размеры провинциального обращения достигнут уровня лондонского, либо последнее будет сокращено до уровня первого.

Я не мог предполагать, чтобы столь ясное положение могло вызывать сомнение, так как ценность наших золотых денег раньше определяла ценность фунта стерлингов на всей территории Англии. Если бы вследствие открытия новых рудников количество золота сильно возросло, и поэому, в обращении Лондона появилось больше денег, то для поддержания цен на одном уровне должно было бы быть также пропорционально увеличено денежное обращение провинции. В настоящее время банкноты выполняют ту же роль, что раньше золото, и если их количество увеличивается, то либо часть этого добавочного количества должна быть использована также и провинциальным обращением, либо провинциальные банки должны пропорционально увеличить свою эмиссию. Нетрудно при таких условиях предугадать, каков будет выбор провинциальных банков.

Аргументация Комитета о слитках такова: «если в провинциальном округе бумажная эмиссия будет чрезмерной, в то время, как лондонское обращение не будет превышать надлежащей пропорции, то наступит местный рост цен в этом провинциальном округе, а цены в Лондоне останутся без изменения; владельцы бумажных провинциальных денег предпочтут покупать в Лондоне, где товары будут дешевле, и потому они вернут эти провинциальные бумажные деньги выпустившим их в обращение банкирам, с требованием обмена их на билеты Английского банка или векселя на Лондон, и, вследствие этого, количество банкнот Английского банка неизбежно и непосредственно определяет количество билетов провинциальных банков».

Обсуждая эти положения, г. Бозанкет спрашивает: «разве этот вывод так очевиден?»

Допуская правильность этого рассуждения при предположении, что билеты провинциальных банков действительно оплачивались бы банкнотами Английского банка, применимо

ли оно при условии, если они оплачивались бы векселями на Лондон? Ведь мы уже показали, что оплата последних имеет мало общего с обращением банкнот. Вне всякого сомнения она имеет много общего. Предположим, что излишок провинциального бумажного обращения составляет 1 тыс. ф. и что поэтому 1 тыс. ф. в банкнотах Английского банка будет потребована у провинциальных эмиссионных банков и отослана в Лондон для закупки товаров—разве не будет при этих условиях добавлена 1 тыс. ф. к лондонскому обращению, в то время как провинциальное обращение будет сокращено на эту 1 тыс. ф. Но предположим, что вместо тысячефунтового билета Английского банка владельцу провинциального банковского билета будет выдан вексель на Лондон на эту же сумму. Этого также будет вполне достаточно для реализации им его закупок в Лондоне; но так как вексель является лишь приказом А в Лондоне уплатить В в Лондоне, то лондонское обращение останется без изменения, но провинциальное будет сокращено на 1 тыс. ф.

Но вся разница между этими двумя случаями состоит в том, что в первом из них к лондонскому обращению было добавлено 1 тыс. ф., а во втором оно оставалось на прежнем уровне. Однако, разве провинциальный банкир, уменьшив вследствие выдачи из своей кассы тысячефунтового билета Английского банка свою наличность в последних, которую он считает необходимым поддерживать для прочности своего учреждения, не отдает распоряжений своему корреспонденту перевести ему билетов Английского банка на 1 тыс. ф. путем продажи казначейского обязательства, или при помощи каких-либо других операций?

«Если товары дешевле в Ливерпуле, чем в Лондоне, я предпочту покупать там, и если у меня будет слишком много банкнот, я отправлю их в Ливерпуль для расплаты»,—если только они имеют там хождение. В случае если они имеют там хождение, Ливерпуль наряду с Лондоном получит свою долю из этого добавочного количества денег, но вполне вероятно, что ливерпульский банкир сумеет убедить жителей Ливерпуля в том, что выпускаемые им билеты так же хорошо могут удовлетворить их нужды, как и банкноты Английского банка¹⁾; поэтому он обменяет свои билеты на банкноту и отправит ее в Лондон, и в результате ливерпуль-

¹⁾ Комитетом был предложен г. Стэки такой вопрос: «не в ваших ли интересах как банкира стараться воспрепятствовать обращению банкнот Английского банка, и поэтому не персылаете ли вы с этой целью в Лондон те банкноты, которые попадают вам сверх того количества, которое на ваш взгляд является благоразумным поддерживать в качестве запаса в ваших сундуках?» На что г. Стэки отвечал:—«Несомненно».

ское обращение возрастет вследствие увеличения эмиссий Английского банка; таким образом, г. Бозанкет заблуждается, когда он замечает, что «они (эмиссии Английского банка) могут ограничить обращение ливерпульских банкнот, но не могут увеличить его ни на один шиллинг».

Г. Бозанкет спрашивает далее: «откуда Комитет почерпнул свое положение, которое он считает за аксиому, о том, что бумажная эмиссия провинциальных банков есть надстройка, возведенная на фундаменте эмиссии Английского банка?» «Они слыхали от г. Стэки,—продолжает он,—крупного банкира в Сомэрсетшире, что его банк регулирует свою эмиссию, сообразуясь со своими лондонскими фондами, предназначенными для ее покрытия и заключающимися в государственных бумагах, казначейских векселях и других ликвидных ценностях, мало считаясь со своим наличным запасом в банкнотах Английского банка или в звонкой монете, хотя они всегда имеют определенное количество и тех и других для уплаты по случайным требованиям. Что же заключается в этом показании такого, что могло бы оправдать взгляд, что эмиссия банкнот (Английского банка) либо вызывает, либо ограничивает эмиссию провинциальных банков?»

Я полагаю, что можно показать, что увеличение эмиссии Английского банка побудило бы г. Стэки или любого другого провинциального банкира также увеличить свою эмиссию, хотя бы он имел запас как раз тех ценных бумаг, которые он перечисляет, так как вследствие изменения цен в Лондоне появился бы такой спрос на билеты провинциальных банков, что провинциальный банкир имел бы возможность в обмен на свои билеты получить векселя на Лондон. Реализовав эти векселя, он мог бы приобрести на большую сумму государственных бумаг, векселей казначейства и т. д. и, увеличив таким образом свой эмиссионный фонд, мог бы увеличить и свою эмиссию.

Комитет не мог предполагать, что Шотландский банк в 1763 г., когда он сократил количество своих билетов выдачей 40-дневных векселей на Лондон, действительно депонировал заранее у своих лондонских корреспондентов банкноты. Если бы это было так, он мог бы сразу же выкупить свои билеты, платя по ним в Шотландии банкнотами (Английского банка). Но этого не было; Шотландский банк был в положении, описанном г. Стэки: он имел некоторые фонды, которые поручил своим корреспондентам реализовать для своевременной оплаты векселей. Таким образом, происходил перевод денег от А к В в Лондоне, и шотландские билеты были извлечены из обращения.

} ГЛАВА VIII {

РАЗБОР УТВЕРЖДЕНИЯ Г. БОЗАНКЕТА, ЧТО ЕДИНСТВЕННОЙ ПРИЧИНОЙ РОСТА ЦЕН БЫЛИ НЕУРОЖАИ И ВЫСОКИЕ НАЛОГИ, А НЕ ИЗЛИШЕК ДЕНЕГ

§ 42. Показав, по его мнению, неудовлетворительность доводов, приводимых Комитетом для доказательства чрезмерности банковской эмиссии, г. Бозанкет переходит к прямому доказательству того, что эта эмиссия не чрезмерна. В основе его аргументации лежит утверждение, что рост цен связан с неурожаями и высокими налогами.

В подтверждение своего мнения он приводит выдержку из сочинений д-ра Смита, которая, на мой взгляд, говорит в пользу поддерживаемого мною мнения. «Государь,—говорит д-р Смит,—который повелел бы принимать в уплату известной части своих налогов какие-либо бумажные деньги, тем самым придал бы этим деньгам известную ценность, даже если бы срок их окончательного выкупа всецело зависел от воли этого государя. Если бы банк, выпустивший в обращение эти бумажные деньги, старался всегда удерживать их количество немного ниже того уровня, при котором они легко находили бы применение для уплаты этих налогов, то спрос на них мог бы достигнуть таких размеров, что они шли бы даже с ложем, т.-е. продавались бы на рынке несколько дороже, чем то количество золота и серебра, которое они номинально представляли».

Но, спрашивает г. Бозанкет, так как годичная сумма налогов на много превышает сумму банкнот, то каким образом, исходя из этого принципа, возможно обесценение бумажных денег? Однако, откуда взял г. Бозанкет, что д-р Смит говорит о годичной сумме налогов? На равном основании можно было бы утверждать, что следует сравнить сумму бумажных денег с суммой налогов за два или три года. На мой взгляд, смысл приведенной выдержки из д-ра Смита заключается в том, что если количество бумажных денег не превышает той суммы, которая может всецело и исключительно пойти на уплату налогов, то они не будут обесценены; он никогда не мог бы защищать того парадоксального мнения, которое ему приписывает г. Бозанкет. Чтобы применить этот критерий д-ра Смита к оценке нашего бумажного обращения, необходимо доказать, что сумма ежедневно платимых налогов равна всей сумме обращающихся банкнот. По толкованию г. Бозанкетом указанной выдержки получается, что так как общая сумма всех платежей, поступающих в казну от налогов, составляет 76.805.440 ф., то количество банкнот не может быть чрезмерным, и они не могут обесцениться,

пока их сумма не превысит этой цифры. Но кто при чтении этой выдержки поверит, что таков был истинный смысл слов д-ра Смита?

Когда г. Бозанкет говорил о лаже, с которым шли банкноты, я полагал, что он имеет в виду лаж в золоте или серебре, так как я не знаю никакого другого лажа; но, повидимому, г. Бозанкет хотел сказать, что за них платили лаж бумагой, еще более обесцененной, чем они сами, т.-е. казначейскими билетами или банковскими чеками. Но так как и те и другие подлежат оплате банкнотами когда-нибудь в будущем, то они могут оказаться в некоторых случаях менее ценными, чем эти последние, которые требуются для немедленного употребления,—что и является достаточным объяснением оказываемого им предпочтения. Ассигнат, обесцененный на 50%, также мог бы приносить ту премию, о которой говорит г. Бозанкет. Одним из доказательств, которые г. Бозанкет соблаговолил представить своим читателям в доказательство весьма незначительного увеличения в количестве банкнот по сравнению с теми деловыми операциями, которые они реализуют, является его указание на то, что увеличение денежного обращения составляет с 1793 г. 3 млн., между тем как увеличение одних только платежей правительству превышает 60 млн.

В этом вычислении совершенно упущен из виду увеличение денежного обращения провинции. Я попытаюсь теперь показать, что одно это огромное увеличение суммы налогов не должно неизбежно вызвать увеличения денежного обращения, если одновременно не увеличились обороты торговли и промышленности.

Пока будет достаточно, если я замечу, что если бы г. Бозанкет провел сравнение за период 1793—1797 гг., то он, вероятно, имел бы основание усомниться в правильности своей теории по этому вопросу.

В течение этих четырех лет налоги должны были значительно возрасти, а следовательно, согласно защищаемым им положениям, должно было также увеличиться и количество орудий обращения, что однако, повидимому, не имело места. Не представляется вероятным, чтобы за это время было сделано сколько-нибудь значительное добавление к сумме обращающихся монет; наоборот, судя по весьма большой чеканке в 1797 и 1798 гг., уровень металлического обращения должен был быть в 1797 г. необычайно низок. Как можно видеть из отчета, представленного в Комитет палаты лордов, общая сумма банкнот, бывших в обращении, достигала

в 1793 г.	фунт. 11.451.180, а
в 1796 г. от	» 10.713.460
до	» 9.204.500

а в 1797 г., в среднем, она даже после издания закона о прекращении размена на звонкую монету не превышала суммы 1793 г.

Сумма банкнот, бывших в обращении в 1803 г., составляла около 18 млн. В 1808 г. она была не больше, и, однако, никто не будет отрицать, что в течение этих пяти лет наши налоги и расходы должны были значительно увеличиться. Итак, отсюда видно, что, несмотря на значительное увеличение налогов страны, ее денежное обращение может и не увеличиваться пропорционально этому.

Г. Бозанкет ставит в вину Комитету о слитках, что он недостаточно оценил влияние налогов на цены товаров, желая этим подчеркнуть, что Комитет приписывает рост цен на товары исключительно обесценению наших денег. Комитет, действительно, заслуживал бы величайшего порицания, если бы он возбуждал в населении нашей страны надежду на то, что реформа нашего денежного обращения могла бы вызвать понижение товарных цен до уровня, на котором они держались до издания закона о прекращении размена. Влияние, оказываемое на цены обесценением денег, было весьма точно определено и выражается в разнице между рыночной и монетной ценой золота. Одна унция в золотой монете, говорит Комитет, не может иметь меньшей ценности, чем одна унция золота в слитках той же пробы, поэтому покупатель зерна может требовать такое же количество этого продукта за одну унцию золотой монеты, т.-е. за 3 ф. 17 шил. $10\frac{1}{2}$ пенс., какое он может получить за одну унцию золота в слитках. Но так как 4 ф. 12 шил. бумажных денег представляют не большую ценность, чем унция золота в слитках, то это значит, что цена в действительности поднялась для покупателя на 18% , благодаря тому, что он совершает свою покупку с помощью бумажных денег вместо монеты по ценности ее металла. Таким образом, 18% и составляют тот уровень, на который поднялись цены товаров вследствие обесценения бумажных денег. Всякое повышение цен сверх этого уровня может быть об'яснено влиянием налогов, обострением недостатка в товарах, или какой-либо другой причиной, которая может показаться удовлетворительным об'яснением этого явления для тех, которые находят удовольствие в такого рода исследованиях.

Теория, выдвинутая г. Бозанкетом о влиянии налогов на количество орудий обращения, чрезвычайно курьезна и является доказательством того, что даже люди практики иногда поддаются соблазну уклоняться от здравого пути практики и опыта и заниматься самыми странными теоретическими упражнениями и химерическими фантазиями.

§ 43. Г. Бозанкет замечает, что существуют две причины повышения цен в Великобритании со времени издания закона о прекращении размена на звонкую монету. Во-первых, «перемена в состоянии хлебной торговли и вызванный ею в 1800 и 1801 гг. недостаток хлеба» и, во-вторых, «увеличение налогов со времени начала войны в 1793 г.». Что недостаток хлеба и издержки, вызванные его ввозом, должны были обусловить некоторое повышение товарных цен,—это я вполне допускаю. Но является ли сама собою очевидным, является ли аксиомой политической экономии, как это изображает г. Бозанкет, что налоги вызывают повышение товарных цен на всю свою сумму?

Разве можно сделать тот вывод, что так как с 1793 г. налоги увеличились на колоссальную сумму в 48 млн., то и цены товаров должны были увеличиться на эту же сумму, т.-е. возрасти на 50% по сравнению с ценами 1793 года? Значит ли это, что всякий, за исключением владельца ценных бумаг, в состоянии перелагать на других платимые им налоги?

§ 44. Разве, например, не составляют никакой разницы, имеем ли мы дело с налогом на предметы потребления или с такими налогами, как подоходный, поимущественный и множество всяческих иных? Разве все они имеют тенденцию вызывать рост товарных цен? И разве всякий налогоплательщик, кроме владельца ценных бумаг, может перенести на других налоговое бремя? Если бы это было так, то все налоговое бремя пало бы исключительно на владельцев бумаг, и вся сумма ежегодных повышений налогов, начиная с 1793 г., составляющая ныне около 53 млн., должна была быть извлечена из их карманов. В таком случае платимые ими налоги должны были бы превысить их доход, так как они превысили бы сумму процентов по государственному долгу.

Я не могу признать подобную теорию правильной, а если бы она на самом деле отвечала действительности, то держатели бумаг не были бы в большом восторге от такого рода имущества. Войны в таком случае никогда не вызывали бы обеднения, и источники налогового обложения никогда не истощались бы.

Для меня, однако, не подлежит сомнению, что ни подоходный налог, ни поимущественные налоги, ни многие другие ни в малейшей степени не отражаются на товарных ценах.

И действительно, положение потребителя было бы весьма прискорбно, если бы он должен был платить еще прибавку к цене за необходимые для удовлетворения его потребностей предметы, после того как его средства для приобретения их были существенно урезаны благодаря налогам.

Подоходный налог, если он взимается справедливо, оставил бы всякого члена общества в таком же относительном положении, в котором он находился до введения этого налога. Расходы каждого человека должны уменьшаться на сумму взимаемого с него налога, и если бы продавец по-желал переложить с себя налоговое бремя, повысив цену на товар, то покупатель на том же основании стремился бы купить дешевле. Эти противоречивые интересы так нейтрализовали бы друг друга, что цены не подверглись бы в результате никаким изменениям.

Эти же замечания применимы к поимущественным налогам и ко всем другим, которые не налагаются на товары. Однако, если действие налога окажется неравномерным, и если он особенно тяжело ляжет на какую-нибудь отдельную отрасль промышленности, то доходы этой отрасли падут ниже общего уровня коммерческих доходов, и лица, занятые в этой отрасли, либо бросят ее, променяв ее на более выгодное занятие, либо подымут цены на товары этой отрасли, стремясь поднять уровень прибыли в ней до уровня других отраслей промышленности.

Налоги на товары, разумеется, подняли бы цену обложенных товаров на полную сумму обложения. Цену таких товаров можно как бы разделить на две части; первая—это их первоначальная и естественная цена, а вторая—это налог на право их потребления.

Если, далее, таким налогом облагается товар, потребление которого каждым отдельным лицом точно соответствует его доходам, то никакой другой товар, кроме обложенного, не повысится в цене; но если потребление этого товара не находится в таком соответствии с доходами его потребителей, то те, которым пришлось бы уплатить за его потребление большую часть своих доходов по сравнению с другими его потребителями, повысили бы со своей стороны цену на свои товары, и в результате, когда бы они добились получения этой повышенной цены, общество оказалось бы относительно в таком же положении, в котором оно было и раньше.

Если бы вместо обложения налогом непосредственно товара, каждый потребитель платил за него не больше, чем его первоначальную цену, а всю сумму налога сразу же вносили правительству за право его потребления, то действие такого налога было бы совершенно такое же, как и действие прямых налогов: он вызвал бы только частичное повышение цен некоторых товаров, обусловленное стремлением компенсировать неравенство, неизбежно присущее, вопреки лучшим намерениям законодателя, всякому налогу.

Если этот взгляд на последствия, вызываемые налогами, правilen, то отсюда ясно, что рассуждение г. Бозанкета

о том, что в результате повышения обложения за период с 1793 г. общая сумма цен всех товаров поднялась на 48 млн., и что это является достаточным обяснением роста цен товаров, без необходимости прибегать для отыскания его причины к теории обесценения орудия обращения,—ясно, что все это построение представляет ложную теорию, не соответствующую ни логике, ни вероятности.

Из этих положений г. Бозанкет вывел дальнейшее заключение, а именно, что так как с 1793 г. цены товаров повысились на 48 млн., а денежное обращение увеличилось только на 3 млн., то такое увеличение не может быть названо чрезмерным¹⁾.

§ 45. Хотя выше я и сделал уступку г. Бозанкету, признав, что некоторые из наших налогов вызывают рост товарных цен, из этого еще не следует непременно, что для обращения этих товаров потребуется большая сумма денег.

Та сумма денег, которую правительство получает в виде налогов, берется из того фонда, который в ином случае был бы израсходован на приобретение предметов потребления.

По мере возрастания налогов, народные расходы должны уменьшаться. Если мой доход равняется 1000 ф., и правительство требует от меня в виде налогов 100 ф., то я буду располагать лишь 900 ф. для удовлетворения потребностей моей семьи. Если правительство возьмет у меня 200 ф., то у меня останется для этих целей только 800 ф. Но так как сумма денег, фактически расходуемая мною и правительством, не может превысить 1000 ф., то, на мой взгляд, не потребуется добавочного количества орудий обращения, хотя бы налоги составляли 50% доходов каждого лица.

Если бы налогом был обложен хлеб, и, вследствие этого, повысилась бы заработка плата, то этот налог в конечном счете пал бы на тех, кто является потребителем продуктов человеческого труда. Для этих потребителей было бы на деле безразлично, уплатили бы они сразу всю сумму этого налога в казну, или он настиг бы их тем кружным путем, по которому он направился бы в данном случае.

И опять-таки, не возникло бы надобности в увеличении суммы денежного обращения. Правительство собирало бы ежедневно такую же часть налогов, платились ли бы они сборщику акцизов или прямого налога, и расходы были бы в обоих случаях совершенно одинаковы. Каковы бы ни были расходы правительства, на такую же сумму уменьшились бы

1) Если прибавить к этим 3 млн. увеличение денежного обращения в провинции и не упускать из виду экономию в использовании орудиями обращения, так удачно и ясно обясненную г. Бозанкетом, то на мой взгляд, даже допуская все факты, отстаиваемые им, окажется, что количество средств обращения все таки возросло в чрезмерной пропорции.

народные расходы; обращалось бы то же количество товаров, и для их обращения нужна была бы та же сумма денег.

Эти выводы основываются на предположении, что народ был бы достаточно благоразумен или достаточно богат, чтобы платить все налоги из своего годового дохода, и не поддался бы искущению или не вынужден был бы уменьшить свой капитал для удовлетворения требований правительства. Но если бы, однако, капитал уменьшился, то общая сумма продукции также сократилась бы, и если бы то количество десег, которое раньше нужно было для обращения этой продукции, оставалось на прежнем уровне, то их по отношению к товарам оказалось бы больше прежнего, и поэтому можно было бы ожидать, что товары поднимутся в цене; однако, мы не должны забывать, что количество денег в стране определяется их ценностью, а так как последняя в данном случае пала бы, то их количество стало бы чрезмерным, сравнительно с количеством денег в других странах, и поэтому этот излишек был бы вывезен.

Когда мы говорим о недостатке хлеба и о вызванном этим повышении цены его, то естественно делают тот вывод, что так как его ценность удвоилась, то потребуется удвоенная сумма денег для его обращения. Однако, это никоим образом не очевидно и не необходимо.

Если бы необходимо было вдвое больше денег, то мы имели бы равное количество хлеба по удвоенной против обычного цене. Но цена хлеба удваивается именно потому, что количество его уменьшается.

Если торговля страны возрастает, т.-е. если благодаря своим сбережениям страна получает возможность увеличить свой капитал, то такая страна будет нуждаться в добавочном количестве денег; но каковы бы ни были обстоятельства, деньги должны сохранить ценность того металла, из которого они чеканятся, это является единственным надежным критерием, с помощью которого мы можем судить, что денежное обращение не чрезмерно.

} ГЛАВА IX {

ОЦЕНКА УТВЕРЖДЕНИЯ Г. БОЗАНКЕТА, ЧТО ВОЗОБНОВЛЕНИЕ ПЛАТЕЖЕЙ ЗВОНКОЙ МОНЕТОЙ ВЫЗОВЕТ ДУРНЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ

§ 46. В заключение г. Бозанкет высказывает свое утверждение в том, что возобновление платежей звонкой монетой принесет много вреда, и что нельзя ожидать какого-либо улучшения вексельного курса или падения цены слитков от

сокращения денежного обращения, если только наш ввоз не уменьшится, а вывоз не увеличится.

Для меня, однако, совершенно ясно, что сокращение количества банкнот понизило бы цену слитков и улучшило бы вексельный курс, ни в малейшей степени не нарушив современного соотношения нашего ввоза и вывоза. Осуществление этого мероприятия нисколько не отразилось бы на наших возможностях в отношении ввоза или вывоза золота по сравнению с теми возможностями, которые имеются в настоящее время. Наши торговые сделки с иностранцами оставались бы в точности такими же, что и раньше, с той лишь разницей, что мы обладали бы более ценностными деньгами того же наименования; и вместо того, чтобы за наш обесцененный фунт стерлингов, за который можно купить лишь 104 грана золота, нас кредитовали бы в Гамбурге всего на 28 фламандских шиллингов, мы, восстановив его действительную металлическую ценность, которая равняется 123 гранам, получали бы за него в Гамбурге 34 шил. (фламанд.). Однако, эта разница в 6 шил., которая получилась бы в нашу пользу, была бы лишь чисто видимой и номинальной. Было бы большой ошибкой предполагать, что эта разница в 6 шил. представляла бы для нас какую-нибудь действительную выгоду. Если бы, благодаря сокращению количества банкнот, их ценность настолько поднялась, что они стали бы дороже золота в слитках, то тогда мы, действительно, вызвали бы изменение реального вексельного курса, нарушили бы нынешнее соотношение ввоза и вывоза и вызвали бы ввоз слитков, или, выражаясь коммерческим языком, имели бы положительный торговый баланс.

Если бы точка зрения г. Бозанкета на наше экономическое положение была действительно верна, то нас ожидали бы мрачные перспективы. Вынужденные «для ввоза предметов, без которых мы не можем обойтись», и в обмен на которые не принимается ничего, кроме золота, производить крупные затраты за границей, мы почти могли бы вычислить тот срок, когда это состязание должно было бы кончиться из-за отсутствия золота. Для покрытия такого огромного платежного баланса, какой исчисляет г. Бозанкет, в нашей стране нельзя было бы найти золота даже на один только год; и если бы за наши товары нигде нельзя было получить его, то как безнадежно должно было бы быть наше положение!

Однако, что касается меня, то я не пытаю подобных опасений. Я убежден, что наши заграничные расходы не оплачиваются ни золотом, ни векселями, а что они в конечном итоге должны оплачиваться продуктом труда и промышленности нашего народа.

Мне внушает тревогу лишь слепое пристрастие к нашей нынешней системе денежного обращения—системе, постепенно подтасчивающей наши ресурсы, недостатки, и вред от которой, выражаясь языком Комитета, «в случае, если они не будут устраниены, должны в непродолжительном времени практически заставить поверить в их существование всех тех, которые в этом все еще сомневаются; но даже если бы прогрессивный рост порождаемых этой системой вредных последствий был менее вероятен, то все же честь и достоинство парламента требуют не разрешать дальше, чем это вызывается повелительной необходимостью, существования в нашей великой торговой стране системы денежного обращения, в которой отсутствует тот естественный тормоз или контроль, с помощью которого поддерживается ценность денег, и то устойчивое общее мерило ценности, которое обеспечивает в основе справедливость денежных договоров и обязательств между отдельными лицами и доверие к ним».

Можем ли мы надеяться, что то, что так удачно было начато просвещенным Комитетом, явится залогом того, что будет завершено благодаря мудрости парламента?

ПРИЛОЖЕНИЕ

После отсылки в печать предыдущих страниц я прочел дополнительные замечания г. Бозанкета, которыми снабжено второе издание его брошюры. Я ограничусь здесь лишь кратким разбором этих замечаний.

Во первых, из сказанного уже мною можно видеть, что я отрицаю точность всех вычислений г. Бозанкета относительно курса на Гамбург. Эти вычисления основаны на предположении существования постоянного, неизменяющегося паритета, между тем как настоящий паритет, который должен был бы лежать в основу этих вычислений, подвержен всем изменениям, которые испытывает относительная ценность золота и серебра. Так как отношение ценности этих двух металлов колебалось с 1801 г. в пределах от $6\frac{1}{2}\%$ ниже установленных законом пропорций, до 9% выше этих пропорций, то вычисления, сделанные на основе неизменяющегося паритета, могут заключать ошибки не менее чем на $15\frac{1}{2}\%$. Во-вторых, аргументация, которую пытаются основать на том факте, что увеличение или уменьшение количества банкнот не всегда сопровождалось падением или повышением вексельного курса, или повышением или падением цены слитков, николько не может поколебать теории, вполне допускающей, что спрос на орудия обращения подвержен постоянным колебаниям, вызы-

ваемым увеличением или уменьшением общей суммы капитала и оборотов торговли, большими или меньшими облегчениями, предоставляемыми в какой-либо период при платежах, вследствие изменения условий кредита,—одним словом, теории, признающей, что при одних и тех же размерах торговли и платежей могут потребоваться весьма различные количества орудий обращения. Количество банкнот, которое в один период времени может быть чрезмерным—в том смысле, в каком я понимаю этот термин,—и которое, поэтому, может быть обесценено, в другой период может едва хватать для производства необходимых платежей, вследствие чего произойдет временное увеличение их ценности по сравнению с золотом в слитках, заменою которых они являются.

Поэтому совершенно бесцельно признавать или отрицать правильность тех оснований, на которых построены вычисления г. Бозанкета о размерах бумажного обращения страны. Эти факты, на мой взгляд, не имеют прямого отношения к тому вопросу, который составляет предмет спора. Равняется ли количество обращающихся денег в стране 25 или 100 млн., на мой взгляд все равно несомненно, что оно чрезмерно, так как я не знаю никаких других причин, кроме излишка денег или недостатка доверия к учреждению, их выпускающему (последнее, я уверен, теперь более не имеет места), которые могли бы вызвать такие последствия, свидетелями которых мы были в течение значительного периода 1) времени.

Г. Бозанкет формулировал выводы, которые на его взгляд вытекают из приведенных им фактов в виде четырех проблем, разрешение которых на основе положений, защищаемых Комитетом о слитках, по его мнению, невозможно. Я надеюсь, что мне удалось уже показать, что его факты далеко не доказывают тех положений, которые он на них основывает, и я думаю, что не трудно будет разрешить его проблемы в полном согласии с основными положениями Комитета.

1) Г. Бозанкет замечает, что я неправильно применяю выражение «в течение продолжительного времени», говоря о скидке, с которой шли банкноты, так как таблицы г. Мушата не указывают, чтобы вексельный курс был весьма неблагоприятен более чем в течение года, до того как я писал, т.-е. до декабря 1809 г.

Мы когда-то считали, что когда речь идет о дизажио банкнот,—один год является значительным промежутком времени; но так как я постоянно указывал, что высокая цена слитков является наиболее надежным критерием для доказательства факта обесценения денег, и так как цена золота не была ниже монетной цены в течение около 10 лет, то исходя из указанных мною положений, правильность моего заключения, на мой взгляд, не может быть оспорена.

Первая проблема такова: «Падение вексельного курса с среднего уровня в 6% в нашу пользу за период с 1790 до 1795 г. до 3% ниже паритета в 1795 и 1796 гг. при том же количестве банкнот в 11 млн., подлежащих по требованию размену на звонкую монету; а на ряду с этим повышение курса в среднем на 11% выше паритета в 1797 и 1798 гг., несмотря на увеличение бумажного обращения до 13 млн. банкнот и притом не подлежащих размену на золото».

Читатель заметит, что эта проблема уже нашла свое разрешение в этом труде. Вексельные курсы указаны не верно, и никто не отрицает, что они могут падать или повышаться в зависимости от многих причин.

Было доказано, что спрос на золото для нужд монетного двора и на серебро для Ост-Индии в 1797 и 1798 гг. оказал свое естественное действие на состояние курса, которое не было парализовано каким-либо чрезмерным выпуском бумажных денег. Золото требовалось для пополнения опустевших сундуков Английского банка, поэтому оно не выпускалось в обращение, и увеличение количества банкнот на 2 млн. служило лишь средством для пополнения той пустоты, которая была вызвана тезаврацией монет; таким образом, в указанные годы в действительности не было никакого увеличения денежного обращения.

Вторая проблема формулирована так: «В 1800 и 1801 гг. вексельный курс пал на 6% ниже паритета, а золото стояло на 9% выше монетной цены при размерах обращения банкнот несколько больше 15 млн., между тем как в течение 6 лет, с 1803 по 1808 г., вексельный курс в среднем поднялся до 3% выше паритета, а золото стояло почти на уровне монетной цены, несмотря на увеличение обращения до 17—18 млн.»

Оставляя в стороне последствия, вызванные изменением в размерах торговли и условиях кредита, следует помнить, что пока наше обращение состояло частью из золота, частью из бумаги, влияние, оказываемое как на состояние вексельных курсов, так и на цену слитков усиленными выпусками бумажных денег, уравновешивалось—по истечении достаточного промежутка времени—вывозом монеты. В течение же некоторого времени мы уже не можем пользоваться этим регулятором.

Третья проблема, которая заключается в том, что «вексельный курс, стоявший в июле 1808 г. на 5% выше паритета, пал в июне 1809 г. до 10% ниже паритета, хотя обращение банкнот было в обоих случаях одинаково»,—разрешается легко.

Я не могу найти документа, на основании которого г. Бозанкет утверждает, что количество банкнот было одно

и то же в июле 1808 г. и в июне 1809 г.; но даже допуская, что эти сведения правильны, можно ли сравнивать эти два периода? Один из них непосредственно следует за выплатой дивидендов, а другой непосредственно предшествует ей. В январе и июле 1809 г. после выплаты дивидендов количество банкнот увеличилось не менее чем на 2.450 тыс. ф. ст., а в следующем январе—на 1.878 тыс. ф. ст.

Я не намерен отстаивать то положение, что эмиссии одного дня или одного месяца могут оказать какое-либо влияние на иностранный вексельный курс; возможно, что для этого потребовался бы более долгий период; во всяком случае, определенный промежуток времени безусловно необходим, прежде чем это влияние может оказаться. Этого никогда не принимают во внимание те, кто оспаривает положения Комитета о слитках. Из того, что действие этих положений не обнаруживается немедленно, они заключают, что эти положения ложны. Но каковы факты, относящиеся к обращению банкнот за 1808 и 1809 гг.? У нас имеются только три отчета об их количестве в 1808 г., представленные Комитету о слитках. Сравним их с отчетами за тот же период в 1809 г., и я думаю, что мои читатели согласятся со мной, что эти факты скорее подтверждают основные положения Комитета, чем противоречат им.

Количество банкнот в 1808 г.	Количество банкнот в 1809 г.
1 мая	17.491.900
» августа . . .	17.664.670
» ноября . . .	17.467.170
1 мая	18.646.880
» августа . . .	19.811.330
» ноября . . .	19.949.290

Что касается четвертой проблемы о «постепенном повышении цен на товары в течение Американской войны», когда денежное обращение состояло из золота, и в течение 6 лет, с 1803 по 1808 г., когда вексельный курс был в нашу пользу,—то кем же и когда оспаривалось, что существуют и другие причины, кроме обесценения денег, которые могут вызывать рост товарных цен? Защищаемое мною положение заключается в том, что когда такой рост цен сопровождается постоянным повышением цены того металла, который является денежным металлом, тогда денежное обращение обесценено в размере этого повышения цены металла. В течение американской войны рост товарных цен не сопровождался каким-либо повышением цен слитков, а потому и не был вызван обесценением денег.

Теперь нас впервые заставляют усомниться, действительно ли положения Комитета, против которых с такой силой выступал в своей работе г. Бозанкет, противоречат его собственным взглядам. Нам говорят теперь, что не теория ошиб-

бочна, а что «сперва необходимо установить факты, а потом уже делать из них выводы, и что значение этих фактов ни в какой степени не уменьшится даже при безоговорочном признании правильности теоретических положений». Но согласуется ли это заявление с выводами г. Бозанкета? Комитет о слитках выдвинул известные положения, которые в случае их правильности доказывают факт обесценения денег. Ваши положения, говорит Г. Бозанкет, приемлемы, и логика как будто подтверждает их, но существуют факты, которые доказывают, что они несовместимы с опытом прошлого, и далее он цитирует слова Пели: «Когда математику предлагают какую-нибудь теорему, то он прежде всего проверяет ее на простом примере, и если результат оказывается неправильным, то он не сомневается, что доказательства этой теоремы были в чем-либо ошибочны».

«Публика должна точно так же отнестись к докладу Комитета и подвергнуть его теории проверке на фактах». Но в таком случае может ли быть последовательным г. Бозанкет, когда он заявляет, что «значение того, что им изложено на предыдущих страницах, ни в какой степени не было бы уменьшено даже при безоговорочном признании правильности положений Комитета»?

Если, с одной стороны, теория Комитета верна, а с другой стороны, также верны факты г. Бозанкета, то что отсюда следует? Либо то, что г. Бозанкет согласен с Комитетом; либо, что его факты совершенно неприменимы к рассматриваемому вопросу. Можно сделать еще одно заключение, которого я, однако, не имею намерения приписывать г. Бозанкету—а именно, что, с одной стороны, может существовать теория, а с другой стороны, факты, что и та и другие правильны и, однако, несовместимы друг с другом.

Что касается критерия д-ра Пели, т.-е. проверки теории Комитета на простом примере, то г. Бозанкет мог бы проверить ее не на одном, а на тысяче примеров и убедился бы в ее полном соответствии фактам. Если бы он употребил свой досуг и свои таланты на то, чтобы проследить применимость этой теории к тем тысячам случаев, с которыми она вполне согласуется, вместо того чтобы доверчиво ухватиться за те два или три случая, которые находятся лишь в кажущемся противоречии с ней, то он, вероятно, пришел бы к более правильным заключениям. Г. Бозанкет осправливает правильность положения г. Гескиссона о том, что «если одна часть денежного обращения страны обесценена (при том условии, что деньги эти либо прямо по закону, либо по существу являются законным платежным средством по номиналу, то равным образом должно обесцениться все

денежное обращение этой страны, будет ли это бумага или монета».

Факт, приводимый г. Бозанкетом, а именно, что «чрезвычайное обесценение серебряной монеты в царствование короля Вильгельма не сопровождалось, однако, обесценением золота, и что, наоборот, гинея, ценность которой равнялась 21 полновесным шиллингам, шла в обращении за 30 шил.», — не доказывает, что положение, выдвинутое г. Гескиссоном, расходится с практикой, так как золото не было тогда обращающейся монетой, оно не было ни прямо, ни фактически законным платежным средством и не имело какой-либо установленной законом ценности, а принималось при всех платежах как кусок золота известного веса и пробы.

Если бы оно не могло по закону ити в обращении более чем за 21 шил. низкопробных серебряных денег, то, оставаясь в состоянии монеты, оно обесценилось бы наравне с теми 21 шил., на которые оно обменивалось бы. Если бы гинея рассматривались теперь как товар, и закон не воспрещал бы их вывоза или переплавки, то они могли бы ити во всех платежах по 24 или 25 шил., пока ценность банкнот продолжала бы оставаться такой же, как сейчас. Равным образом, не противоречит общепризнанным авторитетам и следующее положение г. Гескиссона, с которым расходится г. Бозанкет: «что если в стране, денежное обращение которой состоит из золота, количество золота возрастает в какой-нибудь определенной пропорции, между тем, как количество других товаров и спрос на них останутся без изменения, то ценность всякого товара, измеряемого в монете этой страны, повысится в такой же пропорции». Г. Гескиссон не подвергает сомнению, как предполагает г. Бозанкет, истинности положения, высказанного д-р Адамом Смитом, что «увеличение количества драгоценных металлов, вызванное в какой-либо стране ростом ее богатства, отнюдь не способствует уменьшению их ценности», а говорит, что если количество драгоценных металлов в какой-либо стране возрастет, между тем как богатство ее не возрастет, или в то время как количество ее товаров останется прежним, то в таком случае ценность золотой монеты в такой стране падет, или другими словами, товары подымутся в цене.

Сам г. Бозанкет, в своих рассуждениях о руднике, признал, что таковы именно были бы последствия в указанном случае. Однако, по поводу этого места книги г. Гескиссона я должен сделать возражение, так как он добавляет, что рост товарных цен наступил бы (стр. 5) при указанных условиях «даже в том случае, если бы количество обращающихся монет страны не было увеличено». Я считаю совершенно бесспорным, что если ни товары, ни спрос на них, ни количе-

ство денег, с помощью которых они обращаются, не увеличиваются и не уменьшаются, то цены должны оставаться без изменения, каково бы ни было в данной стране количество золота или серебра в форме слитков¹⁾.

Признаюсь, я был не мало удивлен следующим заявлением г. Бозанкета, и я не сомневаюсь, что оно должно было вызвать такое же изумление и среди многих из его читателей. Утверждая на протяжении всей своей книги, что банкноты не были обесценены по сравнению с золотой монетой, что такое же повышение цены золота могло бы иметь место, и действительно имело место в некоторых случаях, в то время как наше обращение состояло частью из золота и частью из бумажек, размененных на золото по желанию держателя; отрицая, чтобы была какая-либо связь между золотом, предназначенным для вывоза, и золотом в монете, и утверждая, что именно вследствие отсутствия такой связи возросла цена его, г. Бозанкет теперь серьезно заявляет нам, что «применив к этому вопросу наиболее общепризнанные теории, я склоняюсь к мнению, что золото с того времени, как была вполне установлена новая система платежей Английского банка, перестало быть в действительности мерилом ценности». «Банкноты, — заявляет он,— с 1797 г. бесспорно стали масштабом торговли и счетными деньгами, и именно вследствие этого я считаю теорию о цене золота, которой придается такое значение, приемлемой в принципе, не внушающей сомнение при практическом ее применении». Будут ли довольны директора Английского банка или другие лица, с такой уверенностью утверждавшие, что хотя они и признают золото мерилом ценности, но не считают, что его высокая цена доказывает обесценение обращающихся денег,—будут ли они довольны защитой своих взглядов, основанной на таких положениях и признающей правильность всех положений, выдвинутых Комитетом о слитках,—не мне судить.

Что золото более не является на практике тем мерилом, которое регулирует наше обращение,—это несомненная истина. Это именно и является той причиной, по которой Комитет (а также и все те, кто разделяет его точку зрения) не может признать удовлетворительной нынешнюю систему.

Держатель денег терпел ущерб вследствие отсутствия такого прочного мерила, которое могло бы уберечь его собственность от обесценения. С 1797 г. он потерял 16%, и

1) Необходимо иметь в виду, что при этом я предполагаю, что ни увеличение, ни уменьшение общественного доверия не действует ни в смысле повышения, ни в смысле падения цены монеты.

у него нет никакой гарантии в том, что этот убыток вскоре не возрастет еще на 25, 30 или даже 50%.

Кто согласится при таких условиях держать деньги или ценные бумаги, проценты по которым оплачиваются в такого рода деньгах? Нет такой жертвы, которой не согласился бы принести владелец такой собственности, чтобы обеспечить себя сколько-нибудь на будущее время, пока господствует такая система. В приведенных немногих словах г. Бозанкет сказал так же много в пользу отмены закона, прекратившего размен на звонкую монету, как все писатели, все теоретики во всех их доводах со временем начали дискуссии по этому вопросу. Итак, признает ли г. Бозанкет, что у нас нет денежного мерила, раз золото перестало быть таковым? Послушаем, что он говорит сам об этом.

«Если билет в один фунт стерлингов есть лишь наименование, то, разумеется, спросят, что же является денежной единицей? Вопрос этот не так легко разрешить. Но принимая во внимание, какая большая часть, по отношению ко всему обращению, приходится на долю оборотов между правительством и населением, представляется возможным найти искомое мерило именно в этих сделках; и нисколько не труднее допустить, что законной ценностью одного фунтового билета является определенный процент с 33 ф. 6 шил. 8 пенс. ценных бумаг, а именно 3%, — чем считать, что эта ценность имеет какое-то отношение к металлу, которого более не осталось в обращении, и ежегодное увеличение запасов которого, даже в виде товара, не достигает одной двадцатой части ежегодных заграничных расходов правительства».

Итак, стало быть, мы имеем установленную ценность для фунтового банковского билета — это 3% с ценных бумаг на сумму 33 ф. 6 шил. 8 пенс. Но каким орудием платежа выплачиваются эти проценты? Этот вопрос важен, так как именно это орудие и должно быть денежной единицей. Владелец ценных бумаг на сумму 33 ф. 6 шил. 8 пенс. получает в банке билет в один фунт стерлингов. Таким образом, по теории человека практики, банковые билеты являются той единицей измерения, посредством которой определяется обесценение тех же банковых билетов!

Из боченка с ромом отлили 16% и взамен долили воду. Сравнением с чем предлагает г. Бозанкет обнаружить эту фальсификацию?

Посредством сравнения с кружкой фальсифицированной жидкости, взятой из той же бочки.

Нам говорят далее: «Обладает ли банк действительно большим запасом золота, или имеет его только на сумму 6-7 млн., — лучшим способом употребления его было бы

выкупить все билеты стоимостью ниже 5 ф. и более таких не выпускать в обращение».

Но как могли бы банкиры и промышленники производить свои мелкие платежи, если бы золото, выпущенное в таком ограниченном количестве, при нынешнем курсе и цене слитков было бы вывезено или переплавлено? Если бы банк не выпускал мелких билетов, а они не могли бы получить гиней за крупные билеты, они были бы вынуждены совершенно прекратить такие платежи. Чем больше я размышляю над этим вопросом, тем более я убеждаюсь в том, что зло может быть действительно излечено только путем сокращения количества банкнот.

—————{ * }—————

ПРЕДЛОЖЕНИЯ ПО ВОПРОСУ
ОБ ЭКОНОМНОМ И УСТОЙЧИВОМ
ДЕНЕЖНОМ ОБРАЩЕНИИ
и
СООБРАЖЕНИЯ ПО ВОПРОСУ
О ПРИБЫЛЯХ АНГЛИЙСКОГО БАНКА

ПЕРЕВОД СО ВТОРОГО ИЗДАНИЯ

1 8 1 6 г.

В В Е Д Е Н И Е

На рассмотрение ближайшей сессии парламента будут поставлены следующие важные вопросы, касающиеся Английского банка:

1. Следует ли обязать банк платить по его банкнотам монетой по требованию держателей?
2. Следует ли внести какие-либо изменения в условия, на которых было заключено в 1808 г. соглашение между правительством и банком о производстве последним операций, связанных с управлением государственным долгом?
3. Какую компенсацию должно получить государство за крупную сумму казенных вкладов, из которых банк извлекает прибыль?

По степени важности первый из этих вопросов значительно превосходит остальные; однако, уже так много писалось по вопросу о денежном обращении и о законах, которыми оно должно регулироваться, что я не стал бы затруднять внимания читателя дальнейшими замечаниями на эту тему, если бы я не полагал, что можно с выгодой применить более экономный способ производства наших платежей; для обяснения этого способа необходимо будет вкратце остановиться на некоторых из общих принципов, образующих в своей совокупности законы денежного обращения, и защитить их от выдвигаемых против них возражений.

Два других вопроса, хотя они и имеют меньшее значение, весьма заслуживают в наши времена, когда давление на наши финансы так сильно и когда экономия так важна,— серьезного внимания парламента. Если бы по обследовании оказалось, что услуги, оказываемые банком обществу, оплачиваются самым расточительным образом, и что эта богатая корпорация накопила беспримерные сокровища,—в значительной степени за счет общества и благодаря небрежности и снисходительности правительства,—то, надо надеяться, теперь будет заключено лучшее соглашение. Соглашение, которое, гарантируя банку справедливое вознаграждение за ответственность и хлопоты, связанные с выполнением операций для общества, в то же время воспрепятствует расточению государственных ресурсов.

Я полагаю, что все согласятся, что война, тяжело отразившаяся на большинстве классов общества, принесла совершенно неожиданные барыши банку, и что последние возрастили параллельно росту общественных тягот и затруднений.

Прекращение банком платежей наличными, явившееся последствием войны, дало ему возможность увеличить сумму своих банкнот в обращении с 12 до 28 млн., освободив его в то же самое время от всякой необходимости держать большой запас металлической наличности и слитков, представляющий ту часть фондов банка, которая не приносит ему никакой прибыли.

Война также увеличила непогашенный государственный долг, управление которым находится в руках банка, с 220 до 830 млн., и, несмотря на понижение размера процентов по долгу, банк за одно только управление этим долгом получит в настоящем году 277 тыс. ф., в то время как в 1792 г. общая сумма, полученная им от этой статьи, составляла всего 99.800 ф.

Войне банк обязан также повышением сумм казенных вкладов. В 1792 г. эти вклады не достигали, вероятно, и 4 млн., между тем как в 1806 и в следующие годы они, как нам известно, обычно превышали 11 млн.

Я думаю, нельзя сомневаться в том, что все услуги, оказываемые банком государству, могли бы выполняться государственными чиновниками и в государственных конторах, учрежденных с этой целью, с уменьшением или с экономией в расходах почти в полмиллиона в год.

В 1786 г. контролеры государственной отчетности заявили, что, по их мнению, управление государственным долгом, составлявшим тогда 224 млн., правительству обходилось бы меньше чем по 187 ф. 10 шил. с миллиона. С долга в 830 млн. банк получает 340 ф. с миллиона за первые 600 млн. и 300 ф. с миллиона за остальные 230 млн.

Против того, как ведутся государственные операции в банке, нельзя по справедливости ничего возражать: в каждом отделе мы видим умелую постановку дела, регулярность и точность, и в этом отношении, едва ли могут быть сделаны какие-либо изменения к лучшему.

Поскольку государство связано с банком в силу какого-нибудь существующего соглашения, против всякого изменения последнего будет выдвинуто возражение с этой точки зрения. Как бы несоразмерно мало ни было, на мой взгляд, в то время и при обстоятельствах, при которых оно было установлено, возмещение, получаемое государством от банка за возобновление его привилегии, я не буду высказываться в пользу пересмотра этого договора и считаю возможным предоставить банку невозбранно пользоваться всеми плодами этой неосмотрительной и односторонне выгодной сделки.

Но соглашение об управлении государственным долгом, заключенное с банком в 1808 г., не обладает, по-моему, таким характером, и каждая сторона свободна теперь его

расторгнуть. Это соглашение не было установлено на определенный срок, и срок его действия не связан с продолжительностью срока действия привилегии, выданной восемью годами ранее. Оно имело в виду положение вещей, существовавшее во время заключения этого соглашения, или такое положение, которого можно было бы ожидать в течение ближайших лет,—и теперь оно более не обязательно. Это прямо сказано в следующем отрывке письма г. Персевалия банку, датированного 15 января 1808 г., в котором он принимает предложенную банком скалу его вознаграждения за управление долгом. «В виду этого,—пишет г. Персеваль,—я склонен принять предложения банка относительно менее существенных частей соглашения и потому согласен принять предложенную банком скалу вознаграждения за управление государственным долгом, поскольку это относится к настоящим условиям или к таким, которых можно ожидать в ближайшее время».

Но так как с этого времени прошло 8 лет, и непогашенный долг возрос за этот период на 280 млн., то можно ли по праву утверждать, что не во власти одной из сторон, ныне или позднее, расторгнуть это соглашение или предложить такие изменения в нем, какие время и обстоятельства могут сделать целесообразными?

Я весьма обязан г. Гренфелю¹⁾; я лишь повторил по этому вопросу его доводы и утверждения. Я пытался оказать мою посильную поддержку делу, которое он так талантливо защищал в парламенте, и в котором, я надеюсь, успех увенчает его будущие усилия.

¹⁾ Г. Гренфель был докладчиком этого вопроса в Палате общин.

ПРЕДЛОЖЕНИЯ ПО ВОПРОСУ ОБ ЭКОНОМНОМ И УСТОЙЧИВОМ ДЕНЕЖНОМ ОБРАЩЕНИИ

* } ГЛАВА I { *

ВОПРОС ОБ УСТОЙЧИВОСТИ ОРУДИЯ ОБРАЩЕНИЯ ЕСТЬ В ТО ЖЕ ВРЕМЯ И ВОПРОС О ЕГО ДОБРОКА- ЧЕСТВЕННОСТИ

§ 1. Все, писавшие по вопросу о деньгах, соглашаются с тем, что устойчивая ценность орудий обращения является вещью весьма желательной. Поэтому надо всячески приветствовать все улучшения, которые, уменьшая причины колебаний ценности, могли бы приблизить нас к этой цели. Не существует способа, при помощи которого можно было бы поддерживать ценность денег на абсолютно устойчивом уровне, ибо она всегда будет испытывать те же колебания, которые испытывает ценность того товара, который мы приняли за мерило.

Поскольку мерилом, лежащим в основе нашего денежного обращения, остаются благородные металлы, поскольку деньги неизбежно будут подвергаться тем же колебаниям ценности, что и эти металлы. Относительная устойчивость ценности благородных металлов в течение длительных периодов времени и явилась, вероятно, причиной того предпочтения, которое отдавалось им во всех странах в качестве мерила для определения ценности всех других вещей.

Мы можем считать совершенным такое денежное обращение, единица которого, лежащая в его основе, не подвергается колебаниям, которое всегда согласовано с этой единицей, и применение которого дает максимальную экономию.

Одним из преимуществ—и немаловажным—бумажного обращения по сравнению с металлическим надо считать ту легкость, с которой может быть изменено количество обращающихся денег, если этого потребуют нужды торговли или какие-нибудь обстоятельства временного характера: ибо это дает возможность дешево и верно достигать желаемой цели—поддержания устойчивой ценности денег,—насколько это вообще осуществимо.

§ 2. Количество металла, употребляемого в качестве денег для совершения платежей в какой-нибудь стране, пользующейся металлическими деньгами, или количество металла, заместителем которого являются бумажные деньги в том случае, когда в качестве денег полностью или частично фигурируют бумажные деньги,—зависит от трех обстоятельств: во-первых, от ценности металла; во-вторых, от суммы или от ценности подлежащих совершению платежей; и, в-третьих, от степени экономии, реализуемой при совершении этих платежей.

§ 3. Для страны, которая в основе своего денежного обращения имеет золото, потребуется, по крайней мере, в 15 раз меньше металла, чем в том случае, если бы она употребляла серебро, и в 900 раз меньше, чем в том случае, если бы она употребляла медь, ибо золото относится по ценности к серебру, как 15 к 1, а к меди—как 900 к 1. Если бы определенная весовая единица этих металлов была названа фунтом, то потребовалось бы таких фунтов в одном случае в 15 раз больше, а в другом—в 900 раз больше, независимо от того, употреблялся ли бы в качестве денег непосредственно металл, или он замещался бы полностью или частично бумажными деньгами. А если бы отдельные страны имели в основе своего денежного обращения постоянно один и тот же металл, то нужное для обращения количество денег было бы обратно пропорционально ценности этого металла. Предположите, что таким металлом было бы серебро, и что вследствие ухудшения условий добычи металла на серебряных рудниках его ценность удвоилась бы—тогда для денежного обращения оказалась бы достаточной половиной прежнего количества серебра; а если бы весь оборот обслуживался бумажными деньгами, в основе которых лежит серебро, то для поддержания их ценности на уровне ценности серебра в слитках тоже нужно было бы уменьшить их количество вдвое. Так же точно можно было бы показать, что в случае, если бы серебро опять подешевело вдвое по сравнению с другими товарами, его потребовалось бы двойное количество для обслуживания обращения прежнего количества благ.

§ 4. Если в какой-нибудь стране, благодаря росту ее богатства и промышленности, увеличится число сделок, и если при этом останется неизменной ценность металла в слитках и экономия в употреблении денег,—то благодаря усиленному употреблению денег подымется их ценность и будет стоять выше ценности слитков, если не будет увеличено их количество путем ли выпуска дополнительно к ним бумажных денег, или путем перечеканки слитков в монету. Будет продаваться и покупаться больше товаров, но по более низ-

ким ценам; таким образом, то же количество денег будет соответствовать большему количеству сделок, благодаря тому, что при каждой отдельной сделке деньги будут обращаться по более высокой ценности.

Таким образом, ценность денег зависит не исключительно от их абсолютного, а и от относительного их количества по отношению к тем платежам, которые при помощи них должны быть совершены; один и тот же результат получился бы как при увеличении числа сделок, в которых употребляются деньги на одну десятую, так и при уменьшении количества денег на одну десятую, так как и в том и в другом случае их ценность поднялась бы на одну десятую.

В условиях здорового денежного обращения причиной увеличения количества денег является всегда возрастание их ценности по сравнению с ценностью слитков; ибо при таких условиях либо прибегают к увеличенным выпускам бумажных денег, что всегда сопряжено с прибылью для эмитентов, либо прибыль получается путем отправки слитков на монетный двор для перечеканки.

Сказать, что деньги расцениваются выше слитков, или лежащего в основе денег металла, — значит сказать, что слитки продаются на рынке ниже цены монетного двора. Слитки поэтому могут покупаться и перечеканиваться в деньги с прибылью, равной разнице между рыночной их ценой и ценой монетного двора. Законная цена золота на монетном дворе равна 3 ф. 17 шил. и $10\frac{1}{2}$ пенс. (за унцию). Если, благодаря росту богатства, станет продаваться и покупаться большее количество товаров, то первым результатом этого будет рост ценности денег. За унцию золота в слитках будут давать в чеканенной монете вместо 3 ф. 17 шил. $10\frac{1}{2}$ пенс. только 3 ф. 15 шил.; поэтому всякий, кто отнесет на монетный двор для перечеканки унцию золота, может получить прибыль в размере 2 шил. $10\frac{1}{2}$ пенс. Однако, длительно такое получение прибыли не может иметь места; ибо прибавляемое таким путем к обращению количество денег будет понижать их ценность, а с другой стороны, уменьшение количества слитков на рынке будет иметь тенденцию повышать ценность слитков по отношению к ценности монеты: благодаря одной или обеим причинам скоро будет восстановлено равенство в их ценности.

Оказывается, затем, что при увеличении обращения путем чеканки новых монет, ценность и слитков и монеты будет, —по крайней мере, на время, —даже после установления их общего уровня, —выше, чем до этого; это обстоятельство, часто неизбежное, причиняет неудобства, ибо затрагивает все ранее заключенные сделки. Эти неудобства всецело могут быть устранены путем выпуска бумажных денег; ибо в этом

случае не будет дополнительного спроса на слитки, благодаря чему их ценность останется неизменной; и новые бумажные деньги, как и старые, будут соответствовать этой ценности.

Таким образом, не говоря уже о всех прочих преимуществах, связанных с употреблением бумажных денег, можно обеспечить путем правильного регулирования их количества такую степень устойчивости ценности орудия обращения, при помощи которого производятся все платежи, какая не может быть достигнута никакими другими средствами.

§ 5. При неизменной ценности денег и неизменной сумме платежей, количество денег, нужное для обращения, зависит от степени экономии, достигаемой при их употреблении. Если бы платежи не совершались при помощи чеков на банкиров, при применении которых деньги просто списываются с одних счетов и вносятся в другие, при том на миллионные суммы ежедневно, так что из рук в руки переходит только небольшое количество банкнот или вовсе не переходит, то совершенно ясно, что потребовалось бы значительно больше орудий обращения, или что то же—те же деньги шли бы по большей ценности и поэтому соответствовали бы увеличению размеров платежей. Поэтому, всякий раз, как купцы перестают доверять друг другу, что заставляет их воздерживаться от сделок в кредит или от приема при платежах чеков, платежных обязательств или векселей,—появляется большой спрос на деньги—все равно, бумажные или металлические; и преимущества построенного на правильных началах бумажно-денежного обращения заключаются в том, что требуемое дополнительно количество денег может быть немедленно доставлено без каких бы то ни было колебаний в ценности всех обращающихся денег как по сравнению со слитками, так и по сравнению со всеми прочими товарами; в то время как при системе металлического обращения это дополнительное количество не может быть незамедлительно доставлено, а когда оно, наконец, будет доставлено, то окажется, что ценность всех денег, как и ценность слитков, увеличилась.

* ГЛАВА II (*)

УПОТРЕБЛЕНИЕ КАКОГО-ЛИБО ТОВАРА В КАЧЕСТВЕ МЕРИЛА ЦЕННОСТИ; РАССМОТРЕНИЕ ВЫДВИГАЕМЫХ ПРОТИВ ЭТОГО ВОЗРАЖЕНИЙ

§ 6. Во время недавних споров по вопросу о слитках совершенно справедливо утверждалось, что совершенные деньги должны быть абсолютно неизменными в своей ценности.

Однако, утверждали также, что наши деньги стали таковыми благодаря *restriction bill* (закон о прекращении Английским банком платежей звонкой монетой); ибо этим законом мы мудро лишили золото и серебро функций денег; и, что, действительно, банкнота в один фунт стерлингов не может и не должна зависеть в колебаниях своей ценности от изменений ценности данного количества золота, так же как от колебаний ценности данного количества какого-нибудь другого товара. Эта мысль о денежном обращении без определенной основы¹⁾ была, я полагаю, выдвинута Джемсом Стюартом²⁾, но никто еще не мог указать критерия, на основании которого мы были бы в состоянии судить об устойчивости ценности денег, созданных таким образом. Поддерживающие эту точку зрения не обратили внимания на то, что такие деньги не только не будут устойчивыми, но будут подвергаться чрезвычайно большим колебаниям, что единственной задачей мерила, лежащего в основе денежного обращения, является регулирование количества и, благодаря этому, регулирование ценности обращающихся денег, и что без такой основы деньги будут испытывать все колебания, которым их могут подвергать невежество или заинтересованность эмитентов.

§ 7. Правда, говорилось, что мы должны судить о ценности денег по их отношению не к отдельному товару, а ко всей массе их. Если бы даже согласиться—хотя это невозможно—с предположением, что эмитенты бумажных денег захотели бы регулировать их количество на основе этого критерия, то у них не было бы способа для осуществления этого; ибо если мы примем во внимание, что сами товары по отношению друг к другу непрерывно изменяются в своей ценности, и что в момент этих изменений невозможно установить, возросла ли ценность какого-нибудь товара или уменьшилась ценность другого, то надо будет признать, что такой критерий оказался бы совершенно непригодным.

Одни товары возрастают в ценности благодаря налогам, благодаря недостатку сырых материалов, из которых они

1) Этот вопрос рассматривается Дж. Стюартом в *An Inquiry into the Principles of Political Economy*, Book 3, ch. 1 и др. причем он тщательно проводит разницу между такими деньгами и вещественными или искусственными деньгами, указывая на их принципиальное различие. По отношению к последним, т.-е. по большей части золоту и серебру, он говорит: «Я показал полную невозможность того, чтобы они были масштабом или неизменяющимся мерилом ценности». Книга III, часть II, глава I. [Примечание редактора английского издания.]

2) Труды Джемса Стюарта по вопросу о монете и деньгах полны назидательности, и представляется удивительным, как мог он принять вышеуказанное мнение, так явно расходящееся с основными принципами, которые он пытался установить.

производятся, или благодаря другим причинам, увеличивающим трудность их производства.

Ценность других, наоборот, падает благодаря усовершенствованию машин, благодаря лучшему разделению труда или увеличению квалификации рабочих, благодаря изобилию сырых материалов и, вообще, благодаря возросшей легкости их производства. Чтобы определить ценность обращающихся денег при помощи предлагаемого критерия, нужно было бы последовательно сравнивать деньги с тысячами товаров, обращающихся в обществе, вычисляя для каждого из них влияние, оказанное на его ценность всеми вышеуказанными причинами. Совершенно очевидно, что это невозможно.

Предположение о возможности практического применения этого критерия вытекает из непонимания разницы между ценой и ценностью. Цена товара есть его меновая ценность, выраженная только в деньгах. Ценность товара измеряется количеством всех прочих вещей, на которые он обменивается.

Цена товара может подниматься одновременно с понижением его ценности и, наоборот. Шляпа может подняться в цене с 20 до 30 шил., но за 30 шил. теперь нельзя будет приобрести такого же количества чаю, сахара, кофе и прочих вещей, какое можно было приобрести раньше за 20 шил., следовательно, того же количества их нельзя будет приобрести и в обмен на шляпу. Следовательно, шляпа упала в ценности, хотя и поднялась в цене.

Нет ничего легче, как установить изменение цены, и нет ничего труднее, как установить изменение ценности; действительно, без неизменяющегося мерила ценности,—а такого не существует,—последняя не может быть установлена хотя бы с известной долей достоверности или точности.

Шляпа может обмениваться на меньшее количество чаю, сахара и кофе, чем прежде, но может в то же самое время обмениваться на большее количество металлических изделий, обуви, чулок и т. д., и разница в относительных ценостях этих товаров может иметь своей причиной: либо рост ценности, хотя и в различной степени, двух товаров, при неизменной ценности третьего, либо падение ценности двух при неизменной ценности третьего, либо одновременное изменение в ценности всех товаров.

Если мы скажем, что ценность может быть измерена тем удовлетворением, которое в обмен на товар может доставить себе его собственник, то мы все же, как и до этого, не в состоянии будем определить ценность, ибо обладание одним и тем же товаром может доставить двум людям совершенно различную степень удовлетворения. В вышеприведенном примере шляпа покажется упавшей в ценности тому лицу,

удовлетворение которого заключается в потреблении чаю, кофе, сахару; в то же время она покажется поднявшейся в ценности тому, кто предпочитает обувь, чулки и металлические изделия. Следовательно, товары вообще не могут никогда стать основой для регулирования количества и ценности денег; и хотя принятая нами основа—золото и серебро—тоже связана с известными неудобствами, проистекающими из колебаний, которым эти металлы подвержены наряду с прочими товарами,—все же эти неудобства совершенно ничтожны по сравнению с теми, какие нам пришлось бы испытать, если бы мы приняли предлагаемый план. Когда золото, серебро и почти все прочие товары поднялись в течение последних двадцати лет в цене, то сторонники абстрактного орудия обращения, вместо того чтобы приписать, хотя бы отчасти, это повышение падению ценности бумажных денег, постоянно находили другие благовидные причины изменения цен. Золото и серебро поднялись, мол, потому, что их было мало, и что на них был большой спрос ввиду необходимости оплачивать громадные армии, набранные в то время. Все прочие товары поднялись-де потому, что они были прямо или косвенно обложены налогами, или потому, что вследствие ряда неурожайных лет и затруднений в ввозе зерна, последнее значительно поднялось в своей ценности, благодаря чему, согласно их теории,—неизбежно должны были подняться цены прочих товаров. По их мнению единственной вещью, оставшейся неизменной в своей ценности, были банкноты, которые были, поэтому, чрезвычайно приспособлены для измерения ценности всех прочих вещей.

Если бы цены поднялись даже на 100%, то и в этом случае можно было бы отрицать, что деньги играли при этом какую-нибудь роль, и это тоже могло бы быть приписано тем же причинам. Аргументация, действительно, надежная, ибо она не может быть опровергнута. Если два товара изменяются в своей относительной ценности, то невозможно с достоверностью сказать, поднялся ли один из них, или упал другой; так что, если мы примем денежную систему без лежащего в ее основе мерила, то нет того предела обесценения, до которого деньги не могли бы упасть. Обесценение не может быть доказано, ибо всегда можно утверждать, что не деньги упали, а товары поднялись в цене.

* ГЛАВА III *

ДЕНЕЖНАЯ ЕДИНИЦА, ЕЕ НЕДОСТАТКИ

ПАДЕНИЕ ЦЕННОСТИ ДЕНЕГ НЕ СООТВЕТСТВУЕТ ЕГО ПОВЫШЕНИЮ—ПОСЛЕДСТВИЯ ЭТОГО. ПРАВИЛОМ ДЛЯ БУМАЖНЫХ ДЕНЕГ ДОЛЖНО БЫТЬ СООТВЕТСТВИЕ ИХ ЦЕННОСТИ ЕДИНИЦЕ, ЛЕЖАЩЕЙ В ОСНОВЕ ДЕНЕЖНОГО ОБРАЩЕНИЯ

§ 8. Пока за основу денежного обращения мы принимаем какую-либо металлическую единицу, ценность денег подвергается лишь тем колебаниям, которым подвержена сама эта единица; но против этих колебаний нет никакого средства, и последние события доказали, что в периоды войн, когда золото и серебро употребляются для содержания больших армий вдали от родины, эти колебания более значительны, чем это вообще можно было бы допустить. Эти колебания доказывают лишь то, что и золото и серебро не являются такой безупречной единицей, как это предполагалось до настоящего времени, что они сами подвержены большим колебаниям, чем этого можно было бы желать по отношению к денежной единице. Они представляют собой, однако, лучшую денежную единицу, какую мы знаем. Если б можно было отыскать другой товар, менее изменчивый в своей ценности, он мог бы легко быть принят в качестве будущей основы нашего денежного обращения, конечно, лишь в том случае, если б он обладал всеми прочими качествами, необходимыми для этой цели; но пока единицей, лежащей в основе обращения, остаются эти металлы, деньги должны соответствовать ей в своей ценности, а если этого нет, если рыночная цена слитков выше цены монетного двора, то деньги являются обесцененными. Это положение не опровергнуто и опровергнуто быть не может.

§ 9. Многое неудобств проистекает от употребления в качестве нашей денежной единицы двух металлов; одновременно и в течение долгого времени в центре спора стоял вопрос о том, какой из этих металлов—золото или серебро—должен быть об'явлен законом главной или единственной денежной единицей. В пользу золота можно сказать, что его большая (по сравнению с серебром) ценность при меньшей массе делает его чрезвычайно пригодным в качестве денежной единицы в богатой стране; но это же его качество подвергает ценность его большим колебаниям в периоды войны или большого падения коммерческого доверия, когда оно в широких размерах накапливается и превращается в со-

кровища; это обстоятельство и может быть выставлено в качестве аргумента против его применения.

Единственным препятствием к применению в качестве денежной единицы серебра является его большая масса, делающая его непригодным для больших платежей, подлежащих совершению в богатой стране; но это препятствие полностью устраняется путем замещения серебра бумажными деньгами в качестве главного орудия обращения страны. Действительно, серебро значительно устойчивее в своей ценности вследствие большого постоянства спроса на него и его предложения; и так как все другие страны регулируют ценность своих денег при помощи ценности серебра,—нет никакого сомнения в том, что, в общем, следует предпочесть серебро золоту в качестве денежной единицы и постоянно применять его для этой цели.

§ 10. Лучшую систему обращения чем та, которая существовала до последних законов, превративших банкноты в законное платежное средство, можно себе, быть может, представить; но до тех пор, пока закон устанавливал металлическую единицу, до тех пор, пока монетный двор был открыт для всякого, и всякий мог по своему выбору принести для перечеканки в монету золото или серебро, пределы падения ценности денег ограничивались пределом падения ценности благородных металлов. Если б золото стало столь же обильным и столь же дешевым, как медь, то и банкноты неизбежно подверглись бы такому же обесценению, и все лица, имущество которых заключается в деньгах, как, например, держатели казначейских билетов, дисконтеры коммерческих векселей, лица, живущие рентой, как, например, держатели государственных фондов, ипотек и многие другие подверглись бы всем бедствиям, сопряженным с таким обесценением. По какому же праву утверждают в таком случае, что когда ценность золота или серебра поднимается, ценность денег должна удерживаться насильственно,—путем законодательного вмешательства,—на прежнем уровне,—если не применяются или никогда не применялись какие-либо средства, противодействующие падению денег при падении ценности золота и серебра? Если владелец денег подвергается всем затруднениям, связанным с падением ценности его имущества, он должен также пользоваться всеми выгодами от увеличения его ценности. Если бумажное обращение, не основанное на металлической единице, представляет усовершенствование, то нужно это доказать и затем отказаться вовсе от пользования этой единицей. Но не следует сохранять ее только в ущерб интересам лиц, владеющих этим одним из многих тысяч обращающихся в стране товаров, из которых ни один, кроме денег, не испытывает такой судьбы.

Эмиттенты бумажных денег должны регулировать их выпуск исключительно исходя из цены слитков, но никак не руководствуясь количеством находящихся в обращении бумажных денег. Их количество никогда не может быть ни слишком большим, ни слишком малым, пока они сохраняют ту же ценность, что и денежная единица. И в самом деле, деньги должны были бы расцениваться скорее несколько выше слитков, чтобы компенсировать тот небольшой промежуток времени, в течение которого они возвращаются с монетного двора в обмен на слитки. Этому промежутку соответствует небольшая пошлина за чеканку, и чеканенные деньги, или представляющие их банкноты, должны в их нормальном состоянии расцениваться по отношению к слиткам выше на сумму пошлины за чеканку.

Не обращая должного внимания на это обстоятельство, Английский банк терпел прежде большие убытки. Он снабжал страну всей потребной для нее чеканенной монетой и покупал за свои бумажные деньги слитки, чтобы отправлять их на монетный двор для перечеканки. Если бы он поддерживал ценность своих бумажных денег путем ограничения их количества на уровне, слегка превышающем ценность слитков, он благодаря дешевизне своих закупок покрыл бы все издержки по посредничеству и очистке металла, включая и справедливый эквивалент за промежуток времени, приходящийся на чеканку.

} ГЛАВА IV {} *

СПОСОБ ВОЗМОЖНО БОЛЕЕ УСОВЕРШЕНСТВОВАТЬ АНГЛИЙСКОЕ ДЕНЕЖНОЕ ОБРАЩЕНИЕ

§ 11. Вопрос о денежном обращении снова будет обсуждаться в ближайшую парламентскую сессию; и вероятно, будет установлен срок для возобновления платежей монетой, что принудит банк ограничивать количество бумажных денег до тех пор, пока их ценность не будет соответствовать ценности слитков.

Правильно регулируемое бумажно-денежное обращение представляет собою такое большое усовершенствование в области торговли, что я очень сожалел бы, если бы предрассудки заставили нас вернуться к менее выгодной системе. Введение благородных металлов в качестве денег может поистине рассматриваться как чрезвычайно важный шаг вперед в деле усовершенствования торговли и развития цивилизации; но не менее верно и то, что с развитием наук и знаний мы открываем, что было бы дальнейшим улучше-

вием лишить их той функции, которую они с таким успехом выполняли в менее просвещенные времена.

Если бы банк снова принужден был оплачивать свои банкноты звонкой монетой, то в результате этого значительно уменьшились бы прибыли банка без соответственного выигрыша для какой-нибудь другой части общества. Если бы лица, пользующиеся банкнотами в один, два или даже пять фунтов могли по своему желанию употреблять и гинеи, то нет никакого сомнения в том, что они предпочли бы. Таким образом, только ради удовлетворения простой прихоти, малоценнное орудие обращения было бы заменено более дорогим. Не говоря уже о потерях банка, которые должны рассматриваться как потери общества, ибо общее богатство составляется из индивидуальных богатств,—государство принужденно было бы производить бесполезные затраты на чеканку, и при каждом падении вексельного курса гинеи переплавлялись бы и вывозились.

§ 12. Оградить публику от всех колебаний ценности денег, кроме тех, которым подвержена сама денежная единица, и в то же время обслуживать обращение при помощи наименее дорогого орудия,—значит достичь наиболее совершенного состояния, до которого может быть доведено денежное обращение; и мы обладали бы всеми этими преимуществами, если бы банк был обязан давать в обмен за свои банкноты не гинеи, а золото и серебро в слитках установленной пробы и по цене монетного двора; благодаря этому, бумажные деньги никогда не падали бы ниже ценности слитков, не вызывая одновременного сокращения количества бумажных денег. Чтобы предупредить под'ем ценности бумажных денег выше ценности слитков, банк следовало бы также обязать отдавать свои бумажные деньги в обмен за золото узаконенной пробы по цене 3 ф. 17 шил. за унцию. Чтоб не особенно затруднять банк, количество золота, которое можно потребовать у банка за бумажные деньги по цене монетного двора в 3 ф. 17 шил. $10\frac{1}{2}$ пенс., и количество э掉落, которое может быть ему продано по 3 ф. 17 шил., должно быть установлено в размере не менее 20 унций. Другими словами, банку должно быть вменено в обязанность покупать любое количество предлагаемого ему золота, но не менее 20 унций, по 3 ф. 17 шил.¹⁾ за унцию, и продавать лю-

¹⁾ Упоминающаяся здесь цена в 3 ф. 17 шил. является, конечно, произвольно выбранной. Быть может, можно было бы привести веские доводы в пользу установления ее на уровне несколько более высоком, или несколько более низком. Принимая цифру в 3 ф. 17 шил., я хочу только иллюстрировать свое положение. Цена должна быть установлена на таком уровне, чтобы продавцу золота было выгоднее продать его банку, чем нести его на монетный двор для перечеканки.

бое количество золота, требуемое у него, по 3 ф. 17 шил. 10½ пенс., (но также не менее 20 унц.). Так как банк обладает возможностью регулировать количество выпускаемых им бумажных денег, нет никакого основания ожидать каких-нибудь неудобств от применения такого рода системы.

В то же время надо предоставить максимальную свободу в деле вывоза и ввоза всякого рода слитков. Количество этих сделок со слитками было бы очень немногочисленно, если бы банк регулировал свои ссуды и выпуски бумажных денег на основе так часто упоминавшегося мной критерия, а именно на основе цены слитков узаконенной пробы, не обращая внимания на абсолютное количество бумажных денег в обращении¹⁾.

Цель, которую я имею в виду, была бы в значительной мере достигнута, если бы банк был обязан выдавать в обмен на свои банкноты нечеканенные слитки по цене монетного двора и установленной пробы; хотя при этом он не был бы вынужден покупать предлагаемые ему слитки по установленной цене, особенно, если бы монетный двор продолжал быть открытым для публики на предмет чеканки денег: ибо такое регулирование предлагается нами лишь для того, чтобы предотвратить отклонение ценности денег от ценности слитков в размерах больших, чем разница между покупной и продажной ценой банка, что представляло бы собою приближение к устойчивости ценности денег, признаваемой всеми желательной.

Если банк будет произвольно ограничивать количество своих бумажных денег, то их ценность будет подыматься; и золото может упасть ниже той предельной цены, по которой банк должен был бы по моему предположению покупать его. В этом случае золото будет относиться на монетный двор и, вернувшись оттуда в виде денег, увеличит соответственно количество обращающихся денег и должно будет в результате вызвать понижение ценности последних и восстановить ее соответствие с (металлической) единицей, но

То же относится и к законному минимуму, устанавливаемому в размере 20. Могут быть основания в пользу установления этого минимума в размере 10 или 30 унций.

¹⁾ Я уже заметил, что на мой взгляд серебро лучше всего подходит для роли нашей денежной единицы. Если бы оно было признано таковой законом, то банку должно было бы быть вменено в обязанность покупать или продавать только серебряные слитки. Если бы денежной единицей было одно только золото, банк должен был бы покупать и продавать лишь золото; но если бы в качестве денежной единицы были оставлены оба металла, как это установлено законом в данный момент, банк должен был бы иметь право по своему выбору давать в обмен за свои банкноты один из двух металлов, а на серебро должна была бы быть установлена цена, пожалуй, ниже монетной, по которой банк не имел бы права отказываться от его покупки.

это не сможет быть проделано с такой легкостью и быстротой и так экономно, как при применении предлагаемых мной средств; против этого банк не может ничего возразить, ибо для него выгоднее снабжать обращение бумажными деньгами, чем заставлять других снабжать его чеканенной монетой.

§ 13. При такой системе и при таком способе регулирования обращения банк никогда не испытывал бы никаких затруднений, исключая чрезвычайные случаи всеобщей паники в стране, когда каждый стремится обладать драгоценными металлами, как наиболее удобной формой реализации и сохранения своей собственности. Против такого рода паники банк не может быть гарантирован ни при какой системе; это вытекает из самой природы банка, ибо никогда ни в банке, ни во всей стране не может быть столько звонкой монеты или слитков, сколько вправе потребовать обладающие деньгами жители этой страны. Если бы все в один и тот же день потребовали от своих банкиров свои вклады, то для удовлетворения такого спроса нехватило бы количества банкнот, во много раз превышающего количество, находящееся в данное время в обращении. Такого рода паника была причиной кризиса 1797 г., а вовсе не большие авансы, предоставленные банком правительству, как полагали тогда. Нельзя винить в этом ни банк, ни правительство; напор на банк был результатом эпидемии необоснованных страхов со стороны трусливой части общества, и этот напор в равной мере имел бы место, если бы банк не предоставлял авансов правительству или если бы он обладал вдвое большим капиталом. Возможно, что если бы банк продолжал платить звонкой монетой, паника улеглась бы раньше, чем исчерпались бы запасы монеты в банке.

При всем известном мнении директоров банка насчет правил выпуска бумажных денег нужно сказать, что они, в общем, пользовались своей властью довольно скромно. Ясно, что они с крайней осторожностью применяли свои же собственные принципы.

При современном законодательстве в этой области они обладают властью бесконтрольно увеличивать или сокращать обращение до любого уровня, какой они сочтут подходящим; властью, которая не может быть предоставлена ни самому государству, ни какому бы то ни было учреждению в нем, ибо не может быть никакой уверенности в устойчивости денег, если увеличение или сокращение их количества зависит исключительно от воли эмитентов. Того факта, что банк имеет власть сокращать обращение до минимального предела, не будут отрицать даже и те, кто соглашается с мнением директоров насчет того, что они не имеют власти

безгранично увеличивать его размеры. Хотя я вполне уверен в том, что для банка и невыгодно и нежелательно применять эту власть в ущерб публике,—я все же не могу, размышляя над теми отрицательными последствиями, которые может повлечь за собой внезапное и сильное сокращение обращения или его сильное увеличение, не сожалеть о той легкости, с какой государство вооружило банк такой страшной прерогативой.

§ 14. Неудобства, которые испытывали провинциальные банки до прекращения платежей в звонкой монете, должны были быть временами очень велики. Во все периоды паники или накануне их они были вынуждены запасаться гинеями, чтобы быть готовыми к могущим возникнуть затруднениям. В этих случаях гинеи получались от Английского банка в обмен на билеты крупных купюр и привозились доверенным агентом за счет и риск провинциального банка. Исполнив свое назначение, они возвращались обратно в Лондон, где, по всей вероятности, попадали снова в Английский банк, если только не терпели такой потери в весе, что оказывались ниже нормального веса, установленного законом.

Если бы предлагаемый ныне план оплаты банкнот слитками был принят, то было бы необходимо либо распространить эту же привилегию и на местные банки, либо сделать банкноты законным платежным средством; во втором случае не произошло бы изменения в законодательстве по отношению к провинциальным банкам, поскольку они должны были бы точно так же, как они это делают теперь, оплачивать по требованию свои банкноты банкнотами Английского банка.

Экономия, которая получилась бы при этом благодаря тому, что гинеи не подвергались бы потере в весе от трения при своих повторных путешествиях, а также благодаря устраниению расходов по перевозке, была бы весьма значительной; но гораздо более значительные выгоды получались бы от постоянного снабжения обращения как во всей стране, так и в Лондоне, поскольку речь идет о мелких платежах, весьма дешевым орудием обращения—бумагой—вместо очень дорогое—золота; этим самым страна получала бы возможность извлекать всю прибыль, которая может быть получена благодаря производительному применению капитала на эту же сумму. Нельзя найти оправдания отказу от таких несомненных выгод, если только не будет указано на какое-нибудь специальное затруднение, связанное с пользованием более дешевым орудием обращения.

§ 15. Много и хорошо писалось о выгодах, происходящих для страны от промышленной свободы, при которой всякий человек, не стесняемый никакими ограничениями, может приложить свои таланты и свой капитал так, как это

ему кажется лучше всего. Доводы, на которых базируется принцип промышленной свободы, являются настолько сильными, что он ежедневно приобретает новых прозелитов. Я с удовольствием наблюдаю успехи, которые делает этот великий принцип даже среди тех, от которых можно было бы ожидать, что они будут больше всего придерживаться старых предрассудков.

В поданных в парламент петициях против хлебных законов признавалось вообще преимущество свободной торговли, но никем этот вопрос не был разобран лучше, чем суконщиками из Глостершира, которые были настолько убеждены в неблагоразумности каких бы то ни было стеснений, что высказывали желание уничтожить все стеснения, имеющие место в отношении к их отрасли. Это принципы, распространение которых на практике никогда не может быть слишком широким; но если другие нации еще не достаточно просвещены для того, чтобы применить у себя эту либеральную систему, и будут продолжать практиковать у себя запрещения и чрезмерные пошлины в отношении ввозимых от нас товаров и фабрикатов, то пусть Англия покажет им хороший пример к своей собственной выгоде; и вместо того чтобы отвечать на эти запрещения подобными же исключительными мерами, пусть она возможно скорее отбросит последние остатки этой бессмысленной и пагубной политики.

Материальные преимущества, которые являются результатом такой системы, склонят другие государства к переходу на этот путь, и в скором времени мы увидим, что общее благосостояние будет скорее всего достигнуто, если каждая страна будет естественно ити по линии наиболее выгодного использования своих капиталов, талантов и промышленности. Однако, как ни выгодна свобода торговли,—все же надо признать, что существует небольшое, правда, очень небольшое число исключений, когда вмешательство государства может быть применено с пользой для дела. В своем талантливом труде по политической экономии г. Сей, указав на преимущества свободной торговли, замечает¹⁾, что только в двух случаях может быть оправдано вмешательство государства: во-первых, для предупреждения мошенничества, во-вторых—для засвидетельствования факта. Вовсе не является излишним вмешательство государства при испытаниях, которым подвергаются врачи-практики, ибо для благополучия народа необходимо, чтобы факт приобретения ими достаточного количества знаний по вопросу о болезнях человеческого организма был установлен и засвидетельствован. То же са-

¹⁾ *Economie Politique*, кн. I, гл. 17.

мое относится и к клейму, которое кладется государством на изделия из благородных металлов и деньги; этим самым государство предотвращает возможность обмана и избавляет от необходимости при каждой покупке и продаже прибегать к сложным химическим исследованиям. То же самое имеется в виду и при исследовании состава лекарств, продаваемых химиками и аптекарями. Во всех этих случаях нельзя предполагать у покупателей достаточных знаний или возможности их приобретения, которые могли бы их оградить от обмана; и правительство вмешивается в данном случае для того, чтобы сделать то, чего сами покупатели сделать не в состоянии.

§ 16. Но если публика требует защиты от плохой монеты со слишком большим количеством лигатуры, которая может быть ей навязана, и эта защита организуется путем наложения клейма, которое государство накладывает на находящуюся в обращении монету,—то насколько более необходима эта защита в том случае, если бумажные деньги составляют все или почти все количество средств обращения страны. Совершенно несостоительно мнение, будто государство должно применять свою власть для защиты общества от потери одного шиллинга на гинее, но не должно вмешиваться для того, чтобы защитить его от потери всех двадцати шиллингов на фунтовой банкноте. Что касается Английского банка, то в отношении выпускаемых им банкнот правительство приняло определенные предосторожности; и держатели его билетов могут пострадать вследствие какого-либо неблагоразумия с его стороны лишь после того как он потеряет весь свой капитал, составляющий сумму свыше $11\frac{1}{2}$ млн. Почему же этот принцип не применяется по отношению к провинциальным банкам? Какие могут быть возражения против того, чтобы потребовать у тех, кто берет на себя обязанность снабжать страну средствами обращения, соответствующего обеспечения в том, что они будут должным образом выполнять свои обязанности? При употреблении денег всякий является заинтересованным; люди, навыки и род занятий которых мало приспособлены к тому, чтобы дать им представление о механизме торговли, все же принуждены пользоваться деньгами, хотя они ни в какой мере не в состоянии установить степень солидности того или иного банка, билеты которого находятся в обращении; благодаря этому мы видим, как люди, живущие на ограниченные доходы,—женщины, рабочие и всякого рода ремесленники—часто жестоко страдают от банкротства провинциальных банков, которые за последнее время стали необычайно частыми.

Хотя я ни в какой мере не расположен безжалостно осуждать банки, причинившие столько разорений и бедствий

среднему и низшему классам населения, все же и самые снисходительные должны согласиться с тем, что должны иметь место большие нарушения принципов правильного ведения банковского дела для того, чтобы банк, обладающий хотя бы самыми скромными фондами, оказался не в состоянии выполнить свои обязательства; и я полагаю, что в огромном большинстве случаев таких банкротств может быть доказано, что правления банков виновны в гораздо более серьезных проступках, чем простое неблагородство или недостаток осторожности. От этих злоупотреблений общество должно быть ограждено путем требования от каждого провинциального банка вклада государству или назначенным для этой цели уполномоченным в виде фондов или других государственных ценностей в известной пропорции к размеру их эмиссии.

Подробно входить в детали этого плана нет необходимости.

По внесении требуемого фонда на его сумму могут быть выданы марки для выпуска банкнот и установлены известные сроки, когда по предъявлении погашенных марок или по представлении каких-либо других достаточных доказательств того, что выпущенные банкноты более не находятся в обращении,—все это обеспечение или его часть возвращаются банку.

Против такого регулирования не будет возражать ни один солидный провинциальный банк; наоборот, оно будет, по всей вероятности, в высшей степени приемлемо для них, ибо устранит конкуренцию со стороны тех, кто в настоящее время имеет весьма мало данных к тому, чтобы по праву конкурировать с ними на рынке.

* ГЛАВА V *

ОБЫЧАЙ, ВЫЗЫВАЮЩИЙ МАССУ НЕУДОБСТВ ДЛЯ ТОРГОВЛИ, И СРЕДСТВА К ЕГО УСТРАНЕНИЮ

§ 17. Однако, после проведения всех улучшений, какие могут быть сделаны в системе нашего денежного обращения, все же останется временное неудобство, которое общество будет испытывать и впредь, как испытывало до сих пор, в моменты совершающихся каждые 3 месяца больших выплат дивидендов государственным кредиторам,—неудобство, которое часто давало себя сильно чувствовать, и для устранения которого имеется, по моему мнению, довольно простое средство.

Государственный долг так возрос и выплачиваемые по нему каждую четверть года проценты составляют такую

большую сумму, что простое изъятие денег у главных сборщиков податей и вытекающее отсюда уменьшение количества находящихся в обращении денег порождает как раз на кануне выплаты дивидендов государственным кредиторам — в январе, апреле, июле и октябре — весьма острый недостаток средств обращения, продолжающийся неделю или даже больше. Благодаря разумным мерам и, вероятно, очень свободному учету векселей как раз в момент уплаты этих сумм казначейству, а также мерам, способствующим привлечению в срок крупных сумм непосредственно после уплаты дивидендов, — Английский банк, без сомнения, значительно уменьшил эти неудобства для коммерческого мира. Тем не менее, как это хорошо известно лицам, знакомым с денежным рынком, стеснение в деньгах является в упомянутые мною периоды весьма острым. Казначайские билеты, продающиеся обычно с надбавкой в 5 шил. на 100 ф. ст., идут в эти периоды с такой большой скидкой, что путем покупки их в эти моменты и последующей перепродажи после выплаты дивидендов часто получается прибыль в 15—20% на затраченные деньги. Равным образом, в эти же периоды разница между ценой при сделке с бумагами на наличные и с уплатой в недельный или двухнедельный срок, даст лицам, имеющим возможность авансировать деньги, прибыль, даже превышающую прибыль от покупки казначайских билетов.

Очень часто вслед за большим стеснением в деньгах наступает после выплаты дивидендов такое их изобилие, что в течение известного срока они могут быть с трудом помещены.

Большое совершенство, которого достигла наша система экономии в употреблении денег благодаря различным банковским операциям, скорее усугубляет то специфическое бедствие, о котором я говорю; ибо при сокращении обращения путем улучшений, введенных при совершении платежей, извлечение одного или двух миллионов из этого уменьшенного обращения влечет за собой гораздо более серьезные последствия, ибо они представляют соответственно большую часть обращения в целом.

Я полагаю, что не может быть никаких разногласий относительно тех неудобств, которые испытывают промышленность и торговля благодаря этому периодическому недостатку в деньгах.

Весьма возможно, что предлагаемые мною средства к устранению этих неудобств не встретят такой же единодушной оценки.

§ 18. Пусть правительство даст банку полномочия выдавать держателям бумаг свидетельства на получение дивидендов (Warrants) за несколько дней до того срока,

когда главные сборщики податей обязаны вносить имеющиеся у них суммы казначейству. Пусть эти свидетельства оплачиваются предъявителям точно таким же образом, как это делается в настоящее время. Пусть день оплаты этих свидетельств банкнотами устанавливается точно так же, как и теперь.

Если бы день уплаты назначался при самой выдаче свидетельств или ранее ее, то это было бы еще удобнее. Пусть, наконец, эти свидетельства принимаются в уплату казначейством от главных сборщиков или других лиц, имеющих совершение ему платежи, наравне с банкнотами, причем они будут учитываться соответственно количеству дней, оставшихся до срока платежа.

Если бы такого рода план был принят, то не было бы ни особого недостатка в деньгах перед выплатой дивидендов, ни особого изобилия их после нее. Количество денег в обращении не возрастало бы и не уменьшалось бы при выплате дивидендов. Большая часть этих свидетельств в силу личного интереса неминуемо попала бы в руки тех, у кого имеются платежи государству, а от них в казначейство. Таким образом, большая часть платежей правительству и правительства государственным кредиторам совершалась бы тогда без помощи банкнот или денег, и был бы действительно устранен спрос на деньги для этих целей, столь чувствительный в настоящее время для торгового класса.

Лица, хорошо знакомые с экономной системой, принятой в настоящее время в Лондоне во всех банковых дела, охотно согласятся с тем, что предлагаемый здесь план представляет собой лишь простое распространение этой экономной системы на такого рода платежи, к которым она до сих пор не применялась. Для таких людей излишне прибавлять еще что-либо в пользу этого плана, с преимуществами которого в других делаах они уже так хорошо знакомы.

) ГЛАВА VI ()

МЕРЫ ПРОТИВ ЧРЕЗМЕРНОЙ ОПЛАТЫ ГОСУДАРСТВОМ УСЛУГ АНГЛИЙСКОГО БАНКА

§ 19. Г-н Гренфель обращал недавно внимание парламента на обстоятельство, имеющее большое значение для финансовых интересов общества. В период, когда вызванные беспримерными военными тягостями и расходами налоги давят так тяжело на народ, нельзя, конечно, пренебречь столь очевидным источником дохода, на который он указывал.

Из документов полученных в результате запросов Гренфеля, явствует, что в течение многих лет банк имел в своих руках казенные суммы в количестве в среднем не менее 11 млн., на которые он получал 5%; и единственной компенсацией, полученной государством за эту выгоду, которой так долго пользовался банк, был трехмиллионный заем из 3% на 8 лет, с 1806 до 1814 г., и следующий беспроцентный заем, который банк в 1808 г. согласился дать государству на срок до истечения 6 месяцев после окончательного подписания мирного договора, продолженный постановлением последней сессии--без процентов--до апреля 1816 г.

За десятилетний период с 1806 до 1816 г. банк получал 5% в год с 11 млн. ф. ст. что составляет сумму в	5.500.000 ф. ст.
За тот же период государство получило следующую компенсацию: разницу между 3% и 5%, т.-е. 2% с 3 млн. ф. ст. в течение 8 лет, или	480.000 ф. ст.
С 1808 по 1816 г. государство будет иметь следующую выгоду: беспроцентный заем в 3 млн. ф. ст., что из 5% в год за 8 лет составит	1.200.000 ф. ст. 1.580.000 ф. ст..
Сальдо в пользу банка	3.820.000 ф. ст.

Следовательно, банк получит в течение 10 лет 3.820.000 ф. ст., или 382.000 ф. ст. в год за выполнение функций банкира государства, хотя, вероятно, все издержки соответствующего отделения банка составят по этому делу не свыше 10 тыс. ф. ст. в год.

§ 20. В 1807 г., когда Комитетом палаты общин было впервые указано на эти выгоды, многие лица и один из директоров банка, бывший управляющий его, Торnton, утверждали, что доходы банка пропорциональны количеству выпускаемых им в обращение банкнот, и что он извлекает из государственных вкладов только ту выгоду, что они дают ему возможность поддерживать большее количество банкнот в обращении. Но это заблуждение было полностью вскрыто Комитетом ¹⁾.

Если бы аргументы Торнтона были правильны, банк не получал бы, вообще, никакой выгоды от государственных вкладов, ибо эти вклады вовсе не дают ему возможности поддерживать большее количество банкнот в обращении.

Предположим, что до всяких государственных вкладов

1) См. доклад Комитета в § 21.

количество билетов банка в обращении составляло 25 млн., и, что банк получал от этого обращения известную прибыль. Предположим, далее, что государство получало ежегодно от налогов 10 млн. в банкнотах и постоянно вкладывало их в банк. Обращение немедленно сократилось бы до 15 млн., но прибыль банка оставалась бы точно такой же, какой она была до этого; хотя теперь было бы в обращении только 15 млн., банк получал бы прибыль от 25 млн. Если бы он теперь снова увеличил обращение до 25 млн., употребив 10 млн. на учет всеселей, покупая казначейские билеты или выплатив авансом за год проценты по займам держателям заемных свидетельств, то разве он не присоединил бы к своим обычным прибылям проценты с 10 млн., хотя он при этом ни разу не увеличил бы своего обращения свыше первоначальной суммы в 25 млн.?

Положение, будто увеличение государственных вкладов дает банку возможность увеличивать количество его банкнот в обращении, не подтверждается ни теорией, ни практикой. Если мы присмотримся к росту этих вкладов, то увидим, что сильнее всего они возрастили в период с 1800 до 1806 г., в течение которого не было никакого увеличения в обращении количества банкнот в 5 ф. и выше; между тем за период с 1807 до 1815 г., когда не было никакого увеличения суммы государственных вкладов, количество банкнот в 5 ф. и выше возросло на 5 млн.

§ 21. Ничто не может дать более ясной картины по вопросу о прибылях банка от государственных вкладов, чем отчет комитета о государственных расходах в 1807 г. Он гласит следующее:

«В показаниях, касающихся этой части вопроса, допускается, что выпуск банкнот приносит банку прибыль; но, повидимому, предполагается, что государственные вклады приносят доход только постольку, поскольку они дают возможность увеличить выпуск банкнот; между тем, Комитет вполне убежден, что как банкноты, так и суммы, находящиеся на государственных счетах, должны безусловно приносить прибыль. Фонды банка, являющиеся источником прибыли и определяющие собой размеры ссуд, какие он может выдавать (за вычетом только суммы его металлической наличности и слитков) могут быть подразделены на три вида:

1) Суммы, полученные от владельцев банка в качестве капитала вместе с накопленными процентами, добавленными к ним.

2) Суммы, получаемые от лиц, вкладывающих в банк свою наличность.

Эти суммы составляются из балансов счетов по вкладам как государства, так и частных лиц. В 1797 г. эта часть фон-

дов, включая балансы всех частных лиц, составляла только 5.130.140 ф. ст. В настоящий момент счета одного государства достигли уже суммы около 11—12 млн., включая банкноты, внесенные в казначейство¹⁾.

3) Суммы, полученные взамен банкнот, выпущенных в обращение. В обмен за каждую банкноту должна была первоначально быть отдана соответствующая ценность, и полученные таким путем за банкноты суммы составляют часть общего фонда, из которого даются ссуды под проценты. Держатель банкноты, в действительности, не отличается существенно от лица, которому банк должен по балансу его счета. Оба они являются кредиторами банка: первый является держателем банкноты, которая свидетельствует о долге со стороны банка, другой имеет свидетельство о том, что долг значится по банковским книгам.

Совокупность ссуд под проценты должна в каждый момент находиться в точном соответствии с величиной этих трех фондов, вместе взятых, за вычетом ценности звонкой монеты и слитков²⁾.

Каждое слово этого рассуждения кажется мне неоспоримым, и установленный Комитетом принцип должен дать нам ключ к установлению чистой прибыли банка, раз мы только знаем размер его депозитов, цифру его наличности в монетах и слитках, его издержки, а также все прочие детали.

§ 22. Из вышеприведенного отрывка видно, что в 1807 г. государственные вклады составляли сумму от 11 до 12 млн., в то время как в 1797 г. общая сумма государственных и частных вкладов, вместе взятых, составляла лишь 5.130.140 ф. ст.

1) Для некоторых из моих читателей могут показаться непонятными слова «включая банкноты, внесенные в казначейство». Это банкноты, не выпущенные в обращение и не включенные в банковские отчеты. Они называются в казначействе «специальными банкнотами» и являются простыми свидетельствами (не похожими даже по форме на банкноты), подтверждающими уплату казначейством банку сумм, ежедневно им получаемых. Они являются, поэтому, документами на часть государственных вкладов, помещенных в банке.

2) В 1797 г. банк определял свое финансовое положение следующим образом:

Банкноты в обращении	8.610.000 ф. ст.
Государственные и частные вклады .	5.132.140 » »
Запасный капитал	3.826.890 » »
	17.597.030 ф. ст.

На другой стороне отчета банк указывает, в какие ценности помещены эти фонды, и, за исключением металлической наличности и слитков и небольшой суммы на гербовые расходы, они приносили банку прибыль и проценты.

Основываясь на этом отчете, Персеваль обратился к банку, предложив ему от имени государства предоставить последнему возможность участвовать в дополнительной прибыли банка, получающейся из этого источника,—в форме ли ежегодных платежей со стороны банка, или в форме беспроцентного займа государству; и после некоторых переговоров был получен беспроцентный трехмиллионный заем на срок, истекающий через 6 месяцев после окончательного подписания мирного договора.

Тот же самый отчет обращает внимание на чрезмерное вознаграждение, получаемое банком за операции по заведыванию государственным долгом. Государство платило в это время банку из расчета 450 ф. ст. с миллиона за эти операции; и Комитетом было установлено, что в связи с увеличением долга добавочное вознаграждение за эти операции за десятилетие, оканчивающееся 1807 г., составляло свыше 155 тыс. ф. ст., в то время «как все число служащих, действительно производивших эти операции, увеличилось за последние 11 лет всего на 137 человек, годичные расходы на которых составляли, примерно, от 18.449 ф. ст. до 23.290 ф. ст., а прочие постоянные расходы увеличились, по всей вероятности, лишь на половину или же на две трети этой суммы».

После этого отчета состоялось новое соглашение с банком относительно управления государственным долгом.

Государство обязалось платить 450 ф. ст. с миллиона при сумме непогашенного капитала—долга от 300 до 400 млн.

340 ф. ст. с миллиона при сумме от 400 до 600 млн.

300 ф. ст. с миллиона с части долга сверх 600 млн.

Кроме этого вознаграждения, банк получал еще 800 ф. ст. с миллиона за собирание налогов с доходов от займов; одну тысячу ф. ст. с каждой лотереи; 1.250 ф. ст. с миллиона или $\frac{1}{8}\%$ за собирание налогов на доходы от собственности, промышленности и торговли. Это соглашение остается в силе и поныне.

Так как теперь приближается время, когда дела банка будут предметом обсуждения парламента, и так как, в связи с уплатой 3 млн., занятых у банка без процентов в 1808 г., истекает срок соглашения по вопросу о государственных вкладах, то как нельзя более своевременна постановка вопроса о ничем не оправдываемых выгодах, получаемых банком на основании соглашения между ним и Персевалем в 1808 г.

В этом и заключалась, на мой взгляд, главная цель г. Гренфеля, который хотел обратить внимание парламента не только на дополнительные выгоды, полученные банком со времени соглашения 1808 г., но и на самое соглашение,

но которому государство долго выплачивало и выплачивает и по сей день в той или иной форме громадные суммы за совершенно несоответствующие размерам этих сумм услуги.

Гренфель, вероятно, полагает,—и в таком случае я с ним целиком схожусь во взглядах,—что ежегодная прибыль в 382 тыс. ф. ст., составляющая по примерной оценке доходы банка от государственных вкладов на протяжении 10 лет (см. § 19, стр. 264), превышает справедливое вознаграждение, какое государство должно было бы платить банку за выполнение им обычных банковских операций; особенно, если принять во внимание, что в дополнение к этой сумме банк получает в настоящее время еще 300 тыс. ф. ст. в год за операции по заведыванию государственным долгом, по займам и т. д. Больше того, банк получал со времени возобновления его привилегии громадную дополнительную прибыль от замены бумажными деньгами обращения, состоявшего частично из металлических и частично из бумажных денег; эти дополнительные прибыли не были приняты в соображение ни парламентом, пожаловавшим ему эту привилегию, ни банком, получившим ее в 1800 г.,—при заключении соглашения. Банк может быть в значительной мере лишен этих прибылей в случае отмены акта, освободившего его от оплаты банкнот звонкой монетой. При таком положении дел надо, на мой взгляд, согласиться с тем, что в 1808 г. Персеваль ни в какой мере не получил для государства того, на что оно имело право рассчитывать; и надо надеяться, что при известных взглядах канцлера казначейства на вопрос о праве государства на участие в дополнительных прибылях банка, происходящих от государственных вкладов, он будет настаивать на условиях, более соответствующих интересам государства.

Правда, не все указанные выше суммы, выплаченные государством, представляют собой чистую прибыль банка; из них надо вычесть расходы по содержанию того отдела банка, который занимается исключительно операциями государства; но эти расходы не превышают вероятно, 150 тыс. ф. ст. в год.

Комитет о государственных расходах установил в своем отчете, представленном Палате общин в 1807 г., что число служащих, занятых в банке исключительно или, главным образом, операциями государства, составляло:

В 1786 г.	243
» 1796 »	313
» 1807 »	450

жалование которых можно, вероятно, исчислять от 120 до 170 ф. ст. на одного служащего в среднем; принимая сред-

нее жалование в 135 ф. ст., что превышает среднее жалование служащих в Компании Южного моря,

Мы получаем сумму в	60.750 ф. ст.
При жаловании в 150 ф. ст.	67.500 » »
При жаловании в 170 ф. ст.	76.500 » »

Каждая из последних двух сумм была бы достаточна для обеспечения пенсионного фонда.

Очень умеренное жалование,—продолжает отчет,—получаемое управляемым, его помощником и директорами, достигает	8.000 ф. ст.
--	--------------

Случайные расходы могут быть определены, примерно, в размере	15.000 » »
--	------------

Дополнительные расходы по перестройкам и на ремонт, примерно	10.000 » »
--	------------

Судебные расходы и потери вследствие мошенничества, подлогов, примерно	10.000 » »
--	------------

Если сюда прибавить расход на служащих по максимальной оценке	43.000 ф. ст.
---	---------------

То получится общая сумма в	76.500 ф. ст.
--------------------------------------	---------------

Итак, если даже принять самую высокую оценку комитета, то в 1807 г. все расходы по операциям государства, включая все жалование директоров, случайные расходы, дополнительные расходы по перестройкам и на ремонт вместе со всеми судебными расходами и потерями вследствие мошенничества и подлогов, составляли 119.500 ф. ст.

Комитет установил также, что за 11 лет, с 1796 до 1807 г. расходы банка по казенным операциям увеличились на 35 тыс. ф. ст. в год, что при увеличении долга на 278 млн. составляет 126 ф. ст. на миллион. За период с 1807 г. до настоящего дня непогашенный долг, операциями по которому заведывал банк, возрос с суммы приблизительно в 550 млн. до суммы в 830 млн. приблизительно или, примерно, на 280 млн.—немного менее, чем за период с 1796 до 1807 г.; поэтому, при той же норме в 126 ф. ст. на миллион, это увеличение долга должно было бы сопровождаться расходами таких же размеров,—в 35 тыс. ф. ст.; но «так как процент расходов уменьшается по мере увеличения размеров операций», то я оцениваю их в 33.500 ф. ст. что вместе с расходами 1807 г. в размере 119.500 ф. ст. составит общую сумму расходов по операциям государства в 150 тыс. ф. ст. По мнению контролеров государственной отчетности в 1776 г. для оплаты расходов по управлению государственным долгом в 224 миллиона достаточно было

187 ф. ст. 10 шил. с миллиона. Моя оценка произведена из расчета 170 ф. ст. с миллиона при долге в 830 млн., что является вполне достаточным вознаграждением, если принять во внимание, что труд, связанный с операциями по долгам, возрастает далеко не в той пропорции, как самый долг.

Итак, если принять расходы в размере 150 тыс. ф. ст., то чистая прибыль, полученная банком за этот год по его операциям с государством, представится в следующем виде:

Вознаграждение за управление государственным долгом за один год, заканчивающийся 1 февраля 1816 г. ¹⁾	254.000 ф. ст.
За собирание налогов с займов, из расчета 800 ф. ст. с миллиона—с 36 млн.	28.800 » »
За то же с лотереей	2.000 » »
Средняя прибыль от государственных вкладов (см. § 19).	382.000 » »
Вознаграждение за собирание налога на собственность	3.480 » »
	<hr/>
	670.280 ф. ст.
Расходы по совершению операций государства	150.000 » »
Чистая прибыль банка, полученная за счет государства	520.280 ф. ст.

Из этой громадной суммы 372 тыс. ф. ст., вероятно, имеют своим источником только вклады,—расход, который почти целиком можно было бы сэкономить в пользу нации, если бы правительство взяло в свои руки управление этими суммами путем создания общего казначейства, на которое каждый департамент мог бы выдавать чеки так же, как они делают по отношению к Английскому банку. С этой целью можно было бы вложить 11 млн.—представляющие собой, очевидно, средний уровень вкладов,—в казначайские билеты; если бы какие-нибудь непредвиденные обстоятельства понизили размер вкладов ниже этой суммы, то часть билетов могла бы быть реализована на рынке.

§ 23. Резолюция, предложенная Гренфелем и подлежащая обсуждению в ближайшую сессию парламента, после краткого обзора фактов, содержащихся в документах, им представленных, заканчивается следующим образом:

¹⁾ Эта сумма исчислена по состоянию долга на февраль 1815 г.; с того времени он увеличился более чем на 75 млн.

«Палата общин обратит в ближайшее время внимание на выгоды, извлекаемые банком, как из управления государственным долгом, так и из общей суммы государственных денег, находящихся в его руках, с тем, чтобы по истечении срока существующего договора был установлен распорядок, который находился бы в соответствии как со справедливыми интересами государства, так и с правами, кредитоспособностью, и устойчивостью Английского банка».

Управляющий банком Меллиш внес со своей стороны резолюцию на обсуждение ближайшей сессии парламента. Эта резолюция признает все факты, установленные Гренфелем; она упоминает также о паре мелких услуг, выполняемых банком для государства, одной безвозмездной¹⁾ и одной за вознаграждение меньшее, чем какое пришлось бы за нее уплачивать, если бы она выполнялась обыкновенным сборщиком налогов. Но статьи 8-я и 9-я резолюции предъявляют слишком большие претензии: они ставят, повидимому, вопрос о том, будет ли иметь правительство право за промежуток с момента погашения трехмиллионного займа в 1816 г. до 1833 г.—года истечения срока привилегии банка—требовать какой бы то ни было компенсации от банка за выгоды, извлекаемые им из государственных вкладов, или вносить какие-либо изменения в размеры вознаграждения, получаемого банком за заведывание государственным долгом. Эти статьи гласят следующее:

«8-я. Актами 39 и 40 Geo. 3. С. 28. S. 13 установлено, что на протяжении срока действия привилегии банк будет пользоваться всеми привилегиями, прибылями, доходами, вознаграждениями и прочими выгодами, какими он обладает и

1) Она заключается в исчислении и удержании налога на собственность с каждого свидетельства о дивидендах. Другая услуга, оказываемая банком, состоит в приеме налогов на собственность от лиц, вносящих таковые в банк, за что последний получает 1.250 ф. ст. с миллиона, или 1/8%.

Если бы сборщик податей стал ходить из дома в дом, собирая эти деньги, то получил бы за это 5 пенс. с фунта, что составило бы расход для государства в 58.007 ф. ст. вместо 3.480 ф., платимых банку.

Эта операция, на которую ссылается банк, быть может, одна из самых простых и легких операций банка, и на мой взгляд банк не только не терпит ущерба на ней, а, наоборот, оплачивается весьма щедро.

При этом действительная экономия для государства заключается в том, что все взимаемые суммы поступают в одно место вместо того, чтобы собирать их повсюду. Но банк, повидимому, считает за правило, что подлинным мерилом умеренности получаемого им вознаграждения является та экономия, которая получается в результате его услуг его контрагентами, а не справедливая оплата его собственных трудов и издержек. Но в таком случае, что сказал бы он об инженере, который, определяя размеры своего вознаграждения за сооружение паровой машины, стал бы руководствоваться ценностью труда, сберегаемого благодаря применению этой машины, а не ценностью труда и материалов, потребных для ее сооружения?

пользуется в данное время при совершении им каких-либо операций с государством или для него.

Что до возобновления этой привилегии банк являлся банкиром государства, храня у себя наличность всех главных департаментов, принимая на себя получение государственных доходов, производя платежи по государственным расходам и т. д.

9-я. Когда истечет срок настоящему договору между государством и банком, может быть своевременным обсудить выгоды, извлекаемые банком из его сделок с государством, с целью установления условий, которые соответствовали бы тем принципам справедливости и добропорядочности, какие должны господствовать во всех сделках между государством и Английским банком»¹⁾.

Тот факт, что банк теперь в первый раз намекает на то, что его привилегия препятствует государству предъявлять банку какие бы то ни было требования об участии в выгодах, получаемых от государственных вкладов, кажется после всего того, что произошло в этом отношении с 1800 г., действительно странным.

§ 24. Привилегия банка была возобновлена в 1800 г. сроком на 21 год, считая с момента истечения ее срока в

1) После выхода в свет первого издания этой книги первый лорд казначейства и канцлер казначейства предложили банку продлить еще на два года без процентов срок аванса в 3 миллиона, предоставленного им государству, истекавший в ближайшем апреле; кроме того, они предложили, чтобы банк авансировал 6 миллионов из 4% на твердый срок в два года, а по истечении этих двух лет—еще на три года, в последнем случае, с условием, что они будут уплачены при предупреждении за 6 месяцев, сделанном либо банком, либо лордами казначейства в любое время между 10 октября и 5 апреля каждого года. Это предложение было одобрено общим собранием акционеров банка, состоявшимся 8 февраля для его обсуждения. На этом собрании я обратился с просьбой дать какие-либо разъяснения по поводу будущей судьбы государственных вкладов по истечении двухлетнего срока и мог с удовольствием констатировать, что банк отступил от своих притязаний, выдвинутых им в вышеуказанных резолюциях, в которых он, как мне казалось, настаивал на своем праве быть хранителем государственных сумм, не уплачивая за это никакого вознаграждения; на это управляющий банком г. Меллиш ответил, что я совершенно неверно понял смысл этих резолюций, и что он уверен, что если я снова прочту их со вниманием, то я приду к убеждению, что эти резолюции совершенно не допускали подобного толкования. Я рад, что банк отрицает, что он имел намерение лишить государство тех преимуществ, которыми оно пользовалось со времени опубликования отчета Комитета о государственных расходах; однако я должен выразить сожаление, что эти резолюции были составлены так неясно, что они произвели на меня и на многих других иное впечатление. Но мне все же кажется, что эти резолюции утверждают, что право быть государственным банкиром было в значительной мере обеспечено банку на время действия его привилегии и что только по истечении ее срока—и не раньше—может возникнуть вопрос о заключении нового соглашения.

1812 г.; следовательно, теперь срок ее истекает в 1833 г. Но ведь за период с 1800 г. банк отнюдь не претендовал на то, что все выгоды от государственных вкладов принадлежат только ему, но предоставил государству в 1806 г. заем в 3 млн. ф. ст. сроком до 1814 г., из 3%; в 1808 г. он предоставил ему еще беспроцентный заем в 3 млн. ф. ст. сроком до окончания войны, а в последнюю сессию парламента трехмиллионный заем был продлен без процентов на срок до апреля 1816 г. Ссуды эти были предоставлены именно ввиду увеличения размеров государственных вкладов.

Комитет по государственным расходам в уже приводившемся мною отчете (за 1807 г.), говоря о трехпроцентном займе государству в 3 миллиона в 1806 г., замечает: «Но эта сделка имеет существенное значение и в другом отношении: она показывает, что ни представителями государства, ни самими директорами банка договор 1800 г. не рассматривался как препятствие к дальнейшему участию (государства в прибылях банка) в случае возрастания этих прибылей благодаря государству и в том случае, если бы состояние государственных дел могло сделать подобное притязание на участие в прибылях основательным и целесообразным». А что говорил в это же самое время Персеваль, когда, основываясь на этом отчете, он просил о займе в 3 млн. ф. ст. на срок до окончания войны и получил его? В своем письме к управляющему и помощнику управляющего банком, датированном 11 января 1808 г., он писал: «Я считаю необходимым заметить, что предложение об ограничении срока аванса — в форме ли займа или в форме ежегодных авансов казначейству, — периодом настоящей войны плюс 12 месяцев после ее окончания, не следует никоим образом понимать в том смысле, будто я допускаю, что после истечения этого срока государство не будет иметь более права рассчитывать на какие-либо выгоды от дальнейшего сохранения его вкладов в банке; это предложение надо понимать лишь как предварительное соглашение, которое даст возможность правительству и банку при изменении общего положения дел, которое тогда наступит и которое, вероятно, повлияет на сумму государственных вкладов, находящихся в банке, приступить к обсуждению новых условий». 19 января предложения Персевеля были внесены в Совет директоров в более официальной форме; заключительная часть этих предложений гласит следующее: «Так же точно подразумевается, что в течение срока, на который банком выдан этот аванс, не должно предлагаться никаких изменений в общем ходе операций между банком и казначейством, и не будет издано никаких распоряжений, которые изъяли бы из веде-

ния банка суммы, в настоящее время поступающие в банк на основании закона». Эти предложения были одобрены Советом директоров и приняты без всяких изменений 21 января собранием владельцев банка.

В своем обращении к банку в ноябре 1814 г. касательно продления срока трехмиллионного займа, который истекает 17 декабря,—до апреля 1816 г. Ванситарт говорит следующее: «Но я особенно подчеркиваю, что я не отступаю от оговорки, сделанной покойным Персевалем в его письме к управляющему и помощнику управляющего банком от 11 января 1808 г., в которой он предостерегает от возможности неправильного толкования соглашения в том смысле, что оно может помешать государству в будущем—после истечения срока займа—предъявить свои права на участие в будущих прибылях, связанных с дальнейшим сохранением в банке или ростом таких вкладов; я придерживаюсь вообще всех положений, установленных Персевалем в имевших тогда место переговорах». Банк, очевидно, согласился с этими замечаниями; было созвано общее собрание владельцев, и трехмиллионный заем был продлен до апреля 1816 г.

Ясно, что банку было бы теперь не совсем удобно настаивать на том, будто соглашение 1800 г. не дает права государству требовать какой бы то ни было компенсации за выгоды, извлеченные банком за этот период от увеличения государственных вкладов, если принять во внимание, что право на участие в них было столько раз категорически провозглашено правительством и не встречало возражений со стороны Совета директоров.

В дополнение к этим важным фактам, относящимся к основаниям, на которых было заключено соглашение о возобновлении привилегии банка,—фактам, подробно изложенным в показаниях Торнтона Комитету по государственным расходам в 1807 г.¹⁾), мы дальше еще увидим, что банк не имеет вообще никакого права прикрывать своей хартией свой отказ от предоставления государству возможности участия в прибылях, возникших от увеличения государственных вкладов.

Следует припомнить, что в 1800 г. Торнтон был управляющим банком, что при переговорах с Питтом о возобновлении привилегии он выступал, как представитель банка, и что, в действительности, мысль о возобновлении привилегии задолго до истечения срока ее действия принадлежит, именно ему.

Торнтон сообщал Комитету, что единственными государственными суммами, от которых банк получал прибыль и

1) Отчет Комитета, стр. 104.

которые учитывал он и Питт при установлении компенсации, которую должно получить правительство за продление привилегий банка, были суммы, внесенные в банк для уплаты возросших дивидендов и квартальные эмиссии, предназначенные для погашения государственного долга.

Первую из этих сумм Торнтон оценивает
приблизительно в 2.500.000 ф. ст.¹⁾.
А вторая, как это видно из недавно представляемого отчета, составляла . . . 615.842 ф. ст.

3.115.842 ф. ст.

Торнтон подчеркивает, что все прочие счета государства составляли ничтожную сумму и что «возможное увеличение балансов государства за счет различных департаментов не было принято в расчет», что «такого возрастания их никто не имел в виду и не предусматривал».

Если, следовательно, самим представителем банка признается, что возможное увеличение баланса государственных счетов не принималось во внимание при установлении денежного вознаграждения, получаемого государством от банка за продление его исключительных привилегий, то какое же право имеет теперь банк утверждать, что прибыли, явившиеся результатом увеличения этого баланса, которого «никто не имел в виду и не предусматривал», принадлежат по справедливости исключительно банку, и что государство не вправе ни требовать участия в них, ни изъять свои суммы, чтобы употребить их таким образом, как оно почтет наиболее целесообразным для себя.

Надо заметить, что в своем выше упомянутом показании Торнтон изображает все прочие счета государства за исключением вышеуказанных, как ничтожные суммы; между тем, из отчетов, представленных парламенту в его последнюю сессию, явствует, что в 1800 г., к которому относится показание Торнтона и в котором возобновлена была привилегия, баланс всех счетов и вкладов государства в банке составлял сумму в 6.200 тыс. ф. ст.—сумму, превосходящую установленную Торнтоном почти на 3 млн.,—что он едва ли назвал бы «ничтожной цифрой», если бы был об этом осведомлен.

Если, следовательно, факт наличия такого большого дополнительного вклада не был принят во внимание Торнтоном и Питтом в момент возобновления хартии, если полученная тогда государством компенсация ни в какой степени не

¹⁾ Из отчета, представленного в парламент в последнюю сессию, явствует, что сумма казначейских билетов и банкнот, внесенных на текущий счет казначейства, составляла в среднем за год, законченный в марте 1800 г.—3.690.000 ф. ст.

основывалась на факте наличия этой большой суммы государственных вкладов в 1800 г.—то банк не только не имеет права претендовать на предоставление ему всех прибылей, получаемых от возросших вкладов настоящего времени, но он обязан по справедливости быть максимально говорчивым при заключении новых договоров с государством, дабы компенсировать последнее за прибыль, которой банк так долго пользовался и которой, надо полагать, ему бы не разрешили пользоваться, если бы эти факты были известны и подверглись обсуждению в момент установления условий, на которых была возобновлена привилегия.

Но независимо от того, были ли эти факты известны Торнтону или нет, они должны были иметь в его глазах очень небольшое значение, поскольку он так энергично защищал положение о том, что от увеличения баланса государственных счетов банк не извлекает никакой другой выгоды, кроме того, что оно дает ему возможность увеличивать количество банкнот в обращении.

Разве не плачевно видеть, как такое большое и богатое учреждение, как Английский банк, обнаруживает желание увеличить свои сокровища путем неправедных доходов, вырванных из рук обремененного налогами народа? Разве не следовало ожидать, что чувство благодарности за полученную им привилегию и за непредвиденные выгоды, полученные в связи с ней,—за прибыль и возросшие дивиденды, уже распределенные им, и за громадные сокровища, которые эта хартия дала ему возможность накопить, побудит банк добровольно уступить государству всю прибыль, полученную от пользования одиннадцатью миллионами народных денег, вместо того чтобы выражать желание лишить государство и той небольшой части этой прибыли, которую оно получало в течение нескольких лет?

В момент обсуждения вопроса о размерах вознаграждения банку за управление государственным долгом в 1807 г. Торнтон заявил, что «по его убеждению в сделках между государством и банком может идти речь только о справедливой компенсации за беспокойство, за риск и фактические убытки, а также за большую ответственность, с которой сопряжены эти сделки для учреждения».

Как же случилось, что в настоящее время директора заговорили совершенно другим языком? Вместо того, чтобы рассчитывать только на справедливую компенсацию за беспокойство, риск и действительные убытки, они стараются лишить государство даже той непропорционально малой компенсации, которую оно до сих пор получало, и апеллируют теперь впервые в хартии, чтобы обосновать свое право на хранение государственных денег и на получение всех про-

истекающих из их использования прибылей, не соглашаясь даже на ничтожное вознаграждение государству.

Если бы даже привилегия имела такой смысл, как это утверждает банк, то от такой громадной компании, обладающей столь выгодной монополией и так тесно связанной с государством, можно было бы ожидать более либеральной политики по отношению к ее великодушному благодетелю.

До последней сессии парламента банк пользовался также особой льготой при исчислении размера глобальной суммы, платимой им взамен гербового сбора. В 1791 г. он платил 12 тыс. ф. в год взамен всех сборов как с векселей, так и с банкнот. В 1799 г., после увеличений гербового сбора, эта сумма была увеличена до 20 тыс. ф., и, кроме того, была еще сделана надбавка в 4 тыс. ф. за сбор с банкнот мельче 5 ф., которые банк начал тогда выпускать,—так что общая платимая им сумма равнялась 24 тыс. ф. В 1804 г. гербовый сбор, установленный в 1799 г. с банкнот мельче 5 ф., был увеличен не менее, чем на 50%, а также значительно повышен сбор с банкнот высшего достоинства; и хотя обращение банкнот мельче 5 ф. возросло с полутора миллионов до четырех с половиной миллионов, а сумма находящихся в обращении банкнот высшего достоинства также возросла, тем не менее, общая сумма, платимая банком взамен гербового сбора, увеличилась лишь с 24 тыс. ф. до 32 тыс. ф. В 1808 г. ставки гербового сбора опять были повышены на 33%, и общая сумма, уплачиваемая банком, была увеличена с 32 тыс. до 42 тыс. ф. В обоих этих случаях увеличение платимой банком суммы не соответствовало даже повышению ставок гербового сбора, не говоря уже о том, что совершенно не было учтено возрастание суммы находившихся в обращении банкнот.

В последнюю сессию парламента, при дальнейшем повышении ставок гербового сбора, в первый раз был установлен принцип, что банк должен платить сумму, находящуюся в некотором соответствии с суммой обращающихся банкнот. В настоящее время эта сумма определена следующим образом. Со средней суммы обращающихся банкнот за последние три года банк должен платить из расчета 3.500 ф. за миллион, независимо от того, каких купюр были банкноты, из которых составлялась общая сумма обращения.

Средняя сумма обращающихся банкнот за три года, заканчивающиеся к 5 апреля 1815 г., равнялась 25.102.600 ф., и с этой суммы банк должен будет уплатить в настоящем году около 87.500 ф.

В следующем году средняя сумма будет взята за три года, заканчивающиеся к апрелю 1816 г., и если она будет

отличаться от предыдущей, то соответственно с этим будет изменена и величина сбора.

Если бы теперь исходили из тех же расчетов, что в 1804 и в 1808 гг., то банк должен был бы уплатить всего 52.500 ф., считая в том числе и добавочный сбор, и таким образом государство получило дополнительный доход в 35 тыс. ф. в год благодаря тому, что парламент признал, наконец, то положение, которое следовало применить еще в 1799 г., и вследствие неприменения которого государство, вероятно, потеряло — а банк, следовательно, выиграл — не менее 500 тыс. ф.

* ГЛАВА VII *

ПРИБЫЛЬ И НАКОПЛЕНИЕ БАНКА. ИХ НЕНАДЛЕЖАЩЕЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЕ И МЕРЫ ПРОТИВ ЭТОГО

§ 25. До сих пор я рассматривал прибыль банка по отношению к интересам государства и пытался показать, что она значительно превышала тот уровень, который мог бы быть оправдан, считаясь с его справедливыми правами и интересами. Теперь же я намерен рассмотреть ее по отношению к интересам владельцев капитала банка и с этой целью попытаюсь установить тот базис, исходя из которого можно было бы исчислить прибыль банка и соответственно с этим определить, каковы теперь накопленные им суммы. Зная в точности издержки банка и сумму его наличности и слитков, находившуюся в его руках в различные периоды времени, мы имели бы возможность произвести это исчисление с очень точным приближением к действительности.

§ 26. Прибыль банка проистекает из хорошо известных источников. Она складывается, как уже было указано, из прибыли от государственных и частных вкладов, процентов с суммы его находящихся в обращении банкнот,—за вычетом суммы металлической наличности и слитков,—вознаграждения, получаемого банком за управление государственным долгом, доходов от сделок со слитками и от уничтожения его банкнот. Все это составляет валовую прибыль банка, из которой нужно только вычесть его расходы, уплачиваемый банком гербовый сбор и налог на собственность, чтобы установить его чистую прибыль.

Расходы банка складываются из всех издержек, связанных с операциями по управлению государственным долгом, а также из тех, которые вызваны его собственными операциями. Оценивая расходы первого рода, я уже указывал, каковы мои основания думать, что они не могли превышать 150 тыс. ф. Комитет по государственным расходам

установил, что в 1807 г. в операциях по управлению государственным долгом было занято 450 служащих, и возможно, что их число могло теперь возрасти до 500—600.

Насколько я знаю, в парламенте было установлено из наиболее авторитетных источников, что общее число служащих банка составляло 1.000, и стало быть, если из них 500 заняты исключительно в отделе по управлению государственным долгом, то остальные 500 заняты выполнением собственных операций банка. Предполагая, что расходы банка находятся в известном соответствии с числом служащих, и исходя из того, что расходы отдела по управлению государственным долгом, в котором занято 500 служащих, составляют 150 тыс. ф., мы можем оценивать в такую же сумму и расходы, связанные с работой остальных 500 служащих, и таким образом получаем общую сумму всех расходов банка в настоящее время приблизительно в 300 тыс. ф.¹⁾.

Но эта крупная сумма, расходуемая в настоящее время банком, должна была возрастать постепенно с 1797 г., когда, вероятно, все расходы банка составляли не более половины этой суммы. Прежде всего, с 1797 г. сумма банкнот в обращении увеличилась с 12 до 28 млн., но расходы, вызванные этим увеличением обращения, возросли не в такой же пропорции, а по меньшей мере в десять раз больше.

Сумма банкнот в 5 ф. и выше увеличилась с 12 до 18 млн., и если даже принять среднюю ценность банкнот всех категорий выше 5 ф. только в 15 ф., то обращение в 12 млн. состояло бы из 800 тыс. банкнот, а обращение на сумму в 18 млн.—из 1.200 тыс. банкнот, что составляет увеличение в полтора раза; но находящиеся ныне в обращении банкноты ниже пятифунтового достоинства, на общую сумму в 9 млн., целиком выпущены после 1797 г., и если принять, что эта сумма слагается из 5 млн. однофунтовых и 2 млн. двухфунтовых банкнот, то это значит, что обращение было увеличено еще на 7 млн. банкнот, и общее количество их увеличилось с 1797 г. с 800 тыс. до 8.200 тыс., т.-е. в десять раз, и также в десять раз увеличились связанные с этим расходы по сравнению с расходами того времени, так как

1) Было указано, что мною недостаточно приняты во внимание в моих вычислениях потери банка, вызванные ненадежными векселями, случайно им учитываемыми. Говорят, что эти потери бывают очень крупными. Но, с другой стороны, мне сообщили, что доходы банка от частных вкладов, с которыми я совершенно не считался, также должны быть значительными, так как Ост-Индская компания и многие другие публичные корпорации хранят в нем свою наличность.

Из доходов банка нужно также вычесть потери, причиненные Аслетом, а также издержки, связанные с содержанием отряда охраны. Мои выводы не могут пострадать от того, что добавочный капитал банка равнялся не 13 миллионам, а только 12 или 11.

расходы пропорциональны количеству, а не сумме банкнот. Вероятно также, что однофунтовые и двухфунтовые банкноты, так часто переходящие из рук в руки, чаще возобновляются, чем банкноты высшей ценности.

Государственный долг, которым заведует банк, также возрос более чем в два раза с 1797 г., и поэтому должны были значительно увеличиться расходы этого отдела банка. Эти расходы, как уже было вычислено, возросли с 1796 г. с 84.500 ф. до 150 тыс. ф., т.-е. на 65.500 ф.¹⁾:

Равным образом, увеличились по меньшей мере вдвое по сравнению с 1797 г. и государственные вклады,—все это дает мне право заключить, что в 1797 г. расходы банка не могли превышать 150 тыс. ф. и что они постепенно возвратились с этого времени может быть на 7 или 8 тысяч фунтов в год.

Затем следует вопрос о запасе металлической наличности и слитков банка, о чем банк никогда не публиковал отчетов; эти сведения, а также сведения о размерах банковского учета были единственными существенными фактами, скрытыми банком от общества в столь богатом событиями 1797 г. В своем отчете, представленном парламенту, банк устанавливал, что к 26 февраля 1797 г. общая сумма банковской наличности и слитков, совместно с учтенными векселями и банкнотами, составляла 4.176.080 ф. При этом банк сообщил также таблицу своих учетных операций с 1782 по 1797 г. и таблицу наличности и слитков банка за этот же период. Сравнивая эти таблицы друг с другом, а также с некоторыми показаниями, данными в парламентской комиссии, один находчивый калькулятор раскрыл весь секрет, который банк так старался скрыть. По его таблице металлическая наличность банка к 26 февраля 1797 г. упала до 1.227 тыс. ф., в то время как сам банк считал, что сумма наличности не должна быть ниже 4 млн.; но этой суммы наличность банка никогда не достигала после декабря 1795 г., хотя до этого года она в некоторых случаях вдвое превышала эту сумму.

В первый или в два первых года после прекращения платежей наличными банк, должно быть, делал большие усилия, чтобы пополнить свои сундуки монетой и слитками, так как он в то время никоим образом не был уверен в том, что от него вновь не потребуют уплаты монетой по его банкнотам.

1) Комитет по государственным расходам исчислил эти расходы в 1807 г. в 119.500 ф. и установил, что с 1796 по 1807 г. они повысились приблизительно на 35 тыс. ф.

И действительно, из отчетов, представленных в парламент монетным двором, мы видим, что ценность золотой монеты, отчеканенной в 1797 и 1798 гг., была немногим меньше 5 млн. ф.¹⁾.

Но какова бы ни была сумма наличности и слитков, приобретенная банком в первые два года после прекращения платежей наличными, его запас, вероятно, с того времени уменьшался, так как у банка не могло быть побуждений держать такую крупную сумму совершенно непроизводительного капитала, раз у него должна была быть полная уверенность в том, что держатели его банкнот не могли требовать оплаты их гинеями, или что прежде, чем он вновь будет обязан платить звонкой монетой, у него будет достаточно времени накопить необходимый запас драгоценных металлов. Поэтому, принимая во внимание все обстоятельства, является маловероятным, чтобы банк мог увеличить запас своего золота со времени больших чеканок 1797 и 1798 гг., а наоборот, следует думать, что вернее всего он значительно уменьшил этот запас.

Оценивая прибыль банка, поскольку на ней отразилась величина запасов в наличности и слитках, я имею все основания считать, что она возросла с 1797 и 1798 гг., так как с того времени банк естественно стремился держать меньшую часть своего капитала в такой непроизводительной форме, а большую часть в казначейских билетах или в торговых векселях, приносивших процент и дающих прибыль. В среднем за все 18 лет, с 1797 по 1815 г., наличность и слитки банка нельзя оценивать больше, чем на сумму в 3 миллиона, хотя, вероятно, в течение первого или первых двух лет их сумма достигала 4 или 5 млн.

Исходя из этих данных, будет нетрудно исчислить прибыль банка, начиная с 1797 г. и по настоящее время, так как нам известны все необходимые элементы для такого исчисления, за исключением двух, о которых я только что говорил, а именно: суммы расходов банка и суммы его наличности и слитков,—но эти суммы не могут на много отличаться от исчисленных мною цифр.

Таким образом, исходя из этих соображений, получается, как можно видеть из отчетов, что прибыль и добавочный

1) Секретный комитет сообщил парламенту, что сумма наличности и слитков банка в ноябре 1797 г. возросла по сравнению с 25 февраля 1797 г. более чем в 5 раз. Комитет установил также, что лондонские банкиры и купцы, имевшие право по постановлению парламента требовать после 25 февраля 1797 г., чтобы $\frac{3}{4}$ всех вкладов, внесенных ими в банк на сумму не ниже 500 ф., были оплачены металлической наличностью, заявили в ноябре 1797 г. требований только, примерно, на $\frac{1}{16}$ своих вкладов.

капитал банка, после уплаты всех дивидендов и премий, выражалась за ряд лет в следующих цифрах:

Год, начинаю- щийся в январе	Добавочный капитал	Прибыль после уплаты диви- дендов и премии	Дивиденд и премии (вместе)
1797	Фунт. 3.826.890	Фунт. 89.872	7%
1798	» 3.916.762	» 533.621	7%
1799	» 4.450.383	»	17%
1800	» 3.941.228	» 611.981	7%
1801	» 4.553.209	» 116.038	12%
1802	» 4.669.247	» 460.509	9½%
1803	» 5.129.756	» 765.859	7%
1804	» 5.895.615	» 306.794	12%
1805	» 6.202.409	» 346.335	12%
1806	» 6.548.744	» 368.008	12%
1807	» 6.916.752	» 581.274	10%
1808	» 7.498.026	» 385.865	10%
1809	» 7.883.891	» 470.760	10%
1810	» 8.354.651	» 651.483	10%
1811	» 9.006.134	» 722.188	10%
1812	» 9.728.322	» 739.67	10%
1813	» 10.468.189	» 809.786	10%
1814	» 11.279.975	» 1.081.649	10%
1815	» 12.359.624	» 1.066.625	10%
1816	» 13.426.249		

Если может показаться, что в упомянутых мною вычислениях я оценил слишком низко расходы банка, то с другой стороны, нужно указать, что я совершенно не принял во внимание доходов от частных вкладов. Эти вклады, вероятно, невелики, так как банк (Английский) не предоставляет частным лицам таких льгот, как другие банкиры. Однако, некоторая прибыль должна получаться банком и из этого источника, точно так же как и от пропажи и уничтожения банкнот, которые, как можно считать вероятным, банк

1) В этом году был убыток в 509.155 ф.

случае некоторое время не включает в сумму банкнот, показываемых по его отчетам в обращении. Покупка серебра и чеканка марок (временного суррогата денег) должна была в общем приносить банку прибыль, так как рыночная цена этих марок была обычно ниже, чем та, до какой они имели хождение в момент их выпуска.

Надо также отметить, что банк получает за свои деньги более 5%, так как казначейские билеты, принося 3½ пенса в день, дают 5 ф. 6 шил. 5½ пенс. со ста фунтов в год, а при учете векселей проценты немедленно вычитаются и идут тотчас же в оборот в качестве капитала, постоянно принося прибыль; нужно, впрочем, заметить, что в течение некоторой части того периода, в отношении которого сделаны эти вычисления, казначейские билеты приносили всего 3¼ пенса в день, что составляло 4 ф. 18 шил. 0,25 пенс. со ста фунтов в год, т.-е. несколько меньше 5%.

В марте 1801 г., когда между владельцами банковского капитала были распределены премиальные в 5% в виде пятипроцентных билетов морского министерства, г. Тирней сказал в Палате общин, что «когда Палата общин рассмотрела дела Английского банка в 1797 г., то некоторые считали, что добавочные прибыли банка должны обеспечивать выполнение обязательств банка перед обществом». На это г. Самуэль Торнтон, бывший тогда управляющим банком, отвечал, что «он может заверить почтенного члена Палаты, что гарантии для общества не уменьшились по сравнению с 1797 г. от распределения между акционерами, согласно решения общего собрания 19 текущего месяца, суммы в 582.120 ф., так как за вычетом этой суммы добавочные прибыли банка были больше теперь, чем в 1797 г.»¹⁾.

При рассмотрении таблиц, помещенных в приложении, мы видим, что после уплаты всех дивидендов и премий собственникам капитала банк к апрелю 1801 г. накопил добавочный капитал в сумме 3.945.109 ф., что превышает накопление 1797 г. на 118.219 ф. Это превышение вполне согласуется с заявлением Торнтона и, таким образом, может подтвердить правильность оснований, послуживших исходным пунктом для настоящих вычислений²⁾.

1) Обращение Эллардиса к владельцам Английского банка.

2) Отчеты составлены за время с января по январь. Премии, о которых идет речь, были выплачены в апреле 1801 г. Чистая прибыль банка за весь 1801 г. составляла 1.526.019 ф., стало быть, за четверть года, заканчивающуюся в апреле, ее можно принять в ф. 381.504 а прибавив эту сумму к добавочному капиталу на январь

1801 г. ф. 4.553.209
получаем общую сумму добавочного капитала в апреле
1801 г. ф. 4.934.713

Изучая отчеты, помещенные в приложении, мы видим, что прибыль банка за все годы, начиная с 1801, превышала ежегодный дивиденд, выплачиваемый владельцам, и что в 1815 г. этот излишек только за один этот год составлял, вероятно, около 1.066.625 ф., так что банк мог бы выплатить за этот год не 10, а 19% дивиденда.

§ 27. Из этих отчетов ясно также, что если бы дела банка велись только посредственно, то он должен был бы иметь к настоящему времени накопленный фонд не менее чем 13 млн., который его директора, несмотря на категорическое указание парламентского акта, не распределяют между владельцами банка.

Обладая таким накопленным фондом, банк мог бы выдать 100% премиальных, не затрагивая своего основного капитала: и если бы он смог удержать свою прибыль на ее нынешнем уровне, за вычетом только 523.908 ф. в год, составляющих проценты (без подоходного налога) на добавочный капитал, подлежащий распределению, то он все же имел бы нераспределенный доход в 542 тыс. ф., что дало бы ему возможность повысить свой постоянный дивиденд с 10 до 14 1/2% в добавление к 100% премиальных.

Если бы банк выдал только 75% премиальных, то у него оставался бы добавочный капитал, превышающий таковой капитал на 1797 г., и банк мог бы при указанном предположении иметь нераспределенный доход в 673 тыс. ф. и потому мог бы повысить свой постоянный дивиденд с 10 до 15 1/2% в добавление к 75% премиальных.

Однако, нельзя предполагать, чтобы в мирное время банк имел возможность выручить такую же прибыль, как во время войны, и потому его владельцы должны быть готовы к значительному сокращению своих доходов. В какой сумме выразится это сокращение, будет зависеть от нового соглашения, которое банку теперь предстоит заключить с правительством, от будущей суммы казенных вкладов и от условий возобновления платежей звонкой монетой. Ясно, что если будет принят план, предложенный мною в четвертой главе этой книги, то прибыль банка существенно не сократится от последней причины.

Но, предполагая даже, что прибыль банка от сокращения его доходов по всем этим статьям понизится, скажем,

до уплаты дивиденда и премиальных, а по		
вычете дивиденда в 3 1/2% за полгода	ф. 407.484	
и премиальных в 5%	ф. 582.120	ф. 989.604
остается добавочного капитала на апрель 1801 г.	ф. 3.945.109	
что превышает добавочный капитал 1797 г. в	ф. 3.826.890	на ф. 118.219

на 500 тыс. ф., то все же этой прибыли хватало бы на уплату нынешнего постоянного дивиденда в 10% даже после выдачи владельцам капитала банка 100% премиальных; так как, если мои вычисления правильны, то прибыль банка после уплаты акционерам ежегодного дивиденда в 10% составляла за год, заканчивающийся к 1 января 1816 г.

1 января 1816 г.	Ф. 1.066.625
а за вычетом процентов, получаемых теперь с 11.642.400 ф., которые предположено рас- пределить между владельцами,—без суммы подоходного налога с этих процентов . . .	Ф. 523.908
и предполагаемого сокращения прибыли вслед- ствие заключения нового соглашения . . .	Ф. 500.000 Ф. 1.023.908
остается ежегодно излишка	Ф. 42.717

Если бы вместо 100% было выдано акционерам только 50% премиальных, то ежегодный излишек прибыли банка после уплаты 10% дивиденда равнялся бы 304.671 ф., что составляет сумму, равную постоянному повышению дивиденда на 2½%.

А если бы банк совершенно не выдал премиальных, а его накопления рассматривались бы как часть банковского капитала, то ежегодный излишек прибыли банка после уплаты 10% дивиденда составлял бы 566.625 ф., каковая сумма почти равна повышению дивиденда на 5%.

Эти вычисления сделаны также в том предположении, что постоянно будет существовать налог на собственность, который ежегодно исчисляется для банка в размере более 200 тыс. ф. и стало быть составляет сумму, превышающую дивиденд в 1¾%.

Но на мой взгляд директора банка обязаны во всяком случае распределить добавочную прибыль между владельцами, так как этого категорически требует закон и, помимо того, противоположная политика не рациональна.

На последнем собрании банка г. Бувери, внесший предложение о том, чтобы владельцам был представлен отчет о состоянии добавочного капитала банка, правильно указывал, что упомянутый закон, требующий распределения добавочных прибылей, был, вероятно, издан законодательной властью в виду опасений, вызываемых накоплением по сложным процентам, и опасностей, которые может представить для конституции страны всякая корпорация, обладающая миллионными богатствами. Если бы прибыль банка продолжала оставаться на нынешнем уровне и выдаваемый ныне дивиденд в 10% не был увеличен, то благодаря на-

коплению добавочных прибылей банк через сорок лет распоряжал бы фондом свыше 120 млн. ф. Поэтому законодательная власть поступила мудро, повелев, чтобы «всякого рода прибыли, доходы, образующиеся время от времени от дел указанной корпорации, должны (исключая только расходы по управлению указанной корпорации) время от времени распределяться между всеми наличными членами указанной корпорации пропорционально части, доле и заинтересованности каждого члена в общем и запасном капитале указанной компании Английского банка».

Лица, защищавшие на последнем общем собрании банка его директоров от обвинения в том, что они отступили от правил, предписанных законом,—советовали увеличить капитал банка и при этом полагали, что фонды, накопленные банком, могут быть с выгодой использованы для этой цели.

Говорят, что директора банка одобряют такой план. Если бы эта мера была полезна, то следовало бы тотчас же определить, на какую сумму нужно увеличить капитал, акционерам должен был быть представлен отчет о состоянии накопленного фонда, причем они должны были бы выразить свое мнение о целесообразности такого применения его, и, наконец, следовало бы внести это на одобрение парламента.

§ 28. Однако банк не считался ни с одним из этих условий, в течение многих лет прибавляя добавочную прибыль к своему капиталу, не устанавливая ни суммы сделанных таким образом увеличений, ни того, насколько каждый раз основной капитал должен быть увеличен; при этом он не представляет никаких отчетов владельцам и не спрашивает их мнения, действуя не только без санкции парламента, но прямо вопреки специальному закону на этот счет.

Но если бы даже банк выполнил все эти условия, была ли бы эта мера сама по себе целесообразна и были ли бы достаточно вески приводимые в ее пользу доводы, а именно указание на увеличение оборотов банка и на то, что это способствовало бы укреплению положения самого банка и лучше обеспечивало бы интересы государства?

Обороты и доход банка зависят, как это было уже указано, от совокупности тех фондов, которыми он может оперировать, а последняя составляется из следующих трех источников: суммы банкиут в обращении, за вычетом ценности металлической наличности и слитков, суммы казенных и частных вкладов и суммы той части капитала банка, которая не ссужается правительству. Но лишь первые два вида банковских фондов являются источником действительной прибыли для банка, так как процент, получаемый банком по добавочному капиталу, составляя только 5%, мог бы с

такой же легкостью быть получен каждым отдельным акционером на его часть такого капитала, если бы он был в его собственном распоряжении, как и при сложении всех этих частей в один общий банковский фонд. Если бы владельцы прибавили к банковскому капиталу 10 млн. из своих личных средств, то доход банка действительно увеличился бы на 500 тыс. ф., т.е. на 5% с 10 млн., но владельцы не выиграли бы от этого. Но если бы сумма банкнот в обращении увеличилась на 10 млн., и они могли бы все время оставаться в обращении,—или если бы на эту сумму увеличился размер казенных и частных вкладов, то не только доход банка возрос бы на 500 тыс. ф., но и его действительная прибыль, и эта прибыль возникла бы только потому, что банк действовал как особая компания, и иначе она не могла бы быть получена.

Между банком и всяkim другим предприятием есть именно та существенная разница, что банк никогда не возник бы, если бы он не имел другой прибыли, кроме той, которая получается от операций с его собственными капиталами: его настоящая прибыль получается только тогда, когда он оперирует чужими капиталами. Другие же предприятия, наоборот, часто получают огромные барыши, оперируя только своими собственными капиталами.

Но если это положение верно по отношению к вопросу об увеличении добавочного капитала банка путем внесения новых сумм со стороны его владельцев, то оно также верно и по отношению к добавочному капиталу, образовавшемуся из прибылей, не распределенных между владельцами.

Поэтому увеличение собственного капитала банка и не нужно и нежелательно с точки зрения повышения прибыли владельцев банка.

Равным образом, такое увеличение капитала не способствовало бы и усилению гарантий платежеспособности банка, так как к банку не может быть предъявлено никаких требований, кроме тех, которые вытекают из его обязательств по оплате банкнот и выплате казенных и частных вкладов, ибо они и составляют всегда всю сумму его задолженности. Но за вычетом металлической наличности и слитков, остающиеся у банка ценности, заключающиеся в торговых акцептах и казначейских билетах, должны быть по меньшей мере равны величине его долгов, и ни в коем случае их не может оказаться слишком мало, даже без всякого добавочного капитала, разве только банк потерял бы всю сумму своего растущего дивиденда; но даже и тогда он не оказался бы в безвыходном положении, если только не предположить, что одновременно потребовали бы оплаты всех

находящихся в обращении банкнот и выплаты всех казенных, так и частных вкладов.

Должны ли его владельцы заботиться о предупреждении именно такой случайности, в то время как даже при таких почти невероятных обстоятельствах банк все еще располагал бы нетронутым фондом в 11.686 тыс. ф., который должно ему правительство?

Увеличились ли бы гарантии для общества? В одном отношении—да. Если банк не имеет другого капитала, кроме того, который он дает взаймы правительству, то он должен сперва потерять весь этот капитал вследствие своих операций, т.-е. более $11\frac{1}{2}$ млн., прежде чем может пострадать публика: но если удвоить капитал банка, то прежде чем его кредиторы могут понести потери, банк должен потерять 23 млн. Хотят ли сторонники увеличения капитала банка сказать, что они стремятся оградить общество от последствий потери банком всего своего капитала?

Остается рассмотреть, увеличится ли от увеличения банковского капитала способность банка оплачивать звонкой монетой свои банкноты. Способность банка оплачивать свои банкноты монетой должна зависеть от той пропорции, в которой банк может иметь звонкую монету для удовлетворения возможных требований по оплате банкнот; в этом отношении платежеспособность банка не может быть увеличена, так как и теперь банк в состоянии, если он этого пожелает, иметь запас монеты, равный не только всей сумме его банкнот в обращении, но и всей совокупности казенных и частных вкладов, и большего от него ни при каких обстоятельствах требовать нельзя. Но прибыль банка существенно зависит от ограниченности размеров его наличности и слитков, и все искусство именно и заключается в том, чтобы поддерживать возможно большее обращение банкнот, помещая возможно меньшее количество банковских фондов в непроизводительной форме металлической наличности и слитков. Сумма банкнот в обращении ни в какой степени не зависит от суммы капитала, которым располагает эмиссионный банк, а зависит от потребности в них для обращения страны; а последняя регулируется, как я пытался ранее показать, ценностью денежной единицы, лежащей в основе обращения, суммой платежей и экономией, осуществляющей при производстве их.

Таким образом, единственным последствием увеличения капитала банка было бы то, что банк имел бы возможность ссудить правительству или коммерсантам те фонды, которые иначе ссужались бы отдельными членами общества. У банка было бы больше дел—он скопил бы больше торговых векселей и казначейских билетов, он даже увеличил бы

свои доходы, но прибыль владельцев не увеличилась и не уменьшилась бы, если бы рыночный размер процента за деньги составлял 5% и дела банка велись с теми же издержками. Но владельцы капитала понесли бы от этого определенный ущерб в том случае, если бы они частным образом могли с большей прибылью поместить каждый в отдельности свою часть этого капитала в торговле или в другой отрасли.

§ 29. Но банк не только отказывается, вопреки прямому парламентскому постановлению, произвести распределение накопленной прибыли между акционерами, но он также решил не сообщать владельцам размеров этой прибыли, несмотря на то, что в его уставе сказано, что «дважды в каждом году должно быть созываемо общее собрание для рассмотрения общего состояния и положения дел этой корпорации и для распределения всей суммы и отдельных видов дивидендов, являющихся продуктами и прибылью с основного капитала и фондов этой корпорации и ее оборотов,—между всеми собственниками и владельцами корпорации соответственно их паям и долям».

Но если бы даже закон хранил молчание по этому вопросу, то директора банка обязаны были бы, на мой взгляд, прежде чем отказать в предъявлении отчета о делах банка его владельцам, указать, какие отрицательные последствия могло бы вызвать опубликование такого отчета.

Ибо это действительно является единственной гарантией, которую имеют владельцы против злоупотребления доверием, которым облечены директора банка.

Ведь управление делами банка не всегда, может быть, будет находиться в руках таких людей, как в настоящее время, против которых нет ни у кого ни тени подозрения.

Без отчетов, без распределения прибылей, без каких бы то ни было других доказательств наличности накопленного фонда банка, кроме общеизвестного факта увеличения ресурсов, из которых возникают прибыли банка,—и это в течение более 10 лет,—какую гарантию имеют при таких условиях владельцы против злоупотреблений при ведении их дел? Несовместимо с щекотливостью положения тех, которым доверено оперирование миллионными суммами, требовать такого неограниченного доверия—такой веры в их личные качества, не указывая оснований для этого требования. И, однако, единственным ответом директоров на внесенное на последнем общем собрании предложение указать размер прибылей банка было заявление, что директора будут считать принятие такой резолюции за доказательство недоверия к ним и порицание их действий.

Это вызвало единодушные уверения в том, что таких намерений ни у кого не было, и, однако, как это ни странно, никакого другого ответа от директоров нельзя было добиться.

Опубликование отчетов помимо того, что оно необходимо как гарантия против злоупотреблений директоров, необходимо также для того, чтобы владельцы имели уверенность в том, что их дела ведутся умело. С 1797 г. не было опубликовано отчета о положении дел банка, и даже в указанном году такой отчет был представлен парламенту по его особому требованию, а не владельцам банковского капитала. Но, в таком случае, откуда последние могут знать, воспользовались ли директора банка, в тех благоприятных условиях, в которых находился банк, всеми возможностями, которые им представлялись, для помещения доверенных им капиталов с наибольшей выгодой? Не было ли бы желательным, чтобы время от времени владельцы были в состоянии убедиться, оправдались ли на деле их справедливые ожидания и велись ли дела банка умело и честно? Если бы обычай представлять владельцам все отчеты всегда соблюдался, то может быть директора банка, управлявшие его делами в 1793, 1794 и 1795 гг., получили бы выговор за то, что так плохо вели его дела, постоянно храня в своих сундуках наличность и слитки на сумму, обычно превышавшую $\frac{3}{4}$ и редко падавшую ниже половины всей суммы банкнот в обращении. Возможно, что им сказали бы, что такое расточение ресурсов банка указывало на весьма ограниченное их знакомство с теми основными правилами, которыми должно регулироваться бумажное обращение¹⁾.

Эти неправильности возбудили в 1797 и 1801 гг. внимание одного акционера, г. Эллардиса. В своей прекрасной брошюре о положении дел банка он с большой силой и талантливостью указал на незаконное поведение директоров. Его мнение было поддержано сэром Дж. Мэнс菲尔дом, к которому он обратился за советом о том, как побудить директоров банка представить владельцам отчет о состоянии компании. Сэр Дж. Мэнс菲尔д в следующих словах выразил ему свое мнение:

«Я того мнения, что каждый владелец на общем полугодичном собрании имеет право требовать от директоров,— а последние обязаны это требование выполнить—представления тех отчетов, книг и документов, которые необходимы владельцам, чтобы иметь возможность судить о положении компании и о состоянии ее фондов, и чтобы решить,

¹⁾ В отношении размеров наличности и слитков банка за указанные годы я доверяю вычислениям, на которые я уже ссылался выше.

Я не вижу основания сомневаться в их общей достоверности.

какой должен быть выплачен дивиденд. Правильный путь, которому должны следовать те, которые обратились ко мне за советом с целью добиться представления этих данных, заключается в том, что несколько уважаемых акционеров должны немедленно обратиться с заявлением к управляющему банком и директорам о том, что они намерены потребовать на ближайшем общем собрании представления необходимых книг, отчетов и документов, а на общем собрании, когда оно состоится, поддерживать это требование.

Если оно не будет удовлетворено, то я тогда советую немедленно или через несколько дней после этого собрания обратиться с заявлением к управляющему банком о созыве вторичного общего собрания. Это заявление должно быть сделано не менее чем девятью членами, владеющими каждый 500 ф. банковского капитала. Если управляющий банком откажет в созыве этого общего собрания, то девять членов, обратившихся к нему с заявлением о его созыве, могут сами его созвать сообразно правилам, указанным в хартии компании; по созыве этого собрания—независимо от того, будет ли оно созвано управляющим банком или девятью членами—я советую затем тотчас же обратиться в Суд королевской скамьи с просьбой о приказе управляющему банком и директорам представить на это собрание все необходимые книги, отчеты и документы».

Тэмпль, 9 марта 1801 г.

Дж. Мэнсфильд».

На основании этого заключения г. Эллардис на следующем общем собрании, состоявшемся 19 марта 1801 г., подал письменное заявление с требованием представления отчетов и вне сомнения намерен был предпринять и дальнейшие шаги, рекомендованные сэром Дж. Мэнсфильдом, но вскоре после этого он умер, и с того времени ни один акционер не предъявлял требования о представлении отчетов до последнего общего собрания в декабре. Замечательно, что совершенно неожиданно для владельцев на общем собрании 19 марта 1801 г., в день, когда было внесено и отвергнуто требование Эллардиса, было принято постановление о выдаче 5% премиальных в билетах морского министерства. Первое требование отчета было заявлено г. Эллардисом на общем собрании 14 декабря 1797 г., а в марте 1799 г. было выдано 10% премиальных в пятипроцентных бумагах 1797 г. Г. Эллардис, кажется, не выступал ни с какими предложениями на собраниях банка между декабрем 1797 и мартом 1801 г.

Итак, с 1797 г. владельцы находились в полной неизвестности о состоянии дел банка. В течение 18 лет директора банка пользовались в тиши плодами своих прибыльных опе-

раций и, пожалуй, считают теперь, что такой образ действий лучше всего отвечает интересам банка, в особенности, так как предстоят переговоры с правительством, когда им, директорам, было бы желательно, чтобы не был известен размер их накопленного фонда. Однако, общественное внимание к делам банка за последнее время пробудилось, и его прибыль стала предметом обсуждения и, в общем, выяснена. Гласность теперь, вероятно, скорей принесла бы пользу банку, чем вред, так как были опубликованы преувеличенные сведения о его прибылях, которые могут породить необоснованные ожидания и которые могут быть лучше всего исправлены путем официальных отчетов. Кроме того, действие привилегии банка гарантировано ему еще в течение 17 предстоящих лет, и государство не может в течение этого времени лишить его наиболее прибыльной части его операций. Если бы срок действия этой привилегии истекал, то общество действительно могло бы поставить вопрос о целесообразности политики предоставления частной коммерческой компании всех выгод, связанных с снабжением великой страны бумажными деньгами, и хотя после опыта, проделанного другими государствами, общество естественно смотрело бы с некоторым недоверием на предоставление этой власти правительству, оно, вероятно, нашло бы, что в свободной стране можно найти средства, благодаря которым такая выгодная монополия будет находиться в руках государства, независимо от всякого контроля со стороны министров. Бумажные деньги могут рассматриваться как деньги, обложенные пошлиной за их изготовление в размере всей их меновой ценности, но пошлина во всех странах принадлежит государству. Поэтому, при наличии гарантий их обмена на металл, как это предложено мною в предыдущей части этой работы, и при назначении комиссаров, ответственных только перед парламентом, государство, став единственным эмитентом бумажных денег как в столице, так и во всей стране, может обеспечить стране чистый доход в сумме не менее 2 млн. ф. ст. Но против этой опасности банк гарантирован до 1833 г., а потому, по всем соображениям, гласность может быть только полезна для него.

ПРИЛОЖЕНИЯ

I

Таблица, указывающая размеры ежегодных платежей государства Банку за управление британским, ирландским, германским и португальским долгами¹⁾

Год (считая начало года с 5 января)

1797	162.431	ф. ст.	5	шил.	3	пенс.
1798	212.592	»	1	»	5	»
1799	218.190	»	17	»	0	»
1800	238.294	»	3	»	7	»
1801	236.772	»	15	»	8	»
1802	263.105	»	14	»	8	»
1803	247.538	»	11	»	6	»
1804	267.786	»	19	»	0	»
1805	271.911	»	11	»	9	»
1806	292.127	»	9	»	10	»
1807	297.787	»	15	»	1	»
1808	210.549	»	2	»	7	»
1809	222.775	»	2	»	4	»
1810	217.825	»	13	»	5	»
1811	228.349	»	16	»	0	»
1812	223.705	»	12	»	5	»
1813	238.827	»	17	»	7	»
1814	242.263	»	14	»	7	»

¹⁾ Данные таблицы взяты из финансовых ежегодников, печатаемых по распоряжению Палаты общин. Они включают не только суммы, уплаченные банку, но и суммы, уплаченные казначейству и Южной морской компании. Годичная сумма, уплачиваемая Южной морской компанией, равна в настоящее время 14.560 ф. ст. В 1797 г. она равнялась 14.657 ф. ст. Сумма, уплачиваемая казначейству, была равна в 1797 г. 6.760 ф. ст. 6 шил. 8 пенс., а к 1807 г. она постепенно упала до 2.485 ф. ст., и теперь, я полагаю, платеж казначейству на этот предмет совсем прекратился. Банк получал также, начиная с 1810 г., вознаграждение за выплату пожизненных платежей (по государственным бумагам), а с 1812 г. около 1.200 или 1.300 ф. в год за операции, связанные с 2½ млн. займом, выпущенным для Ост-Индской компании. Эти цифры не включены в настоящую таблицу.

II

Таблица показывает сумму, получавшуюся банком ежегодно с 1797 до 1815 г. за взимание налогов на займы¹⁾.

Г о д
(считая начало года с Ми-
хайлова дня—20 ноября)

1796	20.506	ф.	ст.	3	шил.	4	пенс.
1797	27.410	»	»	0	»	4	»

(Считая начало года с
5 января)

1799	16.115	»	»	6	»	8	»
1800	12.489	»	»	15	»	5	»
1801	39.080	»	»	17	»	11	»
1802	22.538	»	»	12	»	3	»
1803	9.669	»	»	10	»	0	»
1805	11.683	»	»	19	»	7	»
1806	18.130	»	»	16	»	3	»
1807	16.115	»	»	16	»	8	»
1808	12.650	»	»	18	»	7	»
1809	8.400	»	»	0	»	0	»
1810	11.680	»	»	0	»	0	»
1811	14.705	»	»	0	»	0	»
1812	19.031	»	»	14	»	0	»
1813	21.639	»	»	8	»	9	»
1814	42.200	»	»	0	»	0	»

III

Общая сумма непогашенного фундированного долга Великобритании и Ирландии, включая займы императору германскому и принцу-регенту португальскому, подлежащие оплате в Великобритании, на 1 февраля 1815 г. составляла согласно отчету, представленному парламенту:

Долг Ост-Индской К°	727.767.421	ф.	2	шил.	5 ³ / ₄	п.
	3.929.561	»	0	»	0	»
	731.696.982	ф.	2	шил.	5 ³ / ₄	п.

Долг по займам, заключенным за период с
1 февраля до 1 августа 1815 г.

87.448.402 » 16 » 0 »

Погашено с 1 февраля до 1 августа 1815 г.

11.099.166 » 0 » 0 »

76.349.236 ф. 16 ш. 0 п.

Общая сумма непогашенного фундирован-
ного долга на 1 августа 1815 г.

808.046.218 » 18 » 5³/₄ »

¹⁾ Таблица взята из отчета, представленного парламенту 19 июня 1815 г.

Платежи за управление этим долгом составляют:

	Сумма долга	Платежи за управление
Займы Южн. морск. комп. и за управл. которыми Южной морск. комп. уплач.	15.233.484 ф. 13 ш. 11 п.	14.560 ф. 4 ш. 11 п.
Долг Англ. банку . .	11.686.000 » 0 » 0 »	5.898 » 3 » 5 »
По 340 ф. с млн. . .	600.000.000 » 0 » 0 »	204.000 » 0 » 0 »
По 300 » » . .	181.126.734 » 4 » 6 $\frac{3}{4}$ »	54.338 » 0 » 5 »
	808.046.218 ф. 18 ш. 5 $\frac{3}{4}$ п.	
Пожизн. платежи (по гос. бумагам) . . .	2.795.340 » 0 » 0 »	899 » 5 » 0 »
За 1.589.435 ф. еже- годн. плат. 25-летн. сложности	39.735.898 » 6 » 8 »	11.920 » 15 » 4 *
	850.577.457 ф. 5 ш. 1 $\frac{3}{4}$ п.	291.616 ф. 9 ш. 7 п.
По вычете первой суммы, уплаченной Южн. морск. комп.		14.500 » 4 » 11 »
Получаем сумму, платимую Англ. банку за управление долгом, как он выражался на 1 авг. 1815 г.		277.056 ф. 4 ш. 8 п.

IV

Количество банкнот Английского банка, находившихся в обращении,
включая почтовые чеки (Bank Post Bills) по годам в среднем

Г о д ы	Банкноты в 5 ф. ст. и вы- ше, включая почтовые чеки	Банкноты ни- же 5 ф. ст.	Всего
1797	10.095.620	1.096.100	11.191.720
1798	11.527.250	1.807.502	13.334.752
1799	12.408.522	1.653.805	14.062.327
1800	13.598.666	2.243.266	15.841.932
1801	13.454.367	2.715.182	16.169.594
1802	13.917.977	3.136.477	17.054.454
1803	12.983.477	3.864.045	16.847.522
1804	12.621.348	4.723.672	17.345.020
1805	12.697.352	4.544.580	17.241.932
1806	12.844.170	4.291.230	17.135.400
1807	13.221.988	4.183.013	17.405.001
1808	13.402.160	4.132.420	17.534.583

Г о д н	Банкноты в 5 ф. ст. и вы- ше, включая почтовые чеки	Банкноты ни- же 5 ф. ст.	Всего
1809	14.133.615	4.868.275	19.001.890
1810	16.085.522	6.644.763	22.730.285
1811	16.286.950	7.260.575	23.547.525
1812	15.862.120	7.600.000	23.462.120
1813	16.057.900	8.030.000	24.087.900
1814	18.540.780	9.300.000	27.840.780
1815	18.157.956	9.161.454	27.319.410

V

(Подробные таблицы состояния счетов выпущены)

VI

Резолюция об Английском банке, внесенная Гренфелем

1. Как, повидимому, установлено, государством было уплачено Английскому банку за управление государственным долгом, включая плату за собираемые банком налоги с займов и лотереей, за год, закончившийся с июля 1792 г., 99.803 ф. 12 шил. 5 пенс.; а за те же услуги за год, закончившийся 5 апреля 1815 г., ему уплачено 281.568 ф. 6 шил. 11 $\frac{1}{4}$ пенс., что составляет увеличение на 181.764 ф. 14 шил. 6 $\frac{1}{4}$ пенс. В добавление к этой сумме Английский банк взимал вознаграждение из расчета 1.250 ф. с миллиона с суммы подоходного налога, поступавшего в банк с доходов от либеральных профессий, торговли и государственных должностей.

2. Общая сумма банкнот и почтовых чеков (Bank Post Bills), находившихся в обращении в 1795 и 1796 гг. (последний год был годом, предшествовавшим преиращению размена банкнот) и в 1814 г. равнялась:

в 1795 г. 1 февр.	Ф. 12.735.520	и 1 авг.	Ф. 11.211.000
» 1796 » »	10.784.740	» » »	9.856.110
» 1814 » »	25.154.950	» » »	28.802.450

3. В настоящее время, как и в течение многих прошедших лет, в особенности с 1806 г., значительные суммы казенных денег, составляющих совокупно в среднем постоянный баланс, достигающий многих миллионов, были внесены в качестве вкладов или помещены на иных основаниях на хранение в Английском банке, действующем в этом отношении в качестве государственного банкира.

4. Из отчета «Комитета по делам государственных расходов соединенного королевства», который постановлено было опубликовать 10 августа 1807 г., явствует, что совокупная сумма счетов и вкладов казенных денег, находящихся в Английском банке, включая банкноты, внесенные в казначейство, на четыре даты, относящиеся к кварталу, оканчивающемуся 5 января 1807 г., колебалась между суммами в Ф. 11.461.200 и Ф. 12.198.236 (включая банкноты, внесенные вкладовые казначейства), или 8.178.536

и 9.918.400 (исключая банкноты, внесенные в казначейство. См. отчет стр. 74 и 75).

5. Общая сумма этих вкладов, вместе с казначейскими билетами и банкнотами, внесенными в кассы четырех сборщиков казначейства, составляла в среднем в 1814 г. ф. 11.966.371, включая банкноты, внесенные в казначейство в размере 642.264, или 11.324.107, исключая банкноты, внесенные в казначейство.

6. Эта совокупная сумма вкладов, вместе с той частью банкнот и почтовых чеков в обращении, которая могла быть помещена банком в ценные бумаги, приносящие процент, приносила в течение того же периода Английскому банку процент и прибыль.

7. Единственное участие, осуществленное до сих пор с 1806 г. государством в прибылях, полученных от этих вкладов банком, выражалось 1) в трехпроцентном трехмиллионном займе, предоставленном банком государству, согласно акту 46 Георга III гл. 41; этот заем был погашен в декабре 1814 г., и 2) в другом трехмиллионном беспроцентном займе, сделанном банком государству на основании 48 Георга III гл. 3 и подлежавшем оплате в декабре 1814 г., но отсроченном по постановлению нынешней сессии парламента (гл. 16) до 5 апреля 1816 г.

8. Палата общин обратит в ближайшее время внимание на выгоды, извлекаемые банком как из управления государственным долгом, так и из общей суммы государственных денег, остающихся в его руках, с тем, чтобы по истечении срока существующего договора были установлены порядки, которые находились бы в соответствии как со справедливыми интересами государства, так и с правами, кредитоспособностью и устойчивостью Английского банка».

13 июня 1815 г.

VII

Резолюция об Английском банке, предложенная Меллишем

1. В силу постановления 31 Георга III гл. 33 Английскому банку было определено вознаграждение за управление государственным долгом в размере 450 ф. с миллиона—с сумм, переданных банку, что составило за год, заканчивающийся 5 июля 1792 г., 98.803 ф. 12 шил. 5 пенс. с капитала около 219.596.000 ф. переданного тогда банку; в силу Акта 48 Георга III гл. 4 это вознаграждение было уменьшено до 340 ф. с миллиона со всех сумм не выше 600 миллионов и до 300 ф. с миллиона со всех сумм выше 600 миллионов, на основании чего банку причиталось за год, закончившийся 5 апреля 1815 г., 241.971 ф. 4 шил. 2½ пенс. с капитала около 726.570.700 ф. и 798 ф. 3 ш. 7 п. с 2.374.588 ф., 3% покизненной ренты, что дает увеличение на 143.965 ф. 15 шил. 4½ пенс. платы за управление при возрастании основного капитала на 509.322 тыс. ф. Кроме того, банку причиталось 1.000 ф. за взимание налогов с лотерей на сумму в 812.500 ф. за год, закончившийся 5 июля 1792 г., и 38.798 ф. 19 шил. 2 пенс. за взимание налогов с займов и лотерей на сумму 46.585.533 ф. 6 шил. 8 пенс. за год, закончившийся 5 апреля 1815 г.

2. На основании постановления 46 Георга III гл. 65 банк, начиная с 1806 г. и до настоящего времени, исчисляя подоходный налог, причитавшийся с владельцем всего фундированного долга, порученного управлению Английского банка, и удерживал этот налог с каждой облигации, число которых за год, закончившийся 5 апреля 1815 г. достигло 565 тыс. ф., причем за эти услуги банк не взимал никакой платы с государства. В соответствии с указанным постановлением взыскиванные таким образом суммы налога зачислялись время от времени «в кредит счета комиссаров казны за счет указанных налогов», вместе с другими суммами, полученными от государства в силу указанного постановления, причем часть

этих денег идет на уплату вознаграждения банку, а остаток поступает в казначейство.

В силу указанного постановления лорды комиссары казначейства установили в пользу Английского банка ежегодное вознаграждение в размере 1.250 ф. с миллиона с сумм, помещаемых таким образом банком на кредит счета комиссаров казначейства,—за взимание, выплату и ведение отчетности по этим суммам, причем это вознаграждение ни за один год не достигло 3.480 ф. и в среднем за восемь лет составляло только 3.154 ф.

Сумма налогов, поступивших за год, закончившийся 5 апреля 1814 г., равнялась 2.784.343 ф.; если бы взимание этой суммы производилось обычным путем (через сборщиков) за вознаграждение в 5 пенсов с фунта, то оно обошлось бы государству в 58.007 ф., а стоимость собирания налогов в сумме 20.188.293 ф., составляющих всю сумму налога, поступившую с 1806 по 1814 г., за которую банком былодержано причитающееся ему вознаграждение, из этого же расчета составила бы 420.589 ф.

Так как все деньги, поступающие в банк в счет налогов с имущества, вносятся в казначейство немедленно после их поступления, то по сравнению с обычным порядком поступления этих денег в казначейство государство оказывается в барыше, который по справедливости можно оценить в 2%, что с суммы налогов за год, закончившийся 5 апреля 1814 г., составляет 55.686 ф., а со всей суммы их с 1806 по 1814 г.—403.765 ф.

3. Общая сумма банкнот и почтовых чеков (Bank Post Bills), находившихся в обращении в 1795 и 1796 гг. (последний год является годом предшествующим прекращению размена банкнот) и 1814 г. составляла:

в 1795 1 февраля Ф.	12.735.520,	а 1 августа Ф.	11.214.000
« 1796 1 »	» 10.784.740,	» 1 »	9.856.110
« 1814 1 »	» 25.154.950,	» 1 »	28.802.450

4. В настоящее время и в течение многих предыдущих лет как перед, так и после возобновления привилегии банка, значительные суммы казенных денег были депонированы или на иных основаниях помещены на хранение управляющего и компаний Английского банка, действующих в этом отношении в качестве банкиров государства. Средние балансы этих депозитов как перед, так и после возобновления привилегии банка, составляли:

Балансы счетов казны в среднем за один год, закончившийся 15 января 1800 г.	Ф. 1.724.747
Невостребованные дивиденды в среднем за один год, закончившийся 1 января 1800	837.966
	Ф. 2.562.713
Балансы счетов казны в среднем за 8 лет, с 1807 по 1815 г.	Ф. 4.375.405
Невостребованные дивиденды за это же время .	Ф. 634.614
	Ф. 5.010.019

5. Из отчета «Комитета по делам государственных расходов Соединенного королевства», предназначенного к опубликованию 10 августа 1807 г., яствует, что общая сумма счетов и вкладов казенных денег в Английском банке, включая банкноты, внесенные в казначейство на четыре различных даты квартала, окончившегося 5 января 1807 г., колебалась между суммами в 11.461.200 ф. и 12.198.236 ф., или, исключая банкноты, внесенные в казначейство, колебалась между 8.178.536 ф. и 9.948.400 ф.; однако оснований для такого исключения, повидимому, нет,

так как согласно постановлению Георга III гл. 3 счетчики казначейства уполномочены принимать в качестве обеспечения за помещенные деньги либо казначайские билеты, либо банкноты управляющего и компании Английского банка. Из отчетов, представленных в палату общин в нынешнюю сессию парламента, также известует, что совокупная сумма этих вкладов вместе с казначайскими билетами и банкнотами, внесенными в кассы четырех счетчиков казначейства, составляла в среднем за 1814 г. ф. 11.966.371—в том числе банкнот, внесенных в казначейство на сумму 642.264 ф., а стало быть, исключая эти банкноты—ф. 11.324.107.

6. Из представленных в палату общин отчетов следует, далее, что средняя сумма казенных денег, находившихся в руках Английского банка с февраля 1807 г. по февраль 1815 г., составляла 5.010.019 ф., и что средняя сумма векселей и банкнот, внесенных в кассы четырех счетчиков казначейства с августа 1807 по апрель 1815 г., равнялась 5.968.793 ф., что составляет всего 10.978.812 ф., т.-е. на 850.906 ф. меньше, чем средняя сумма этих счетов за год, закончившийся 5 января 1807 г., согласно отчету Комитета о государственных расходах.

7. На основании акта 39 и 40 Георга III гл. 28, продливших привилегию банка на 21 год, банк авансировал государству 3 млн. на 6 лет без процентов и продлил заем в 11.686.800 ф. на 21 год из 3% годовых, во внимание к привилегиям, прибылям и выгодам, предоставленным банку благодаря такому продлению его хартии:

Проценты на 3.000.000 ф. за 6 лет из 5%	Ф. 900.000
годовых составляют	

Разница между 3 и 5% на 11.686.800 ф.	Ф. 4.908.456
составляют 233.736 ф. в год, что за 21 год со-	
ставит	

Платеж по упомянутому займу в 3.000.000 ф.	Ф. 520.000
был отсрочен с 1806 г., когда он подлежал оплате,	
до 1814 г. из 3%, вследствие чего государство	
имело 2% выгоды, т.-е. 60.000 ф. в год, или	
за 8 лет и 8 месяцев всего	

В 1 ^{го} 1808 г. банк авансировал государству	Ф. 1.200.000
3.000.000 без процентов, этот аванс был про-	
длен в силу постановления нынешней сессии	
парламента без процентов до 5 апреля 1816 г.,	
проценты с этого аванса из 5% годовых за 8 лет	
составили бы	

8. Актами 39 и 40 Георга III гл. 28 секц. 13 установлено, что на протяжении срока действия привилегии банк будет пользоваться всеми преимуществами прибылями, доходами, вознаграждениями и прочими выгодами, какими он обладает и пользуется в данное время при совершении им каких-либо операций с государством или для него.

До возобновления этой хартии банк являлся банкиром государства, храни у себя наличность всех главных департаментов, принимая на себя получение государственных доходов и производя платежи по расходам казны.

Средняя сумма казенных денег, находив- шихся в Английском банке между 1 февраля 1814 г. и 15 января 1815 г. по счетам, открытым в банке до возобновления его привилегии 28 марта 1800 г., составляла	Ф. 4.837.025
--	--------------

Невостребованные дивиденды в среднем за один год, закончившийся 1 января 1815 г. Ф. 779.794

Ф. 5.116.819

Средняя сумма казенных денег, находившихся в руках банка за этот же период по счетам, открытым в банке между 28 марта 1800 г. и 27 февраля 1808 г., составляла Ф. 370.018

Средняя сумма казенных денег, находившихся в руках банка за тот же период по счетам, открытым в банке после 27 февраля 1803 г., составляла Ф. 261.162

9. Когда истечет срок настоящему договору между государством и банком, может быть уместным обсудить выгоды, извлекаемые банком из его сделок с государством, с целью установления условий, которые соответствовали бы принципам справедливости и добропорядочности, каковые должны господствовать во всех сделках между государством и Английским банком.

26 июня 1815 г.

— { * } —

ИЗДАТЕЛЬСТВО МК ВКП (б) и МОССОВЕТА
МОСКОВСКИЙ РАБОЧИЙ
МОСКВА, ЦЕНТР, КУЗНЕЦКИЙ МОСТ, 7.

* }————— { * }————— { *

С О Ч И Н Е Н И Я
П О Л Я Л А Ф А Р Г А.

ПРОИСХОЖДЕНИЕ И РАЗВИТИЕ СОБСТВЕННОСТИ.

Коммунистическая диссертация. Перевод Давыдовой с французского изд. 1895 г. Деляграв-Париж. Под ред. С. Шевердина. 2-е изд. 191 стр. 1 р. 20 к.

Автор — сподвижник Маркса во Франции, один из крупнейших теоретиков марксизма. Содержание: Формы современной (капиталистической) собственности. Первобытный коммунизм. Коллективизм семьи, связанной кровным родством. Феодальная собственность. Буржуазная собственность. Приложения: 1. Примечания. 2. Афоризмы Ля-фарга. 3. Объяснение малоупотребительных слов. — Книга, написанная в 90-х гг. XIX в., устарела с точки зрения революционного марксизма в некоторых местах, критически освещенных в предисловии редактора.

ОЧЕРКИ ПО ИСТОРИИ КУЛЬТУРЫ.

Перевод под. ред. С. Шевердина. 2-е изд. 248 стр. 1 р. 45 к.

Очерки из истор. брачных отношений, религиозных обрядов и мифов, и т. п. Содержание: Матриархат. Свадебные песни и обычай. — Происхождение собственности в Греции. Мифы: О Промете; О Пандоре; Об Адаме и Еве; О непорочном зачатии. Обрезание. Супружеская неверность. Приложены примечания, афоризмы, словарик. — Некоторые из глав были выпущены отдельными книжками.

* }————— { * }————— { *

ИЗДАТЕЛЬСТВО МК ВКП (б) и МОССОВЕТА
МОСКОВСКИЙ РАБОЧИЙ

МОСКВА, ЦЕНТР, КУЗНЕЦКИЙ МОСТ, 7.

* }————— { * }————— { *

Ф И Л О С О Ф И Я

СПИНОЗА, Б.—Принципы философии Декарта.

Перевод с латинского, с пред. Г. С. Тымянского. 104 стр.
1 р. 75 к. (Труды Ин-та красной профессуры. Секция
философии. Под общей ред. А. М. Деборина).

Две работы о Декарте: «Принципы философии Декарта» и «Метафизические мысли»,
написанные Спинозой в форме геометрического учебника для одного из учеников. Статья современника Спинозы, Л. Мейера, о различии взглядов Декарта и Спинозы. В предисловии — об элементах материализма в учении обоих философов.

ТАНХИЛЕВИЧ, О.—Эпикур и эпикуреизм.

147 стр. 2 р. (Труды Ин-та красной профессуры. Философская серия. Под ред. А. М. Деборина).

Историко-философская монография об Эпикуре, его времени, основах его философии, его последователях. Эпикуреизм в римской философии и во Франции в XVII—XVIII в. в. Эпикуреизм и революционный материализм (был ли Эпикур атеистом, монистом, материалистом). В конце прилож. библиография.

* }————— { * }————— { *

ИЗДАТЕЛЬСТВО МК ВКП (б) и МОССОВЕТА
МОСКОВСКИЙ РАБОЧИЙ
МОСКВА, ЦЕНТР, КУЗНЕЦКИЙ МОСТ, 7.

* }————— { * }————— { *

ЧУЧМАРЕВ, Владимир. — Материализм Спинозы.

132 стр. 1 р. 20 к.

Биографическая справка. Тожество «бога», природы и протяженной субстанции, как исходный пункт атеизма Спинозы. Извечность существования природы и механическая причинность. Теория познания. Антропологический материализм Чернышевского — отражение взглядов Спинозы. Влияние Спинозы на материалистов XVIII—XIX вв. Текст отлучения Спинозы. Разбор статьи Л. Аксельрод.

АЛЬТЕР, И. М. — Философия Гольбаха.

281 стр. 3 р. 50 к.

Биография. Философия Гольбаха как проявление самосознания поднимающейся крупной буржуазии во Франции XVIII века. Догматический характер ее материализма, чуждый идеи диалектического развития. Этика, политика и религия по Гольбаху. Значение его философии для современности. Библиография. Для подгот. читателя.

* }————— { * }————— { *

ИЗДАТЕЛЬСТВО МК ВКП (б) и МОССОВЕТА
МОСКОВСКИЙ РАБОЧИЙ
МОСКВА, ЦЕНТР, КУЗНЕЦКИЙ МОСТ, 7.
* }————— { * }————— { *

ДЕБОРИН, А. — Книга для чтения по истории философии,
т. II. 688 стр. 5 р.

Сенсуализм и материализм во Франции XVIII в. Классич. нем. идеализм. Утописты. Левые гегельянцы и Фейербах. Позитивизм. Естест. научный материализм. Утилитаризм. Дарвинизм и эволюционизм. Рус. радикальная философия XIX в. Примечания. Отрывки из произведений мыслителей, подготовивших элементы для выработки диалектич. мат-зма. Трудная книга.

Для ВУЗ-ов и угл. работы.

————— { * }—————

ЛЮКСЕМБУРГ, Роза.

Избранные сочинения. Т. I. Против реформизма. Ч. I. Под ред. и со введ. Пауля Фрелиха. 256 стр. 2 р. 75 к.

Перевод III тома собрания сочинений Р. Люксембург, выпущенного на нем. языке под ред. П. Фрелиха и в настоящем русском изд., под ред. Ш. Дволяцкого и Е. Малецкого. Содержит работы, касающиеся борьбы с реформизмом, за период с 90-х гг. до 1912 г. I. «Социальная реформа или революция» (брошюра, вышедшая 1-м изданием в 1900 г., направленная против трудов вождя германских реформистов Эд. Бернштейна). II. «Проблемы реформизма и дебаты». (Важнейшие статьи и речи, связанные с дебатами, начавшимися на парт. съездах в 1898 и 1900 гг.)

* }————— { * }————— { *